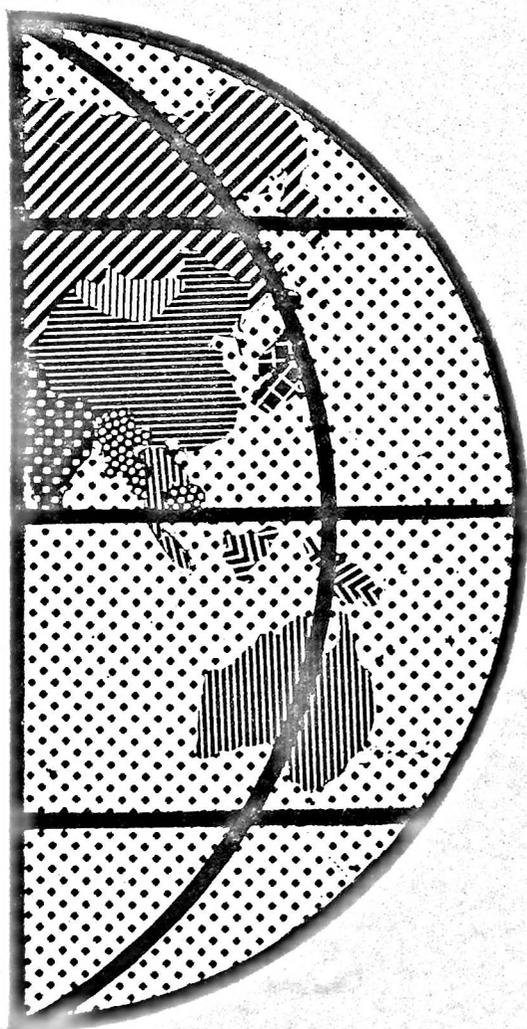


# ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА



Речь М. С. Горбачева  
во Владивостоке

«Неоглобализм» — источник  
международной  
напряженности

Американо-китайские  
отношения

Эволюция идей  
тихоокеанского  
сотрудничества

Экономическая реформа  
в городах Китая

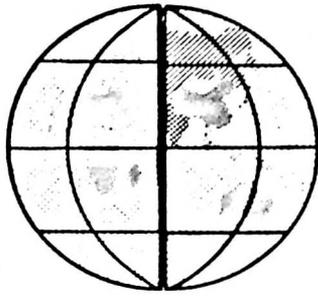
Исследование  
китайской литературы  
в СССР

О восточной  
физической культуре

ИНСТИТУТ  
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА  
АН СССР

4/86

157127



# ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/86

4 [60] 1986  
Издается с 1972 г.

Научный общественно-политический журнал,  
выходит четыре раза в год на русском,  
английском, японском и испанском языках

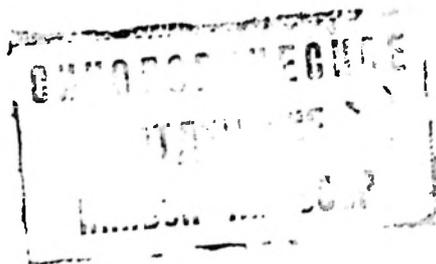
## СОДЕРЖАНИЕ

	Речь товарища Горбачева М. С. на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина	3
	ПЕРЕДОВАЯ. «Неоглобализм» — источник напряженности в Азии и во всем мире	22
ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА	<i>В. В. АЛЕКСАНДРОВ, В. Н. АРСЕНЬЕВ.</i> СССР — Япония: тридцать лет спустя (К 30-летию восстановления советско-японских дипломатических отношений)	34
	<i>Б. Н. ЗАНЕГИН.</i> Американский империализм и Китай	45
	<i>А. О. БОГОМОЛОВ.</i> Эволюция идей тихоокеанского сотрудничества	58
	<i>Д. В. ПЕТРОВ.</i> Военно-блоковая политика империализма в азиатско-тихоокеанском регионе	71
Экономическая реформа в КНР	<i>А. В. ОСТРОВСКИЙ.</i> Хозяйственная перестройка в городах Китая	83
ИСТОРИЯ Борцы за народное дело	<i>И. Е. ПОЖИЛОВ.</i> Полководец Чжу Дэ: ранний период деятельности	91
Из истории китайского революционного движения	<i>М. Ф. ЮРЬЕВ.</i> Великий поход Красной армии Китая (К 50-летию со времени завершения)	101
НАУКА И КУЛЬТУРА Философия	<i>В. Г. БУРОВ.</i> Пропаганда марксистской философии в Китае в 30—40-х гг.	113
Литература	<i>Н. Т. ФЕДОРЕНКО.</i> Исследование и переводы китайской литературы в СССР	121
Научные и культурные связи	<i>С. Р. БЕЛОНСОВ.</i> Советская Россия глазами очевидца: очерки Цзоу Таофэня	130
ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ	<i>Б. Н. БАСОВ.</i> Перестройка структуры управления предприятиями в Китае	138
ОБЗОРЫ. СООБЩЕНИЯ	<i>П. М. КОЖИН.</i> Государство и религиозные организации в Китае	141
НАРОДЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ	<i>Л. В. ШЕЛКИНА, А. Г. ШЕЛКИН.</i> О восточной физической культуре (Некоторые аспекты мировоззрения)	150

**КНИЖНОЕ  
ОБОЗРЕНИЕ**

<i>В. В. АРУНОВ.</i> Политика США в Китае и советская дипломатия	160
<i>Е. Ф. КОВАЛЕВ, А. П. ШУРЫГИН.</i> Новая книга о выдающемся путешественнике	162
<i>О. Л. ОСТРОУХОВ.</i> Япония и страны АТР	164
<i>Б. И. АНДРЕЕВ, В. И. ОСИПОВ.</i> Сеул в путях неоколониализма	167
<i>Ю. М. РЯКИН.</i> Крах полпотовского «эксперимента»	169
<i>В. С. МЯСНИКОВ.</i> Энциклопедия средневековой Японии	172
<i>Ю. Г. ЖАРКИХ.</i> Общественность Филиппин против военных баз США	175
<i>Н. С. НИКОЛАЕВА.</i> Панорама японского искусства	177
Конференция в Институте востоковедения АН СССР	180
Конференция по проблемам китайского языка	182
На XXX Европейской конференции китаеведения	183
Содержание за 1986 г.	188

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**



Адрес редакции: Москва, 117846  
ул. Красикова, 27  
тел. 124-09-04

© «Проблемы  
Дальнего Востока»,  
1986

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

*В. А. АРХИПОВ* (и. о. главного редактора),  
*Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ.*  
*Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ* (зам. главного редактора),  
*М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ,*  
*В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН,*  
*Б. В. САГАРЕВ* (отв. секретарь), *А. И. СЕНАТОРОВ,*  
*В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИН-*  
*СКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО*

**Речь товарища  
Горбачева М. С.  
на торжественном  
собрании,  
посвященном вручению  
Владивостоку  
ордена Ленина**

Дорогие товарищи!

У меня давно было намерение побывать на Дальнем Востоке. И дело не только в том, что человека влечет в края, где он не был, интерес к тому, что еще не видел. Без знакомства с вашим огромным и прекрасным краем не может быть полным само представление о Родине, ее истории, сегодняшнем дне и будущем.

Дальний Восток всегда связывается в нашем сознании с необъятными просторами Страны Советов — от Балтики и Черного моря до Тихого океана, с мужеством, трудолюбием и стойкостью людей, обживавших и защищавших эту землю, с новизной и масштабностью сегодняшних дел. С особой теплотой Владимир Ильич Ленин назвал город Владивосток городом «нашенским».

В народной памяти навсегда останется подвиг наших соотечественников — первых землепроходцев, проложивших дорогу к Тихому океану. Никогда не забудутся штурмовые ночи Спасска и волочаевские дни, энергичное освоение края в годы первых пятилеток, ратный труд пограничников на этих священных для нас рубежах. Вечно будут жить в памяти народной храбрость и отвага дальневосточных дивизий и тихоокеанских моряков, сражавшихся под Москвой и Сталинградом, в завершающих битвах второй мировой войны на Востоке.

История не бывает безымянной. Дальний Восток — это мужественные образы Дежнева, Хабарова, Невельского. Дальний Восток — это славные имена Лазо и Постышева, Суханова и братьев Сибирцевых, Бонивура и Часовитина, Блюхера и Уборевича. Среди тех, кто сегодня увлекает своим примером других, хотел бы назвать ветерана партии, участника гражданской войны Ивана Андреевича Чупрынина, капитана рыбодобывающих судов, Героя Социалистического Труда Юрия Петровича Волкова, бригадира судокорпусников, Героя Социалистического Труда Анатолия Андреевича Белова, бригадира отделочников, кандидата в члены ЦК КПСС Галину Владимировну Меркулову, народного учителя СССР Николая Николаевича Дубинина.

Дальневосточный край, воспетый Арсеньевым и Фадеевым, всегда был и останется краем, близким сердцу советского человека. И я рад возможности побывать в Приморье, познакомиться с вашей жизнью и трудом, с тем, что делается на этой земле сегодня и будет делаться завтра. Тем более, что Дальнему Востоку, как и Сибири, в планах, определенных XXVII съездом КПСС, отводится особое место.

В эти дни у меня состоялось немало деловых и интересных встреч, как запланированных, так и незапланированных, на предприятиях, судах, в институтах, наконец, на улицах и площадях. Должен сказать, что это были встречи нужные, открытые, дружеские. Разговор обо всем шел, как говорится, начистоту. Так и должно быть, когда речь идет о делах. Тем более о делах нынешних, связанных с перестройкой.

Что касается нашей сегодняшней встречи, то она происходит по очень торжественному случаю — вручению городу Владивостоку орде-

на Ленина. Этой высшей награды Владивосток удостоен за успехи трудящихся города в хозяйственном и культурном строительстве, за большой вклад в развитие экономики Дальнего Востока. С большим удовлетворением выполняю поручение Центрального Комитета нашей партии и Президиума Верховного Совета СССР. (Под аплодисменты собравшихся М. С. Горбачев прикрепляет орден к знамени города).

От души поздравляю вас, всех жителей теперь дважды орденоносного Владивостока! Орден Ленина на вашем знамени — награда заслуженная, в ней — самоотверженность и напряженный труд замечательных людей прекрасного города — моряков, судостроителей и рыбаков, машиностроителей и энергетиков, строителей и транспортников, ученых, врачей и педагогов, ветеранов и молодежи. Эту честь по праву разделяют пограничники, воины Дальневосточного военного округа и Краснознаменного Тихоокеанского флота. Она венчает славные свершения многих поколений, немало сделавших для того, чтобы освоить, защитить и преобразить своим трудом тихоокеанское побережье страны.

Нынешний Владивосток — это современный индустриальный, культурный и научный центр, крупный порт, душа и сердце Советского Приморья, один из примечательнейших городов страны. Пусть награда Родины станет для вас источником нового вдохновения.

Примите поздравления Центрального Комитета партии, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства, пожелания успехов в труде, новых замечательных свершений в жизни города, трудовых коллективов, каждой семьи.

Товарищи!

Прошло немногим более года после апрельского Пленума ЦК, почти пять месяцев после завершения работы XXVII съезда партии. Все это время насыщено активными поисками новых подходов к решению назревших в советском обществе проблем. Оно отмечено принципиальными оценками как сделанного, так и упущенного.

Сейчас мы располагаем развернутой программой действий по ускорению социально-экономического развития страны на длительную перспективу. Такой, которая учитывает и наши собственные устремления, и важнейшие тенденции мирового развития. Есть и необходимая детализация этой программы — Государственный план на двенадцатую пятилетку, разработанный в ходе глубокого анализа состояния дел, поиска резервов, путей и методов динамичного развития советского общества.

Настала пора спрашивать с самих себя за осуществление намеченного. Спрашивать по самому большому счету, без поблажек. Сейчас уже подведены итоги работы народного хозяйства в первой половине этого года. Они свидетельствуют, что начавшиеся позитивные сдвиги в экономике, хотя и не везде в одинаковой мере, набирают силу. Нам удалось придать больший динамизм хозяйственным процессам, повысить темпы роста производства, производительность труда. Начали сказываться меры по улучшению положения в машиностроении, топливно-энергетическом и агропромышленном комплексах, черной металлургии, химии и нефтехимии и в некоторых других отраслях.

Лучше решались и социальные задачи. Сдано в эксплуатацию больше жилья, увеличился ввод объектов социально-культурного назначения. Там, где разворотливо и энергично работают местные органы, улучшилось снабжение населения продуктами питания, промышленными товарами, бытовое обслуживание. Такие сдвиги можно только приветствовать.

Но будем говорить, товарищи, прямо: радующие и обнадеживающие нас сдвиги получены прежде всего в результате мер по укреплению

трудо­вой, государственной и плановой дисциплины. Более требова­тельно подошли к составлению и выполнению планов, наведению по­рядка в делах, лучше стали трудиться, потеснили пьянство — и по­ложительные итоги уже налицо.

Но при общих благополучных показателях полугодия в некоторых отраслях темпы роста в мае — июне снизились, ряд министерств не справился с планом. Продолжают сильно мешать неритмичность про­изводства, недостаточно эффективное использование того, чем мы рас­полагаем, не произошло заметных изменений к лучшему в качестве продукции. А это, вы знаете, наша с вами общая беда.

Все это позволяет сделать вполне определенный вывод: качествен­ных перемен, которые действительно закрепили бы тенденцию ускорен­ного роста, еще в стране не произошло. Думаю, вы понимаете и согла­ситесь, что этого не могло произойти, учитывая, что важнейшие меро­приятия экономического, социального, организационного и идеологиче­ского, да и иного характера только начинают осуществляться и дать немедленного эффекта, разумеется, они не в состоянии. Следовательно, и повышение темпов роста народного хозяйства не носит, да, пожалуй, и не может пока, как я уже сказал, носить устойчивого характера.

Значит, недопустимо сейчас впадать в любую из двух крайностей. Наввно — и вредно — полагать, будто, коль скоро в экономике по­казатели повысились, перестройка нашей деятельности уже разверну­лась вовсю и идет повсеместно вперед полным ходом. Положение об­стоит еще далеко не так, в целом ряде регионов страны и отраслей пока только говорят о перестройке, но с места ее не двигают.

Но в равной мере недопустимо и пассивность перед трудностями пере­стройки, перед сопротивлением или равнодушием тех, кто привык жить по инерции, работать по-старому. На XXVII съезде справедливо под­черкивалось: мы начинаем непростое дело, ставим себе реалистиче­ские, но трудные цели, достижение которых возможно при условии не­прерывной учебы у жизни, постоянного осмысления ее опыта, уроков, новых моментов.

По существу мы еще только разворачиваем эту работу: в чем-то успешно, а в чем-то не очень. Чем дальше, тем яснее становится, на­сколько это сложная задача, насколько велик объем предстоящих нам дел. Но отступать мы не можем и не будем, альтернатив стратегии ускорения просто нет. Говорить об этом приходилось уже неоднократно, хочу подтвердить это снова у вас во Владивостоке.

Речь идет, конечно, не о том, чтобы, понукая или уговаривая людей, побудить их действовать вопреки законам общественного развития либо пытаться как-то обойти, «обхитрить» эти законы, реально суще­ствующие условия. Партия, Центральный Комитет, проводя курс на перестройку, исходят из другого: из необходимости глубже и опера­тивнее познавать эти законы, умело учитывать их в нашей деятельно­сти, из насущной потребности убрать все искусственно созданные на этих путях преграды и завалы.

Осязаемые, объективные результаты первого полугодия пятилетки свидетельствуют о поддержке советским народом курса на ускорение. поддержке самой ценной — поддержке делом.

Здесь, во Владивостоке, как и везде, мне приходится бывать при исполнении, скажем так, новых своих обязанностей, и я задаю один и тот же вопрос: все ли ясно относительно политики, которую выраба­тала партия и предложила народу, есть ли у кого какие сомнения? Я с удовольствием услышал также и здесь, на дальневосточной земле, горячую поддержку и одобрение политики партии, проводимой в инте­ресах народа, в интересах всех советских людей, каждой семьи, в ин­тересах будущего страны. Эту поддержку, этот настрой нашего народа на борьбу, на преодоление трудностей важно с максимальной отдачей. с наибольшим эффектом направить на решение задач, поставленных

XXVII съездом КПСС. С этой позиции хотел бы, товарищи, затронуть некоторые вопросы развития Дальнего Востока, посоветоваться, а может быть, я бы сказал, продолжить совет, который я держу третий день с вами, дальневосточниками, как нам быстрее преобразовать этот край, обратить на службу советскому народу его богатства, лучше и полнее удовлетворять потребности живущих здесь людей.

Дальний Восток по традиции называют форпостом страны на Тихом океане. Это, безусловно, верно. Но сегодня такой взгляд уже нельзя признать достаточным. Приморье, Дальний Восток надо превратить в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс.

Вижу, что вы созрели для того, чтобы взяться за решение этой задачи. И думаю, может быть, вы, кто здесь прожил годы и десятилетия, даже лучше знаете, что это нелегкий труд — масштабное освоение Дальнего Востока. Но, раз вы так горячо приветствуете сказанное, значит, уверены, что сейчас нам эта задача по плечу. Реальные предпосылки для этого — все то, что сделано в предшествующие годы. Тут сформирован крупный научно-производственный потенциал. Построены крупнейшие предприятия, представляющие все отрасли индустрии, введены в строй горнодобывающие объекты, электростанции, новые железные дороги, паромные переправы и порты. Мелрирированы сотни тысяч гектаров земель. Создан Дальневосточный научный центр Академии наук СССР с сетью институтов. Выросли квалифицированные, современные кадры рабочих и специалистов.

В результате объем промышленного производства за два десятилетия почти утроился, более чем в полтора раза увеличена продукция сельского хозяйства. Сегодня Дальний Восток дает 40 процентов всей добычи рыбы в стране. За последние четыре пятилетки построено 62 миллиона квадратных метров жилья, что равнозначно возведению примерно семи таких городов, как Владивосток. Хотя прирост трудовых ресурсов все еще недостаточен, тем не менее численность населения увеличилась за прошедшие 20 лет в 1,4 раза. В общем, экономика страны широко вышла к Тихому океану.

Однако в свете политики ускорения, с позиций XXVII съезда мы должны поставить вопрос прямо и остро: соответствует ли экономическое и социальное развитие, уровень работы научных учреждений и масштабы исследований на Дальнем Востоке его возрастающей роли, новым задачам, выдвинутым партией? Достаточно ли эффективно используется созданный тут потенциал?

Стратегический курс на ускорение социально-экономического развития требует осуществления и новой региональной политики. Видное место в ней партия уделяет приоритетному развитию восточных районов. В этой связи мы обязаны внимательно посмотреть и на перспективы экономики Дальнего Востока. Причем сделать это предстоит быстро, учитывая особую значимость региона.

Осуществить это незамедлительно важно и потому, что экономика Дальнего Востока стала развиваться медленнее, чем все народное хозяйство страны. А казалось бы, должно было быть наоборот. Как следствие, доля региона в общесоюзном производстве не только не увеличивается, а даже сокращается. Усилилось отставание в решении социальных проблем, особенно в строительстве жилья. На улицах я много услышал по этому вопросу высказываний и пожеланий в адрес Центрального Комитета партии, Советского правительства, и эти высказывания — справедливые.

Нельзя сказать, что развитию Дальнего Востока не уделялось внимания. За последние годы ЦК и Совет Министров СССР принимали меры, которыми определены задачи по подъему энергетики, цветной и черной металлургии, угольной промышленности, дальнейшему развитию рыбного и лесного хозяйства, деревопереработки, транспорта и

других отраслей хозяйства, по увеличению производства риса и сои, по переустройству села и улучшению дел в сфере культуры. Однако многое из намеченного, к сожалению, выполняется плохо.

В этом нашло свое отражение непонимание роли и значения экономики Дальнего Востока, а в конечном итоге — политическая недалекость некоторых ответственных работников Госплана и Госснаба СССР, министерств цветной металлургии, угольной промышленности, энергетики и электрификации, ряда других ведомств. Значительную и немалую долю вины несут республиканские и местные органы.

Предстоит коренным образом поправить положение, перейти от замедления темпов роста к их ускорению, от преобладания экстенсивных факторов к всемерной интенсификации на базе научно-технического прогресса. Важно сжать время решения проблем, резко увеличив вклад Дальнего Востока в экономический потенциал страны. А это, прежде всего, требует опережающего роста уровня жизни дальневосточников, существенного улучшения условий труда, обеспечения жильем, снабжения продовольственными и промышленными товарами, развития всей социальной сферы. Явно она отстала. Именно она сказывается на закреплении людей и, в конечном счете, на темпах развития Дальнего Востока.

Сейчас стоит вопрос о выработке концепции долговременного развития Дальнего Востока в рамках единой государственной региональной политики. Конкретно такая концепция, наверное, должна быть воплощена в комплексной программе. Цель ее: создание на Дальнем Востоке органически включенного в систему общесоюзного и международного разделения труда высокоэффективного народнохозяйственного комплекса с собственной крупной ресурсной и научно-производственной базой, оптимальной структурой экономики, развитой социальной сферы. Немалая работа в этом отношении проделана в процессе подготовки пятилетнего плана. Он является напряженным, и его выполнение потребует больших усилий.

Однако это только начало работы по ускорению развития всего региона. Отнюдь не предваряя того, что должно быть детально проработано специалистами с участием широкой общественности, скажу лишь о некоторых важнейших направлениях этой работы.

Первое. Само географическое положение Дальнего Востока определяет курс на формирование здесь высокоразвитого комплекса отраслей, связанных с использованием ресурсов океана. В силу многих причин рыбное хозяйство страны будет все больше перемещаться на Дальний Восток. В создании здесь мощного рыболовного флота вложены крупные средства. И в то же время серьезно отстало обустройство береговых служб. На низком уровне находится механизация тяжелых работ. В результате значительная часть дорогостоящих судов простаивает, используется неэффективно, хронически недостает мощностей ремонтной базы, хранилищ, рыбных портов, перерабатывающих предприятий. Одним словом, требуются серьезные комплексные меры по развитию дальневосточной рыбной промышленности. Особое внимание надо уделить производству из морепродуктов биологически активных веществ. Это направление развивается в других странах и доказало свою высокую эффективность.

Второе. Это — вопрос о комплексном использовании богатейших природных ресурсов региона. Предстоит повернуть внимание Минцветмета к возможностям Дальнего Востока. Как установили геологи, регион изобилует многочисленными богатыми месторождениями цветных металлов, золота, серебра, многих других ценных элементов и минералов. Можно существенно расширить их добычу и переработку, если подойти к делу по-хозяйски. За развитие крупной цветной металлургии на Дальнем Востоке мы должны взяться всерьез: создавать здесь за-

конченные циклы производства с получением разнообразной готовой продукции. Нельзя больше Дальний Восток рассматривать лишь как сырьевую базу. Я думаю, вы не должны мириться с этим, в центре это должны хорошо понимать: имею в виду и союзные, и республиканские органы. Надо использовать огромные сырьевые возможности края для строительства здесь предприятий законченного цикла и получать как минимум полупродукты, а лучше всего — конечные продукты. То, что я сказал о цветной металлургии, еще в большей мере относится к Минлесбумпрому, который обязан решительно переходить к глубокой переработке древесины. В этой связи стоят и задачи широкомасштабного хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали. Сейчас готовится специальное решение ЦК и правительства по этому вопросу. И тут вам предстоит крупные дела.

Третье. В кратчайшие сроки должно быть преодолено хроническое отставание топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока, которое сдерживает развитие других отраслей. Нельзя жить, не заглядывая в будущее, с настроением, что из центра все равно помогут топливом и энергией. Ресурсы топлива и углеводородного сырья у вас колоссальные. Однако уже не одно десятилетие ведутся разговоры, например, об использовании северосахалинского газа, а практические работы только-только начались. Затянулось и решение проблем эксплуатации нефтегазовых месторождений шельфа Сахалина. А в это время из Западной Сибири идут на Дальний Восток сотни эшелонов с нефтью. Миллионы тонн нефти для Дальнего Востока мы вынуждены сегодня завозить из других районов страны.

Намеченные в свое время мероприятия по развитию топливно-энергетической базы в районах Забайкалья и Дальнего Востока выполняются с большим отставанием от установленных сроков. Дальний Восток может и должен полностью удовлетворять свои энергетические потребности за счет собственных ресурсов. Дальневосточникам предстоит много потрудиться над созданием надежной базы энергетического строительства, ускорить сооружение комплекса тепловых и гидравлических станций, формирование единой и мощной системы электроснабжения. Исходить надо из того, что Дальний Восток в перспективе должен не только снабжать топливом и энергией близлежащие районы страны, но также стать солидным их экспортером.

Четвертое. Линия на опережающее развитие производственной инфраструктуры. Это, конечно, проблема не только дальневосточная. Но здесь она, пожалуй, особенно остра. В вашем регионе необходимо ускорить развитие современной строительной индустрии. Я бы сказал, что это основа основ тех планов, которые мы намечаем здесь, на Дальнем Востоке. Сейчас к вам пришли мощные подразделения железнодорожных строителей, которые в короткий срок проложили Байкало-Амурскую магистраль. Их можно и должно использовать, например, для реконструкции старых железнодорожных линий, имеющих сегодня низкую пропускную способность, или переключить на сооружение автомобильных дорог и портов, других необходимых объектов.

Эффективнее следует использовать и морской транспорт, укрепить его инфраструктуру, развивать прогрессивные формы перевозок. Опыт у вас в этом отношении есть. Только сегодня я ознакомился с деятельностью Восточного порта в Находке. Это прекрасный современный порт. Его можно в пример ставить многим. Хорошо действует, к примеру, паромная переправа на Сахалин. Нужно быстрее принимать меры и к повышению экономического эффекта от сквозной навигации по Северному Морскому пути.

Пятое. Имеет свою немалую специфику и решение вопросов региональной научно-технической политики, в том числе оснащения предприятий самой современной техникой с учетом условий эксплуатации

в этом районе. Казалось бы, здесь немало машиностроительных предприятий, и многие из них имеют хороших мастеров, добрую славу. Однако в силу ведомственной разобщенности значительная часть машиностроительной продукции Дальнего Востока идет в европейскую часть страны, а оттуда поступает встречный поток техники для здешних нужд. Надо быстро рассмотреть эти вопросы, уточнить специализацию машиностроительных заводов, сделать упор на создание здесь мощных, хорошо технически оснащенных производств как для нужд самого региона, так и для экспорта.

Шестое. Предстоит в полной мере использовать возможности экспортной направленности развития дальневосточного хозяйства. В настоящее время доля региона в экспорте страны крайне низка и очень далека от его потенциальных возможностей. И здесь необходимы кардинальные изменения, новые подходы, с тем, чтобы оживить и прибрежную, и приграничную торговлю, осваивать прогрессивные формы экономических связей с зарубежными странами, в том числе производственную кооперацию, совместные предприятия, создавать специализированную экспортную базу.

Седьмое. На съезде партии остро критиковался остаточный принцип выделения средств на развитие социальной сферы. Это застарелая болезнь. В ряде восточных районов страны, в том числе и в Приморье, подобная практика также получила большое распространение. В регионе на обширнейшей территории проживает около 7,7 миллиона человек. Почти половина всего продовольствия сюда завозится. За последние 20 лет на Дальнем Востоке снизилось в расчете на душу населения производство молока, картофеля и овощей. Многие руководители краев, областей, округов, районов и хозяйств свыклись с низкой урожайностью, малыми урожаями и привесом скота, массовым завозом кормов. Даже в предложениях к планам на 15—20 лет вперед ставятся вопросы расширения продовольственного снабжения Дальнего Востока за счет поставок из других регионов страны.

Думаю, что это недалёковидная линия. А выход тут один: создавать собственную высокоразвитую сельскохозяйственную базу, пищевую промышленность. В этих целях необходимо активно развивать на основе интенсивных технологий все отрасли агропромышленного комплекса, в частности промышленность удобрений, кооперироваться в решении сельскохозяйственных задач с соседними странами.

Напряженное положение сложилось в регионе с жилищным и социально-культурным строительством, что сказывается на закреплении прибывающих сюда на постоянное жительство. Думаю, что ответственность за такое положение наряду с местными органами должны разделить соответствующие хозяйственные министерства и ведомства — как союзные, так и республиканские.

Я высказал руководителям края главные замечания относительно того, что того, что они сегодня делают для развития социальной сферы, недостаточно. Во всяком случае — не соответствует той нужде, которая реально существует. Но мне думается, что значительную часть этого упрека надо адресовать и центральным ведомствам. Многие из них очень щедро идут на развитие производств в самых различных направлениях и очень скупо выделяют средства на развитие социальной сферы. В результате производственные мощности создаются, а использовать созданный производственный потенциал по-настоящему некому. Это как раз та «хитрость», которая дорого обходится государству. Такова политическая оценка этому явлению.

У вас такой чудесный край, прекрасное море, уникальная природа, богатые минеральные источники. Я летел сегодня к Находке, и когда туман рассеялся, ушли тучи и засияло солнце, увидел всю эту красоту

сверху. Сопки, Золотая долина и океан — все рядом. Это производит колоссальное впечатление. Действительно прекрасный край.

Дальний Восток должен стать одной из ведущих всесоюзных здравниц, крупным центром внутреннего и международного туризма, включая океанический и высокоширотный. Это, кстати, пополнило бы и ресурсы для ускорения благоустройства городов и сел.

Вчера по дороге в пионерский лагерь я встретился с группой отдыхающих. Оказалось, что вся страна представлена здесь. Причем многие уже в который раз приезжают, полюбили этот край, его природу. И все в один голос советовали широко двинуть здесь базы отдыха.

Причина нынешнего положения ясна. Неудовлетворительное строительство жилья и социально-культурных объектов находит свое объяснение в отсутствии необходимых заделов, в отставании стройбазы, слабости строительных коллективов. Мириться с этим далее нельзя. Если поворот к социальным вопросам жизненно необходим для всей страны, то для Дальнего Востока он важен вдвойне и втройне.

Как преодолеть трудности, сложившиеся годами? Я уже сказал, вина здесь и центра, и местных органов. Так что поправлять и действовать придется одновременно и снизу, и сверху. Могу заверить, что ЦК КПСС и правительство будут решительно поворачивать союзные и республиканские министерства и ведомства лицом к проблемам восточных районов страны, в том числе и к вашему краю.

У Советского Дальнего Востока — незабываемое прошлое, и, я уверен, славное будущее. Это край колоссальных природных богатств, огромных социальных и экономических возможностей, большой международной перспективы. От вас и, конечно, от внимания центра зависит, как мы будем в этом, очень важном регионе страны вести дело, каких результатов добьемся.

Понимаю, что замечания и такая, может быть, острая постановка проблем прозвучали сегодня не очень по-праздничному. Но такова деловая ленинская традиция: оценивая сделанное, обращать взгляд в будущее. Самое важное — не потерять перспективу, закладывать основы для движения к новым рубежам. Главное теперь — сосредоточиться на перспективных задачах, вытекающих для вас из решений XXVII съезда. И для такого подхода, включая критический анализ, уместен, я думаю, даже торжественный повод — получение высокой награды.

Таковы наши общие планы и заботы, товарищи. Они лучше всяких словесных ухищрений говорят о действительных намерениях Советского Союза. И как бы ни пытались правящие силы империализма извратить их, мы открыто и честно говорили и будем говорить всем народам и правительствам: да, нам нужен мир, мы еще и еще раз обращаемся с призывом остановить гонку вооружений, прекратить ядерное безумие и ликвидировать ядерное оружие, настойчиво искать политические решения региональных конфликтов.

На наших глазах происходят явления огромной значимости. Понимание необходимости мира для всех мощно прорывается в сознание народов даже там, где правительства продолжают считать оружие и войну средством политики. Именно для всех, поскольку ядерная война не была бы столкновением лишь двух блоков, двух противостоящих сил; она приведет к всемирной катастрофе, когда под угрозой гибели окажется человеческая цивилизация.

Наши инициативы по ядерному разоружению, значительному сокращению обычных вооружений и вооруженных сил, контролю, оздоровлению международной обстановки встречены по-разному.

Дружественные страны выразили им поддержку. Страны социалистического содружества с полным правом рассматривают их как составную часть общей линии социализма на мировой арене. И не только

потому, что они, эти инициативы, согласованы с ними, не только по принципиальным интернационалистским соображениям, а и потому, что и мы, и они заняты одним и тем же сугубо мирным делом — совершенствованием своего общества. На этой основе активизируется благотворный процесс сближения, наполняется новым содержанием экономическая интеграция, делаются конкретные шаги по созданию совместных предприятий, объединений, расширяется живое общение людей. Словом, идет прогрессивный взаимовыгодный процесс, углубляющий сотрудничество и братство между народами содружества.

С большим интересом к нашим планам и намерениям — как внутренним, так и международным — относится развивающийся мир. Мы отмечаем, что многие страны этого мира хотят и дальше расширять и углублять экономическое, научное, культурное сотрудничество с Советским Союзом. Мы готовы к этому.

Будет справедливо сказать, что серьезно, с интересом относятся к нашим планам широкие общественные круги и те представители делового мира Запада, которые реалистически смотрят на вещи, не болеют паранойей антикоммунизма и не связывают себя с прибылями от гонки вооружений. Они тоже выступают за мир и сотрудничество, за развитие с Советским Союзом здоровых экономических, научных, культурных связей. Мы приветствуем такой подход.

Но во многих капиталистических странах продолжают задавать тон силы, прошлое и будущее которых ослеплено враждебностью к социализму, имперскими амбициями или намертво прикреплено к военному бизнесу. А последний, как известно, очень прожорлив и беспощаден. Вчера ему нужны были миллионы, сегодня — миллиарды, завтра — триллионы. По своей воле он никогда не начнет производить детские игрушки вместо ракет. Такова его природа.

Наши мирные инициативы правящие круги США, некоторых союзных им стран пытаются изобразить как чистую пропаганду либо в том плане, что они выгодны только Советскому Союзу. Да, разоружение нам выгодно, если даже оперировать этой категорией, как выгодно оно для всех народов, правительства которых тратят миллиарды на гонку вооружений. Но это только часть правды. Скажу даже — ее меньшая часть. Главная же правда состоит в том, что наши инициативы проистекают из глубокой озабоченности за судьбу человечества.

Абсурдно и преступно перед лицом ядерной угрозы действовать по старой, уже мертвой схеме: то, что хорошо для социалистических стран, должно быть отвергнуто. В этом особенно видны классовая узость, примитивный идеологический автоматизм, растущее политическое влияние милитаризма. И все же я не склонен считать, что военно-промышленный комплекс всемогущ. Мы видим: мировая общественность все отчетливее осознает опасность милитаризма. Мы видим, что и в Соединенных Штатах, несмотря на постоянные шовинистические прививки, растут реалистические настроения, углубляется понимание того, что военную угрозу США несут не советские люди, не социалистические страны, не крестьяне Никарагуа, не далекие вьетнамцы или ливийцы, а собственные фабриканты оружия и служащие им безответственные политики, авантюристическая военщина.

Конечно, мы понимаем, что набирающая обороты гонка вооружений служит не только сверхприбылям и подготовке войны, а и — далеко не в последнюю очередь — другим безнравственным целям, суть которых — измотать Советский Союз экономически, сорвать курс партии на дальнейшее повышение жизненного уровня народа, затормозить выполнение социальной программы. Нам известно, кто именно продолжает лелеять надежды на планомерное, методическое разрушение СССР и стран социализма, применяя для этого экономические, морально-психологические, пропагандистские, политические и военные средства.

Но можно сказать, что дело это было и раньше обречено, безнадежно оно и сегодня. Пришло время считаться с реальностями, а не творить политику на основе иллюзий и заблуждений. Не будет договоренностей, миру не станет легче, не наступит спокойствия. Страх не исчезнет, пока некоторые правители на Западе не избавятся от, возможно, утешительных для них, но бесплодных, а главное — опасных попыток поставить Советский Союз на колени, расколоть социалистическое общество, задержать наше движение вперед.

Время настоятельно требует нового понимания нынешней ступени развития цивилизации, международных отношений, мира. Мира противоречивого, сложного, но объективно объединенного узами взаимозависимости. Международных отношений, в которых при всех различиях и столкновениях интересов уже нельзя жить по тысячелетним традициям «кулачного права». Цивилизации, демонстрирующей невиданную силу ума и труда людей и одновременно — свою хрупкость, уязвимость со стороны сил, высвобожденных человеческим гением, но поставленных на службу разрушению.

Все это диктует необходимость и делает неотложной коренную ломку многих привычных подходов к внешней политике, ломку традиций политического мышления, взглядов на проблемы войны и мира, на оборону, безопасность отдельных государств и безопасность международную. Понятно в этой связи, что наши радикальные, в полном смысле глобальные предложения — такие, как программа ликвидации уже в этом столетии ядерного и другого оружия массового уничтожения, о полном запрещении испытаний ядерного оружия, о запрещении химического оружия, о сотрудничестве в мирном использовании космоса и целый ряд других — касаются всего мира, всех стран.

Главная проблема, вставшая сегодня перед родом человеческим, — проблема выживания одинаково остра, неотложна и для Европы, и для Африки, и для Америки, и для Азии. Однако в каждой части света она выглядит по-иному. Поэтому, находясь здесь, во Владивостоке, естественно посмотреть на вопросы мировой политики под азиатско-тихоокеанским углом зрения.

Такой подход оправдан по многим причинам. Потому, прежде всего, что к востоку от Урала, в Азии — в Сибири, на Дальнем Востоке — расположена большая часть территории нашей страны. Здесь будут решаться многие общесоюзные задачи, выдвинутые съездом. Стало быть, положение на Дальнем Востоке в целом, в Азии и на прилегающих к ней океанских просторах, где мы — постоянные, давние жители и мореплаватели, представляет для нас национальный, государственный интерес.

На огромном пространстве этой едва ли не половины земного шара расположены многие крупнейшие государства, в том числе СССР, Соединенные Штаты Америки, Индия, Китай, Япония, Вьетнам, Мексика, Индонезия. Здесь находятся государства, считающиеся средними, но по европейским меркам довольно крупные — Канада, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия, и наряду с ними — десятки сравнительно меньших и совсем крохотных. Одни из них имеют тысячелетнюю и многовековую историю, другие сложились в новое время, а многие образовались совсем недавно.

Пробудившаяся в XX веке к новой жизни Азия обогатила мировой прогресс многообразным и оригинальным опытом борьбы за свободу и независимость. И это — не только история. Это живое наследие, составляющее одну из важных основ нынешней политической реальности в этой части света.

У каждой страны — свой общественный и политический строй со всеми мыслимыми оттенками, свои традиции, достижения и трудности, свой образ жизни и верования, свои убеждения и предубеждения, свое

понимание духовных и материальных ценностей. У каждой есть чем гордиться и что отстаивать в сокровищнице общечеловеческой цивилизации.

Это впечатляющее многообразие, этот колоссальный человеческий и социально-политический массив требуют пристального внимания, изучения и уважения. По собственному, советскому опыту мы хорошо знаем, какой огромной творческой силой становится возрожденное чувство национального достоинства, какую созидательную роль играет самобытность народа в его органической связи с другими равноправными и свободными народами. Сейчас процесс этот в Азии и в зоне Тихого океана находится на подъеме: тут все в движении, далеко не все отстоялось. Новое перемешивается со старым, устои жизни, еще вчера казавшиеся незыблемыми, отступают перед вихрем перемен — социальных, научно-технических, идейных. Это, если хотите, еще один в мировой истории период возрождения, которое таит в себе огромный потенциал прогресса. И не только для Азии и Океании.

Как тут пойдет дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие, какие процессы в отношениях между государствами возобладают — это во многом будет определять судьбы всего мира.

Неотъемлемым фактором грандиозных и трудных перемен в этом регионе является социализм. В результате Великого Октября и победы над фашизмом и японским милитаризмом, в результате великой китайской революции, после того как новый общественный строй утвердился в Монголии, на земле Кореи, народ которой проявил необычайную стойкость в борьбе за социалистическую перспективу своей родины, а затем во Вьетнаме и Лаосе, он завоевал в Азии прочные позиции. Но именно здесь ему пришлось столкнуться с наиболее жестоким и циничным противодействием. Самый яркий тому пример — Вьетнам. Его героический опыт, уроки его победы над империализмом высветили еще раз неодолимую силу идей свободы и социализма.

Здесь, в Азии, сложилась концепция неприсоединения, движение, которое теперь включает в свою орбиту более сотни государств, оно стремится дать свой ответ на вызов времени, активно выступает за преодоление раскола мира на военные блоки, ищет свои способы ослабления ядерной угрозы. Отвергая эксплуатацию, завоевательную политику, неоколониализм и осуждая их, движение неприсоединения обращается к человечеству с призывом к единению, к сотрудничеству в борьбе с голодом, вопиющей бедностью сотен миллионов людей.

Признанный лидер этого движения — великая Индия с ее моральным авторитетом и традиционной мудростью, со своеобразным политическим опытом и огромными экономическими возможностями. Мы высоко оцениваем уже внесенный ею вклад в дело утверждения в международном сообществе норм равноправного сосуществования и справедливости. Дружественные отношения между СССР и Индией стали стабилизирующим началом международного масштаба.

В державу первостепенного значения превратилась Япония. Страна, ставшая первой жертвой американского ядерного оружия, проделала за короткий срок огромный путь, продемонстрировала поразительные достижения в промышленности, торговле, образовании, науке и технике. Эти успехи принесли ей не только собранность, самодисциплина, энергия японского народа, но и «три неядерных принципа», на которых официально строится ее международная политика, хотя в последнее время — и на это нельзя не обратить внимание — они, как и мирные положения конституции Японии, все заметнее обходятся.

Но видим мы в Азии, Океании и многое другое. Оскорбленное колониализмом достоинство народов, наследие нищеты, неграмотности, отсталости, а вместе с ними — глубокие предрассудки сохраняют почву для недоверия и неприязни между народами, в том числе живущими в

пределах одного государства. На трудностях и пережитках спекулирует империализм, в результате разгораются локальные конфликты, этнические и религиозные междоусобицы, возникает политическая нестабильность.

Везде, где независимость становится заметной международной величиной и где возникает угроза эксплуататорским интересам империализма, он пускает в ход свои излюбленные средства: экономический шантаж, интриги и заговоры против руководства страны, вмешивается во внутренние проблемы, поддерживает сепаратистов, финансирует, а то и прямо вооружает контрреволюцию и террористов. Пенджаб, тамильская проблема, которую тоже хотят повернуть против Индии, необъявленные войны против Кампучии и Афганистана, аннексия Микронезии, вмешательство на Филиппинах, давление на Новую Зеландию, достаточно только этих примеров, чтобы увидеть, как работает современный механизм империалистической интервенции и диктата.

Опыт истории, законы растущей взаимозависимости, интеграционные запросы экономики настраивают на поиск путей к согласию, налаживанию открытых связей между государствами внутри региона и за его пределами. У этих государств десятки, сотни кричащих проблем, как унаследованных от колониального прошлого, так и возникающих из противоречий нынешнего развития. А их тянут в блоки, ограничивают свободу распоряжаться своими ресурсами, вынуждают раздувать военные бюджеты, втягивают в гонку вооружений, милитаризацию экономики и общественной жизни.

Все это деформирует процессы внутреннего развития, создает напряженность и, конечно, мешает нормализации межнациональных, межгосударственных отношений.

Советский Союз — тоже азиатская и тихоокеанская страна. Ему близки сложные проблемы этого обширного региона. Он с ними соприкасается непосредственно. Это и определяет взвешенный и масштабный взгляд на гигантскую часть мира, сосредоточившую массу таких разных государств и народов. И наш подход к ней основан на признании и понимании существующих здесь реальностей.

Вместе с тем наш интерес — это не претензия на какие-то привилегии и особое положение, не эгоистические попытки укрепить свою безопасность за чужой счет, не поиск выгоды в ущерб другим. Мы видим свой интерес в объединении усилий, в сотрудничестве при полном уважении права каждого народа жить по собственному выбору, независимо решать свои проблемы в условиях мира.

Мы за то, чтобы совместно строить новые, справедливые отношения в Азии и на Тихом океане.

В последнее время у меня было немало встреч с руководителями европейских государств, с различными политическими деятелями стран Европы. Невольно сравниваешь положение в Азии с европейской ситуацией.

Тихоокеанский регион в целом пока еще не милитаризован в такой мере, как европейский. Однако потенциал его милитаризации поистине огромен, а последствия крайне опасны. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту. Здесь расположены крупнейшие ядерные державы. Созданы мощные сухопутные армии, могучие военно-морские и военно-воздушные флоты. Научно-технический и промышленный потенциал многих стран — от западных и до восточных краев океана — позволяет форсировать любую гонку вооружений. Положение усугубляется сохранением конфликтных ситуаций. Не будем забывать: именно в Азии американский империализм вел две самые большие после 1945 года войны — в Корее и Индокитае. За четыре десятилетия не наберется и нескольких лет, когда то в одной, то в другой точке азиатско-тихоокеанского пространства не полыхало бы пламя военного пожара.

В Европе — плохо ли, хорошо ли — действует хельсинкский процесс диалога, переговоров и соглашений. Это вносит какую-то стабильность, снижает вероятность вооруженных конфликтов. В регионе же, о котором идет речь, этого нет или почти нет. И если что-то в последнее время меняется, то — не в лучшую сторону. Со второй половины 70-х годов США предприняли широкомасштабные меры по наращиванию вооруженных сил на Тихом океане. Под их нажимом складывается военизированный «треугольник» Вашингтон — Токио — Сеул. И хотя два из трех государств региона, располагающих ядерным оружием — КНР и СССР, — дали обязательство не применять его первыми, Соединенные Штаты разместили носители ядерного оружия и ядерные боеголовки в одной из кризисных зон — на Корейском полуострове, а кроме того, носители ядерного оружия — на территории Японии.

Приходится констатировать, что милитаризация, нарастание военной угрозы в этой части мира начинают набирать опасную скорость. Тихий океан превращается в арену военно-политической конфронтации. Вот что все больше беспокоит живущие здесь народы. Это тревожит и нас со всех точек зрения, в том числе — по соображениям безопасности азиатской части нашей страны.

Азиатско-тихоокеанское направление внешней политики Советского Союза — составная часть общей платформы международной деятельности КПСС, разработанной апрельским Пленумом и XXVII съездом партии. Но платформа — не схема, которую можно приложить к любым ситуациям, а скорее принципы и метод, опирающиеся на опыт.

Исходя из этого, как можно было бы представить себе процесс формирования международной безопасности и мирного взаимодействия в данном обширном регионе?

Прежде всего Советский Союз в соответствии с принципиальной линией XXVII съезда будет стремиться придать динамизм своим двусторонним отношениям со всеми без исключения расположенными здесь странами. Мы будем всемерно крепить дружбу и активизируем многообразные связи с Монгольской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Народной Республикой Кампучией. Построенные на принципах равноправия и солидарности отношения с нашими друзьями мы рассматриваем как составную часть общезиатской и тихоокеанской безопасности.

В настоящее время, например, вместе с руководством МНР рассматривается вопрос о выводе значительной части советских войск из Монголии.

Мы готовы расширять связи с Индонезией, Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами, Таиландом, Малайзией, Сингапуром, Бирмой, Шри Ланкой, Непалом, Брунеем, Мальдивской Республикой, с совсем молодыми самостоятельными участниками политической жизни региона. С некоторыми из них — Папуа Новая Гвинея, Западное Самоа, Королевство Тонга, Фиджи, Республика Кирибати, Республика Науру, Тувалу, Республика Вануату — у нас уже имеются дипломатические отношения.

Выступая в городе, откуда, как говорится, рукой подать до Китайской Народной Республики, хотел бы остановиться на главном в наших с нею отношениях. Отношениях сугубо важных по ряду причин, начиная с того, что мы соседи, что у нас самая протяженная в мире сухопутная граница и что уже поэтому нам, детям и внукам нашим predetermined жить рядом «отныне и во веки веков».

Но дело, конечно, не только в этом. История возложила на советский и китайский народы чрезвычайно ответственную миссию. От двух крупнейших социалистических государств зависит многое в международном развитии.

В последние годы произошло заметное улучшение в наших отношениях. Хочу подтвердить: Советский Союз готов в любое время, на любом уровне самым серьезным образом обсудить с Китаем вопросы о дополнительных мерах по созданию обстановки добрососедства. Мы надеемся, что в недалеком будущем разделяющая (а хотелось бы говорить — соединяющая) нас граница станет полосой мира и дружбы.

Советские люди с пониманием и уважением воспринимают выдвинутую Компартией Китая цель — модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, достойное великого народа.

У нас с Китаем, насколько можно судить, приоритеты сходные — ускорение социально-экономического развития. И почему бы не поддерживать друг друга, не сотрудничать в осуществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом.

С удовлетворением отмечаем, что наметился положительный сдвиг в экономических связях. Убеждены, что исторически сложившееся взаимодополнение советской и китайской экономик дает большие возможности для расширения этих связей, в том числе и в приграничных районах. Некоторые крупные проблемы сотрудничества буквально стучатся в дверь. Мы, например, не хотим, чтобы пограничный Амур рассматривался как «водная преграда». Пусть бассейн этой могучей реки будет объединителем усилий китайского и советского народов по использованию на общую пользу имеющихся тут богатейших ресурсов и водохозяйственного строительства. Межправительственное соглашение на этот счет уже совместно разрабатывается. А официально граница могла бы проходить по главному фарватеру.

Советское правительство готовит положительный ответ по вопросу о содействии в строительстве железной дороги, которая соединит Синьцзян-Уйгурский автономный район с Казахстаном.

Мы предложили сотрудничество с КНР по космосу, в которое можно было бы включить подготовку китайских космонавтов. Большие возможности взаимопользующего обмена — в сфере культуры, образования. Мы готовы и искренне желаем всего этого.

Об отношениях с Японией. Здесь тоже намечаются признаки поворота к лучшему. Было бы хорошо, если бы этот поворот произошел. Объективное положение наших двух стран в мире таково, что требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого. Начало в этом году положено. Состоялся обмен визитами министров иностранных дел. На повестке дня — обмен визитами на высшем уровне.

Обоюдный интерес представляет хозяйственная кооперация. В первую очередь речь идет о наших прибрежных районах, где уже имеется практика деловых контактов с японскими фирмами. Можно обсудить вопрос и о создании совместных предприятий в прилегающих и близко расположенных друг от друга районах СССР и Японии. Почему бы также не наладить долговременное сотрудничество в исследовании и комплексном освоении ресурсов океана, не состыковать программы мирного изучения и использования космоса? У японцев, кажется, существует метод динамизации отношений, который называется «экономической дипломатией». Так пусть на этот раз она послужит советско-японскому сотрудничеству.

В тихоокеанском регионе Советский Союз граничит и с Соединенными Штатами. Сосед близкий в буквальном смысле слова, расстояние всего 7 километров — ровно столько от советского острова Большой Диомид до американского Диомиды Малого.

Соединенные Штаты — мы ясно отдаем себе отчет — являются великой тихоокеанской державой. Потому прежде всего, что на берегах этого океана живет значительная часть населения США, тяготя-

щий сюда запад Америки играет растущую роль в жизни страны, отличается динамизмом. А также потому, что Соединенные Штаты, несомненно, имеют в регионе важные экономические и политические интересы.

Нет сомнений, что без США, без их участия нельзя решить проблему безопасности и сотрудничества в зоне Тихого океана удовлетворительным для всех образом. Пока, к сожалению, Вашингтон не проявляет готовности к этому, даже и не помышляет о серьезном разговоре на тихоокеанскую тематику. А уж если эта тема и затрагивается, то ее выводят на проторенную дорожку «советской угрозы» и бряцания оружием в подкрепление этого мифа.

Наш подход к отношениям с США известен. Мы за мирные, добрососедские, равноправные отношения, за взаимовыгодное сотрудничество, для которого, кстати сказать, есть немалые возможности и на Дальнем Востоке, и в Тихом океане.

Коль скоро уж зашла речь о США, два слова о самом важном на сегодняшний день в наших отношениях — о прекращении гонки вооружений. После женевской встречи Советский Союз внес много масштабных предложений по всей проблематике сокращения и ликвидации вооружений и контроля за этим процессом. Встречного движения мы не увидели. Нас по сути потчевали тем же, что и до Женевы.

С целью преодолеть топтание на месте мы еще больше пошли навстречу — в моем июньском письме к президенту США выдвинули новые крупные компромиссные предложения. Уже находясь здесь, на Дальнем Востоке, я получил ответ от президента Рейгана. Он наводит на размышления. Мы его начали изучать. Отнесемся к этому с ответственностью и вниманием. Для нас прежде всего важно — насколько содержащиеся в письме предложения отвечают принципу равной безопасности, позволяют ли они прийти к эффективным совместным решениям в области прекращения гонки вооружений и недопущения выхода ее в космос. В соответствии с этим и определим свои дальнейшие шаги.

Что касается новой советско-американской встречи на высшем уровне, то могу повторить: мы за такую встречу. Но решительно против толкования договоренности, достигнутой на прошлой встрече в Женеве, как якобы сводящейся к обещанию встречаться и впредь. Нет, главное, о чем мы тогда договорились с президентом Рейганом и что подписали, — это согласие в том, что будем добиваться нормализации отношений между СССР и США, оздоровления международной обстановки, ускорим ход переговоров о сокращении вооружений. Этому должна служить и новая встреча.

Мы часто слышим из-за рубежа различного рода домыслы о наращивании Советским Союзом вооруженной мощи на востоке страны. Со всей ответственностью заявляю: мы не делаем и не будем делать ничего сверх того, что отвечает минимальным потребностям нашей обороны, защиты наших друзей и союзников, особенно с учетом американской военной деятельности неподалеку от наших и их границ.

Это в полной мере относится и к ракетам средней дальности. Те, кто не желают снижения напряженности в мире, продолжают утверждать, будто мы можем перебрасывать свои ракеты СС-20 с запада на восток и с востока на запад. Поэтому еще раз напоминаю: мы предлагаем ликвидировать в Европе и американские, и советские ракеты средней дальности. Именно — ликвидировать, — а не перебрасывать их куда бы то ни было. Ясно, что это не может не служить и интересам стран Азии.

Хотел бы также сказать: Советский Союз — убежденный сторонник роспуска военных группировок и отказа от иностранных баз в Азии и на Тихом океане, вывода войск с чужих территорий. СССР — член Варшавского Договора, но это — европейский оборонительный союз и

действует строго в договорных географических рамках. В свою очередь мы решительно выступаем против попыток США распространить «компетенцию» НАТО на весь мир, включая Азию и Тихий океан.

Наши размышления о безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе строятся не на пустом месте. Они учитывают опыт — прошлый и современный. Не канули в Лету принципы «Панча Шила» и Бандунга. Остались в дипломатическом опыте положительные примеры перемирия в Корее, женевское совещание по Индокитаю 1954 года, индо-пакистанское соглашение в Ташкенте. И в наши дни мы видим усилия ряда государств практически решать общие экономические проблемы, попытки как-то регулировать конфликтные ситуации. В деятельности АСЕАН, в двусторонних связях немало позитивного. После того как был отвергнут замысел «тихоокеанского сообщества», обсуждается идея «тихоокеанского экономического сотрудничества». Мы без предубеждения отнеслись к ней, готовы присоединиться к размышлениям о возможных основах такого сотрудничества, — разумеется, если оно мыслится не по навязанной кем-то блоковой, антисоциалистической схеме, а как результат свободной дискуссии без каких бы то ни было дискриминаций. Неплохой основой для таких дискуссий мог бы стать уже довольно обширный арсенал научных и политических разработок по вопросу о создании нового мирового экономического порядка, об опыте интеграции на Западе и на Востоке.

В качестве пусть не близкой цели мы предложили бы по типу хельсинкской тихоокеанскую конференцию с участием всех тяготеющих к океану стран. Когда же (и разумеется, если) удастся договориться о ее созыве, можно будет условиться и о месте проведения. Один из вариантов — Хиросима. Почему бы этому городу — первой жертве атомного зла — не стать своеобразным «Хельсинки» Азии и Тихого океана?

Подытоживая, хочу вновь подчеркнуть, что мы за включение азиатско-тихоокеанского региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности, о которой говорилось на XXVII съезде КПСС.

Как мы себе это конкретно представляем?

В первую очередь напрашиваются вопросы регионального урегулирования. Об Афганистане скажу отдельно. Сейчас — о Юго-Восточной Азии и Кампучии.

Кхмерский народ понес страшные жертвы. Эта страна, ее города и села не раз подвергались американским бомбежкам. Она выстрадала свое право выбирать себе друзей и союзников. И непозволительно тянуть ее в трагическое прошлое, решать дальнейшую судьбу этого государства в далеких столицах или даже в ООН.

Многое здесь, как и в других проблемах Юго-Восточной Азии, зависит от нормализации китайско-вьетнамских отношений. Это — суверенное дело правительств, руководства двух стран. Мы можем лишь высказать свою заинтересованность в том, чтобы граница между этими социалистическими государствами вновь стала границей мира и добрососедства и чтобы возобновлен был товарищеский диалог, сняты ненужные подозрения и недоверие. Момент сейчас, кажется, благоприятный, а вся Азия нуждается в этом.

Нет, на наш взгляд, непреодолимых препятствий к установлению взаимоприемлемых отношений между странами Индокитая и АСЕАН. При наличии доброй воли и при условии невмешательства со стороны они могли бы урегулировать свои проблемы — на благо одновременно и общеазиатской безопасности.

Есть возможность не только снять опасную напряженность на Корейском полуострове, но и начать движение по пути решения национальной проблемы всего корейского народа. Если исходить из действи-

тельно корейских интересов, нет разумных причин уходить от серьезного диалога, который предлагает КНДР.

Второе. Мы за то, чтобы поставить заслон на пути распространения и наращивания ядерного оружия в Азии и на Тихом океане. Известно, что СССР обязался не увеличивать в азиатской части страны ядерные ракеты средней дальности.

СССР поддерживает объявление южной части Тихого океана безъядерной зоной и призывает все ядерные державы в одностороннем или многостороннем порядке гарантировать ее статус.

Серьезным вкладом была бы реализация предложения КНДР о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове, заслуженное внимание привлекла к себе идея создания такой зоны в Юго-Восточной Азии.

Третье. Предлагаем начать переговоры о сокращении активности на Тихом океане военных флотов, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием. Укреплению стабильности помогло бы ограничение соперничества в сфере противолодочного оружия, в частности, договоренность о том, чтобы воздерживаться от противолодочной деятельности в определенных зонах Тихого океана. Это могло бы стать существенной мерой доверия.

Да и вообще хотел бы сказать: если бы США отказались от военного присутствия, скажем, на Филиппинах, мы бы в долгу не остались.

Мы по-прежнему и решительно за то, чтобы возобновить переговоры по превращению Индийского океана в зону мира.

Четвертое. Советский Союз придает большое значение радикальному сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Азии до пределов разумной достаточности. Мы отдаем себе отчет, что эту проблему надо решать по частям, поэтапно, начав с какого-нибудь одного района, скажем, с Дальнего Востока. В этом контексте СССР готов обсудить с КНР конкретные шаги, направленные на соразмерное снижение уровня сухопутных сил.

Пятое. Советский Союз считает, что давно уже пришло время перевести в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе. Начать можно с более простых, например, — с мер по безопасности морских коммуникаций в Тихом океане, а также предотвращению международного терроризма.

Конференцию для обсуждения и разработки таких мер можно было бы провести в одном из советских приморских городов. Кстати, можно было бы со временем и решить вопрос об открытии Владивостока для посещения иностранцами. Если действительно удастся изменить к лучшему ситуацию на Тихом океане, Владивосток мог бы стать одним из крупнейших международных центров, очагом торговли и культуры, городом фестивалей, спортивных встреч, конгрессов, научных симпозиумов. Мы хотели бы его видеть нашим широко открытым на восток окном. И пусть тогда, по слову нашего великого Пушкина, и здесь «все флаги в гости будут к нам».

В заключение — об Афганистане. С трибуны XXVII съезда КПСС было заявлено, что мы готовы вернуть домой советские войска, находящиеся в этой стране по просьбе его правительства. Партия, как вы знаете, теперь твердо держится принципа: за словом — дело.

Всесторонне оценив складывающуюся ситуацию и проведя консультации с правительством ДРА, советское руководство приняло решение, о котором я сегодня официально объявляю: до конца 1986 года из Афганистана будут возвращены на родину 6 полков — один танковый, два мотострелковых и три зенитных — с их штатной техникой и вооружениями. Возвращаться эти части будут в районы их постоянной дислокации в Советском Союзе и таким образом, что в этом легко смогут убедиться все, кого это интересует.

Идя на столь серьезный шаг, о котором мы предварительно информировали заинтересованные государства, в том числе Пакистан, Советский Союз стремится ускорить политическое урегулирование, дать ему еще один импульс. Он исходит также из того, что те, кто организует и осуществляет вооруженную интервенцию против ДРА, правильно поймут и должным образом оценят этот наш шаг. Ответом на него должно быть свертывание вмешательства извне в дела демократического Афганистана.

За последнее время на ведущихся через представителя генерального секретаря ООН афгано-пакистанских переговорах был достигнут некоторый прогресс. Как только будет окончательно выработано политическое урегулирование, возвращение всех советских войск из Афганистана может быть соответственно ускорено. С афганским руководством согласованы и сроки, и этапы их возвращения.

Однако все, кто поощряет и финансирует необъявленную войну против Афганистана и с чьей территории она ведется, должны знать: если интервенция против ДРА будет продолжаться, Советский Союз не оставит соседа в беде. Наша интернациональная солидарность с афганским народом, равно как и интересы безопасности Советского Союза, это абсолютно исключают.

Мы поддерживаем линию нынешнего афганского руководства на национальное примирение, на расширение социальной базы, апрельской национально-демократической революции вплоть до создания правительства с участием в нем политических сил, которые оказались за пределами страны, но которые готовы искренне участвовать в общенациональном процессе строительства нового Афганистана.

Товарищи! Нынешние поколения получили в наследство много трудных, мучительных проблем. И для того чтобы продвигаться к их решению, нужно избавляться от груза прошлого, искать новые подходы, руководствуясь ответственностью перед настоящим и будущим.

Советское государство обращается ко всем азиатско-тихоокеанским странам с призывом к сотрудничеству во имя мира и безопасности. Каждый, кто стремится к этим целям, кто рассчитывает на лучшее будущее своих народов, найдет в нас доброжелательных собеседников и честных партнеров.

Трудное, драматическое время переживает человечество, но у него есть запас прочности, который позволяет не просто выжить, но и научиться жить в новом, цивилизованном мире, другими словами — жить, не зная угрозы войны, жить в условиях свободы, когда высшим мерлом всего будет благо человека и максимальное раскрытие возможностей человеческой личности. Но это требует упорной борьбы против общего для всех врага — угрозы всеобщего уничтожения.

Сегодня, как никогда прежде, важны мобилизация существующего в мире потенциала здравого смысла, партнерство разума, с тем чтобы остановить сползание к катастрофе. Наша решимость сделать для этого все от нас зависящее неизменна. В этом могут быть уверены все народы всех стран и государств. Таково вкратце состояние наших дел на сегодня, такова в общих чертах международная ситуация, в развитии которой будет все более возрастать роль азиатско-тихоокеанской части света. Из всего этого мы должны делать практические выводы, чтобы действовать с еще большей энергией, перестраивая нашу жизнь к лучшему.

В истории не бывает прямых аналогий, но возникают сходные ситуации и потому для нас столь ценен и поучителен плодотворный опыт прошлого. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» В. И. Ленин писал: «Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы имеем уже в этой области некоторые — правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успе-

хн. Мы уже кончаем, в этой области новой «науки», подготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь «курс» (т. 44, с. 152).

Вот, товарищи, ленинский совет, ленинский анализ с присущими ему глубиной, трезвостью и самокритичностью. Это совет, как мы должны действовать в нынешней обстановке, как осуществлять перестройку, чтобы успешно пройти весь ее курс и вывести страну на качественно новый рубеж. Наш долг — в полной мере воспользоваться этим мудрым ленинским советом.

Больших вам успехов и достижений в претворении наших общих планов. Счастья, здоровья, всего хорошего в жизни.

Пользуясь случаем, хотел бы еще раз поблагодарить всех дальневосточников за слова доверия и поддержки, советы и пожелания, за теплоту сердец. Спасибо, товарищи!

## «Неоглобализм» — источник напряженности в Азии и во всем мире

Исторической вехой в развитии не только КПСС и Советского государства, но и международных отношений стал XXVII съезд КПСС. Советский народ с воодушевлением и энтузиазмом трудится над выполнением грандиозных планов экономического и социального развития, намеченных XXVII съездом. Наша партия, Советское государство проводят неустанную работу, направленную на нормализацию международной обстановки, исключение войны из жизни мирового сообщества, создание условий для дальнейшего экономического и социального развития Советского Союза, других стран социализма, укрепления позиций демократических, прогрессивных сил нашей планеты. Опыт истории доказал, что социализм выступает как главная реальная сила, способная оградить человечество от огня термоядерной войны.

Внешняя политика Советского Союза, стран социалистического содружества направлена на решение этой важнейшей для всех стран и народов проблемы. Вопросы войны и мира — это ныне вопросы существования нашей земной цивилизации.

«Социализм, — подчеркнул в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду М. С. Горбачев, — постоянно совершенствует общественные отношения, целеустремленно приумножает достигнутое, наращивает силу и убедительность своего примера, демонстрирует реальный гуманизм всего уклада жизни. Тем самым он возводит все более прочный заслон идеологии и политике войны и милитаризма, реакции и насилия, всем формам человеконенавистничества, активно содействует социальному прогрессу. Он превратился в могучую моральную и материальную силу, показал, какие возможности раскрываются перед современной цивилизацией». Он отвергает войны как средство разрешения межгосударственных политических и экономических противоречий, идеологических споров. «Наш идеал, — сказал М. С. Горбачев, — мир без оружия и насилия, мир, в котором каждый народ свободно избирает путь развития, свой образ жизни».

Ныне, когда международная обстановка по вине империалистических кругов продолжает оставаться весьма сложной и напряженной, эта формула мира имеет чрезвычайно важное значение, она стала колоколом мира, который звучит призывно и тревожно, как набат. Советский Союз и страны социалистического содружества неустанно борются за оздоровление сложной и напряженной международной обстановки. За истекшее с начала года время СССР выдвинул целый ряд конструктивных внешнеполитических инициатив, которые справедливо повсеместно расцениваются как мирное наступление социализма.

В Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. была изложена программа поэтапной ликвидации ядерного оружия до конца века. На XXVII съезде КПСС была обнародована идея создания всеобъемлющей системы международной безопасности. За этим последовали конкретные предложения, облегчающие возможность соглашения об удалении ракет средней дальности из Европы. Чтобы содействовать сдвигу в советско-американских переговорах в Женеве, СССР предложил промежуточный вариант подхода к сокращению ядерных вооружений — достигнуть договоренности о невыходе из Договора по противоракетной обороне по крайней мере в течение 15 лет, а работы в области СОИ ограничить уровнем лабора-

торных исследований, то есть тем порогом, к которому США уже фактически подошли, стратегические наступательные вооружения (МБР, БРПЛ и тяжелые бомбардировщики) ограничить равными уровнями. Что касается вопроса о вооружениях средней дальности, достигающих территории другой стороны, в том числе о крылатых ракетах большой дальности наземного базирования, то его решить в этом случае отдельно.

Советский Союз в третий раз в мае нынешнего года продлил мораторий на ядерные испытания. В июне 1986 г. на совещании Политического консультативного комитета Варшавского Договора в Будапеште были выдвинуты предложения по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Европе. Государства — участники Варшавского Договора предложили странам НАТО взаимные значительные сокращения сухопутных войск, а также ударной тактической авиации. В результате к началу 90-х годов вооруженные силы были бы сокращены на одну четверть, то есть в общей сумме на один миллион человек.

Возрастающее воздействие на весь ход событий, на настроения мировой общественности оказывают многочисленные отклики на широкомасштабные инициативы Советского Союза и других социалистических государств. В этой связи зарубежная пресса, например, ряд газет США и Японии, подчеркивает, что под влиянием советских инициатив усиливается давление общественности на администрацию США, что стратегия СССР направлена на вывод из тупика советско-американских переговоров по разоружению.

Советская программа ядерного разоружения завоевывает все новых и новых сторонников. Так, в недавно опубликованной статье бывший заместитель министра военно-воздушных сил США Хупс пишет: «Разумная оценка выдвинутых в Заявлении М. С. Горбачева 15 января 1986 г. предложений сводится к следующему: они сулят хорошую возможность прекратить размещение новых видов оружия, сократить и стабилизировать колоссальную разрушительную мощь обеих сторон, достаточную для многократного уничтожения друг друга, и создают благоприятную атмосферу для улучшения политических отношений между двумя державами. Призывая американскую администрацию перейти от слов к делам в вопросе сокращения вооружений, русские прошли более половины пути». Ныне даже верные союзники Вашингтона по НАТО охвачены смятением, воочию убедившись в том, к каким пагубным последствиям привело их постоянное попустительство американским ястребам. Отражая эти настроения, английская «Гардиан» пишет: «Если в Европе осталось хоть какое-то влияние, то она будет отчаянно биться за сохранение Договора об ОСВ-2 и продолжение усилий в области сокращения вооружений. Это борьба, от которой нельзя уклониться или вести ее кое-как».

Белый дом, столкнувшись с серьезной оппозицией как в собственной стране, так и в других частях земного шара, вынужден был перейти к обороне, применяя при этом самые неблагоприятные методы. Прибегая к прямым фальсификациям, манипулируя органами массовой информации, нагнетая шовинистический угар внутри страны, американская администрация в угоду крайне реакционным кругам пытается замаскировать свою попытку сломать военный паритет между СССР и США, являющийся основой стратегической стабильности в мире, и оправдать все это тем, что якобы Советский Союз нарушает свои договорные обязательства. Но ведь что это — одни лишь голословные измышления от начала и до конца, хорошо известно всем непредубежденным и информированным наблюдателям. Советский Союз не допускал никаких нарушений тех или иных положений заключенных с США договоров, и Вашингтон об этом хорошо знает. СССР неоднократно с фактами в руках разоблачал попытки Белого дома выдвигать надуман-

ные обвинения в адрес нашей страны. Даже западногерманская газета «Франкфуртер рундшау» вынуждена констатировать: «Мировая общественность, прежде всего в Западной Европе, выступает против вызывающего американского курса на наращивание вооружений».

«Острейшая проблема, стоящая сейчас перед человечеством, — это проблема войны и мира. Империализм — виновник двух мировых войн, унесших многие десятки миллионов жизней. Он угрожает третьей мировой войной», — подчеркивается в Программе КПСС (новая редакция).

Милитаристские круги уже дважды на протяжении XX века сталкивали человечество в пучину мировой войны. В обоих случаях перед людьми стоял выбор: мир или кровавая бойня. И в обоих случаях силы милитаризма брали верх над силами разума. Ныне возникла качественно новая угроза человечеству, когда ему уже приходится выбирать между миром и гибелью самого рода человеческого, всей мировой цивилизации. В сложившейся ситуации, как никогда в прошлом, перед государственными деятелями, перед широчайшими слоями общественности, да и просто перед каждым человеком возникла необходимость трезво взглянуть на протекающие на международной арене процессы, сделать из этого надлежащий вывод, понять и оценить свое место и роль в деле предотвращения сползания мира к новой войне.

Советский Союз такой вывод сделал. Он считает, что на международной арене нужен перелом к лучшему. Исходя из этого, КПСС и Советское правительство приняли решение о ряде крупных, принципиального характера внешнеполитических акций. «Их смысл — в максимальной степени содействовать улучшению международной обстановки, — отмечается в Заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. — Они продиктованы необходимостью преодолеть негативные, конфронтационные тенденции, нараставшие в последние годы, расчистить пути к свертыванию гонки ядерных вооружений на Земле и ее предотвращению в космосе, общему уменьшению военной опасности, становлению доверия в качестве неотъемлемого компонента отношений между государствами».

Исключительный интерес вызвала повсюду крупномасштабная мирная инициатива Советского Союза — Программа обеспечения международной безопасности и мирного взаимодействия в азиатско-тихоокеанском регионе, сформулированная в речи М. С. Горбачева во Владивостоке.

Азиатско-тихоокеанское направление внешней политики Советского Союза — составная часть общей платформы международной деятельности КПСС, разработанной апрельским (1985) Пленумом ЦК КПСС и XXVII съездом КПСС. Всеобъемлющая система международной безопасности, за создание которой высказался XXVII съезд нашей партии, немыслима без нормализации обстановки в таком огромном районе земного шара, как Азия и акватория Тихого океана, где расположены десятки государств с многосотмиллионным населением. Из сложных проблем, которые довлеют над странами этого региона, как, впрочем, любого региона мира, — острейшая проблема мира, предотвращения угрозы катастрофической ядерной войны. Именно к ее решению и призывает наша страна.

Советский Союз — страна не только европейская, но и азиатская, и тихоокеанская — имеет в этом регионе друзей и союзников, имеет интересы, вытекающие из ответственности за судьбы международного мира и безопасности. Советское государство не может не тревожить, что империализм, прежде всего США, взвинчивает в азиатско-тихоокеанском регионе гонку вооружений, пытается уже сейчас запрограммировать будущее развитие ситуации в этой обширной части планеты на режим конфронтации, наращивания военных мускулов. Ми-

литаризм США пытается строить барьеры на пути взаимовыгодного сотрудничества расположенных здесь государств. «...Если не остановить подобный ход развития событий в районе, где сходятся и переплетаются интересы многих государств мира, — подчеркивается в Заявлении Советского правительства от 23 апреля 1986 г., — то это может привести к серьезному обострению напряженности в азиатско-тихоокеанском регионе».

Главная проблема, вставшая сегодня во весь рост перед человечеством, — проблема выживания. Она одинаково остра, неотложна и для Европы, и для Африки, и для Америки, и для Азии, короче, для каждой части света, для каждого уголка нашей планеты. Время настоятельно требует нового понимания нынешней ступени развития цивилизации, международных отношений.

Жизнь диктует необходимость коренной ломки многих привычных подходов к вопросам внешней политики, и в первую очередь взглядов на проблемы войны и мира, на безопасность отдельных государств и международную безопасность. С новыми подходами к пониманию и решению этих жизненно важных глобальных проблем выступает на международной арене Советский Союз. Наши радикальные, крупномасштабные инициативы и предложения — о ликвидации уже в этом столетии ядерного и другого оружия массового уничтожения и целый ряд других предложений — красноречивое тому свидетельство. В своих ответах на вопросы главного редактора газеты «Руде право» товарища Зденека Горжени М. С. Горбачев подчеркнул: «Мы будем и впредь использовать любую возможность для продуктивного диалога, для продвижения к ограничению и сокращению вооружений, а также для урегулирования региональных конфликтов, развития международного сотрудничества по всем актуальным направлениям».

С таких же ответственных позиций наша страна подходит и к проблемам азиатско-тихоокеанского региона. СССР не ищет для себя каких-либо особых прав и привилегий в Азиатско-тихоокеанском регионе. Совместно строить новые, справедливые межгосударственные отношения и в этой части мира — вот к чему стремится наше государство. Ведь то, в каком направлении пойдет дальше социально-экономическое и политическое развитие обширнейших территорий планеты, какие процессы в отношениях между странами здесь возобладают, во многом будут определяться судьбы всеобщего мира.

Нельзя забывать тот исторический факт, что именно в Азии империализмом США было совершено ядерное злодеяние (Хиросима и Нагасаки), развязаны две агрессивные войны — в Корее и Вьетнаме; в регионе Азии также было больше всего так называемых «малых» военных конфликтов. Силы империализма не оставляют своих попыток расширять в Азиатском регионе сеть военных баз, ввозить ядерное оружие, втягивать страны региона в военные приготовления.

Сейчас под нажимом США в регионе складывается «треугольник» Вашингтон — Токио — Сеул. Милитаризация, нарастание военной угрозы в этой части мира начинают набирать опасную скорость. Регион Тихого океана чреват превращением в арену военно-политической конфронтации. Это больше всего беспокоит народы, в том числе советский народ — хотя бы по соображениям безопасности азиатской части нашей Родины. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что, если в Европе — плохо ли, хорошо ли — действуют хельсинкские договоренности, помогающие искать пути к укреплению взаимопонимания и безопасности, по Азиатско-тихоокеанскому региону таких договоренностей нет.

Милитаризация бассейна Тихого океана еще не достигла европейских масштабов. Но идет она нарастающими темпами, и последствия ее могут оказаться крайне опасными. Помешать такому развитию событий, не допустить превращения Азии и бассейна Тихого океана в арену во-

енно-политической конфронтации еще не поздно. Существуют реальные предпосылки для того, чтобы Азия и Тихоокеанский бассейн стали регионом мира и добрососедства. Претворить в жизнь эту идею призывает Советский Союз.

Выступая во Владивостоке, М. С. Горбачев подчеркнул, что, воплощая в жизнь принципиальную линию XXVII съезда партии, Советский Союз будет стремиться прежде всего придать динамизм своим двусторонним отношениям со всеми без исключения странами, расположенными в Азиатско-тихоокеанском регионе, будет всемерно крепить дружбу и активизирует многообразные связи с социалистическими странами региона.

Социализм, являющийся первостепенным фактором всеобщего мира, имеет прочные позиции и в этой части света. СССР, СРВ, МНР, КНДР, другие страны не раз выдвигали конкретные предложения, осуществление которых не только оздоровило бы обстановку в районе, но и увеличило бы шансы на сохранение и упрочение международного мира.

Весьма ответственную миссию возложила история на народы СССР и Китая. Возможности для ее успешного осуществления имеются, только надо их полностью использовать. КПСС и советский народ искренне стремятся к установлению лучших отношений с нашим соседом — социалистическим Китаем. С КНР у нас самая протяженная в мире сухопутная граница. И уже поэтому нам, детям и внукам нашим предопределено жить рядом «отныне и во веки веков».

В последние годы советско-китайские отношения заметно улучшились. Советский Союз готов в любое время и на любом уровне самым серьезным образом обсудить с Китаем вопросы о дополнительных мерах по созданию обстановки добрососедства. Обеспечение мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе невозможно без активного участия Китайской Народной Республики. Отрадно отметить, что обе ядерные державы — СССР и КНР — обязались не применять ядерное оружие первыми и обе они выступают против милитаризации космического пространства. Для расширения советско-китайского сотрудничества есть еще много потенциальных возможностей, а использованные естественно, пошло бы на пользу безопасности этого региона.

В Пекине в сентябре 1986 г. в ходе официального визита советской делегации был подписан ряд важных советско-китайских документов. Они направлены на дальнейшее расширение и совершенствование торгово-экономического сотрудничества наших государств. Во время состоявшихся переговоров большое внимание было уделено перспективам развития экономических, торговых и научно-технических связей, поискам новых форм взаимовыгодного равноправного сотрудничества между СССР и КНР.

Резервы расширения взаимовыгодного сотрудничества между СССР и КНР во всех областях, как показывает практика, весьма и весьма обширны. Сегодня и в Советском Союзе, и в Китайской Народной Республике решаются во многом сходные приоритетные задачи ускорения социально-экономического развития. Большие возможности для развития экономических отношений, в том числе и в приграничных районах, таят исторически сложившиеся связи советской и китайской экономик. И поэтому естественно стремление к углублению сотрудничества в реализации своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обеим сторонам.

Состоявшиеся в Пекине переговоры и подписанные документы дают новый импульс поступательному движению советско-китайского сотрудничества.

В Тихоокеанском регионе Советский Союз граничит и с США. Нет сомнений, что и без Соединенных Штатов нельзя решить проблему безопасности и сотрудничества в зоне Тихого океана. Однако, к сожа-

лению, пока Вашингтон не проявляет готовности к этому. Он даже и не помышляет о серьезном разговоре на тихоокеанскую тематику.

Советский Союз настойчиво выступает за включение азиатско-тихоокеанского региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Как смотрится эта идея по конкретным параметрам? В первую очередь напрашиваются вопросы регионального урегулирования. Следует положить конец вмешательству в дела Кампучии со стороны США и некоторых других держав. Оздоровлению обстановки в Юго-Восточной Азии могла бы способствовать нормализация отношений между странами Индокитая и АСЕАН. Есть возможность не только снять опасную напряженность на Корейском полуострове, но и начать движение по пути решения национальной проблемы всего корейского народа. Необходимо поставить заслон на пути распространения и наращивания ядерного оружия в Азии, на Тихом океане. Советский Союз предлагает начать переговоры о сокращении активности на Тихом океане военных флотов, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием. Необходимо возобновить переговоры по превращению Индийского океана в зону мира. Необходимо радикально сократить в Азии до пределов разумной достаточности вооруженные силы и обычные вооружения.

В качестве пусть не близкой цели Советский Союз предлагает по типу хельсинкской тихоокеанскую конференцию с участием всех тяготеющих к океану стран, а в качестве одного из возможных мест проведения — Хиросиму. Как было бы прекрасно, если этот город — первая жертва атомного зла — стал бы своеобразным «Хельсинки» Азии и Тихого океана!

Народы Азии и раньше не стояли в стороне от столбовой дороги международных отношений. Достаточно напомнить хотя бы о принципах «Панча Шила» или Бандунга. И сейчас в странах этой части мира выдвигаются некоторые соображения, например об экономическом сотрудничестве. Важно только, чтобы такие проекты не навязывались извне и были свободны от пресловутой «блоковой стратегии».

В Азии родилась концепция неприсоединения. Набрал большую силу, она вывела на политическую арену современного мира движение, включившее в свою орбиту более ста государств. Признанный лидер этого движения — великая Индия. Дружественные отношения СССР с Индией — серьезный стабилизирующий фактор международного масштаба.

Удовлетворение советских людей вызывают намечающиеся признаки поворота к лучшему во взаимоотношениях СССР с Японией. Дело мира выиграет, если такой поворот станет фактом. СССР готов расширять связи с Индонезией, Австралией, Новой Зеландией и другими странами. Любое государство, которое стремится к миру и сотрудничеству, встретит понимание и поддержку со стороны СССР.

Новая советская инициатива носит реалистический характер. Она содержит конкретные предложения о региональном урегулировании в Юго-Восточной Азии; о недопущении распространения и наращивания ядерного оружия в Азии и на Тихом океане; о сокращении активности на Тихом океане военных флотов; о сокращении вооруженных сил и обычных вооружений в Азии; о переводе в практическую плоскость обсуждения о мерах доверия и неприменении силы в этом регионе. Большой положительный отзвук на мировой арене нашло объявление о возвращении на Родину из Афганистана шести советских полков. Этот акт явился частью того политического урегулирования обстановки вокруг Афганистана, за которое последовательно выступает Советский Союз. Разумеется, при этом должно быть обеспечено прекращение и невозобновление империалистического вмешательства во внутренние дела ДРА.

Советское предложение о включении азиатско-тихоокеанского района в общий процесс создания всеохватывающей системы международной безопасности — еще одно убедительное свидетельство того, что выдвижение инициатив, имеющих для нормализации обстановки в мире стратегическое, ключевое значение, было и остается характерной чертой внешнеполитического курса КПСС и Советского государства. Именно такими являются советская программа ликвидации ядерного оружия, предложения, направленные на недопущение переноса гонки вооружений в космическое пространство, курс на построение по-настоящему мирной Европы, других регионов нашей планеты.

В течение более года Советский Союз в одностороннем порядке придерживается моратория на испытания ядерного оружия. Все, кто дорожит будущим человечества в ядерный век, горячо поддерживают важнейшую мирную акцию СССР. Повсеместно все выше вздымается волна возмущения курсом Вашингтона, продолжающего ядерные взрывы.

Фактически на всех переломных этапах наращивания ядерных вооружений — испытания атомной, а затем водородной бомбы, создания тяжелых стратегических бомбардировщиков, атомной артиллерии, баллистических ракет на подводных лодках, разделяющихся боеголовках ракет, развертывания межконтинентальных баллистических ракет и т. д. — Вашингтон всегда первым приступал к созданию оружия нового поколения.

С тех пор как появилось ядерное оружие, СССР никогда и ни при каких обстоятельствах не угрожал его применением, тогда как США к такой угрозе прибегали неоднократно. Давно уже перестал быть секретом тот факт, что американские политические и военные деятели сразу после войны подсчитывали, на сколько советских городов, по их мнению, следовало сбросить ядерные бомбы во имя реализации бредовых планов «отбрасывания коммунизма», и всерьез обдумывали возможность повторения опыта Хиросимы и Нагасаки во время событий в Корее и Индокитае.

По вине Вашингтона многие годы буксует механизм переговоров о разоружении, целый ряд начатых переговоров был сорван. Белый дом одну за другой фабрикует доктрины и концепции о допустимости «ограниченной», «затяжной» и т. д. ядерной войны, поскольку на их основе разрабатываются соответствующие директивные документы, основной смысл которых сводится к тому, чтобы вырваться вперед в области военных приготовлений, сломить сложившийся между Советским Союзом и Соединенными Штатами примерный военный паритет, обеспечивающий стабильность на мировой арене. Все эти доктрины и практические мероприятия исходят из установки на первый, обезоруживающий удар.

Своего рода кульминацией безудержных планов военных приготовлений стала доктрина «звездных войн», выдвинутая нынешней республиканской администрацией. Один из самых зловещих ее аспектов состоит в том, что так называемая «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) усиливает агрессивность военно-промышленного комплекса, который внушает американцам «мысли о неммыслимом», то есть о приемлемости ядерной войны и возможности одержать в ней победу. Недаром «мозговой центр» ультраправых кругов США фонд «Херитидж фаундейшн» в последнее время в своих публикациях, посвященных проблемам «звездных войн», назойливо навязывает тезис, согласно которому в том случае, если США сумеют «защитить себя космическим щитом от советских ракет», ядерная война может быть выиграна.

Американские правящие круги жмут сейчас на все педали, стремясь поставить на службу планам «звездных войн» и экономику, и науку. Экс-

перты подсчитали, что до конца века планы СОИ обойдутся в триллион долларов.

Администрация США, следуя крайне опасным курсом «неоглобализма» и имперских амбиций, уклоняется от практического решения вопросов, связанных с судьбами мира. Вашингтон присматривается к тому, чтобы отказаться от Договора по ПРО. О зловещем характере военно-стратегических планов США свидетельствуют произведенные серии ядерных взрывов в Неваде и беспрецедентные размеры военных расходов на 1987 финансовый год в сумме, близкой к 300 млрд. долл. Такой политике администрации США нет и не может быть оправданий. Она ставит под угрозу мир и безопасность во всем мире. Так считают миллионы людей на всех континентах. Безрассудная игра Вашингтона с огнем на международной арене вызывает все большую озабоченность и союзников США, не желающих рисковать своей безопасностью ради имперских амбиций старшего партнера.

Характеризуя главные направления развития мировой политики, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в беседе с Председателем Президиума ЦК Коммунистической партии Японии Т. Фувой отметил, что здесь по-прежнему налицо две линии, два подхода к решению насущных проблем. Один, которого последовательно придерживается Советский Союз, за который выступают разнообразные силы, искренне заинтересованные в упрочении международной безопасности, состоит в честной борьбе за прекращение гонки вооружений, конфронтации, в переходе к разоружению и широкому международному сотрудничеству на основе признания законных интересов и прав всех народов, реалистического подхода к оценке перспектив развития цивилизации с точки зрения ядерной угрозы. Именно этим подходом продиктованы миролюбивые инициативы СССР, других социалистических стран, выдвинутые за последние месяцы, прежде всего после Женевской встречи 1985 г. Другой подход, которого придерживаются силы, выступающие за силовые методы решения мировых проблем, не считаясь с возможными последствиями их применения, состоит в безграничном наращивании гонки вооружений, в переносе ее в космическое пространство, в продолжении конфронтации. Преследуя откровенно корыстные цели, эти силы явно не собираются складывать оружие.

В агрессивной политике и действиях рейгановской администрации, в ее программе «звездных войн» наиболее ярко проявляется имперская амбиция США, стремящихся установить свое мировое господство. Прямым вызовом мировой общественности со стороны американского империализма являются неоднократные испытания ядерного оружия Пентагоном. Ядерными взрывами, производимыми в Неваде, США бросают вызов всему человечеству, демонстрируют свое упорное нежелание отказаться от авантюристической политики, направленной на достижение военного превосходства над миром социализма. Изнурительная гонка вооружений, которую человечеству навязывает Вашингтон, усиливает опасность всеобщей войны, но в широкой исторической перспективе отнюдь не укрепила ни морально-политические, ни военно-стратегические позиции США в мире. Как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, «агрессивное международное поведение, растущая милитаризация политики и мышления, пренебрежение к интересам других неизбежно ведут к моральной и политической изоляции американского империализма, к расширению пропасти между ним и всем остальным человечеством».

Как неопровержимо показывают факты, конкретные, четкие, кардинальные и далеко идущие предложения Советского Союза, других социалистических стран, направленные на поиски выхода из заколдованного круга гонки вооружений, наталкиваются, по существу, на obstruction. При этом выдвигаются многочисленные предлоги и оговорки,

единственная цель которых заключается в том, чтобы не допустить реального прогресса в решении этого наиважнейшего для человечества вопроса. Трудно себе представить, что кое-кому может показаться разумным диалог на переговорах превратить в монолог ядерных взрывов. Но такая опасность существует, и ее создает безрассудная политика наиболее реакционных и воинственных кругов империализма. Есть поэтому все основания форсированный курс на милитаризацию и взвинчивание гонки вооружений, вину за которые целиком и полностью несет империализм, рассматривать в качестве самой существенной и самой опасной формы проявления агрессивности империалистической политики в наше время.

Исключительное значение в этой связи имеет Заявление М. С. Горбачева по советскому телевидению. Сегодня его изучают и обсуждают во всем мире, воспринимая как событие огромной важности. Всесторонне и скрупулезно взвесив все «за» и «против», руководствуясь ответственностью за судьбы мира, Политбюро Центрального Комитета КПСС и Правительство Советского Союза приняли решение продлить односторонний мораторий на ядерные взрывы до 1 января 1987 года. Это решение опирается на единодушную волю советских людей.

Народы всего мира высоко оценивают, приветствуют новую политическую инициативу СССР. Единственный путь к подлинному миру — это полная ликвидация орудий массового уничтожения. Советская программа освобождения от них всей Земли к 2000 г. полностью отвечает требованиям эпохи. Более года тому назад СССР предпринял первый смелый и мудрый шаг на пути к этой цели — ввел в одностороннем порядке мораторий на ядерные испытания. А ныне он продлен вновь. Это решение является уже действием, а не только предложением. Оно знаменует начало нового этапа в борьбе за уничтожение ядерного оружия, свертывание гонки вооружений, за оздоровление международной обстановки.

Какова же в целом реакция по ту сторону Атлантического океана на Заявление М. С. Горбачева? Можно с уверенностью констатировать: положительная в широких слоях американской общественности, среди многих деятелей конгресса и отрицательная в администрации и близких к ней кругах военно-промышленного комплекса. Реакция в правящих кругах США на наше Заявление, отметил М. С. Горбачев в своих ответах на вопросы главного редактора газеты «Руде право», показательна в том смысле, что она выявила следующее: «По крайней мере, в окружении президента, представители которого на этот раз даже не пытались скрывать своего раздражения, всерьез об устранении ядерной угрозы пока не думают. Именно поэтому продление моратория вызвало там такое недовольство. Видно, перед лицом новых советских предложений в этих кругах почувствовали себя неуютно. Уж очень, наверное, трудно стало оправдывать свою позицию в глазах как мировой, так и американской общественности».

Подобную реакцию нетрудно было предсказать заранее. И все же налицо некоторые новые политические нюансы. База поддержки идеи моратория, а также полного запрещения ядерных испытаний заметно расширилась и окрепла.

Как известно, сенаторы Эдвард Кеннеди от штата Массачусетс и Поль Саймон от Иллинойса выступили за запрет на ядерные испытания. Но даже если бы они были против, то сильные антиядерные настроения в их штатах (несколько городов и в Массачусетсе, и в Иллинойсе объявили себя безъядерными зонами) заставили бы их изменить позицию. Выступая недавно в конгрессе, член палаты представителей от правящей Республиканской партии Джеймс Джеффордс отметил, что в беседах с ним избиратели почти неизменно высказываются за мораторий. «В моем штате Вермонт, — сказал он, — обеспокоенные граждане про-

вели пресс-конференции, призвав конгресс поддержать запрещение ядерных испытаний. Более 70 членов законодательного собрания подписали уже вторую резолюцию, призывающую Вашингтон к немедленным действиям с целью введения моратория». В подобной обстановке противники идеи моратория чувствуют себя все более неуютно. Тезис о моратории как о «тактическом пропагандистском маневре Москвы» не срабатывает. «Многие считают, — говорит член палаты представителей Кардисс Коллинз, — что советская акция — это дымовая завеса, пропагандистская уловка, цель которой — обмануть мир. Если это так, то нет лучшего способа разоблачить блеф, чем согласиться на мораторий». Однако согласия, увы, нет.

Острая постановка вопроса о немедленном прекращении ядерных испытаний не случайна. Она порождена прежде всего тем, что вопрос о прекращении ядерных испытаний стал ныне в центр внимания народов мира. Однако Вашингтон упорно отказывается договориться с Советским Союзом о прекращении всех ядерных испытаний, тем самым не выполняя принятых на себя международных обязательств и игнорируя волю мирового сообщества.

Как известно, США обязались вести борьбу за прекращение испытаний ядерного оружия в преамбуле Договора о частичном запрещении испытаний 1963 г. и в статье 6 Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Советский Союз неоднократно выступал с конкретными предложениями о том, как претворить в реальность это обязательство. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, СССР ввел с 6 августа 1985 г. односторонний мораторий, который продлен до конца 1986 г. Однако США до сих пор не последовали этому доброму примеру и, наоборот, делают все для того, чтобы саботировать решение важной для всего человечества задачи.

Свое нежелание прекратить ядерные взрывы Белый дом вначале оправдывал тем, что якобы нет надежных средств контроля. Это было, конечно, уловкой. Советский Союз давно заявил о готовности согласиться на международный контроль и на меры контроля на местах. Свою готовность СССР продемонстрировал и тем, что дал согласие на установку американского сейсмического оборудования в районе Семипалатинска, то есть там, где проводились наши ядерные испытания. Эта принципиальная и четкая позиция была подтверждена М. С. Горбачевым и с трибуны XXVII съезда КПСС: «Мы не раз заявляли: СССР для контроля открыт, мы заинтересованы в нем не меньше других. Всеобъемлющая, строжайшая проверка, пожалуй, — важнейший элемент процесса разоружения. Суть дела, по нашему представлению, в следующем: разоружение без контроля невозможно, но и контроль без разоружения не имеет смысла». В результате лишенный поля для маневрирования Белый дом вынужден был в конце концов признать, что во все не в проблеме контроля причина его отказа пойти на прекращение ядерных испытаний. Как сообщила «Нью-Йорк таймс», «официальная линия министерства обороны больше не состоит в том, что США не могут быть уверены, что русские не проводят скрытых испытаний ядерного оружия. Теперь она звучит так: Соединенные Штаты вынуждены продолжать свои собственные испытания до тех пор, пока им приходится полагаться на свои силы ядерного сдерживания». Затем эта точка зрения была подтверждена и официальным представителем госдепартамента США Редмэком, который в ответ на просьбу прокомментировать «Мексиканскую декларацию» заявил, что мораторий, дескать, «не укрепит стабильность и не сократит риск возникновения войны. Наоборот, осуществление этого предложения увеличит опасное неравенство, созданное массированным наращиванием русских ядерных вооружений, и подорвет усилия, направленные на достижение более стабильного стратегического баланса».

Упорное стремление Вашингтона во что бы то ни стало продолжать ядерные испытания находится в вопиющем противоречии с чаяниями всего человечества избавиться от ядерной угрозы и даже с официальными уверениями американской администрации о стремлении к той же цели. Все это в обнаженном виде представляет нежелание Вашингтона стать на путь ядерного разоружения. И наоборот, ясная и последовательная позиция нашей страны в вопросах ядерного разоружения заслужила одобрение и поддержку во всем мире. Так, например, известный американский ученый Ф. фон Хиппель сказал, что «односторонний мораторий на ядерные испытания, введенный Советским Союзом, имеет чрезвычайное значение и оказал огромное влияние на мировое общественное мнение. Он продемонстрировал растущую уверенность Советского Союза в новом способе мышления». В качестве альтернативы программе «звездных войн» представлена в ООН программа строительства «звездного мира». Наиболее обобщенным выражением новых подходов во внешней политике явились сформулированные на XXVII съезде КПСС основы всеобъемлющей системы международной безопасности.

Год моратория многое показал и прояснил. Прежде всего возрос напор миролюбивых сил. Активизировалась значительная и авторитетная часть мирового сообщества. В Москву от политических и общественных деятелей, от частных лиц и организаций многих стран, в том числе из США и других государств НАТО, поступили послания с просьбой продлить советский мораторий, дать еще один шанс образумиться тем, кто все еще настаивает на ядерных взрывах.

С другой стороны, год моратория позволил мировой общественности оценить, кто же на деле стоит за разоружение, а кто помешался на гонке вооружений, позволил сопоставить, что такое социалистическая нравственность и что такое «принципы» денежного мешка. Длительная тишина на советских полигонах и десятки взрывов на американских — контраст, который нельзя затушевать никакими словесными ухищрениями. Поклонники ядерного оружия лишились за это время и отговорок о невозможности контроля над испытаниями. С них слетели все пропагандистские одежды. Своим демонстративным пренебрежением мировым мнением, вызывающими «ответами» на полигоне в Неваде на советские мирные шаги они хотели бы спровоцировать нас, втянуть в новые витки гонки вооружений. Но сегодня, и об этом не должны забывать в Вашингтоне, самоубийственно строить межгосударственные отношения на иллюзии достижения превосходства в оружии массового уничтожения.

Советские люди знают, с кем имеют дело. Поэтому безопасность страны — дело для нас святое, и сил для этого мы не пожалеем. Вся история Советского Союза свидетельствует о способности его найти быстро ответ на любой вызов. И пусть за океаном еще раз взвешают реальную ценность своих новых военных программ с точки зрения интересов США, их безопасности и перспектив советско-американских переговоров, интересов всеобщего мира. Мы верим в разум американского народа и уверены, что прекращение ядерных испытаний отвечает в равной степени и его интересам, безопасности всех народов.

Советский Союз уверен, что соглашения о прекращении ядерных испытаний, о разоружении можно было бы достичь уже в этом году на советско-американской встрече в верхах. Это событие недавно состоялось и ныне весь мир обсуждает итоги советско-американской встречи на высшем уровне в Рейкьявике. Она стала крупным политическим событием в международной жизни, в борьбе против гонки вооружений, за запрещение и ликвидацию ядерного оружия, за отведение от человечества военной угрозы. Последствия этого события будут долго сказываться на международных отношениях.

Советский Союз поставил на встрече в Рейкьявике во главу угла главные вопросы мировой политики — прекращение гонки вооружений, ядерное разоружение. На стол переговоров был положен целый пакет крупных мер, которые, будь они приняты, положили бы начало новой эпохе в жизни человечества — безъядерной эпохе. В этом суть советских предложений, реализация которых означала бы кардинальный перелом в мировой обстановке. Возможность этого была очевидной и реальной.

Позиция советской стороны на встрече в Рейкьявике была честной и открытой. Она основывалась на принципах равенства и одинаковой безопасности, учитывала интересы обеих стран, их союзников, народов всех государств. Конкретным выражением нового подхода к жгучим проблемам современности, нового мышления явились советские компромиссные предложения, выдвинутые на этой встрече.

Это — смелые, нестандартные предложения, призванные сдвинуть дело ядерного разоружения с мертвой точки с тем, чтобы к концу века полностью ликвидировать ядерное оружие. Этот процесс, по убеждению Советского Союза, требуется поставить под строжайший контроль, за любые формы которого выступает наша страна.

В острых дискуссиях, развернувшихся в Рейкьявике, советская сторона, стремясь к достижению взаимоприемлемого компромисса, пошла на серьезные уступки. В результате было достигнуто согласие по вопросам как стратегических вооружений, так и ракет средней дальности. Однако согласие не удалось воплотить в обязывающие стороны договоренности из-за упорного нежелания американской администрации создать условия для их реализации путем укрепления режима ПРО, принятия одинаковых для обеих сторон обязательств в этой области.

Именно по данному вопросу произошло в Рейкьявике подлинное столкновение двух подходов в мировой политике к таким насущным ее проблемам, как прекращение гонки вооружений, запрещение ядерного оружия. Американская сторона настаивала на том, чтобы США имели возможность исследовать и испытывать все, что относится к СОИ, не только в лабораториях, но и за их пределами, в том числе в космосе. Так вашингтонская администрация наглядно показала, что, уверовав в свое технологическое преимущество, она все еще надеется достичь недостижимого — добиться военного превосходства над Советским Союзом, идя через СОИ к милитаризации космического пространства.

И все же встреча в Рейкьявике была полезной. Там проделана большая работа, приобретен огромный опыт. Отныне никто уже не может действовать так, как действовал ранее. Встреча подготовила возможный шаг вперед к реальному сдвигу к лучшему. Дело только за США. Предложенная СССР в Рейкьявике платформа представляет исторический шанс для кардинального решения проблем войны и мира. Нужно сделать все для того, чтобы этот шанс был использован в интересах народов, всего человечества.

Остановить сползание к ядерной войне, добиться коренного поворота в международных отношениях в сторону разрядки и нормализации общей обстановки можно. И эту исключительно важную задачу нельзя не решать. Своими действиями и инициативами мы стремимся укрепить надежду народов на то, что ситуацию можно изменить, что есть доступная альтернатива конфронтации, сказал М. С. Горбачев. Думаю, мы уже вступили во вторую фазу глобального антиядерного процесса, фазу не только надежд, но и реалистических планов и вытекающих из них конкретных действий. Социалистические страны, вся прогрессивная общественность, все борцы за мир твердо убеждены в том, что надежная безопасность всех государств и народов, мирные условия их развития и прогресса могут быть обеспечены политическими средствами, совместными усилиями всех государств и народов.

[К 30-летию восстановления советско-японских дипломатических отношений]

*В. В. АЛЕКСАНДРОВ,  
В. Н. АРСЕНЬЕВ*

19 октября 1986 г. исполнилось 30 лет со дня подписания Совместной советско-японской декларации, открывшей новый этап в истории отношений между двумя соседними странами. Провозгласив прекращение состояния войны и восстановление между ними мира, этот исторической важности документ объективно заложил солидную базу для последующего налаживания добрососедских и дружественных отношений между СССР и Японией.

Как говорится в преамбуле декларации, Советский Союз и Япония полностью согласились, что восстановление дипломатических отношений между ними будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между обоими государствами в интересах мира и безопасности на Дальнем Востоке. В соответствии с зафиксированной в декларации договоренностью между двумя странами восстанавливались дипломатические и консульские отношения. Стороны подтвердили, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций, в частности разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость; воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН. СССР и Япония взяли на себя взаимное обязательство не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера. СССР поддержал просьбу Японии о принятии ее в члены ООН и об освобождении и репатриации в Японию осужденных в СССР японских граждан. Обе стороны взаимно отказывались от всех претензий, возникших в результате войны, в том числе Советский Союз отказывался от репарационных претензий к Японии. Рассматривая данный документ как первый отправной шаг на пути к урегулированию целого комплекса двусторонних отношений, СССР и Япония зафиксировали в декларации свое согласие в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения. Кроме того, в декларации содержится согласие сторон на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между ними переговоров о заключении мирного договора, подписать который, как известно, в то время не удалось в связи с выдвижением Японией своих незаконных территориальных претензий к Советскому Союзу.

Рассматривая Совместную декларацию с позиции сегодняшнего дня, следует подчеркнуть историческую важность этого документа, заложившего юридические основы двусторонних отношений между СССР и Японией и давшего мощный импульс их последующему развитию. Этот документ, безусловно, отвечал коренным интересам народов двух стран,

и его подписание было шагом в правильном направлении. Именно поэтому он должным образом оценивается в Советском Союзе.

Нельзя не отметить также, что сам по себе факт подписания Совместной декларации, на которое пошло правительство И. Хатоямы в то сложное для Японии время, несмотря на оказываемое на него давление как внутри страны, так и извне, безусловно, свидетельствует о политической мудрости этого государственного деятеля, руководствовавшегося прежде всего национальными интересами. Этот шаг Японии говорит также в пользу того, что этой страной была предпринята серьезная попытка придать большую самостоятельность своему внешнеполитическому курсу, активизировать дипломатию на международной арене, которая была бы, разумеется, неполной без нормальных отношений с СССР. Эта линия Токно нашла отражение и в ряде конкретных шагов Японии в отношении Советского Союза в первые годы после восстановления дипломатических отношений. Советско-японские отношения в целом стали развиваться по восходящей линии, и японская сторона в той или иной степени проявляла готовность к их поступательному развитию и расширению.

Правда, и в те годы это поступательное развитие двусторонних отношений нередко прерывалось вспышками недружественных по отношению к нашей стране кампаний и испытывало на себе негативное влияние политики США. Решение многих вопросов затягивалось японской стороной, ставились искусственные барьеры на путях взаимовыгодного сотрудничества. Тем не менее удалось добиться ощутимых позитивных результатов, накопить полезный опыт взаимовыгодного сотрудничества.

Так, между сторонами был заключен ряд договоров и соглашений, которые создавали довольно солидную юридическую базу для дальнейшего развития и расширения обоюдных связей и контактов. Среди них Торговый договор, Консульская конвенция, Соглашение о воздушном сообщении, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве и другие. Определенное развитие получили политические контакты, в том числе по парламентской линии. Заметный прогресс был достигнут в торгово-экономической области, в частности в сфере рыболовства и научно-технического сотрудничества. Широкое развитие получили связи в области культуры, спорта, контакты между общественными организациями.

Положение заметно изменилось с середины 70-х годов. Именно тогда появляются явные признаки снижения уровня самостоятельности японской внешней политики, ее подчинения глобальным интересам США. Свои отношения с СССР Япония стала строить все с большей оглядкой на заокеанского союзника, открыто заявляя, что японо-советские отношения являются чуть ли не зеркалом отношений американо-советских. Советской же стороной в связи с этим неоднократно указывалось, что советско-японские отношения — это самостоятельный фактор, и его следует рассматривать в первую очередь с точки зрения национальных интересов СССР и Японии. Вряд ли нужно доказывать, что это единственно правильный подход и что такой подход следовало бы проявлять и другой стороне, если она действительно стремится к претворению в жизнь провозглашенных в декларации принципов.

Отмеченная выше тенденция в японской политике, к сожалению, не ослабевала. Как известно, благодаря ряду факторов Япония сумела превратиться во вторую по совокупной экономической мощи державу в капиталистическом мире. Значительно повысился ее удельный вес в мировом производстве.

По мере возрастания экономической мощи соответственно выросли и внешнеполитические амбиции Токно. Правящими кругами на по-

вестку дня была поставлена задача повышения политической роли страны в современном мире и приведения ее в соответствие с экономической мощью. Однако главный путь к достижению этой цели они видели в дальнейшем укреплении военно-политического союза с США, что полностью соответствует планам американской администрации по вовлечению Японии в свою глобальную стратегию. Следствием этого является значительное наращивание Японией своей военной мощи, усиление милитаристских тенденций в политике. Быстрыми темпами растут военные расходы страны, их прирост в последние годы составляет в среднем 6,5 %, то есть вдвое больше, чем в западноевропейских странах. По оценке некоторых американских специалистов, Япония уже сейчас занимает шестое место в западном мире по размеру военных расходов, которые, по принятой в странах НАТО системе подсчетов, составляют 1,4 % ВВП. Только на содержание американских баз ею тратится свыше 1 млрд. долл. ежегодно. Все более вольное толкование в японских руководящих кругах и в правящей партии получали те положения японской конституции, которые провозглашают отказ от права на ведение войн и создание собственных вооруженных сил. Весьма обоснованные опасения у мировой общественности, как, впрочем, и в самой Японии, вызывает несоблюдение этой страной строгого и последовательного выполнения так называемых антивоенных принципов, принятых в свое время японским парламентом и правительством, включая запрет на экспорт вооружений и «три неядерных принципа». Разве можно иначе расценить многочисленные факты захода американских кораблей с ядерным оружием на борту в японские порты, японо-американское соглашение о передаче Пентагону японской новейшей технологии, которая может быть применена в наступательных и стратегических системах США, а также в вооружениях, поставляемых в третьи страны? Качественно новым проявлением этого процесса явилось решение японского правительства в пользу участия Японии в американской программе «звездных войн». Безусловно, такая политика Японии не может не вызывать чувства обеспокоенности у соседних с ней государств и в других странах Азиатско-тихоокеанского региона (АТР).

Говоря о негативных моментах в японской политике, следует отметить также и то, что все большее место во внешнеполитических концепциях Японии начали играть, как мы видим, военные аспекты, а также заметный сдвиг вправо внутриполитической ситуации при определенном росте националистических, а в некоторых случаях и реваншистских, настроений. В частности, наиболее реакционные круги в Японии уже давно настойчиво проводят мысль о том, что без превращения Японии в крупную в военном отношении державу ей едва ли удастся до конца выполнить задачу по приведению политической роли Японии в соответствие с ее экономической мощью.

Конечно, можно понять стремление к тому, чтобы голос Японии — одной из великих держав мира — звучал громко не только в мировой экономике, но и в мировой политике. Однако не следует забывать, что роль и авторитет страны определяются тем, насколько ее практические дела соответствуют широким интересам международного сообщества.

Отмеченные выше тенденции в японской политике, тесно взаимодействуя как на глобальном, так и региональном уровне, по понятным причинам не могли не оказать своего влияния и на отношения Японии с Советским Союзом. Не в этом ли корни того, что за прошедшие после подписания декларации годы они порой переживали трудные времена, искусственно замораживались, а иногда и обращались вспять? При этом с японской стороны всякий раз предпринимались попытки представить дело таким образом, будто ответственность за это несет Советский Союз. Но так ли это на самом деле?

Со времени подписания Совместной декларации Советский Союз строил свои отношения с Японией на основе общепринятых принципов добрососедства и сотрудничества, не допускал в отношении нее каких-либо шагов, которые могли бы нанести ущерб нашим отношениям.

Естественно, в Советском Союзе не могут оставлять без внимания и не принимать в расчет отмеченные негативные, а порой и настораживающие моменты в ее политике. Вместе с тем советско-японские отношения являются одним из существенных факторов, определяющих политический климат на Дальнем Востоке и в Азии в целом. С учетом этого, а также исходя из интересов народов обеих стран, принципиальный курс Советского Союза на поддержание нормальных отношений с Японией, их всестороннее развитие на началах взаимного доверия и подлинного добрососедства был и остается неизменным. Такой курс закреплен в решениях съездов КПСС, в выступлениях советских руководителей. Он не был и не мог быть подвержен каким-либо конъюнктурным колебаниям. В Советском Союзе считают, что развитие наших связей в направлении укрепления доверия, наполнения их содержанием, полезным для обеих сторон, расширения сферы контактов и, где это возможно, взаимодействия по актуальным вопросам современности отвечало бы коренным интересам двух стран, интересам мира и безопасности в АТР.

Следует добавить, что советские люди всегда отдавали должное трудолюбию и талантливости японского народа, его достижениям в различных областях, проявляли значительный интерес к его самобытной культуре, никогда не испытывали чувства враждебности. Неоднократно выражавшаяся советским руководством готовность способствовать углублению взаимопонимания между народами СССР и Японии неизменно получала и получает положительный отклик у советских людей, желающих жить в мире и дружбе со своим великим дальневосточным соседом. А для этого имеются все объективные предпосылки, главная из которых — обоюдное стремление к миру.

Свой принципиальный, основанный на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества курс в отношении Японии Советский Союз постоянно подкреплял конкретными практическими делами. Выдвинутые им многочисленные инициативы явились той базой, на которой было построено здание советско-японского сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической, культурной, рыболовной и других сферах двусторонних отношений.

В конце 70-х годов Советский Союз, намечая пути расширения всесторонних связей с Японией, выступил с новыми важными предложениями, направленными на то, чтобы открыть новый этап во взаимоотношениях между двумя государствами. Им был поставлен вопрос о необходимости создания прочного фундамента для развития дружественных отношений на длительный исторический период. Этой цели, как подчеркивалось в обращениях к японской стороне, служило бы дальнейшее укрепление договорно-правовой основы наших отношений. Советской стороной были вынесены предложения о заключении между СССР и Японией Договора о добрососедстве и сотрудничестве, предлагалось обсудить с Японией меры доверия на Дальнем Востоке на двусторонней или многосторонней основе, заключить соглашение, в котором в договорно-правовой форме были бы закреплены обязательства Советского Союза не применять ядерное оружие против Японии, а со стороны Японии — строго соблюдать три известных «неядерных принципа», в том числе не размещать на своей территории и в прилегающих пространствах ядерное оружие. В области торгово-экономических связей предлагалось перейти к практике экономического сотрудничества, рассчитанного на долгие годы. Советский Союз высказался также за то, чтобы поднять на более

высокий межгосударственный уровень сотрудничества в сфере культуры и науки.

Таким образом, Советский Союз выступил с комплексной, далеко идущей программой, направленной не только на значительное улучшение двусторонних отношений, но и предусматривающей поднятие их на качественно новую ступень. Однако, как известно, ни одно из этих предложений принято не было. Более того, в дальнейшем Япония предприняла шаги, которые не могли не привести и действительно привели к серьезному осложнению отношений между двумя странами. Имется в виду, что Япония на рубеже 70—80-х годов под надуманными предлогами практически прервала политический диалог с нашей страной, взяв курс на ограничение политических контактов. Были введены так называемые экономические санкции, в соответствии с которыми японская сторона ограничила предоставление новых экспортных кредитов, отказалась от проведения очередной сессии Комиссии по научно-техническому сотрудничеству, прервала проведение ежегодных консультаций по вопросам торговли. В данном контексте уместно заметить, что указанные действия явились явным нарушением японской стороной положений действующих договоров и соглашений, в свое время заключенных между нашими странами.

Понятно, что такая политика официального Токио не только значительно ухудшила атмосферу в советско-японских отношениях, но и оказала серьезное негативное воздействие на многие практические области двустороннего сотрудничества, получившего значительное развитие в послевоенные годы. Особенно сильно пострадала торговля, в результате чего Япония, ранее занимавшая по торговле СССР с развитыми капиталистическими странами 2 место, перешла на 5—6 место. Если давать общую характеристику наших отношений с Японией в этот период, то можно сказать, что шел активный демонтаж структуры советско-японского сотрудничества и добрососедства, которая была создана усилиями обеих сторон в первые годы, последовавшие после восстановления дипломатических отношений в 1956 году.

Разумеется, таким недружественным действиям Токио давалась принципиальная и объективная оценка, откровенно заявлялось, что попытки разговаривать с Советским Союзом с использованием приемов «силовой дипломатии» и добиваться от него односторонних уступок заведомо обречены на провал. Они не только не могут дать никаких дивидендов инициаторам подобного рода курса, но нанесут ущерб прежде всего их собственным экономическим интересам и политическому престижу.

Очевидно, что сложившуюся ситуацию ни в коей мере нельзя было назвать удовлетворительной — ни с точки зрения непосредственных интересов двусторонних советско-японских отношений, ни с позиций, продиктованных заботой о смягчении напряженности в АТР. К этому обстоятельству советская сторона со всей серьезностью привлекла внимание японских представителей. Более того, в полном соответствии с установками своего миролюбивого внешнеполитического курса Советский Союз выразил готовность вести дело к улучшению отношений и предпринять в этих целях практические шаги, разумеется, при том понимании, что в Токио сделают выбор в пользу мира и добрососедства. Следует отметить, что японское руководство, судя по всему, отдавая себе отчет в бесперспективности дальнейшего следования курсу политики конфронтации, стало осознавать необходимость выправления отношений с Советским Союзом, вывода их из состояния застоя, в котором они оказались отнюдь не по вине СССР. В Японии все чаще звучали заявления высокопоставленных лиц, в которых подчеркивалась актуальность задачи поддержания по крайней мере равных отношений с ближайшим сосе-

дом — Советским Союзом, отмечалась важность укрепления и расширения диалога с СССР с тем, чтобы придать взаимным связям устойчивость, сделать их плодотворными. К тому же наиболее трезво мыслящие политики в Токио, видимо, отдавали себе отчет в том, что отсутствие нормальных, широкомасштабных связей с Советским Союзом, отсутствие политического диалога едва ли идет на пользу международному престижу Японии, которая все чаще и чаще стала подвергаться критике даже со стороны западных стран за одностороннюю ориентацию на США.

В 1984—1985 годах появились признаки оживления двусторонних контактов. Был возобновлен обмен по парламентской линии, активизировались торгово-экономические связи, расширился культурный обмен. Все это создало неплохие предпосылки к тому, чтобы при наличии доброй воли и взаимной заинтересованности — а только такой подход можно признать верным для решения задач поступательного развития отношений — приступить к шагам по качественному оздоровлению общей атмосферы советско-японских связей.

Принципиально важное значение имела беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с премьер-министром Японии Я. Накасонэ, состоявшаяся в Москве 14 марта 1985 года. В ходе встречи М. С. Горбачев подчеркнул, что Советский Союз готов развивать взаимовыгодные связи с Японией в различных областях и выступает за придание отношениям между обеими странами добрососедского характера<sup>1</sup>.

Разумеется, отмеченные выше перемены отнюдь не случайны. Не застой, не отступление назад, а продвижение вперед — вот что должно быть естественным для советско-японских отношений и определять их развитие. К этому обязывает целый ряд причин объективного порядка. Это и географическая близость двух стран, и взаимодополняемый характер структуры советской и японской экономик, и большой интерес обоих народов к жизни и культуре друг друга, и многое другое. Ныне же, в ядерный век, когда помыслы всех честных людей Земли обращены на создание непреодолимого заслона возникновению разрушительной войны, существует еще один важнейший фактор, обуславливающий необходимость расширения сотрудничества между советским и японским народами. Он связан с задачей объединения усилий всех миролюбивых государств и народов в борьбе за мир и международную безопасность, за ликвидацию смертоносных вооружений.

Понимание подобной совокупности факторов как двустороннего, так и глобального характера, свидетельствующих не только о целесообразности, но и о необходимости строительства здания советско-японских отношений на фундаменте мира и добрососедства, весьма важно при оценке перспектив связей двух стран. Известно, что кое-кто в Японии пытался оправдать или по крайней мере объяснить наступившее в них в начале 80-х годов охлаждение воздействием общей международной обстановки, противостоять ухудшению которой советско-японские отношения были якобы не в силах. Тезис о взаимосвязи ситуации в мире и уровня контактов между отдельными государствами в принципе возражений не вызывает — ведь вряд ли кто-либо может «отгородиться» от развития событий на международной арене. Советско-японские отношения, безусловно, испытывают влияние мировой обстановки. Однако в равной степени они сами способны влиять на нее в интересах обеих стран, чтобы такое влияние было по-настоящему конструктивным. А этого можно достичь только путем прогресса, делающего возможным взаимодействие по все более широкому спектру проблем, в том числе касающихся наиболее актуальных вопросов международной жизни. Не вызывает сомнения, что подобный совместный вклад СССР и Японии в оздоровление ситуации в мире был бы оценен по достоинству всеми народами.

<sup>1</sup> См.: «Правда», 15.III.1985.

Важной вехой на пути развития советско-японских отношений, поиска серьезных сдвигов к лучшему в контактах между двумя странами стал официальный визит в Японию члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, состоявшийся 15—19 января 1986 года. В ходе визита были проведены обстоятельные беседы и переговоры Э. А. Шеварднадзе с премьер-министром и министром иностранных дел Японии, руководителями ведущих политических партий страны, видными представителями деловых кругов и японской общественности. Был подписан ряд советско-японских соглашений, касающихся расширения сотрудничества и обмена в различных сферах.

Примечательно, что визит министра иностранных дел СССР в Японию начался 15 января, когда в Москве было опубликовано Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, содержащее принципиально новые крупномасштабные инициативы, которые открывают реальный путь к ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Советские предложения, встреченные в Японии с большим вниманием, определили тональность, да и во многом саму тематику переговоров.

Говоря о позитивных итогах визита в Японию, Э. А. Шеварднадзе отметил на пресс-конференции в Клубе японских журналистов в Токио 19 января 1986 г.: «Прежде всего положителен сам факт возобновления политического диалога, который, как твердо условились обе стороны, будет продолжен»<sup>2</sup>. Таким продолжением стал визит министра иностранных дел Японии С. Абэ в Советский Союз 29—31 мая 1986 г. В ходе переговоров была отмечена обоюдная заинтересованность в поступательном развитии советско-японских отношений, совместном поиске большего взаимопонимания и взаимодействия в интересах народов обеих стран, обеспечения безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе. Советско-японские отношения обогатились новым соглашением — о культурных связях. Кроме того, оказалось возможным найти точки соприкосновения в подходе к специфическим вопросам, особо интересующим Японию, договориться о развитии торгово-экономического, научно-технического и культурного обмена.

Показателем стремления сторон к дальнейшему расширению политического диалога, повышению его уровня является факт передачи японской стороной приглашения М. С. Горбачеву посетить Японию и советской стороной — приглашения премьер-министру Японии посетить Советский Союз. Тем самым вопрос об обмене визитами на высшем уровне был поставлен на повестку дня.

В нашей стране искренне желают, чтобы поворот к лучшему в советско-японских отношениях, признаки которого наметились в последний период, произошел. Потенциал взаимных связей и контактов весьма обширен, и активные шаги в целях его максимально полной реализации — вот единственно верный путь для перевода отношений между СССР и Японией в русло прочного добрососедства. Каковы же наиболее перспективные и значимые направления, двигаясь по которым можно добиться ощутимых и столь необходимых народам обеих стран результатов?

Важнейшее из них связано с развитием конструктивного диалога по кругу вопросов войны и мира, взаимодействия в целях устранения нависшей над Землей опасности ядерного уничтожения. Как совершенно ясно, в этом коренном вопросе интересы народов Советского Союза и Японии не могут не совпадать. Об этом красноречиво свидетельствует тот широкий резонанс, который встречает в японских общественных и политических кругах выдвинутая СССР программа разоружения. Поставленные в ней масштабные задачи избавления человечества от ядерного оружия понятны народу Японии — страны, познавшей ужасы атом-

<sup>2</sup> «Новое время», 1986, № 5.

ной бомбардировки. И Советский Союз готов сотрудничать со своим дальневосточным соседом в плане содействия активному движению к благородной цели ядерного разоружения, упрочнения безопасности народов. Обращаясь к мэрам Хиросимы и Нагасаки, М. С. Горбачев писал: «Советская программа строительства к концу нынешнего столетия мира без ядерного и других видов оружия адресована всем, ведь никто не может оставаться безучастным перед лицом всеобщей угрозы. Обращаем мы свой призыв и к Японии»<sup>3</sup>.

В этой связи следует отметить, что важную роль в осуществлении обмена мнениями между правительствами двух стран по наиболее актуальным международным проблемам играют ставшие регулярными встречи министров иностранных дел СССР и Японии в ходе сессий Генеральной Ассамблеи ООН. В сентябре 1986 г. в Нью-Йорке была проведена очередная такая встреча — Э. А. Шеварднадзе встретился с новым министром иностранных дел Японии Т. Куранари.

Конечно же, в подходе японского руководства к глобальным, общечеловеческим проблемам далеко не все обстоит просто. Иные практические действия Токно на международной арене вызывают обоснованную озабоченность как в самой Японии, так и за ее пределами. К ним относится, в частности, недавнее решение японского правительства в пользу участия Японии в осуществлении откровенно военной программы СОИ. Понятно, что подключение к американским планам «звездных войн» не может не отразиться на оценке внешнеполитических намерений этой страны и на советско-японских отношениях. В заявлении, сделанном по этому поводу в МИД СССР послу Японии в СССР, в частности, отмечается, что подобный шаг не может рассматриваться иначе, как свидетельство дальнейшего вовлечения Японии в военно-стратегические планы США. При этом с советской стороны была выражена надежда на то, что японская сторона сделает практические выводы, которые действительно будут подтверждать ее заявления в пользу укрепления мира и ограничения гонки вооружений<sup>4</sup>.

Не вызывает сомнений, что, если в Японии будут на деле руководствоваться интересами укрепления мира и безопасности, в том числе в окружающей ее регионе, эта страна сможет внести весомый вклад в улучшение международной обстановки, который соответствовал бы ее экономическому и политическому потенциалу. Советский Союз готов к развитию диалога с Японией и по кругу азиатско-тихоокеанских проблем. Хорошую основу для этого представляют собой выдвинутые М. С. Горбачевым в речи во Владивостоке 28 июля 1986 г. инициативы по формированию международной безопасности и мирного сотрудничества в этом обширном районе мира. Комплексная программа действий по включению АТР в процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности — это одна из наиболее актуальных тем, обмен мнениями по которой между СССР и Японией был бы полезен и необходим. Речь идет о диалоге в целях содействия усилиям по прекращению распространения и наращивания в Азии и на Тихом океане ядерного оружия, сокращения здесь активности военных флотов, сокращения вооруженных сил и обычных вооружений, практическому обсуждению мер доверия, а в перспективе — и созыва по типу Хельсинкской конференции стран Тихоокеанского региона. В решении этих задач СССР и Япония, учитывая их вес и влияние в регионе, многое могли бы сделать совместно.

В Токно в свою очередь заявляют о готовности расширять обмен мнениями с Советским Союзом по азиатской проблематике. Необходимость такого рода контактов очевидна — ведь вопросы обеспечения безопасности и укрепления сотрудничества в Азиатско-тихоокеанском регионе ка-

<sup>3</sup> «Правда», 13.11.1986.

<sup>4</sup> См.: «Правда», 12.1X.1986.

саются всех без исключения заинтересованных государств. Тем более, что Японию, которая в системе приоритетов собственной внешней политики делает особый акцент на активизацию азиатской дипломатии, не должна устраивать перспектива как бы «остаться в стороне» от движения к прочному миру в регионе. Однако, например, применительно к идее о совместной выработке комплексных решений задачи упрочения безопасности в АТР, созыве в этих целях специальной конференции японские официальные представители зачастую делают различного рода оговорки: «с порога» эта идея не отвергается, но в то же время утверждается, что по ряду причин она, дескать, неосуществима. И здесь, помимо прочего, пускается в ход тезис о якобы дестабилизирующем влиянии некоего «наращивания советской военной мощи», хотя те, кто выступает в защиту подобной «теории», сами, видимо, осознают разительное несоответствие рассуждений о «советской угрозе» реальной военно-стратегической ситуации в АТР. К тому же, настойчиво советуя Советскому Союзу ликвидировать те или иные вооружения в восточной части страны, от США не требуют уничтожения соответствующего оружия, в том числе направленного на СССР с территории Японии и из ее прибрежных вод.

Спрашивается: что, если отбросить устаревшие стереотипы, может конкретно оказаться неприемлемым для Японии в деле общего поиска путей упрочения основ безопасности в регионе? В предложениях Советского Союза на этот счет речь идет об объединении усилий именно в общих целях, о сотрудничестве при полном уважении права каждого народа жить по собственному выбору, самостоятельно решать свои проблемы. В ходе обсуждения — как на двусторонней, так и многосторонней основе — уже имеющиеся соображения могут быть дополнены, могут появиться и новые обещающие идеи. Уместно вспомнить в этой связи и о принципах мирного сосуществования «Панча Шила» и о 10 принципах Бандунга — ведь в них в свое время азиатские страны уже как бы заложили базу для будущей работы. Кстати, Япония, как известно, была участницей Бандунгской конференции 1955 года и одобрила принятые на ней документы. И сегодня, через 30 с лишним лет после форума в Бандунге, она могла бы в немалой мере содействовать процессу укрепления устоев азиатской безопасности. В частности, провозглашенные японским правительством «неядерные принципы» — не иметь, не производить ядерное оружие и не допускать его на свою территорию — могли бы получить широкое международное признание и послужить примером для многих стран, разумеется, если бы мир был убежден в их строгом и неукоснительном соблюдении.

Таким образом, существует целый ряд направлений, на которых между СССР и Японией может осуществляться диалог, и диалог конструктивный. А это в свою очередь указывает на перспективность усилий сторон во имя углубления взаимопонимания, расширения сферы их взаимодействия.

Сказанное относится не только к политической области советско-японских отношений. Жизнь показывает наличие больших возможностей ускоренного развития торгово-экономических связей двух стран. Однако их общий уровень пока не соответствует объективно существующему потенциалу. И дело здесь отнюдь не в структурной перестройке промышленности Японии, на которую иногда ссылаются в Токио, — ведь аналогичные процессы идут и в экономике других стран, в том числе в Советском Союзе. Важно, чтобы отношения в этой сфере были более стабильными, не подверженными влиянию конъюнктурных факторов, более разносторонними и глубокими. И ключ к решению этой задачи — в активных усилиях обеих сторон, основывающихся на принципах равенства и равной заинтересованности в расширении взаимовыгодного сотрудничества. Иного подхода здесь быть не может.

Важную роль в деле стабилизации и укрепления двусторонних связей могло бы, по убеждению советской стороны, сыграть заключение соглашения между СССР и Японией о принципах экономического сотрудничества и выработка на его основе долгосрочной конкретной программы. Соответствующее предложение неоднократно подтверждалось в контактах с японскими представителями, однако до сих пор в Токио воздерживаются от позитивного ответа. Конечно, навязывать японской стороне те или иные решения никто не собирается. Но ощутимая взаимная выгода от возможного заключения упомянутого документа очевидна, о ней говорит хотя бы опыт реализации подобных соглашений Советского Союза с рядом западноевропейских стран.

Следует подчеркнуть позитивное значение ряда советско-японских договоренностей последнего времени по кругу вопросов взаимной торговли. Так, министрами иностранных дел двух стран было подтверждено обоюдное намерение содействовать дальнейшему расширению торгово-экономических отношений между СССР и Японией на основе взаимной выгоды. Укреплена договорная база этих отношений, подписаны соответствующие межправительственные документы — Соглашение о товарообороте и платежах на период с 1986 по 1990 г. и Конвенция об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. Повышен уровень ежегодных межправительственных консультаций по торгово-экономическим вопросам. Такие консультации между заместителем министра внешней торговли СССР и заместителем министра иностранных дел Японии состоялись в Москве в марте 1986 г.

Проведенное в апреле 1986 г. в Москве X совместное совещание советско-японского и японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству, созданных еще в 60-х годах, также продемонстрировало большой интерес сторон к расширению деловых контактов. О заинтересованности японского бизнеса в развитии взаимовыгодных связей с СССР говорит и представительный уровень японской делегации — в Москву приехали около 250 руководителей ведущих компаний. При этом ключевым вопросом совещания стал поиск новых форм сотрудничества, путей повышения его эффективности. Имели место и другие полезные мероприятия — одним из них стала проходившая в октябре 1986 г. в Москве японская промышленная выставка.

В Советском Союзе конструктивно подходят к вопросам развития экономического сотрудничества с Японией. В речи М. С. Горбачева во Владивостоке названы возможные конкретные направления соответствующих контактов сторон в будущем. Обоюдный интерес представляет хозяйственная кооперация — в первую очередь в прибрежных районах. Может быть обсужден вопрос и о создании совместных предприятий в прилегающих и близко расположенных друг от друга районах СССР и Японии. Имеется перспектива налаживания долговременного сотрудничества в исследовании и комплексном освоении ресурсов океана, стыковке программ мирного изучения и использования космоса.

Важным активом советско-японских межправительственных контактов явилось достижение договоренности об активизации сотрудничества в научно-технической сфере. В сентябре 1986 г. Японию посетил заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель ГКНТ СССР Г. И. Марчук. После многолетнего перерыва возобновила работу советско-японская межправительственная комиссия по научно-техническому сотрудничеству — в сентябре 1986 г. состоялась III сессия этой комиссии. В ходе ее работы обсуждались конкретные направления взаимных связей, вопросы расширения обмена передовой техникой и технологией, задачи укрепления контактов между учеными обеих стран, налаживание сотрудничества в области фундаментальных научных исследований. Полезность подобных позитивных сдвигов сомнений не вызывает, поскольку обмен странам, обладающим высоким уровнем развития нау-

ки и техники, есть, очевидно, чему поучиться друг у друга. А в век НТР контакты между соответствующими советскими и японскими организациями, научно-исследовательскими центрами и учеными могли бы существенно помочь и в плане выявления новых перспективных форм и направлений сотрудничества на благо своих народов и всего человечества.

Качественно новый импульс был придан развитию советско-японских отношений в области культуры, которые демонстрируют неизменно поступательный характер, обусловленный большим интересом народов обеих стран к культурному наследию друг друга. В мае 1986 г. в Москве было подписано Соглашение между правительством СССР и правительством Японии о культурных связях. Оно предусматривает дальнейшее расширение сотрудничества в этой сфере, проведение выставок, обмен печатными изданиями и публикациями, ряд других мероприятий, направленных на углубление взаимопонимания и доверия между народами СССР и Японии.

Следует отметить, однако, что далеко не по всем вопросам двусторонних отношений мнения правительств СССР и Японии близки или сходны. В частности, это касается проблемы упрочения договорной основы отношений. Сейчас позиции сторон по вопросу о заключении между нашими странами мирного договора, на чем делают упор в этой связи в Японии, не совпадают. Учитывая это, советская сторона еще в 1978 году внесла предложение о заключении Договора о добрососедстве и сотрудничестве, который, не подменяя мирный договор, подводил бы соответствующую базу под те области отношений, которые уже созрели для этого. Такую линию нельзя назвать неконструктивной, однако в Токио не отреагировали положительно на советское предложение. Более того, настаивая на первоочередном решении задачи заключения мирного договора, японская сторона обуславливает его удовлетворением незаконных территориальных притязаний к СССР. В этой связи с советской стороны со всей определенностью подчеркивалось, что выступая за мирный договор, Советский Союз против того, чтобы отягощать его подготовку проблемами, которые решены по результатам второй мировой войны. В Советском Союзе исходят из принципа нерушимости границ, а сложившиеся границы между нашими двумя государствами — это исторический факт. Поэтому, если действительно стремиться к улучшению отношений, следует оставаться на почве существующих реальностей.

Сохранение указанных разногласий, однако, не следует драматизировать. Задача сторон в нынешней обстановке заключается в том, чтобы шаг за шагом двигаться вперед, добиваясь ощутимого прогресса в тех областях, где это представляется возможным. Можно отметить, что хорошая основа для этого в настоящее время уже заложена. Но вполне понятно, что претворение имеющихся возможностей в жизнь — дело обоюдное. И многое здесь будет зависеть от японской стороны, в частности от того, насколько последовательной она окажется в своих заявлениях о готовности предпринимать эффективные шаги в целях поступательного развития отношений.

Что же касается Советского Союза, то в нашей стране хотели бы смотреть на будущее отношений с Японией с оптимизмом. «Объективное положение наших двух стран в мире таково, — подчеркивал М. С. Горбачев, — что требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого»<sup>5</sup>.

<sup>5</sup> «Правда», 29.VII.1986.

## Американский империализм и Китай

Б. Н. ЗАНЕГИН,

доктор исторических наук

28 августа 1984 г. исполнилось 200 лет с того дня, когда первое американское торговое судно «Императрица Китая» прибыло в южно-китайский порт Гуанчжоу. Обычно это событие считают началом прямых контактов между Соединенными Штатами и Китаем. Президент Рейган накануне своего визита в Пекин в апреле 1984 г. проявил заметный интерес к этому событию, заявив в интервью китайским журналистам в Белом доме, что «у дружбы между двумя нашими народами давняя история. Она зародилась двести лет назад, когда американский клипер зашел в Китай и началось развитие торговли». Обращаясь к этому сюжету в ряде других выступлений, президент неизменно стремился изобразить американо-китайские отношения за этот сравнительно длительный промежуток времени в розовом свете, внося этим личный вклад в попытки некоторой части нынешней американской историографии и публицистики обелить «китайскую» политику Вашингтона. На деле же американо-китайские отношения отличались сложностью и неоднозначностью. По оценке некоторых американских историков, отнюдь не принадлежащих к школе «ревизионистов», в подходе американской стороны к Китаю в большинстве случаев доминировали высокомерие, недоверие, пренебрежение, прямая враждебность<sup>1</sup>. Однако даже такая характеристика «китайской» политики США представляется приукрашенной, если иметь в виду отношение правящих кругов США к революционному Китаю, то есть если обратиться к начавшемуся в конце XIX в. периоду, характеризовавшемуся в мировой истории становлением империализма, стимулировавшего мощный подъем национально-освободительного, вообще революционного движения, которое в Китае, в частности, завершилось образованием в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики. В этой связи следует прямо сказать: у революционного Китая не было врага более последовательного, непримиримого и жестокого, чем империализм Соединенных Штатов. И это неудивительно: «Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области — результат этих тенденций. Особенно обостряется также национальный гнет и стремление к аннексиям, т. е. к нарушениям национальной независимости (ибо аннексия есть не что иное, как нарушение самоопределения наций)»<sup>2</sup>. Так характеризовал В. И. Ленин политику империализма, и, хотя американская внешнеполитическая стратегия в Китае отличалась некоторыми особенностями от других колониальных держав, ее социальная природа, эксплуататорские цели, реакционная сущность неизменно определялись империалистическими устремлениями правящих кругов США.

Другими словами, неправомерно абстрактно рассматривать и оценивать отношение США к Китаю вообще. Существенна и актуальна позиция американских правящих кругов к новому, возрождающемуся, революционному Китаю.

<sup>1</sup> In: J. Thomson. A cycle of Cathy, — American heritage, vol. 23. New York, 1972, N 5, p. 4—5; H. Isaacs. Images of Asia: American views of China and India, Cambridge, 1958.

<sup>2</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 419.

Летопись деяний американского империализма, начиная с активного участия в подавлении народных восстаний тайпинов (1864) и ихэтуаней (1900) до попыток удушения Китайской Народной Республики петлей экономической блокады и политики «сдерживания и изоляции», хорошо изучена<sup>3</sup>. Естественно, что никакая апологетическая фразеология, продиктована ли она далеко идущими планами или сиюминутными соображениями, не может зачеркнуть этот кардинальный факт истории американо-китайских отношений. В не меньшей степени, чем в любой другой период, это подтверждает анализ «китайской» политики администрации Рейгана, представляющей наиболее воинствующие круги американского империализма. Не ограничиваясь проповедью идей социального реванша, эти круги видят свою задачу на международной арене во всемерной активизации мировой реакции на борьбу против сил социализма и прогресса в любом уголке земного шара, где бы она ни возникала. Социалистический Китай не является в этом смысле исключением, хотя, разумеется, конкретные задачи внешней политики и методы дипломатии США конкретизированы в свете текущих особенностей американо-китайских отношений.

В период разрядки между Западом и Востоком во внешнеполитическом истеблишменте США была широко распространена концепция, построенная на посылке, что в данное время в мировой политике господствуют центробежные тенденции, отражающие ослабление связей между «центрами силы» и странами-партнерами, что идет процесс становления «многополюсного» мира. Авторы этого сценария рекомендовали правящим кругам США отказаться от жесткого конфронтационного курса в пользу гибкой комбинационной политики в духе традиционной американской концепции «баланса сил», содействовать утверждению «самостоятельности» тех государств, которые по своим внешнеполитическим установкам могли бы быть полезными Вашингтону для поддержания нужного им международного баланса. В этом смысле внимание американских теоретиков и политиков было привлечено к внешнеполитической позиции китайского правительства, которая развивалась в 60—70-е годы по пути конфронтации с Советским Союзом, олицетворяющим в представлениях американской реакции «главную коммунистическую опасность», «империю зла». Заимствовав у либералов эту концепцию и снабдив ее кое-какими консервативными атрибутами, администрация Никсона — Киссинджера положила ее в основу своей «новой внешнеполитической стратегии». Завязнув в болоте «грязной» войны против вьетнамского народа, главная цель которой состояла в «сдерживании коммунизма» в ЮВА, американская реакция ждала подтверждения своим предположениям. Вооруженное столкновение на советско-китайской границе в марте 1969 г. рассеяло последние сомнения. Как отмечает Г. Киссинджер в своих мемуарах, до этого периода американо-китайские отношения находились в тупике. «У новой администрации, — пишет он, — были побуждения, но еще не было стратегии на китайском направлении... возможность возникла, когда советские и китайские войска столкнулись в холодной сибирской тундре у реки, названия которой ни-

<sup>3</sup> См.: Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1953; У Сю-цюань. О вооруженной агрессии США против Китая. М., 1950; Ху Шэнь. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951; Цин Жу-цзи. История американской агрессии на Тайване. М., 1956; его же: История агрессии США в Китае. Пекин, 1954 и др. Из фундаментальных исследований советских авторов: А. Канторович. Америка в борьбе за Китай. М., 1935; Г. Н. Селостьянов. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933). М., 1953; В. К. Попов. Провал агрессии США в Китае после второй мировой войны. М., 1955; А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. М.—Л., 1956; А. М. Ледовский. СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979; Г. В. Астафьев. Интервенция США в Китае, 1945—1949. М., 1985 и др.

кто из нас никогда не слышал. С этого момента двусмысленность исчезла, и мы без колебаний двинулись к важнейшей перемене в глобальной дипломатии»<sup>4</sup>. Для администрации Никсона нормализация отношений с КНР имела прежде всего конъюнктурное значение. В открывавшихся на китайском направлении возможностях она видела средство решения наиболее острой в то время проблемы — выхода из вьетнамского тупика. Однако по мере того, как правящая элита в Вашингтоне оценивала все аспекты возникшей диспропорции между внешнеполитическим курсом США и новыми международными реальностями и шла разработка новых геополитических основ внешнеполитической стратегии, отношения с КНР обрели для слабеющих международных позиций США долгосрочное значение.

Заметное влияние на развитие американской политической мысли в этом русле оказали геополитические спекуляции Г. Киссинджера, послужившие основой мифа о «деидеологизации» внешней политики государств. Отрицая, в частности, социальную детерминированность внешней политики правительства КНР или отводя ей второстепенную роль, сторонники «геометрических» схем в международных отношениях свели мотивы китайской стороны к обеспечению маневроспособности в «треугольнике» США — КНР — СССР. Объясняя осложнения в китайско-советских отношениях геополитическими константами и предрекая на этом основании устойчивость их конфликтного характера, американская политическая мысль считала, что в нынешней «треугольной» ситуации заинтересованность китайской стороны в американских гарантиях безопасности неизбежна. Из этой посылки делался вывод о том, что в развитии американо-китайских отношений Пекин заинтересован больше, чем Вашингтон, и, следовательно, Соединенным Штатам нет нужды слишком далеко идти навстречу китайскому партнеру. Более того, как показывает практический опыт последних лет, Вашингтон, кажется, убежден в том, что по этой причине китайской стороне придется надолго, если не навсегда, отказаться от некоторых своих национальных целей, в частности от восстановления суверенитета над Тайванем. В связи с этим в своих прогнозах и рекомендациях сторонники геополитических концепций исходят из представлений, будто американская дипломатия располагает решающими рычагами воздействия на внешнеполитический курс китайского правительства. Полагают, что при наличии неких общих «геополитических интересов» достаточно предоставить китайской стороне некоторые преимущества (продажа кое-какой современной техники и технологии, строго дозированные поставки военного оборудования или оружия и пр.), чтобы заставить КНР играть в международных отношениях желательную для Соединенных Штатов роль. С этого времени в американском политическом лексиконе появляется такая категория, как «китайский фактор» («китайская карта»), отражающая представление о Китае как удобном объекте планируемых в Вашингтоне внешнеполитических комбинаций в мировой политике. Из этого представления исходили в своем подходе к отношениям с КНР все американские администрации; не составляет исключения в этом смысле и нынешняя администрация США.

Однако положение в системе отношений СССР — КНР — США не оставалось стабильным. Активизация борьбы реакционных сил США против разрядки с Востоком и взвинчивание антисоветизма не только осложняли американо-советские отношения, но и подталкивали американскую реакцию на поиски международных резервов антисоветизма. Выразительницей этой тенденции стала администрация Картера (1976—1980), в которой активно развивал антисоветские концепции советник президента по национальной безопасности З. Бжезинский. Учитывая выдвинутый в то время в Пекине лозунг организации единого ан-

<sup>4</sup> H. Kissinger. White house years. Boston, 1979, p. 171.

тисоветского фронта, она отошла от комбинационной («равноудаленной») политики Никсона в сторону попыток наладить с КНР коалиционные связи как часть политики «сдерживания» Советского Союза.

Со стороны КНР процесс шел в обратном направлении — в направлении более взвешенной внешнеполитической линии. «Стратегические», то есть долговременные глобальные политические, мотивы стали дополняться, а затем и в значительной степени заменяться заинтересованностью КНР в экономических, научно-технических, культурных связях с США с целью ускорения модернизации страны. В результате взаимное тяготение к «стратегическому» партнерству уступило место односторонним попыткам США вовлечь КНР в активное противостояние Советскому Союзу, на которые китайское руководство стало реагировать отрицательно. В конце президентства Дж. Картера, а именно во время визита в КНР министра обороны Г. Брауна, когда, как казалось в тот момент американским лидерам, перед американо-китайским партнерством на антисоветской основе раскрываются самые широкие перспективы, впервые дали о себе знать различия в стратегических воззрениях сторон. Как пишет специалист по проблемам Китая в Совете национальной безопасности США М. Оксенберг, именно в это время «китайцы пришли к заключению, что нагнетание советско-американской напряженности не обязательно соответствует интересам Китая: оно могло незначай втянуть Китай в нежелательный для него конфликт. Короче говоря, советская акция в Афганистане напомнила китайцам о рискованности слишком тесного отождествления КНР с Соединенными Штатами»<sup>5</sup>.

Позже эта линия нашла отражение в политических заявлениях и в общественно-политической литературе КНР. В частности, в одном из своих выступлений, относящихся к 1983 г., известный китайский политический деятель и ученый Хуань Сян писал: «Отношения между такими государствами, как Китай и США, должны иметь свою собственную ценность и свою собственную логику. Развитие отношений между Китаем и США принесет большую пользу прогрессу экономики и культуры обеих стран. Непрерывное развитие и укрепление таких отношений создает благоприятные условия для мира и процветания во всем мире. В этом и состоят долгосрочные интересы обеих стран»<sup>6</sup>.

Еще более определенно выразил эту позицию премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян в интервью, опубликованном в газете «Лос-Анджелес таймс» в мае 1984 г.: «Безусловно, у нас (КНР и США — Б. З.) есть общие интересы в области безопасности из-за угрозы со стороны нашего соседа и существующих в США опасений по поводу экспансии русских. Однако, — подчеркнул Чжао Цзыян, — это недостаточно надежная основа для долгосрочных отношений. Подлинная основа наших отношений находится в области экономики, техники, просвещения и культуры...»

Признаки изменений в международной позиции Китая, проявившиеся к началу 80-х годов, нашли свое выражение в установках XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.). В его материалах была подчеркнута верность КПК идеям социализма, указано на взаимосвязь экономических реформ, внешнеэкономической политики и программы национальной модернизации в целом с планами социалистического строительства в стране, указано также на соотношение внутренней и внешней политики (обеспечение мирных международных условий для модернизации страны), подчеркнута независимость внешней политики КНР от двух «сверхдержав» и сделан акцент на значение развивающихся стран в деле укрепления международного положения КНР. В материалах съез-

<sup>5</sup> M. Oksenberg. A decade of Sino-American relations. — «Foreign Affairs», vol. 61. New York, Fall 1982, N 1, p. 191.

<sup>6</sup> Хуань Сян. Мир по вертикали и горизонтали. Пекин, 1985, с. 317 (на кит. яз.).

да и в последующих политических документах уже не выдвигалась задача образования «единого международного фронта» против Советского Союза. Более того, стали высказываться пожелания о нормализации китайско-советских отношений.

Все эти установки находили все более определенное отражение в международной позиции КПК и внешнеполитической практике китайского правительства. На этой основе произошло открытое расхождение внешнеполитических позиций КНР и США по ряду международных проблем (Ближний Восток, Южная Африка, Южная Корея, заход кораблей ВМС США с ядерным оружием на борту в новозеландские порты, милитаризация космоса и некоторые другие). Китайские средства массовой информации стали шире и острее критиковать американский капитализм и внешнюю политику США, в частности было высказано осуждение американской агрессии против Гренады, а затем и Ливии. Одновременно, начиная с документов XII съезда КПК, в КНР в форме политических заявлений, во внешнеполитической пропаганде и в содержании массовых демонстраций начало развиваться критическое отношение к милитаристскому курсу Японии. Прежде всего обращают на себя внимание выступления против милитаризации Японии и реваншистских акций премьер-министра Я. Накасонэ (посещение храма Ясукуни). К середине 80-х годов усилилась критика торговой политики Токио, в результате которой дефицит Китая достиг 6 млрд. долл. Японская сторона обвиняется в нежелании делать закупки в КНР, предоставлять Китаю нужную технологию, вкладывать капиталы в китайскую экономику (экспорт Японии в КНР достигает четверти китайского внешнеторгового оборота, а капиталовложения в смешанные предприятия — лишь немногим более 5% от всех иностранных капиталовложений этого рода).

В соответствии с директивами XII съезда ЦК КПК приступил к процессу нормализации отношений с коммунистическими партиями, восстановив контакты, в частности, с компартиями Франции, Италии, Великобритании, Бразилии и др.

Наконец, китайская сторона ответила практическими мерами на инициативы Советского Союза, приступив к политическому диалогу и одновременному развитию взаимовыгодных деловых отношений в области экономики, науки, культуры и образования.

Учитывая стратегическое положение и международную роль КНР, та специфическая позиция, которую заняло китайское правительство после XII съезда КПК, оказывает существенное, хотя и не всегда явное, влияние на американо-китайские отношения. Взяв курс на утверждение независимости во внешнеполитической сфере, китайское правительство приступило к устранению диспропорции в отношениях с Советским Союзом и Соединенными Штатами, что идет вразрез с планами американских реакционных кругов по использованию в интересах империалистической стратегии «китайского фактора». Это обстоятельство лишает определенности перспективу отношений Китая с США: правящие круги Америки, еще не завершившие, видимо, своей эволюции вправо, внимательно и с неодобрением следят за изменениями идеологических и политических позиций китайского руководства.

При этом, однако, следует указать, что определенные стимулы для взаимодействия в политической («стратегической») сфере продолжают действовать. С американского угла такие стимулы определяются империалистической природой внешней политики США, ее направленностью против революционных и прогрессивных сил современного мира, прежде всего против Советского Союза. Вместе с тем и китайское правительство, сняв призыв к образованию единого антисоветского фронта, продолжает занимать по некоторым международным проблемам (Афганистан, Кампучия, территориальные претензии Японии к СССР) пози-

ции, объективно содействующие реализации внешнеполитических целей американской и мировой империалистической реакции. Именно это обстоятельство обусловило тот факт, что пришедшие к власти в США правоконсервативные силы, с недоверием и враждой относящиеся к народному Китаю, пошли на развитие сотрудничества с этой страной в попытке сохранить отношения с КНР на «стратегическом» уровне.

С середины 70-х годов по мере консолидации американской антикоммунистической реакции уступки либерализму, сделанные в сфере внешней политики президентом Никсоном и его сторонниками, становятся непринемлемыми, и внешняя политика США подпадает под все возрастающее влияние консервативной концепции, отражающей взгляды воинствующих империалистических кругов. Национально-психологические стрессы, вызванные такими событиями, как поражение в войне против вьетнамского народа, падение проамериканского режима в Иране, утрата превосходства над Советским Союзом в стратегической области, ускорили возвращение правящих кругов США к традиционным консервативным постулатам, восстановившим мессианско-гегемонистские стереотипы поведения США на мировой арене<sup>7</sup>. В связи с этим необходимо подчеркнуть то уже отмечавшееся в советской литературе явление, что консервативные лидеры нынешней Америки выделяют идеологические аспекты в качестве фактора, определяющего характер международных отношений. Все международные ситуации рассматриваются через призму конфронтации между Соединенными Штатами и Советским Союзом<sup>8</sup>. Исходя из представлений, будто разрядка между Востоком и Западом была аномалией, ставшей возможной в результате якобы необоснованных уступок советской стороне, сторонники этой концепции, представляемые администрацией Рейгана, видят задачи внешней политики США в наращивании американской военной мощи, в борьбе за капиталистическую ориентацию развивающихся государств, за привязку к империалистическим блокам неприсоединившихся стран, за установление американского контроля над мировыми сырьевыми ресурсами. Мероприятия, призванные сломать стратегический паритет, сопровождаются попытками ослабить противостоящий лагерь, оказывая различные формы давления, навязывая гонку вооружений, используя разногласия, объединяя антикоммунистические силы, эксплуатируя антисоветские предрассудки. На общем фоне роста агрессивности американского империализма правящие круги США все большее внимание уделяют Тихоокеанскому региону, который в соответствии с правоконсервативной традицией определяется как важнейшее региональное внешнеполитическое направление, равное по своему значению Североатлантическому направлению. В связи с этим в азиатско-тихоокеанском регионе политика, основанная на доктрине Никсона, заменена в последние годы установкой на развитие всех элементов политической и силовой структуры, призванной обеспечить здесь безусловное доминирование США.

Под влиянием консерватизма изменился и характер американской дипломатии. Политика наращивания военных возможностей закрепляет естественный для консерваторов комплекс превосходства, что в свою очередь влечет за собой пренебрежительное отношение к интересам союзников и попутчиков, превращение неравноправия в норму межгосударственных отношений, формирование явно преувеличенных представлений о возможностях американской дипломатии, утрату реализма в оценке партнеров. В этом контексте формируется и «китайская» политика администрации Рейгана.

<sup>7</sup> См.: Г. А. Трофименко. Основные постулаты внешней политики США и судьбы разрядки. — «США: ЭПИ», 1981, № 7, с. 3—14.

<sup>8</sup> См.: А. Ю. Мельвиль. Советско-американские отношения: идеологические аспекты. — «США: ЭПИ», 1982, № 5, с. 15—26.

Администрация Рейгана сохранила общую концепцию «китайской» политики США, выработанную ее предшественниками, а именно представление о возможности использовать в американских интересах «китайский фактор». Вместе с тем в подход к отношениям с КНР были внесены определенные изменения: правоконсервативным постулатам администрации Рейгана не соответствовала «деидеологизированная» политика Никсона — Киссинджера с ее задачей введения «китайского фактора» в трехчленное уравнение американо-советской разрядки. Оказалась непригодной также установка стратегии Картера — Бжезинского на развитие с КНР «квазисоюзнических» отношений за счет отказа от сохранения Тайваня в сфере стратегических интересов США и прекращения военно-политической поддержки там гоминьдановского режима.

Одну из существенных особенностей формирования «китайской» политики США в конце 70-х — начале 80-х годов составило возвращение к активной политической деятельности консервативной группировки, взгляды которой генетически связаны с основами «китайской» политики Трумэна и Даллеса. Фронтальное наступление реакции в общественно-политической жизни США вовлекло в процесс принятия внешнеполитических решений антикоммунистов-догматиков, противников «китайского коммунизма», в прошлом дипломатических и военных функционеров политики «сдерживания и изоляции» Китая, бывших активистов «китайского лобби». В сложившихся условиях они стали оказывать заметное влияние на подход администрации Рейгана к отношениям с КНР. Не отвергая полностью идею использования «китайского фактора», эта часть правящей группировки США осталась на прежних позициях в том, что касается подхода к КНР прежде всего как к «коммунистической стране», враждебной системе ценностей и образу жизни «свободного мира», антикоммунистическим установкам американской реакции. Наряду с идеологическими соображениями указывается на несовместимость интересов США и КНР в бассейне Тихого океана, а также на потенциальную военную угрозу самим Соединенным Штатам и их союзникам, особенно в связи с наличием у КНР ракетно-ядерного оружия. Идеологическими и стратегическими причинами обусловлена бескомпромиссная позиция этой группы по вопросу о Тайване. Основанная на таких аргументах политическая линия требует сохранения четкой идеологической позиции в отношении «китайского коммунизма», поддержания не только тесных отношений с гоминьдановским режимом на Тайване, но и сохранения острова под американским контролем как неперемennого условия поддержания отношений с КНР. По существу, эта система взглядов предусматривает сохранение в основных чертах политики «сдерживания» КНР как части широкой стратегии «сдерживания коммунизма».

К числу наиболее ярких представителей американской воинствующей реакции принадлежит сам президент Рейган, политические взгляды которого на внешний мир формировались в 50-е годы, в период борьбы маккартизма против либеральных «умиротворителей китайского коммунизма». Будучи, однако, более, чем любой другой президент, зависимым от расстановки внутренних политических сил, Р. Рейган вынужден был принять во внимание позицию сторонников активного использования «китайского фактора», набравших в Вашингтоне силу в период деятельности администраций Никсона и Картера. Так возникло парадоксальное сочетание в официальной «китайской» политике Вашингтона двух несовместимых по существу линий — на поддержание и развитие отношений с «коммунистическим Китаем» и антикоммунистическим режимом на Тайване.

Администрация Рейгана и не пыталась преодолеть свойственную правым консерваторам антикоммунистическую подозрительность к «красному Китаю», которая к тому же получила дополнительный им-

пульс в связи с изменениями, которые внес в международную позицию КНР XII съезд КПК. Одновременно была сохранена в полной мере идеологическая и политическая лояльность гоминьдану, а тайваньский компонент «китайской» политики Вашингтона подчинен задаче удержания острова под американским влиянием.

В связи с этим администрация Рейгана, утвердившая Японию в статусе основного союзника Соединенных Штатов в Азиатско-тихоокеанском регионе, несколько снизила стратегическую значимость отношений с КНР и поставила их в зависимость от готовности китайского руководства принять в качестве условия продолжение специфических «неофициальных» отношений с гоминьдановскими властями на Тайване, включающих зафиксированные американским законодательством гарантии «безопасности» острова, поставки вооружений, экономическое сотрудничество и т. п.

Этим обусловлена двойственность «китайской» политики нынешней администрации. Опасаясь вновь «потерять» Китай, но не желая отказываться и от Тайваня, Вашингтон продемонстрировал готовность дополнить деловое (экономическое, научное) сотрудничество с КНР усилением военного потенциала Китая, согласившись на поставки некоторых видов техники и технологии военного назначения и вооружений, побуждая китайскую сторону проявить интерес к возможностям такого рода в расчете, что она отнесется с пониманием к американской позиции по тайваньскому вопросу и восстановит интерес к стратегическим аспектам американо-китайских отношений.

Общее направление своей «китайской» политики президент Рейган сформулировал в посланиях китайским руководителям. В частности, в письме Дэн Сяопину от 5 апреля 1982 г. Р. Рейган писал: «Я обращаюсь к Вам, поскольку представляется важным, чтобы руководство обеих наших стран возобновило широкое продвижение вперед, в которое Вы внесли столь значительный вклад. Это особенно важно сегодня, когда мы стоим перед лицом возрастающей угрозы со стороны Советского Союза и его сателлитов во всем мире. Хотя наши интересы и соответственно политические линии не совпадают, Ваша нация и моя сталкиваются с непрекрытой и непосредственной опасностью в Афганистане и Иране, в Юго-Восточной Азии и в моем собственном полушарии, и в области ядерных вооружений, и это должно побуждать нас к поискам твердых основ сотрудничества». В послании Ху Яобану от 10 мая того же года Рейган вновь призвал китайское руководство к развитию с Соединенными Штатами отношений на антисоветской основе, уточнив, что речь идет не только о двусторонних связях, но и об углублении «стратегического сотрудничества»<sup>9</sup>.

Как представляется, анализируя политические заявления американских лидеров, цели текущей стратегии Вашингтона на китайском направлении состоят в том, чтобы убедить китайское руководство отложить на неопределенный срок решение тайваньской проблемы и вернуться к идее «единого антисоветского фронта» в полном объеме или по крайней мере активизировать «параллельную» деятельность в точках совпадения «стратегических интересов». Американская дипломатия стремится также предупредить развитие во внешней политике КНР линий, которые оцениваются как неблагоприятные для интересов США. Сюда прежде всего относится задача помешать нормализации китайско-советских отношений. В Вашингтоне особенно опасаются, что уже в ходе этого процесса окажется размытым «стратегический» компонент, все еще присутствующий в отношениях между США и КНР и придающий основной смысл американской политике содействия промышленно-

<sup>9</sup> In: Sino-American normalization and its policy implications. Ed. by G. Hsiao and M. Witunski. New York, 1983, p. 277—278; 280.

му научно-техническому и, что особенно важно, — военному развитию Китая. Существенное значение придается также тому, чтобы добиться от китайской стороны отказа от подхода к Соединенным Штатам как к «сверхдержаве», проводящей гегемонистский курс, не допустить, чтобы в развивающихся странах политика КНР мешала американскому неоколониализму. Выступая недавно в американском Национальном совете содействия американо-китайской торговле, нынешний посол в КНР У. Лорд без дипломатических обиняков заявил, что американской стороне не нравится, когда Соединенные Штаты ставятся на одну доску с Советским Союзом в качестве источника мировых зол. У. Лорд попытался припугнуть КНР, указав, что, поступая так, Китай ставит под сомнения перспективу двусторонних отношений с США. Он упрекнул Китай за критику американской политики в развивающихся странах. «Возможно, главной аудиторией Китая является «третий мир», но американский народ и наш конгресс также внимательно слушают», — многозначительно подчеркнул он. Посол разъяснил затем, каким способом китайская сторона могла бы добиться расположения со стороны США. Он посоветовал снизить оплату за жилье и административные помещения для иностранных бизнесменов в Китае, снизить пошлины на импортные оборудование для иностранных предпринимателей, привести китайскую статистику в соответствие с американской, снизить экспорт китайского текстиля в США, не ссориться с Японией, придерживаться параллелизма с Вашингтоном в подходе к ряду международных проблем, поддерживать американское военное присутствие в Азии, не возражать против американо-тайваньских связей... Судя по всему, нынешняя правящая верхушка в Вашингтоне считает эти цели достижимыми.

В качестве эффективного канала для непосредственного и быстродействующего влияния на политику китайского правительства американская сторона рассчитывает использовать острую заинтересованность Китая в развитии конструктивных отношений с США с целью ускорения развития народного хозяйства, науки, образования. Предоставляя те или иные льготы, манипулируя обещаниями, раскрывая те или иные перспективы, Вашингтон стремится поддерживать и развивать интерес китайской стороны к сотрудничеству с США и капиталистическим Западом в целом, чтобы добиться от Пекина конкретных политических уступок. Связав КНР системой «общих интересов», экономической зависимости и хотя бы фрагментарного «стратегического» сотрудничества, в США предполагают создать условия для манипулирования «китайским фактором» в мировой политике.

Однако некоторые американские интерпретаторы китайской действительности идут дальше, выводя перспективы американо-китайского альянса и радикального изменения в соотношении мировых сил в пользу империализма из возможности не только политического, но и социально-экономического сближения китайской общественной системы с капиталистическим Западом. В связи с этим наряду с преимущественно тактическими планами использования экономических рычагов для воздействия на внешнюю политику КНР в желательном для США направлении внимание американских политических кругов к деловому сотрудничеству с КНР обусловлено более долгосрочными, по существу, стратегическими соображениями. Некоторые влиятельные представители буржуазной политической мысли пытаются интерпретировать экономические эксперименты в КНР (в частности, известное расширение возможностей частного предпринимательства, допуск в китайскую экономику иностранного капитала) как «поворот в сторону капитализма», доказывают возможность и даже вероятность конвергенции — постепенной трансформации в капитализм «рыночного социализма».

Эта идея, заманчивая для идеологов капитализма, была воспринята во внешнеполитическом механизме США и используется для прида-

ния «экономической дипломатии» на китайском направлении целенаправленного характера. Расширяя в значительных масштабах связи с КНР, особенно за счет экспорта на китайский рынок товаров, капиталов и технологий, американская дипломатия намерена постепенно втянуть Китай в систему мирохозяйственных связей капитализма, поставить народное хозяйство КНР в зависимость от капиталистического рынка, расширить в Китае поле деятельности транснациональных монополий, способствовать экономическими мерами и средствами политического давления развитию частнокапиталистического уклада, изменению социально-экономической структуры китайского общества, распространению буржуазной психологии и идеологии, имея в виду конечную цель — размывание социализма и превращение Китая в резерв мирового капитализма.

На начало 1986 г. американские экономические интересы в КНР характеризуются следующими данными: товарооборот составил около 8 млрд. долл., или 10,8 % внешней торговли КНР. Капиталовложения США достигли 2,1 млрд. долл., заняв второе место после Гонконга. Среди торговых партнеров США КНР занимает только шестнадцатое место. По данным американского посла в Пекине, в КНР функционируют отделения 250 американских фирм. Учитывая масштабы хозяйственных организаций КНР и Соединенных Штатов, объем экономического взаимодействия не представляется сколько-нибудь значительным, однако в деловых и политических кругах США считают, что политика «открытых дверей» и проявляемая китайской стороной готовность улучшать условия для деятельности в КНР иностранных монополий открывают перспективы устойчивого расширения экономических позиций США и сублимации их в американское влияние на политическое и идеологическое положение в Китае.

Не менее важную роль играют в американских расчетах и другие аспекты двусторонних американо-китайских отношений, в частности обмена в области культуры и образования, с которыми в Вашингтоне связывают надежды на благоприятные для капитализма идеологические сдвиги в китайском обществе. Особо следует отметить значение американских крупномасштабных мероприятий по подготовке специалистов для народного хозяйства, науки, высшего образования КНР. Количество китайских студентов и специалистов, получающих подготовку в американских университетах, научных учреждениях и на предприятиях, держится постоянно на уровне 10 тыс. и более человек. Кроме того, в КНР действуют созданные и руководимые американскими специалистами учебные центры, а в китайских высших учебных заведениях читают лекции и руководят семинарами американские преподаватели. В Вашингтоне не считают нужным скрывать, что это направление американо-китайских отношений отвечает идеологическим целям правящих кругов Америки. Комментируя соглашения в области культуры и образования, подписанные в Вашингтоне в июле 1985 г. Председателем КНР Ли Сяньнянем, глава Американского информационного агентства (основной пропагандистский орган правительства США) Чарльз Уик подчеркнул, что достигнутые договоренности «помогут модернизации Китая, одновременно прививая китайским гражданам демократические идеалы, благодаря обучению их в американских школах». Действительно, у Соединенных Штатов накоплен немалый опыт «культурной агрессии»<sup>10</sup>. Созданная американцами в первой четверти текущего века система образования для китайцев обусловила появление в гоминьдановском Китае тонкого, но влиятельного слоя интеллигенции, воспринявшего в той или иной степени уроки американских учителей. Для характеристики положения в этом смысле достаточно указать, что к 1939 г.

<sup>10</sup> Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, с. 126—133.

56,2% ведущих постов в правительственных, военных, экономических, общественных и академических учреждениях Китая занимали лица, получившие образование в американских учебных заведениях<sup>11</sup>. Учитывая этот опыт, есть основания предполагать, что планы нынешних идеологов американского экспансионизма включают формирование в КНР социальной прослойки, воспитанной в духе американского образа жизни и буржуазных ценностей, способной препятствовать утверждению социалистического образа жизни, психологии и идеологии и служить проводником американского идеологического и политического влияния на китайское общество.

Второй стороной «китайской» политики администрации Рейгана является поддержание тесных политических и военно-политических отношений с гоминьдановской администрацией на Тайване фактически как с самостоятельным государством. Поскольку американское правительство признало Тайвань интегральной частью КНР, американо-тайваньским отношениям придана, по протокольным соображениям, неофициальная форма. В основе такого подхода лежат прежде всего военно-политические соображения: признание консервативными политическими и военными кругами США ключевой стратегической роли Тайваня для обороны США на «выдвинутых рубежах». Этот вопрос возник еще накануне победы народной революции в Китае. В меморандуме Совета национальной безопасности и Комитета начальников штабов от 24 ноября 1948 г. содержалась оценка стратегических последствий для безопасности США перехода «Формозы и прилегающих островов, включая Пескадорский архипелаг, под контроль коммунистов». Стратегическую ценность Тайваня американский генералитет видел в том, что в военное время остров мог служить базой для сосредоточения войск, стратегических операций ВВС и контроля над морскими линиями сообщений. В связи с этим американскому правительству рекомендовалось воспрепятствовать возвращению Тайваня под юрисдикцию нового, народного правительства Китая. Как справедливо отмечает американский исследователь Ж. Сяо в своем комментарии к этому документу, рекомендации, продиктованные стремлением превратить Тайвань в американскую военную базу, служили краеугольным камнем политики США в тайваньском вопросе в течение последовавших десятилетий<sup>12</sup>. Действительно, с тех пор и до настоящего времени военная мысль США отводит этому острову роль связующего звена в системе передового базирования американских вооруженных сил в Японии и Южной Корее, на северном фланге и на Филиппинах, к югу от Тайваня. Американская дипломатия со своей стороны обеспечивает удержание Тайваня под контролем США в контексте развития отношений с КНР. Будучи вынужденным вывести с Тайваня свои воинские контингенты и демонтировать военные сооружения, Вашингтон компенсирует эти утраченные позиции повышением боеспособности гоминьдановских вооруженных сил, предоставляя им новейшее вооружение, обеспечивая подготовку офицерских кадров, оказывая содействие в налаживании военного производства и, как можно предположить, согласовывая оценки ситуации и планы военного взаимодействия в регионе. По данным американской прессы, Соединенные Штаты продолжают использовать Тайвань как базу для ведения военно-политической разведки против КНР.

Помимо этого, политика США в отношении Тайваня определяется такими факторами, как идеологическая и политическая близость с гоминьданом и многолетняя традиция союза американских консерваторов с гоминьданом в борьбе против коммунизма, в особенности против

<sup>11</sup> См.: С. Шантанов. Обучение китайцев в США. — В кн.: Националистическая политика группы Мао Цзэ-дуна и США. М., 1968, с. 140.

<sup>12</sup> In: Sino-American normalization and its policy implications, p. 30—31.

КПК. Следует также иметь в виду однородность тайваньской и американской социально-экономических систем и общность интересов американского и быстро растущего тайваньского капитала и, наконец, убежденные в том, что правительство КНР слишком заинтересовано в развитии отношений с США, чтобы позволить тайваньской проблеме помешать этому процессу. Велики и экономические интересы США на Тайване: американо-тайваньский торговый оборот в 1985 г. приблизился к 20 млрд. долл., превысив торговлю США с КНР в 2,5 раза, среди торговых партнеров США Тайвань занимает шестое место, только частные капиталовложения в тайваньскую экономику составляют приблизительно 1 млрд. долл.

Опасаясь, что «потеря» контроля над Тайванем пробьет брешь в системе «сдерживания коммунизма», занимая в связи с этим жесткую позицию по тайваньскому вопросу и не проявляя, в частности, практической готовности к сокращению и прекращению поставок вооружений тайваньскому режиму, как того предусматривает совместное американо-китайское коммюнике от 17 августа 1982 г., администрация Рейгана вносит элемент нестабильности в международную обстановку в Азиатско-тихоокеанском регионе. Этот аспект «китайской» политики Вашингтона способствует сохранению очага воинствующего антикоммунизма на Дальнем Востоке, препятствует решению тайваньской проблемы мирными, политическими средствами, консервирует ситуацию разделенного Китая и постоянную угрозу международного кризиса в Тайваньском проливе.

Современный внешнеполитический курс американского правительства представляет собой весьма своеобразную альтернативу, каждый вариант которой в меньшей или большей степени непременно отвечает империалистическим побуждениям правящих кругов США. План-минимум, исходящий преимущественно из учета особенностей внешнеполитического курса КНР, а именно заинтересованности Пекина в развитии отношений с Западом при совпадении американской и китайской позиции по ряду международных проблем, заключается в создании и использовании рычагов влияния для вовлечения КНР в политику «баланса сил» с целью подкрепления международных и стратегических позиций Вашингтона. В этом случае Тайвань сохранит свое место в американской системе «сдерживания коммунизма». План-максимум, который, надо заметить, встречается с недоверием со стороны определенных кругов в самих США, исходит из представлений, что социалистическая общественно-экономическая система КНР переживает эрозию, которая приведет якобы к развитию в Китае какого-то подобия капитализма и буржуазной демократии. Надежды такого рода выразил, в частности, государственный секретарь Дж. Шульц в статье для журнала «Форин эфферс» (1985). «Длительный путь Китая к свободному рынку — поистине историческое событие: великая страна отбрасывает устаревшие экономические доктрины и высвобождает энергию своего талантливой народа», — подчеркнул он. Естественно, что правящие круги США готовы (и пытаются) содействовать переменам, которые представляются им перспективными с точки зрения капитализма, используя для этого быстро возрастающие экономические, научные, культурные, военные связи с КНР. Если бы эта тенденция действительно могла получить развитие, Тайвань, как считают иные американские политики, сыграл бы для КНР уготованную ему роль «витрины капитализма», а тайваньская проблема, утратив свой социальный аспект, потеряла бы вместе с тем значение основного препятствия в развитии американо-китайских отношений.

\* \* \*

Двухсотлетняя история американо-китайских отношений отразила все особенности внешней политики Соединенных Штатов, такие, как меркантилизм, воинствующий шовинизм и расизм, американоцентризм и гегемонизм, склонность к агрессивным акциям. Вместе с тем за этот длительный срок в подходе правящих кругов США развились и в период империализма прочно укоренились специфические черты, отличающие «китайскую» политику Вашингтона и ее мотивировку от других региональных направлений внешней политики. Признавая значение Китая в свете его геостратегического положения, современная американская буржуазная политическая мысль и внешнеполитическая практика воспринимают его как инструментальный, пассивный фактор международных отношений. На этой посылке базируются попытки Соединенных Штатов применить концепцию «баланса сил» в системе американо-советско-китайских отношений.

В последние годы ориентация китайского правительства на развитие отношений с Западом и его усилия по привлечению капиталов, техники, технологий и опыта управления из капиталистических стран для реконструкции и развития народного хозяйства способствовали также появлению в США надежд на возможность восстановления благоприятных условий экономической деятельности в КНР американских монополий и их взаимодействия с китайской хозяйственной структурой. Однако при всей привлекательности для правящих классов США экономических и социальных последствий такого взаимодействия и даже некотором его практическом значении для США главной движущей силой «китайской» политики Вашингтона остается пока стремление использовать «китайский фактор» в глобальной стратегии США.

Попытки реализовать эту установку, развивая интерес китайской стороны к американскому участию в модернизации Китая и стремясь создать условия для американо-китайского политического сближения, направленного против прогрессивных сил современности, правящие круги США сочетают с грубым вмешательством в суверенитет КНР, с попытками воздействовать на внутреннюю социально-экономическую и политическую обстановку в стране, с мероприятиями по созданию средств силового давления на КНР.

Администрация Рейгана относится к числу наиболее реакционных правительств Америки в новейшее время. Ее политика в азиатско-тихоокеанском регионе, а в более конкретном выражении — политика по отношению к социалистическому Китаю подтверждает фактическими данными оценку империализма, сделанную на XXVII съезде КПСС.

Агрессивная политика американского империализма находится в очевидном противоречии с национальными, социальными, политическими, экономическими и стратегическими интересами КНР, с политической линией XII съезда КПК, препятствует формированию здоровой, конструктивной основы американо-китайских отношений, блокирует развитие позитивных международных процессов в азиатско-тихоокеанском регионе, вносит элемент нестабильности в мировую политику.

## Эволюция идей тихоокеанского сотрудничества

А. О. БОГОМОЛОВ

**А**зиатско-тихоокеанская проблематика является сравнительно новой темой на страницах зарубежной научной и общественно-политической литературы. Еще не так давно происходящие в обширном азиатско-тихоокеанском регионе глубокие экономические процессы, в совокупности своей способные привести к существенной переоценке всей системы мирохозяйственных связей и их трансформации, не находили, как представляется, должного внимания исследователей. На рубеже 70—80-х годов произошел всплеск интереса к Тихоокеанскому региону, сопровождавшийся утверждениями представителей политических и деловых кругов по обе стороны Атлантики о якобы брошенном атлантизму «тихоокеанском вызове», перемещении в бассейн Тихого океана «мирового центра силы» и, наконец, о наступлении «тихоокеанской эры».

Применяемая зарубежными авторами терминология придает налет некоторой сенсационности обширной тихоокеанской теме. В то же время происходящие в этом регионе экономические и политические процессы, опирающиеся на объективные закономерности мирового хозяйственного развития, формировались и набирали силу на протяжении многих десятилетий. Тем не менее истоки того явления, которое сегодня называют «тихоокеанским бумом», значительно ближе к нам по времени и приходятся на послевоенный период. Именно тогда начали складываться, условно говоря, три фактора, определяющие увеличение роли Тихоокеанского региона в современном мире.

Первый, на который чаще всего ссылаются зарубежные авторы, — развитие двух тихоокеанских империалистических держав — США и особенно Японии, на долю которых приходится более трети валового мирового продукта, а также комплекс экономических, политических и стратегических взаимоотношений между ними. Вторым фактором является последовавший за политическим освобождением бывших азиатских колоний их экономический рост, превращение части из них на базе империалистической помощи в образец и символ «преимуществ» капиталистического пути развития для всего «третьего мира», зарождение в регионе процессов экономической и политической интеграции с их участием и по их инициативе. Еще одним моментом, приобретающим с каждым годом все большее значение, однако намеренно замалчиваемым зарубежными исследователями, являются реальные хозяйственные достижения и стратегия экономического развития социалистических государств, также принадлежащих к азиатско-тихоокеанскому региону и имеющих в нем свои несомненные экономические и политические интересы.

Обусловленное совокупным влиянием и взаимосвязью этих факторов повышающееся значение Тихоокеанского региона в мировых делах вызывает ведущуюся на протяжении вот уже более двух десятков лет дискуссию о будущем бассейна Тихого океана, его месте и роли в системе глобальных экономических и политических отношений, перспективах углубления хозяйственной взаимозависимости расположенных здесь государств, организации экономического сотрудничества между ними на широкой региональной основе. Одним из наиболее существенных результатов этой дискуссии можно считать зарождение и эволюцию концепции тихоокеанского сообщества.

Следует признать, что при всей своей нынешней неопределенности эта идея имеет под собой известную материальную базу, особенно если иметь в виду объективные процессы интернационализации хозяйственной жизни в регионе и интеграционные тенденции среди ряда расположенных здесь стран.

Однако она далеко не безобидна, так как при оценке ее значения следует принимать во внимание не только явную попытку определенных кругов сузить возможности более активного включения в систему мирохозяйственных связей социалистических стран, но и связанные с этими концепциями планы империализма по милитаризации бассейна Тихого океана, сколачиванию здесь под флагом экономической ассоциации широкомасштабной военно-стратегической группировки по образцу НАТО, созданию в рамках глобальной антикоммунистической стратегии тихоокеанского театра военных действий. Поскольку вопрос об институциональном оформлении какого-либо рода тихоокеанского, по своему масштабу наднационального, экономического форума остается по ряду объективных причин делом еще достаточно отдаленной перспективы, именно под этим стратегическим углом зрения приходится чаще всего рассматривать те или иные теории тихоокеанского экономического сотрудничества (ПЕК).

\* \* \*

Особенностью рожденной в процессе эволюции идей ПЕК концепции тихоокеанского сообщества является тот факт, что в течение многих лет она разрабатывается как бы в трех самостоятельных сферах: официальной, деловой и академической, причем как на национальных уровнях, так и в рамках различных международных консультативных форумов. Такая множественная структура затрудняет выработку единого подхода к определению сути и целей предполагаемого сообщества и ведет к тому, что эта концепция и по сей день отличается крайней аморфностью.

В дискуссии относительно перспектив тихоокеанского регионализма официальные круги большинства государств бассейна Тихого океана занимают осторожную, выжидательную позицию. Частично это объясняется сомнительностью выгод от участия в планируемой группировке малых стран региона, а также нежеланием таких держав, как США и Япония, прежде времени раскрывать свои истинные стратегические планы.

С другой стороны, среди деловых кругов региона широко распространено мнение, что тихоокеанское сообщество «де факто» уже существует. Это убеждение основывается на представлении о том, что количественный рост таких экономических факторов, как внешняя торговля, международные потоки капитала, направленность кратко- и долгосрочных инвестиций, обмен управленческими и технологическими знаниями, ведет к такому уровню взаимозависимости государств азиатско-тихоокеанского региона, который свидетельствует о сложившейся вопреки отсутствию институциональной структуры широкомасштабной экономической ассоциации. Остается, однако, открытым вопрос о выборе критерия, в соответствии с которым можно было бы определить момент качественного перерастания простой экономической взаимозависимости в экономическое сообщество. Решение же этого вопроса предоставляется академическим кругам, которые в свою очередь не могут прийти к единому мнению относительно ни общего определения того, что именно следует понимать под «сообществом», ни отдельных его характеристик, ни путей его институционального оформления.

Поиск уже существующей или создание новой институциональной структуры, необходимой для реализации в той или иной форме проектов

тихоокеанского сообщества, осложняется трудностью формулирования этой идеи на концептуальном уровне.

Существует два основных подхода к определению сути понятия «общество»<sup>1</sup>. Первый из них, «экономический», трактует его как состояние возросшей экономической взаимозависимости между странами бассейна Тихого океана. Второй подход — «стратегический». С этой точки зрения сообщество есть результат так называемого стратегического равновесия в Тихоокеанском регионе. Принцип и правомерность экономического подхода достаточно логичны и обоснованны, хотя количественный рост показателей взаимозависимости еще не свидетельствует о качественных трансформациях на пути к сообществу тихоокеанских наций. Стратегический подход, свойственный в основном американским экспертам, принимается представителями развивающихся стран региона, да и в известной мере Японии, с оговорками, так как практически полностью базируется на глобальных стратегических устремлениях США, что, конечно, не соответствует интересам расположенных в Тихоокеанском бассейне государств. Кроме того, «стратегические» соображения подрывают объективную возможность формирования единой тихоокеанской экономической ассоциации на широкой региональной основе, поскольку предполагают дифференциацию ее потенциальных участников в соответствии с принципом их «политического блокирования»<sup>2</sup>.

Следующей проблемой является вопрос о том, что понимать под «основой» сообщества и каковы критерии ее определения. Другими словами, кого можно считать наиболее вероятными кандидатами в «тихоокеанский клуб»? Для осуществления такого рода отбора обычно предлагаются три критерия: географический, экономический и политический<sup>3</sup>.

Однако эти критерии ни в отдельности, ни в совокупности не могут однозначно решить проблему членства. С географической точки зрения старательно вычеркиваемый из всех «списков» Советский Союз имеет не меньше, если не больше оснований для участия в предполагаемом сообществе, чем, к примеру, некоторые страны — члены АСЕАН. Широкий экономический подход требует включения в сообщество всех государств, ведущих в регионе торговлю, что опять же поднимает вопрос об участии социалистических стран. Помимо того, высказываются сомнения в функциональной эффективности «сверхгруппировки». Узкий экономический подход, выделяющий группу стран с так называемой рыночной экономикой, по сути дела, совпадает с разделением региона по политическому признаку. Если для Соединенных Штатов это и является желательным, то развивающиеся страны опасаются дестабилизирующих последствий проводимого Вашингтоном курса на политическую поляризацию азиатско-тихоокеанского региона. Жестко очерченная схема тихоокеанского сообщества не пользуется в полной мере поддержкой и в Японии, поскольку существенно ограничивает глобальные экономические амбиции Токио.

Все концепции ПЕК так или иначе увязываются их авторами с задачами обеспечения региональной безопасности<sup>4</sup>. С одной стороны, этот факт свидетельствует о расширяющемся представлении народов Азии о том, что путь к миру и стабильности в нынешней сложной международной обстановке лежит через сотрудничество. Однако манипулирование именно этим понятием позволяет определенным кругам таким образом политизировать идею тихоокеанского сообщества, чтобы увести ее

<sup>1</sup> Pacific Region Interdependencies: A Compendium of Papers submitted to the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Washington, 1981.

<sup>2</sup> «Pacific Affairs», 1982/83, Winter, N 4, p. 667.

<sup>3</sup> In: Pacific Economic Cooperation: Suggestions for Action. Ed. by Sir John Crawford. Australian National University, 1981.

<sup>4</sup> In: M. S. Frost. Security Models and the Concept of an Asia-Pacific Community. — «Asia Pacific Community», Fall 1984, N 26, p. 1—15.

от решения актуальных экономических проблем азиатско-тихоокеанских государств, сыграть на существующих противоречиях и недоверии между ними, превратить концепцию в орудие империалистической стратегии в бассейне Тихого океана. Фактор «безопасности» в совокупности с мерами, предлагаемыми по ее обеспечению, служит еще одним критерием для классификации разрабатываемых зарубежными экспертами идей ПЕК.

В соответствии с таким подходом можно выделить три модели общества. Первая из них — концепция «открытого» сообщества, объединяющего государства «рыночной» и «плановой» экономики, стабильность и взаимодоверие которых должны обеспечиваться развитием мирного экономического сотрудничества. На другом полюсе находится так называемая модель «культивированной» безопасности, число участников которой ограничивается странами и территориями «рыночной» ориентации (США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Тайвань, Южная Корея, АСЕАН). Их экономическая взаимозависимость, будучи подкрепленной идеологической и политической близостью, неизбежно должна вылиться, как считают сторонники этой теории, в «оборонное» сообщество. Естественно, такого рода сообщество должно опираться на уже существующие военно-политические договоры и соглашения США со странами азиатско-тихоокеанского региона. Третья модель — «связующего сдерживания» — занимает как бы промежуточное положение между двумя первыми и основана на компромиссе между интересами США (так как исключает из числа предполагаемых участников сообщества социалистические страны) и развивающихся государств (поскольку не ставит вопрос об институциональном оформлении нового широкомащтабного «оборонного» союза, считая достаточными уже принятые на себя Вашингтоном обязательства). Безопасность в регионе в данном случае достигается якобы в результате углубления экономического сотрудничества и стимулирования развития, что соответствует представлениям стран АСЕАН о том, что корни их нестабильности кроются в экономической неразвитости и диспропорциональном распределении благ.

Еще одной немаловажной проблемой в дискуссии о перспективах тихоокеанского сотрудничества является вопрос о том, будет ли новая региональная организация форумом исключительно для обмена информацией и взаимных консультаций или же она должна активно претворять в жизнь выдвинутые ею идеи. Среди западных специалистов достаточно широко распространено мнение, что организационно и функционально тихоокеанское сообщество должно основываться на опыте ОЭСР. В то же время экономисты из ЮВА считают, что основной функцией сообщества должно быть перераспределение экономических благ в пользу наименее развитых стран региона. Предлагаемый ими «распределительный подход» заключается в ускоренной передаче технологии, знаний в области маркетинга и оказании любой другой помощи государствам ЮВА с целью повышения темпов их индустриализации<sup>5</sup>.

Таким образом, вопрос о функциональном назначении тихоокеанского сообщества упирается в проблему сочетания представлений о «безопасности» и экономических интересах таких гигантов, как США и Япония, азиатско-тихоокеанских НИСов и наименее развитых государств региона.

\* \* \*

Вплоть до второй половины 70-х годов инициатива в разработке идей тихоокеанского сотрудничества принадлежала Японии. Выдвинутые в Японии в начале 60-х годов идеи основывались на реалиях послевоен-

<sup>5</sup> In: The Pacific Community Concept: Views from Eight Nations. Tokyo, 1980, p. 57—66; 72—76.

ного устройства в Азии, прежде всего на такой военно-политической и экономической силе в бассейне Тихого океана, как Соединенные Штаты Америки. Появление в межимпериалистических отношениях самого понятия «сообщество» свидетельствовало о росте влияния среди японских сторонников ПЕК тех, кто считал необходимым взять курс на консолидацию японо-американских отношений в рамках региональной политики. В конечном счете это и позволило японскому монополистическому капиталу, под прикрытием обеспечивающей сохранение обширного Азиатско-тихоокеанского региона в сфере империалистического влияния американской военно-политической мощи, осуществить практически беспрепятственное проникновение в экономику большинства стран бассейна Тихого океана.

Особенности послевоенного устройства в Азии заставляли Токио уделять экономической дипломатии главное внимание в своей азиатско-тихоокеанской политике в отличие от Соединенных Штатов. Благодаря этому экономический критерий является центральным элементом в японских вариантах тихоокеанского сообщества. Среди последних наиболее известны «Тихоокеанская зона свободной торговли» (ПАФТА), выдвинутая К. Кодзимой в 1966 г.; «Организация тихоокеанской торговли, помощи и развития» (ОПТАД), модифицированная в 1968 г. концепция ПАФТА; «Концепция сотрудничества в бассейне Тихого океана» японской исследовательской группы (1980); «Асеано-тихоокеанский форум» — субрегиональный вариант ОПТАД, предложенный К. Кодзимой в 1981 г.

В этом же духе сформулирована и «доктрина Накасонэ», изложенная последним в ходе январской 1985 г. поездки по странам Океании. Уже первый пункт этого документа, рассчитанного на сохранение за Японией центрального места в тихоокеанской системе, гласит, что сотрудничество в Тихоокеанском бассейне должно вестись только в сфере экономики и культуры, не распространяясь на военно-политическую область, посредством акцентирования которой Соединенные Штаты стремятся утвердить свое монопольное положение на Тихом океане.

Однако неверно было бы преувеличивать различия в стратегическом подходе Токио и Вашингтона к идеям тихоокеанского регионализма. Подход Я. Накасонэ отражает лишь осторожность японских правящих кругов, учет нынешней непопулярности среди ряда государств района, прежде всего стран АСЕАН, стратегической интеграции. Практически Япония и США демонстрируют общую позицию по основным вопросам регионального сотрудничества, что подтвердила встреча руководителей двух стран в Лос-Анджелесе в начале 1985 г. Японское руководство считает, что дальнейшее развитие идей ПЕК должно основываться на принципах «укрепления единства западного лагеря» и верности договорным обязательствам перед США. Не вызывает сомнений, что в долгосрочном стратегическом плане Токио заинтересован в общем укреплении на Тихом океане империалистического блока и ослаблении сил социализма. Наиболее откровенно поддерживают план участия своей страны в тихоокеанской группировке милитаристские круги Японии. Принадлежность к тихоокеанскому сообществу дает им в руки аргумент для «гибкой» интерпретации национальной конституции, представляя рост военной мощи Японии как вклад в безопасность других участников.

Если идеи создания тихоокеанской экономической ассоциации имеют давние традиции, то в Соединенных Штатах, всегда больше полагавшихся на «силовые» методы в своей региональной политике, тема тихоокеанской интеграции долгое время дискутировалась лишь в узком кругу специалистов и стала популярна только после того, как Япония превратилась в мировую экономическую державу. Участие США в обсуждении концепций ПЕК сводилось главным образом к деятельности ограниченного круга лиц на деловом и академическом уровнях. Однако именно инициатива американского частного сектора, имевшего значитель-

ные экономические интересы в азиатско-тихоокеанском регионе, и связанных с политикой научных кругов США сыграла существенную роль в привлечении внимания официального Вашингтона к этой теме. Американский вариант сообщества наций в бассейне Тихого океана был изложен в отчете сенатской комиссии по иностранным делам США, авторами которого явились специалист Австралийского национального университета П. А. Драйсдэйл и профессор Йельского университета Х. Патрик. В программе Патрика-Драйсдэйла содержалось предложение о создании Организации тихоокеанской торговли и развития (ОПТАД), отвечающей следующим требованиям: она должна представлять собой межправительственную организацию, членами которой могут стать правительства отдельных (несоциалистических) тихоокеанских государств; роль лидеров ОПТАД должны играть США и Япония при участии Австралии, Южной Кореи, государств — членов АСЕАН и некоторых других стран; административный аппарат организации должен быть компактным; все вопросы должны решаться специально создаваемыми для этого рабочими группами; деятельность ОПТАД должна быть главным образом консультативной.

Корни возросшего интереса Вашингтона к идеям тихоокеанского сотрудничества следует искать в определенной трансформации внутренних и внешних условий развития капитализма в США. Основным проявлением закона неравномерности экономического и политического развития при капитализме в современных условиях является процесс относительного ослабления международных позиций Соединенных Штатов, утрата ими лидирующего положения по ряду важных экономических показателей, нивелировка уровней экономического и научно-технического развития ведущих капиталистических держав. Экономическое, финансовое, технологическое превосходство над ближайшими конкурентами, которым США располагали вплоть до конца 60-х годов, подверглось серьезному испытанию. В этой связи последние десятилетия века отмечены новыми всплесками межимпериалистических противоречий, появлением новых их форм и направлений<sup>6</sup>.

Тихоокеанский регион неизбежно должен был оказаться в центре этой борьбы уже хотя бы потому, что здесь в лице Японии Соединенные Штаты нашли не только стратегического союзника, но и столкнулись с наиболее агрессивным конкурентом в борьбе за экономическое влияние в мире. Именно в азиатско-тихоокеанском регионе амбициям и международному престижу США за последнее десятилетие был нанесен наибольший урон. Серьезные военно-политические неудачи произошли на фоне активного японского наступления на позиции американского монополистического капитала в этом районе мира.

Применительно к азиатско-тихоокеанскому региону Вашингтон трактует планируемое сообщество прежде всего как договор «коллективной безопасности», аналогичный НАТО. По сути дела, США стремятся замкнуть СССР и другие социалистические страны в единое кольцо военных баз и военно-агрессивных блоков. Об этом без обиняков заявил заместитель госсекретаря по политическим вопросам Армакост: «Мощное американское стратегическое присутствие в Восточной Азии прямо способствует европейской безопасности путем противостояния Советам с перспективой для них войны на два фронта...»<sup>7</sup> «Дух сотрудничества», который Соединенные Штаты пасаждают в бассейне Тихого океана, далек от идеи справедливого экономического сотрудничества между государствами, стоящими на разных ступенях своего развития, и относится скорее к попыткам Вашингтона переложить на них бремя военных расходов. Главные надежды в этом Белый дом возлагает на Токио, играющий,

<sup>6</sup> См.: «Правда», 26.11.1986.

<sup>7</sup> «Department of State Bulletin», April, 1985, p. 34.

по сути, роль проводника американской политики в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Небезынтересно, что широко распространенные в Японии идеи новой международной тихоокеанской организации, инициатором и основной движущей силой по созданию которой считают Токио, получили официальную поддержку в этой стране только после того, как в 1979 г. в Лос-Анджелесе Тихоокеанским экономическим советом было рекомендовано взять курс на создание тихоокеанского экономического сообщества. Другими словами, США дали согласие на реализацию японской идеи, продемонстрировав тем самым лишней раз степень своей заинтересованности и влияния в Тихоокеанском регионе. Тем не менее с 1979 по 1983 г. осуществляемые с помощью Соединенных Штатов, предпочитавших, однако, оставаться на «вторых» ролях, японо-австралийские инициативы не привели к ощутимому прогрессу в деле реализации идей ПЕК.

Более того, еще при премьер-министре М. Охиро от понятия «тихоокеанское экономическое сообщество» было незаметно отброшено определение «экономическое», а при Я. Накасонэ практически перестал упоминаться сам термин «сообщество». Концепция тихоокеанского сообщества вернулась таким образом к своему абстрактно обобщенному исходному варианту — тихоокеанскому сотрудничеству. Надежды Токио на то, что Япония способна сыграть ведущую роль в формировании сообщества тихоокеанских наций, в значительной мере были поколеблены в связи с наличием глубоких торгово-экономических противоречий между Японией и США, с одной стороны, и этими державами и развивающимися странами — с другой. Помимо этого, наметилась тенденция, в соответствии с которой Токио стремится играть соответствующую его экономической мощи глобальную роль, не ограничивая себя обязательствами перед каким-либо одним регионом. Таким образом, Япония практически отказалась играть активную роль в дальнейшем развитии идей ПЕК, мотивировав это негативной реакцией на свои предложения со стороны АСЕАН, без участия которой, по словам одного из наиболее авторитетных экспертов в этой области, доктора Окиты, идея сообщества не имеет будущего<sup>8</sup>.

\* \* \*

Для оценки той роли, которую играет АСЕАН в эволюции идей тихоокеанского сотрудничества, следует рассматривать сформулированные в Японии и США варианты тихоокеанского регионализма не только как производные действия центробежных и центростремительных сил в самом американо-японском альянсе, но и как попытку «гармонизировать» отношения между развитыми и развивающимися государствами в рамках широкомасштабного регионального объединения. Под этим углом зрения концепцию тихоокеанского сообщества можно рассматривать в качестве предлагаемого империалистическими державами альтернативного требованиям развивающихся стран варианта устройства международных экономических, а вместе с тем и политических отношений, построенных на региональной базе и направленных на обеспечение интересов американо-японского монополистического капитала в самой, по западным оценкам, перспективной части капиталистического хозяйства, а также на подрыв единства «третьего мира» за счет укрепления связей с одним из его наиболее динамично развивающихся районов.

Таким образом, без вовлечения в тихоокеанское сообщество государств — членов АСЕАН, преподносимых на Западе в качестве образца и символа преимуществ капиталистического пути развития и пользуя-

<sup>8</sup> In: «Far Eastern Economic Review», December 21, 1979, p. 48.

щихся политическим и экономическим авторитетом в развивающемся мире, была бы потеряна одна из «наиболее желательных характеристик такого сообщества, а именно взаимодействие Север — Юг в тихоокеанских рамках»<sup>9</sup>.

Проблема, стоявшая перед стороной, наиболее заинтересованной в реализации сообщества — империалистическими кругами США и Японии, стремившимися, однако, выставить в роли ее инициаторов развивающиеся страны региона, заключалась в том, что практически все члены АСЕАН, кроме Сингапура, изначально достаточно прохладно отнеслись к идее тихоокеанского сообщества. Выражая широко распространенную среди лидеров ассоциации точку зрения, министр иностранных дел Малайзии Газали Шафие отмечал, что «концепция тихоокеанского сообщества, которая мало что обещает, кроме замораживания существующего международного разделения труда и укоренения политической и военной разобщенности развитого Севера, неприемлема для АСЕАН»<sup>10</sup>.

Сдержанность развивающихся государств ЮВА в отношении идей тихоокеанской интеграции основывалась главным образом на неверии в реальность установления отношений экономической справедливости между «сильными» и «слабыми» партнерами в рамках нового широкого регионального объединения, пропаганда которого представлялась членам ассоциации как ширма, прикрывающая стремление развитых капиталистических держав обеспечить себе доступ к ресурсам региона. В ЮВА опасались также, что участие в «тихоокеанском сообществе нанесет урон принципу «солидарности АСЕАН», которая растворится, присоединившись к более широкой группировке.

Возрождение интереса к этой концепции, происшедшее в 1983 г., было связано с трансформацией подхода развивающихся стран ЮВА к оценке перспектив ПЕК и возможности своего в нем участия.

Прежде всего членам АСЕАН пришлось совершить существенную переоценку своих собственных экономических возможностей. «Эйфория развития», связанная с высокими темпами роста ВНП этих стран в 70-е годы, сменилась в начале 80-х годов ощущением уязвимости и зависимости от экономической обстановки в развитых странах и конъюнктуры мировых капиталистических рынков. Резкое снижение темпов роста и массовая безработица в промышленно развитых странах повлекли за собой волну протекционистских мер в мировой торговле. Соответственно сокращался объем международной торговли. В результате в начале 80-х годов страны АСЕАН столкнулись с жесткими ограничительными квотами и другими протекционистскими мероприятиями, проводимыми ведущими капиталистическими державами во главе с США.

Тяжело отразилось на положении развивающихся стран ЮВА резкое повышение международных процентных ставок. Данные, приведенные Всемирным банком, свидетельствуют, что среднегодовые выплаты, например, Индонезии по предоставленным ей займам поднялись за 1970—1981 гг. с 2,7 до 8,9 %, сроки выплаты сократились с 34 до 15, а сейчас и до 14 лет, льготный период уменьшился с 9 до 4 лет<sup>11</sup>. «Кризис доверия», вызванный серией долговых кризисов в развивающихся странах, привел к оскудению источников коммерческих кредитов, замедлению притока «помощи» в виде правительственных займов.

С другой стороны, не оправдались надежды стран АСЕАН и на существенный рост политического веса и влияния группировки в международных делах. Опираясь на достигнутые успехи в экономическом разви-

<sup>9</sup> ASEAN and Pacific Economic Cooperation. Development Paper N 2. U.N. Bangkok, 1983, p. 299.

<sup>10</sup> Tan Sri M. Ghazali Shafie. Toward a Pacific Basin Community — A Malaysian Perception. Conference. Pattaya, December 12, 1979.

<sup>11</sup> In: «South», January, 1985, p. 11.

тин, опыт экономических «диалогов» со своими развитыми капиталистическими партнерами, а также на то внимание, которое группировка прилекла к себе на Западе благодаря своей «кампучийской» политике, члены АСЕАН надеялись, что стали достаточной силой, чтобы успешно вести переговоры с капиталистическим «Севером» по глобальным вопросам, выступая по возможности от имени всего «третьего мира»<sup>12</sup>.

Апеллирование членов ассоциации к руководителям семи ведущих капиталистических государств не принесло, однако, желаемого результата. Разочарованием обернулись надежды членов АСЕАН и на эффективную защиту своих торгово-экономических интересов в рамках существующих международных организаций, тон в которых задают империалистические державы. Это заставило некоторые развивающиеся государства азиатско-тихоокеанского региона, в том числе АСЕАН, обратиться к изучению возможности решения вопроса о доступе на рынки развитых стран не на глобальной, а на более узкой региональной основе.

Важным шагом в этом направлении явилась проходившая в апреле 1984 г. в Сеуле торговая конференция с участием министров торговли большинства государств бассейна Тихого океана. На ней были обсуждены ноябрьская 1983 г. инициатива Я. Накасонэ, призвавшего к подготовке нового раунда ГАТТ, и предложенный премьер-министром Австралии Р. Хоуком так называемый азиатско-тихоокеанский подход к либерализации торговли<sup>13</sup>.

Помимо зашедших в тупик переговоров глобального характера, перед членами АСЕАН в начале 80-х годов встала проблема кризиса их внешнеэкономических «диалогов» с развитыми капиталистическими странами. Эти координационные совещания, начатые в середине 70-х годов, так и остались форумами для политической риторики, взаимных претензий и нереализованных обещаний. Критическая оценка современного состояния «диалогов», данная министрами экономики АСЕАН на их очередной встрече, проходившей в начале 1985 г., служит аргументом в пользу поиска новой, более эффективной институциональной структуры взаимоотношений ассоциации со своими внешнеэкономическими партнерами<sup>14</sup>.

Таким образом, неспособность АСЕАН реализовать ряд своих программных экономических и политических установок (хотя последние и привлекли к ассоциации куда большее внимание Запада, нежели ее достаточно скромные достижения в области хозяйственной интеграции) выявила явную переоценку членами группировки степени своих возможностей и влияния, что неизбежно должно было отразиться на их отношении к идеям ПЕК. Заметная трансформация подхода ассоциации к перспективам тихоокеанского регионализма произошла еще в 1983 г., когда представители группировки заявили, что АСЕАН готова рассматривать «свободную ассоциацию тихоокеанских наций в качестве возможного форума для решения в свою пользу вопросов устранения торгового протекционизма, разрешения споров по международному морскому праву, стабилизации экспортных доходов развивающихся стран, передачи ресурсов и технологии, изменений в структуре мирового энергопотребления»<sup>15</sup>.

Существенной причиной, обусловившей трансформацию подхода АСЕАН к тихоокеанскому регионализму, явилось опасение, что дальнейшая эволюция связанных с ним идей все меньше зависит от формаль-

<sup>12</sup> In: «Indonesia Information Bulletin». Moscow Embassy of the Republic of Indonesia, July 12, 1984, p. 8.

<sup>13</sup> In: R. J. L. Hawke. Address to the Australian-Thai Trade Association. Bangkok, November 22, 1983.

<sup>14</sup> In: «Asiaweek», February 22, 1985, p. 31—32.

<sup>15</sup> «Asia Yearbook», 1984, p. 18.

ного участия в их разработке самой ассоциации, претендующей на роль регионального лидера.

Стремясь направить ход развития идей ПЕК в выгодном для себя направлении, страны — члены АСЕАН приняли решение присоединиться к тихоокеанскому диалогу, выступив при этом в качестве инициативной стороны. Летом 1984 г. было положено начало их многостороннему диалогу на базе ежегодных совещаний министров иностранных дел шестерки государств ЮВА с главами внешнеполитических ведомств пяти развитых капиталистических стран бассейна Тихого океана — США, Японии, Австралии, Новой Зеландии и Канады.

Их первым совместным проектом является план подготовки специалистов для развивающихся стран региона. Совещания по схеме «6+5», по мнению АСЕАН, должны побудить ее основных внешнеэкономических партнеров пойти на определенные уступки в реализации региональных проектов, способствовать созданию «тихоокеанской системы преференций» для товаров из государств ЮВА, введению механизма стабилизации цен на сырье и минеральное топливо, учреждению «зон свободного инвестирования» для передачи им технологий на льготных условиях.

Формально члены АСЕАН отвергают возможность присоединения к начатому ими многостороннему «диалогу» социалистических или развивающихся стран, рассчитывая, очевидно, таким образом обеспечить за собой максимальное внимание со стороны развитых капиталистических держав<sup>16</sup>. Однако волна протекционизма на западных рынках и узость рынков в ЮВА заставляют ассоциацию искать решения своих экономических проблем и за рамками совещания по схеме «6+5». В качестве реального противовеса растущему влиянию в своем регионе США и особенно Японии члены «шестерки» рассматривают Европейское Экономическое Сообщество. На совместных совещаниях министров экономики государств ЮВА и ЕЭС в Дублине и Куала-Лумпуре в 1984 и 1985 гг. представители АСЕАН обратились к своим западноевропейским коллегам с просьбой о получении доступа к фондам Европейского инвестиционного банка, увеличении притока капиталовложений и технологии<sup>17</sup>.

В поисках дополнительных экспортных рынков члены ассоциации, преодолевая недоверие к своему северному соседу, вынуждены были по-новому взглянуть на проблему экономических связей с Китаем. По примеру Сингапура, заключившего с Пекином первое соглашение о двусторонней торговле еще в 1979 г., прямую торговлю с Китаем начали и некоторые другие члены АСЕАН. Таким образом, ими сделан важный шаг на пути подключения КНР к системе тихоокеанского сотрудничества. Это произошло, однако, на фоне сохранения между ними достаточно прохладных отношений. В частности, политические лидеры Малайзии и Индонезии продолжают высказывать опасения не только относительно возможности американо-китайского стратегического или военного сотрудничества, но и любой политики, содействующей экономическому подъему КНР<sup>18</sup>.

Первоначальные японо-американские варианты ПЕК по ряду причин не конкретизировали вопрос о роли Китая в тихоокеанском сотрудничестве. Однако, если Токио, отношение которого к идеям ПЕК можно охарактеризовать как «открытый регионализм», традиционно оценивал и оценивает проблему участия КНР в региональных интеграционных процессах прежде всего с позиций интереса японского монополитического капитала к китайскому рынку, то для США и АСЕАН этот вопрос имеет и другие измерения, в результате чего их позиции оказались бо-

<sup>16</sup> In: «Korea Times», 5.VII.1985.

<sup>17</sup> In: «Far Eastern Economic Review», August 22, 1985, p. 84.

<sup>18</sup> In: «Washington Post», 12.VII.1984.

лее подвержены изменениям. Действительно, в первой половине 80-х годов американские официальные лица все чаще стали признавать Китай неотъемлемой частью тихоокеанской экономической системы, всячески стимулируя его интерес к тихоокеанскому движению. Это не могло не оказать воздействия и на АСЕАН. Подключенные к сообществу наций бассейна Тихого океана Китая должно было бы, по замыслу Вашингтона, закрепить проводимую КНР политику «открытых дверей» и тем самым ее курс на преимущественное развитие отношений со «свободным миром». Все более открыто намекая на то, что они хотели бы видеть Китай членом планируемого тихоокеанского сообщества, американские стратеги рассчитывают изолировать его от связей с СССР и другими социалистическими странами региона, подорвать процесс налаживания советско-китайских отношений. Как цинично признает один из высокопоставленных американских военных, если бы «...Китай и Советский Союз закопали томагавк войны, успешно претворенные в жизнь нашей текущей тихоокеанской стратегии было бы крайне осложнено»<sup>19</sup>.

Осуществление Китаем его нынешней экономической стратегии сопровождается тщательным изучением возможностей усиления торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с другими странами. Имея протяженную тихоокеанскую границу, к которой обращены 14 крупных городов, где последовательно проводится политика «открытых дверей», КНР объективно заинтересована в укреплении своих экономических связей с государствами Тихоокеанского бассейна. Компетентные представители Белого дома как положительный момент отмечают повышенный интерес и осведомленность Китая относительно деятельности Тихоокеанской конференции по экономическому сотрудничеству и диалогов АСЕАН по схеме «6+5»<sup>20</sup>. Однако при всей широкой исследовательской работе, посвященной тихоокеанской проблематике, китайское руководство проявляет сдержанность в формулировании позиции своей страны в отношении идей ПЕК.

Идеи ПЕК занимают все более значительное место в стратегическом мышлении и некоторых других тихоокеанских государств. В начале 80-х годов ввиду некоторого спада интереса к тихоокеанскому сообществу, вызванного отсутствием конкретных инициатив по его реализации со стороны Вашингтона, стремящегося скрыть свои истинные цели в регионе, а также видимого охлаждения к идее Японии и нежелания АСЕАН играть роль сырьевого придатка или «переднего края обороны» империалистических держав, функцию «честного маклера» в отношениях между развивающимися и развитыми государствами бассейна Тихого океана попыталась взять на себя Южная Корея.

На июньской 1982 г. Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (ПЕКК) глава южнокорейского режима выдвинул инициативу, явившуюся если не результатом прямого американского влияния, то по крайней мере получившую в США благожелательную оценку<sup>21</sup>. В предложенном им проекте «Тихоокеанского совещания», аналогичного совещаниям «большой семерки» или Британскому Содружеству, содержалась поддержка уже существующих субрегиональных организаций, что было направлено на завоевание поддержки иден у АСЕАН.

Прежде всего участие Южной Кореи в масштабном региональном объединении рассматривалось Сеулом как важный шаг на пути преодоления режимом международной изоляции и получения прямого выхода на широкие региональные рынки, включая китайский. В то же время Сеул вынашивает амбициозные планы конкуренции с японской эконо-

<sup>19</sup> «Proceedings», August, 1985, p. 34.

<sup>20</sup> «Banker», July, 1985, p. 20.

<sup>21</sup> In: «Asian Perspective», Spring-Summer, 1984, N 1, p. 9.

мической экспансией в ЮВА. Пока же, борясь за право получения заказов на строительство различных объектов в странах — членах АСЕАН, южнокорейский бизнес уступил японскому капиталу в 53 из 60 случаев с 1979 по 1984 г. Пользующиеся поддержкой национальных финансовых институтов японские экспортеры способны предлагать свои услуги по ценам в среднем на 23 % ниже, нежели их «коллеги» из Южной Кореи. В этой связи в Южной Корее разрабатывается ряд мер, призванных при непосредственной правительственной поддержке поставить отношения с АСЕАН на более прочную долгосрочную основу, независимо от того, будет ли между ними начат официальный «диалог»<sup>22</sup>. Делая ставку на стремление ассоциации диверсифицировать экспортные рынки и уменьшить свою экономическую зависимость от Японии, Сеул предполагает нарастить объемы инвестиций в ЮВА, включая совместные предприятия, увеличить импорт первичной продукции из АСЕАН, возможно, за счет снижения доли импорта американских сельскохозяйственных продуктов, присоединиться к выдвинутому «шестеркой» плану развития людских ресурсов в регионе.

Курс на укрепление связей с АСЕАН тем не менее вряд ли является для Сеула приоритетным в стратегическом контексте. В докладе одного из ведущих и наиболее влиятельных в Южной Корее исследовательских учреждений — Корейского института развития (КДИ), указывалось, что с целью приближения века «тихоокеанского благоденствия» необходимо интенсифицировать сотрудничество между Южной Кореей, Японией и Китаем<sup>23</sup>. Симпатично, что аналогичную точку зрения высказывал и ведущий эксперт Белого дома по проблемам тихоокеанского сотрудничества Р. Фэйрбэнк<sup>24</sup>.

\* \* \*

Одним из существенных итогов эволюции идей ПЕК за первую половину 80-х годов можно считать формальный отказ от термина «сообщество» применительно к тихоокеанскому регионализму как понятия, с одной стороны, с трудом поддающегося приемлемому для всех его потенциальных участников концептуальному определению и не имеющего на сегодняшний день под собой достаточной материальной базы, а с другой стороны, в силу его откровенно империалистического происхождения, чреватого для большинства стран региона нежелательными для них политическими и военно-стратегическими последствиями. Это произошло, однако, на фоне продолжающихся попыток империалистических держав, главным образом США, как можно глубже втянуть государства Тихоокеанского бассейна в орбиту своего влияния с ориентацией на создание в перспективе экономико-политического союза капиталистических и развивающихся стран региона, противопоставляемого СССР и другим социалистическим государствам. Полностью рассчитывая на поддержку своего главного союзника в Азии — Японии, имеющей с Соединенными Штатами, несмотря на определенные противоречия и расхождения в вопросах тактики, общие стратегические интересы, в Вашингтоне не оставляют надежд на постепенную трансформацию экономической зависимости тихоокеанских государств от США и Японии в зависимость военно-политическую.

Среди экономических и так называемых «оборонных» интересов США в Азии с начала 80-х годов на первое место всячески выдвигаются последние. Азиатская политика Вашингтона в области «безопасности» является неотъемлемой частью более широкого стратегического противоборства с Советским Союзом и его союзниками, поэтому особое внимание в бассейне Тихого океана Соединенные Штаты сконцентри-

<sup>22</sup> In: «Korea Times», 5.IX.1985.

<sup>23</sup> Ibid., 17.I.1985.

<sup>24</sup> Ibid., 1.I.1985.

ровали на развитии взаимоотношений с теми странами, с которыми их связывают договоры военно-политического характера.

Основываясь на системе уже существующих договоров и военно-опорных баз на Тихом океане, Соединенные Штаты на первых порах считают достаточным путем углубления хозяйственной «взаимозависимости», а точнее говоря, односторонней экономической зависимости от США и Японии других тихоокеанских государств, добиться создания при их участии «союза без договора» с явной антисоветской и антисоциалистической направленностью. Именно поэтому, придавая своей азиатской стратегии видимость курса на развитие сотрудничества в этом районе мира, Вашингтон всеми путями стремится не допустить к участию в нем Советский Союз. Главными аргументами в этих попытках являются миф о растущей советской «военной угрозе» государствам бассейна Тихого океана и безосновательные заявления о незаинтересованности СССР в тихоокеанских связях, его отрицательном отношении к идеям ПЕК в принципе. И то и другое противоречит как здравому смыслу, так и официальной позиции Советского государства, выраженной в многочисленных программных документах.

Решая масштабные задачи ускорения социального и экономического развития, Советский Союз уделяет первостепенное внимание районам Сибири и Дальнего Востока, являющимися частью азиатско-тихоокеанского региона. Рост промышленной и сельскохозяйственной базы восточной части нашей страны объективно создает дополнительные важные материальные предпосылки для более активного участия СССР в процессе международного разделения труда, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества со странами Азии и Тихого океана<sup>25</sup>.

В противовес империалистическим планам закрепления сложившейся в регионе неравноправной структуры межгосударственных торгово-экономических отношений, попыткам противопоставить одни государства другим Советский Союз предлагает посредством двусторонних и многосторонних консультаций добиться решения спорных вопросов и тем самым создать предпосылки для совместных поисков конструктивных решений стоящих перед странами региона проблем. Важным шагом на этом пути могло бы стать проведение в перспективе общеазиатского форума и отдельного совещания стран Тихоокеанского бассейна.

Отвергнув, как и большинство стран бассейна Тихого океана, концепцию тихоокеанского сообщества, Советский Союз без предубеждения отнесся к дискутируемой сегодня идее «тихоокеанского экономического сотрудничества». «Мы... готовы присоединиться к размышлениям о возможных основах такого сотрудничества, — подчеркнул в своем выступлении во Владивостоке М. С. Горбачев, — разумеется, если оно мыслится не по навязанной кем-то блоковой, антисоциалистической схеме, а как результат свободной дискуссии без каких бы то ни было дискриминаций. Неплохой основой для таких дискуссий мог бы стать уже довольно обширный арсенал научных и политических разработок по вопросу о создании нового мирового экономического порядка, об опыте интеграции на Западе и на Востоке»<sup>26</sup>.

Будущее идей ПЕК в этом контексте следует рассматривать как составную часть задачи создания всеобъемлющей системы международной экономической безопасности, которая в равной мере защищала бы каждое государство от дискриминации, санкций и прочих атрибутов империалистической, неоколониалистской политики. Такая система способна наряду с разоружением стать надежным устоем международной безопасности вообще.

<sup>25</sup> См.: «Правда», 24.IV.1986.

<sup>26</sup> Там же, 29.VII.1986.

# Военно-блоковая политика империализма в азиатско- тихоокеанском регионе

*Д. В. ПЕТРОВ,*  
*профессор*

**В**озрастание роли азиатско-тихоокеанского региона в глобальной системе международных отношений со всей остротой ставит вопрос о необходимости поиска путей к оздоровлению обстановки в этом районе мира на основе разработки комплексной системы мира и безопасности. Как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «мы за включение азиатско-тихоокеанского региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности»<sup>1</sup>.

Однако в последнее время определенные политические круги в Соединенных Штатах и Японии явно взяли курс на углубление блоковой политики и усиление конфронтации стран с различными социально-политическими системами. Судя по всему, они «не представляют будущего азиатско-тихоокеанского района иначе, как в форме противоборства различных стран»<sup>2</sup>. Такая политика не только затрагивает интересы Советского Союза как одной из крупнейших азиатских и тихоокеанских держав и других социалистических стран региона, но и явно расходится с надеждами и чаяниями всех азиатских народов.

## **Азия и Тихий океан в стратегии империализма**

Администрация президента Р. Рейгана откровенно провозгласила одной из основ своей политики подрыв сложившегося стратегического баланса сил в азиатско-тихоокеанском регионе и формирование здесь «второго фронта» против стран социализма. Указывая на то, что правительство США в последние годы «признало возрастающее значение Азии, особенно Японии», помощник министра обороны США Р. Армитидж расценил это как принципиально новое явление, назвав его «самым важным изменением в ориентации внешней политики Соединенных Штатов»<sup>3</sup>.

Вашингтон наращивает свой военный потенциал в районе Азии и бассейна Тихого океана как путем повышения ударной силы своих вооруженных сил, так и на основе более широкого использования материальных, людских и научно-технических ресурсов своих союзников и связанных с США различными соглашениями стран региона.

С ноября 1981 г. Пентагон начал развертывание качественно новой системы оружия «Трайидент» на базе вступившей в строй первой атомной подводной лодки типа «Огайо». Она имеет на борту 24 ракеты

<sup>1</sup> «Правда», 29.VII.1986.

<sup>2</sup> Там же, 24.IV.1986.

<sup>3</sup> The Reagan Administration's Views on Appropriate U.S. Defence Policies towards Japan. Statement to the Subcommittee on Asian and Pacific Affairs International Economic Policy by Richard L. Armitage, Assistant Secretary of Defence, June 12, 1984, p. 1.

«Трайидент-1», каждая из которых оснащена 8 ядерными боеголовками по 100 килотонн. К осени 1986 г. США имели в строю 8 лодок типа «Огайо», а к 1990 г. предполагается завершить формирование эскадры в составе 10 подводных лодок, которая будет постоянно находиться в районе Тихого океана.

В зоне Тихого океана развернута вторая по численности после западноевропейской группировка американских сил общего назначения. Она насчитывает 474 тыс. человек личного состава, 149 боевых кораблей, свыше 1100 боевых самолетов.

Действующий в этом районе 7-й оперативный флот США имеет постоянно в своем составе 3 авианосца, 37 кораблей других классов, 20 подводных лодок. В любой момент он может быть усилен за счет средств и сил 3-го флота, дислоцированного в восточной части Тихого океана, которые включают 4 авианосца, 130 других кораблей, 29 атомных подводных лодок<sup>4</sup>.

В июне 1986 г. в состав 7-го тихоокеанского флота США был включен модернизированный линкор «Нью-Джерси», оснащенный крылатыми ракетами «Томагавк», которые могут нести ядерные боеголовки.

### Система военных союзов

Первая половина 1986 г. ознаменовалась резким повышением активности Соединенных Штатов в азиатско-тихоокеанском регионе. Президент Р. Рейган нанес визиты в Индонезию и Японию, провел в апреле 1986 г. в Вашингтоне переговоры с премьер-министрами Японии Я. Накасонэ и Австралии Р. Хоуком. Государственный секретарь США Дж. Шульц и министр обороны К. Уайнбергер совершили в апреле-мае 1986 г. поездки в Токио, Манилу и Сеул. В противовес курсу Советского правительства, направленному на ликвидацию военных блоков и союзов, Соединенные Штаты стали на путь активизации своей блоковой политики. Как отметили политические обозреватели, «Вашингтон стремится вновь укрепить стратегическую ось безопасности в азиатско-тихоокеанском районе, которая протянется от Токио и Сеула через Манилу и Джакарту до Канберры»<sup>5</sup>.

Военно-блоковая система империализма в этом районе мира приобрела к сегодняшнему дню весьма сложный характер, включив в себя различные по количеству участников, характеру принимаемых на себя обязательств и степени договорно-правового оформления соглашения и договоренности. Наряду с двусторонними военными союзами и многосторонними военными блоками возрастающее значение стали приобретать неформализованные военно-политические связи, а также совместные или параллельные акции по отдельным военно-политическим проблемам.

Среди двусторонних соглашений важнейшее значение Соединенные Штаты придают военному союзу с Японией, в основе которого лежит подписанный 19 января 1960 г. «договор безопасности». Формально он заключен на 10 лет, но ежегодно автоматически продлевается, поскольку ни одна из сторон не заявляет о намерении его денонсировать.

В соответствии с этим соглашением США получили право создавать на территории Японии свои базы и держать неограниченное количество вооруженных сил. К концу 1986 г. США использовали в Японии 127 различных военных объектов, включая военно-морские и военно-воздушные базы, радиолокационные посты, казармы, аэродромы, полигоны, госпитали и т. д. На них размещено 45,8 тыс. американских солдат и

<sup>4</sup> In: Military Balance, 1985—1986. L., 1985, p. 11, 14.

<sup>5</sup> «Санкэй симбун», 23.III.1986.

офицеров, из которых четыре пятых приходится на ВВС и морскую пехоту. Структура воинских частей свидетельствует о том, что базы на территории Японии рассматриваются как передовой рубеж глобальной стратегической системы США. Подразделения морской пехоты, размещенные на острове Окинава, включены, например, в состав «сил быстрого развертывания» и могут быть переброшены в любые «горячие точки» земного шара.

Важное место Пентагон придает развитию военных связей с Южной Кореей на основе подписанного 1 октября 1953 г. бессрочного Договора о взаимной обороне. Он дал возможность США превратить территорию Южной Кореи в свой важнейший плацдарм на Азиатском континенте в непосредственной близости от границ СССР, КНР и КНДР. Здесь размещена 41 тыс. американских солдат и офицеров. Особую опасность создает превращение Южной Кореи в ядерную базу Пентагона на Азиатском материке. Здесь хранятся на складах ядерные боеприпасы различных типов и назначения общей мощностью 13 тысяч килотонн. Было сообщено о том, что США намерены начать строительство 36 новых складов ядерного оружия.

Большую ставку в Вашингтоне делают на режим президента Чон Ду Хвана, которого считают «надежным хранителем интересов американской безопасности на Корейском полуострове»<sup>6</sup>. На состоявшемся 1—3 апреля 1986 г. в Сеуле 18-м заседании Американско-южнокорейского совета по вопросам обеспечения безопасности с участием министра обороны США К. Уайнбергера были согласованы решения относительно реализации планов размещения в Южной Корее бинарного химического оружия и оснащения южнокорейских ВВС истребителями-бомбардировщиками «Ф-16», которые могут нести ядерное оружие<sup>7</sup>.

Под непосредственным контролем США находится армия сеульского режима — крупнейшая среди капиталистических стран Азии. Она насчитывает 622 тыс. человек. В 1984 г. на военные нужды Сеул истратил 4,5 млрд. долл., что составляет 27,9 % бюджета — больше по удельному весу, чем какая-либо другая капиталистическая страна Азии<sup>8</sup>.

Третье военное соглашение — Договор о взаимной обороне с Филиппинами, подписанный 30 августа 1951 г. Он предоставил США право создавать базы на территории страны и обязывал обе стороны наращивать военный потенциал. Расположенные на Филиппинах две крупнейшие на Дальнем Востоке военные базы — военно-морская Субик-Бэй и военно-воздушная Кларк-Фильд — стали опорой вооруженных сил США в Азии.

После прихода к власти 25 февраля 1986 г. на смену коррумпированному режиму президента Ф. Маркоса нового правительства во главе с Корасон Акино Соединенные Штаты приложили все силы, чтобы сохранить свои позиции на Филиппинах и не допустить каких-либо шагов, ограничивающих сферу действия военного договора или возможности использования баз на территории Филиппин. В Маниле один за другим побывали председатель подкомитета по делам Азии и Тихого океана комитета по иностранным делам палаты представителей С. Соларз (5 марта 1986 г.), помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Г. Сигур (26 марта), министр обороны К. Уайнбергер (6 апреля), государственный секретарь Дж. Шульц (7 июня).

Эмиссары Вашингтона стремились сочетать политический нажим с обещаниями широкой экономической и военной поддержки нового режима. В частности, США решили увеличить объем помощи, составившей

<sup>6</sup> Christian Science Monitor, April 2, 1986.

<sup>7</sup> См.: «Нихон кэйдай симбун», 2.IV.1986.

<sup>8</sup> In: The Military Balance, 1985—1986, L., 1985, p. 127.

в 1985 г. 236 млн. долл., включая 38,3 млн. долл. на военные поставки. Была достигнута также договоренность с Японией, которая является ведущим финансовым донором Филиппин, о координации всех программ предоставления новому правительству кредитов и займов в целях их использования в соответствии с пожеланиями Вашингтона и Токио.

Договоры с Японией, Южной Кореей и Филиппинами составляют основу стратегической системы США, обеспечивающей американское военное присутствие в Азии и создающей непосредственную угрозу социалистическим и неприсоединившимся государствам этого региона.

Значение этих двусторонних соглашений в политике США возросло в связи с тем кризисом, который переживает система многосторонних военных союзов в Азии. 30 июня 1977 г., вскоре после провала американской агрессии во Вьетнаме, был распущен военный союз СЕАТО, созданный на базе заключенного 8 сентября 1954 г. договора о коллективной обороне Юго-Восточной Азии. На грани распада стоит и второй блок с участием США в регионе — союз АНЗЮС, основанный на подписанном 1 сентября 1951 г. трехстороннем договоре безопасности с Австралией и Новой Зеландией.

В октябре 1984 г. лейбористское правительство Новой Зеландии наложило запрет на заход в порты страны кораблей с ядерным оружием на борту или оснащенных ядерными двигательными установками. Поскольку США категорически отказываются сообщать о наличии или отсутствии ядерного оружия на надводных кораблях и подводных лодках, посещающих иностранные порты, то практически это решение закрыло доступ в Новую Зеландию всем американским военным кораблям.

Удар, нанесенный по имперским амбициям США, оказался тем сильнее, что 24 июня 1984 г., всего за несколько месяцев до этого, тогдашний помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Поль Вулфовиц в одном из своих заявлений подчеркнул значимость союза АНЗЮС, поставив его на один уровень с НАТО. «Сильная организация НАТО укрепляет сдерживание в глобальном плане в интересах АНЗЮС, — заявил он. — Но точно так же здоровье АНЗЮС жизненно необходимо для глобального Западного союза, особенно с учетом возрастающего значения как Австралии, так и Новой Зеландии»<sup>9</sup>.

В ответ на решение Веллингтона США отменили запланированные ранее совместные военные учения, отказались делиться разведывательной информацией, обучать военный персонал Новой Зеландии или взаимодействовать с ним. Американские должностные лица пригрозили, что «больше не будут относиться к Новой Зеландии как к союзнику»<sup>10</sup>. Государственный секретарь Дж. Шульц в феврале 1985 г. сказал в одной из сенатских комиссий, что Новая Зеландия, по существу, вышла из АНЗЮС<sup>11</sup>. После состоявшихся 10—11 августа 1986 г. в Сан-Франциско переговоров с Австралией он заявил, что США снимают с себя обязательства по оказанию содействия Новой Зеландии в вопросах обороны, то есть подтвердил практическую ликвидацию АНЗЮС как трехстороннего союза.

Учитывая возрастающее нежелание азиатских стран участвовать в военных блоках и тем самым навлекать на себя опасность втягивания в прямую конфронтацию с социалистическими государствами, Соединенные Штаты в последние годы все большее значение стали придавать косвенным, опосредованным методам подключения этих стран к империалистической военной системе. К ним относятся предоставление военной помощи, продажа или безвозмездные поставки оружия и передача

<sup>9</sup> Washington Times, February 25, 1985.

<sup>10</sup> United States News and World Report, February 18, 1985, p. 9.

<sup>11</sup> Ibid.

военной технологии при отсутствии формальных военных договоров или соглашений. Государственный секретарь США Дж. Шульц в послании конгрессу в связи с обсуждением бюджета на 1986 г. откровенно заявил, что «вложения в помощь иностранным государствам приносят колоссальную отдачу, что особенно наглядно проявляется в Восточной Азии и Тихоокеанском бассейне»<sup>12</sup>.

Проводя курс на сколачивание военных блоков и союзов в той или иной форме, Соединенные Штаты преследуют далеко идущие цели, ничего общего не имеющие с жизненными интересами народов азиатских стран. Вашингтон стремится:

— расширить стратегические возможности и географическую сферу действия вооруженных сил США в результате создания военных баз на территории азиатских стран в тысячах километров от США и в непосредственной близости от границ Советского Союза и других социалистических стран;

— использовать военный и экономический потенциал вовлеченных в военные блоки азиатских государств для усиления суммарной боевой мощи империалистического мира;

— втянуть союзные государства в конфронтацию с СССР, обеспечив тем самым для США свободу политического и военного маневрирования; возложить на них ведение локальных войн, отвлекающих силы и средства социалистических государств и одновременно подрывающих возможности социального прогресса в участвующих в военных действиях странах;

— усилить зависимость стран-союзников, опираясь на военное присутствие американских вооруженных сил на их территории или поставки военной техники, ограничить их дипломатическую и военную инициативу, обеспечить с их стороны морально-политическую поддержку военного и политического курса Вашингтона;

— сохранить связанные военными договорами страны в рамках мировой империалистической системы, укрепить позиции правящей элиты, предотвратить возможность кардинальных социально-политических преобразований<sup>13</sup>;

— помешать налаживанию взаимовыгодного и равноправного сотрудничества между странами, находящимися в военной зависимости от США, и социалистическими государствами, не допустить развития дружественных отношений между ними и усиления влияния социалистических стран на глобальном или региональном уровне;

— обеспечить интересы военно-промышленного комплекса США, расширяя рынки сбыта оружия на базе блоковых связей и гарантируя тем самым возрастающие прибыли фабрикантам военной техники.

### Новые явления в блоковой политике

Военно-блоковая политика империализма в азиатско-тихоокеанском регионе при неизменности конечных целей и задач приобрела на современном этапе ряд новых характерных черт.

Прежде всего, резко возросла роль Японии как в союзе с США, так и в глобальной империалистической военной системе на основе быстро-

<sup>12</sup> «Асахи симбун», 23.11.1985.

<sup>13</sup> В «пакте безопасности», заключенном с Японией в 1951 г., например, прямо говорилось, что вооруженные силы США могут использоваться «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков». Хотя в заменившем его в 1960 г. «договоре безопасности» это положение было изъято как слишком явно дающее право США на прямое вмешательство во внутренние дела, наличие американских баз и вооруженных сил на территории Японии, как и других государств-союзников, всегда оставляет потенциальную возможность для использования их в жандармских целях под прикрытием «просьбы» со стороны правящих кругов той или иной страны.

го наращивания военного потенциала. Военные расходы Японии растут более высокими темпами, чем в странах НАТО. За 1960—1982 гг. военные ассигнования США возросли, например, в 3,9 раза, ФРГ — в 10,1, Франции — в 6,1, а Японии — в 24,8 раза<sup>14</sup>. Этот разрыв в темпах продолжает сохраняться. Если военный бюджет стран Западной Европы — членов НАТО увеличился в 1982—1985 гг. на 8 %, то Японии — на 29 %. На 1986 г. выделено 3,3 трлн. иен (16,7 млрд. долл.) — на 6,6 % больше, чем в предыдущем году, а в 1987 г. предполагается истратить более 3,5 трлн. иен (около 23 млрд. долл. по текущему курсу).

Несмотря на решительные возражения широких масс населения Японии, 70 % которого высказывается в ходе различных опросов за соблюдение принятого в 1976 г. предела военных расходов в 1 % ВВП как определенную гарантию против широкой милитаризации страны, правительство Я. Накасонэ 18 сентября 1985 г. утвердило новую пятилетнюю программу наращивания военной мощи на 1986—1990 гг. Она предусматривает ассигнование 18,4 трлн. иен (92 млрд. долл.) на военные нужды, что впервые составит 1,04 % ВВП, а с учетом инфляции и повышения жалования военнослужащим может значительно превысить этот уровень. Кроме того, если обычно военные планы составлялись Управлением национальной обороны (УНО) и рассматривались как его внутренние документы, которые носили рекомендательный характер, то теперь военная программа впервые за все послевоенные годы поднята на уровень правительственного решения, обязательного для выполнения всеми официальными органами. Быстрое наращивание военного потенциала означает, как справедливо писала японская печать, что «мирный курс Японии, провозглашенный на основе самокритичного подхода к урокам второй мировой войны, расшатывается на глазах»<sup>15</sup>.

Одновременно с возрастанием военной мощи происходит существенное повышение роли японских вооруженных сил в американской военно-стратегической системе в Азии. Япония обязалась обеспечивать в полном взаимодействии с американским флотом и авиацией противовоздушные и противолодочные операции в северо-западной части Тихого океана. Она согласилась взять на себя минирование международных проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского, чтобы попытаться тем самым заблокировать советский флот в Японском море и закрыть ему выход в Тихий океан. Правительство приняло также решение поручить военно-морским силам боевое патрулирование на расстоянии до одной тысячи миль от японских берегов, включая конвоирование американских кораблей с ядерным оружием на борту.

На состоявшемся 16—18 января 1986 г. в Гонолулу 16-м японо-американском консультативном совещании по вопросам безопасности представители США выдвинули новые требования к Японии. Они поставили вопрос о строительстве на территории страны радарных установок загоризонтного действия, с помощью которых американское командование рассчитывает создать единую сеть наблюдения за воздушным пространством от Охотского до Южно-Китайского моря.

Указывая на исключительную роль, которая отводится Японии в планах Пентагона, помощник министра обороны США Р. Армитидж подчеркивал, что «Япония остается краеугольным камнем американской стратегии передовых оборонительных рубежей в азиатско-тихоокеанском регионе»<sup>16</sup>.

Наряду с сотрудничеством по линии строительства и боевой подготовки вооруженных сил все более важное место Вашингтон отводит со-

<sup>14</sup> In: *The Military Balance*. L., 1973, p. 75; 1985, p. 168, 172.

<sup>15</sup> «Асахи симбун», 14.X.1985.

<sup>16</sup> *The Reagan Administration's Views on Appropriate U. S. Defence Policies towards Japan.*, p. 1.

действую со стороны Токио в военно-политической и военно-технической областях.

Особое значение здесь приобретает принятое 9 сентября 1986 г. правительством Японии решение о присоединении к американской программе «стратегической оборонной инициативы», предусматривающей расширение гонки вооружений на космическое пространство.

США ожидают от Японии помощи в разработке ЭВМ, волоконной оптики и лазеров. Пентагон заявил также о желании получить от Японии технологию систем связи в миллиметровом диапазоне, которые позволят с исключительной точностью и быстротой передавать особо большие объемы информации в космос и координировать действия спутников, оснащенных лазерным и пучковым оружием. Японская пресса подчеркивала, что японская технология связи станет основой «нервной системы» американской военной структуры<sup>17</sup>.

В печать просочились сообщения о том, что на уровне отдельных компаний уже сделаны первые шаги в этой области. Стало известно, например, что сверхмощный магнитный блок, созданный компанией «Хитати металл», используется в военной лаборатории США в Лос-Аламосе в разработках космического лазерного оружия, поскольку при небольших размерах способен создавать магнитное поле, в 5—7 раз более сильное, чем обычные магниты<sup>18</sup>.

В японском парламенте в феврале 1985 г. был оппозицией поднят также вопрос о том, что специальная жаропрочная керамика, выпускаемая японской компанией «Кёсэра», широко используется при производстве американских ракет и космических кораблей.

В июне 1985 г. от США был получен официальный запрос на передачу технологии производства сверхточной системы наведения ракет на цель.

Решение о подключении Японии к реализации программы СОИ не может не вызывать обоснованной тревоги у соседних государств как способствующее дальнейшей гонке вооружений и переносу ее на космическое пространство со всеми вытекающими отсюда губительными для судеб мира последствиями. Их решительно осудили правительства КНР, КНДР, МНР, СРВ. МИД СССР в своем заявлении подчеркнул, что «согласие подключить японский экономический и научно-технический потенциал к американской программе «звездных войн» не может рассматриваться иначе, как свидетельство дальнейшего вовлечения Японии в военно-стратегические планы США. Японское правительство несет ответственность за возможные опасные последствия такой политики. Это, разумеется, не может не сказаться отрицательно на советско-японских отношениях»<sup>19</sup>.

Второй важной новой чертой военно-блоковой политики США стал курс на установление тесных связей НАТО с союзниками США в Азии с долгосрочной целью формирования единой глобальной системы империалистических блоков.

С этой целью предпринимаются настойчивые попытки подтянуть Японию к Североатлантическому союзу. В опубликованном в Вашингтоне 31 января 1983 г. очередном ежегодном докладе министерства обороны США впервые было прямо сказано, что «Япония находится в равных со странами НАТО военно-союзнических отношениях с США». В докладе указывалось на необходимость создания «системы коллективной безопасности» в азиатско-тихоокеанском районе с участием Японии в качестве одного из звеньев «совместной обороны стран Западного союза». Оценивая смысл этого призыва, японская печать указывала на то, что

<sup>17</sup> См.: «Емпури ембуи», 10.II.1985.

<sup>18</sup> И: Asahi Evening News, June 21, 1985.

<sup>19</sup> «Известия», 12.IX.1986.

речь идет о стремлении Вашингтона «возложить на Японию равную со странами НАТО ответственность в военной области»<sup>20</sup>.

В соответствии с курсом на сближение с НАТО министр иностранных дел Японии С. Абэ в ходе поездки по странам Западной Европы в марте 1983 г. объявил о желании Японии присоединиться к НАТО в качестве «ассоциированного члена». Хотя этот демарш был отклонен в результате решительных возражений со стороны Франции, Япония настойчиво расширяет сферу контактов со странами НАТО. Достигнута, в частности, договоренность об обмене военной информацией. Интенсивные переговоры были проведены в 1984—1985 гг. с главами военных ведомств ФРГ, Англии и Франции.

В ходе встречи в Токио в начале октября 1985 г. министра обороны ФРГ М. Вернера с начальником УНО К. Като были обсуждены, например, вопросы участия в программе «звездных войн», пути дальнейшего повышения «обороноспособности» обеих стран и «укрепления солидарности Запада». Вернер, в частности, заявил, что, по его мнению, «нет каких-либо существенных препятствий для развития сотрудничества между ФРГ и Японией в области обороны»<sup>21</sup>.

Третье направление политики США — реанимация старых и попытки создания новых военных блоков в Азии или расширения количества их участников.

Серьезные трудности в функционировании союза АНЗЮС, возникшие в результате приостановки участия в нем Новой Зеландии, заставили Пентагон предпринять усилия для расширения военных связей с Австралией.

Одновременно делаются попытки подтянуть к этому блоку Японию. Важным шагом на этом пути Вашингтон считает регулярное участие с 1980 г. японских военно-морских сил совместно с ВМС США, Канады, Австралии и Новой Зеландии в проводимых раз в два года крупнейших маневрах в Тихом океане под кодовым названием «Римпак» — «Тихоокеанское кольцо».

Принципиально новым явилось участие в очередных учениях, которые были проведены в течение полутора месяцев с 18 мая 1986 г., боевых кораблей Великобритании. Японская печать подчеркивала, что «благодаря участию английских кораблей эти маневры приобретут по своему значению глобальный характер», что США надеются тем самым «продемонстрировать единство западного лагеря и эффективность великого союза противодействия СССР от Тихого до Атлантического океана». Она указывала на особую опасность участия Японии в этих военных учениях, «поскольку тем самым будет сделан еще один шаг вперед на пути превращения японо-американского союза в наступательно-оборонительный альянс по типу НАТО»<sup>22</sup>.

Несмотря на откровенно провокационные цели маневров, Япония приняла в них небывало широкое участие, направив вторую по мощи после американской группировку ВМС в составе восьми эсминцев с противолодочными вертолетами на борту. Впервые в состав японской эскадры была включена подводная лодка.

Важное место в американских планах отводится формированию тройственного альянса Вашингтон — Сеул — Токио на базе двусторонних военных договоров США с Японией и Южной Кореей. С июля 1979 г. на регулярной основе стал осуществляться обмен визитами глав военных ведомств и делегаций высших офицеров Японии и Южной Кореи. Япония направляет своих наблюдателей на крупнейшие в Азии ежегодные американо-южнокорейские учения «Тим спирит». Было объявлено о

<sup>20</sup> «Майнити симбун», 1.II.1983.

<sup>21</sup> «Емиури симбун», 8.X.1985.

<sup>22</sup> См.: «Асахи симбун», 10.X.1985.

достигнутой договоренности начать обмен визитами военных кораблей. С апреля 1979 г. действует Японо-южнокорейский парламентский совет по вопросам безопасности, в рамках которого проводится согласование принципиальных позиций по военным вопросам.

Существенный импульс развитию отношений Японии с сеульским режимом был дан в результате поездки премьер-министра Я. Накасонэ в Сеул в январе 1983 г. Несмотря на многочисленные официальные заверения в том, что Япония не намерена устанавливать какие-либо военные связи с Южной Кореей, печать сообщала, что во время встречи Я. Накасонэ и президент Чон Ду Хван «обсудили положение на Корейском полуострове и обменялись взглядами на проблемы безопасности», а также «договорились в принципе о будущем распределении сотрудничества в области обороны между Японией, Южной Кореей и Соединенными Штатами»<sup>23</sup>. Переговоры были продолжены в ходе ответного визита Чон Ду Хвана в Токио в сентябре 1984 г. Вопросы дальнейшего расширения связей обсуждались 29—30 августа 1985 г. в Сеуле на групповом совещании министров.

На состоявшемся в Токио 30 июля 1986 г. совместном заседании японо-южнокорейского и южнокорейско-японского комитетов по вопросам сотрудничества, в которые входят представители политических, деловых и научных кругов обеих стран, делегация Южной Кореи призывала к «упрочению двустороннего военного сотрудничества». Она ратовала за пересмотр японской конституции и доказывала, что поскольку Япония и Южная Корея связаны военными союзами с США, то «следовало бы, вначале на неправительственном уровне, расширять переговоры об осуществлении такого же сотрудничества между Японией и Южной Кореей»<sup>24</sup>.

Исключительно важную роль для развития военно-промышленного потенциала Южной Кореи играет громадная экономическая помощь, предоставляемая Японией. Комментируя договоренность о предоставлении Южной Корее кредитов и займов на 4 млрд. долл., достигнутую в начале 1983 г., орган деловых кругов США газета «Уолл-стрит джурнал» подчеркивала, что этим решением Япония «косвенно обязалась поддерживать южнокорейскую оборону, дала стимул к развитию шаткой южнокорейской экономики и укрепила ось Вашингтон — Токио — Сеул»<sup>25</sup>.

Хотя на пути создания формального военного блока между Японией и Южной Кореей стоит немало политических трудностей, налаживание связей по линии военных ведомств и широкая японская помощь, используемая в значительной мере для наращивания военно-промышленного потенциала Южной Кореи, свидетельствуют о том, что делаются определенные практические шаги на пути сколачивания трехстороннего альянса.

Особое место в своей внешнеполитической стратегии в ЮВА Вашингтон отводит Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). «АСЕАН — вот главная опора политики Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии»<sup>26</sup>, — заявил президент США Р. Рейган. Белый дом стремится расширить военные связи со странами — членами АСЕАН с конечной целью усилить военные аспекты этой организации и подтянуть ее к другим империалистическим военным блокам, используя, в частности, военный союз с Филиппинами.

Тесные военные связи США поддерживают с Таиландом. Хотя официально после роспуска СЕАТО между двумя странами нет военного

<sup>23</sup> Daily Yomiuri, January 12, 1983.

<sup>24</sup> «Асахи симбуи», 31.VII.1986.

<sup>25</sup> Wall Street Journal, January 17, 1983.

<sup>26</sup> «Йомиури симбуи», 12.IV.1986.

договора, остаются в силе подписанное 6 марта 1962 г. совместное коммюнике, предусматривавшее обязательство США оказывать военное содействие Таиланду, и заключенное 24 июня 1964 г. соглашение о включении Таиланда в систему американской военной помощи. Пытаясь превратить Таиланд в своего главного ставленника в борьбе против социалистических стран Индокитая, США увеличили свою военную помощь Бангкоку с 1979 по 1985 г. более чем в три раза — с 32,4 млн. долл. до 102,3 млн. долл. В бюджете США на 1986 г. Таиланду выделено 140 млн. долл.

Эти средства, в сочетании с громадными военными расходами Таиланда, которые достигли в 1984 г. 1,6 млрд. долл., используются для содержания армии численностью в 235 тыс. человек и наращивания военного потенциала страны на базе закупок в США новейших видов оружия. Если в 1973—1977 гг. Таиланд импортировал оружия на 310 млн. долл., то в последующее пятилетие (1978—1982 гг.) — уже на 1,1 млрд. долл., то есть в 3,6 раза больше. В июне 1985 г. объявлено, что Таиланд будет первой страной в ЮВА, которой США поставят 12 самых современных истребителей-бомбардировщиков «Ф-16».

Таиландская армия организована по американскому образцу. Сотни офицеров ежегодно проходят обучение в США. Регулярно проводятся совместные военные учения. Крупнейшие из них под кодовым названием «Кобра гоулд-86» были проведены в июле 1986 г. с участием около 15 тыс. солдат и офицеров. В ходе маневров отрабатывались совместные операции по минированию морских коммуникаций и высадке десантов, имитируя возможные действия в районах, прилегающих к границам Кампучии.

Во время визита в Бангкок министра обороны США К. Уайнбергера в апреле 1986 г. обсуждался вопрос о строительстве в Таиланде складов для стратегических запасов вооружений и боеприпасов. Такие склады имеются пока только на территории ФРГ и Южной Кореи.

Соединенные Штаты стали одним из основных поставщиков новейших видов вооружений и в Индонезию. Белый дом, в частности, дал согласие на продажу истребителей-бомбардировщиков Ф-16-100. В 1986 г. Индонезия предполагает заказать 8 самолетов с перспективой довести их число до 36 машин<sup>27</sup>.

Широкие связи по линии военных ведомств США наладили с Сингапуром, занимающим важное стратегическое положение в Юго-Восточной Азии. Правительство Сингапура с середины 1978 г. позволяет заходить в порт американским военным кораблям, в том числе имеющим на борту атомное оружие. Оно разрешило также США использовать аэродром в Тэн Тенга для разведывательных полетов над Индийским океаном и транзитных посадок военно-транспортных самолетов. Регулярно проводятся американо-сингапурские морские маневры.

Одновременно Вашингтон стремится втягивать страны АСЕАН в свою военную систему путем расширения их связей с Австралией. В 1982—1984 гг. был заключен ряд соглашений о региональном сотрудничестве в военной области, в соответствии с которыми Австралия ведет подготовку офицерских кадров для стран АСЕАН, направляет военных специалистов и поставляет различные виды вооружения. Организуются совместные учения. Сингапуру предоставлена возможность использовать австралийские тренировочные базы для подготовки своих военнослужащих.

Свидетельством растущего интереса США к странам АСЕАН явился четырехдневный визит президента Р. Рейгана в Индонезию (30 апреля — 3 мая 1986 г.), в ходе которого он вел переговоры с президентом

<sup>27</sup> In: Financial Times, March 10, 1986.

Сухарто, а также встретился с прибывшими на остров Бали министрами иностранных дел других стран — членов АСЕАН.

С планами втягивания стран — членов АСЕАН в военную структуру США в Азии непосредственно связаны идеи формирования так называемого «тихоокеанского сообщества», «которое в перспективе может быть трансформировано в замкнутую региональную группировку, в еще один милитаристский блок»<sup>28</sup>.

Хотя в ходе переговоров Я. Накасонэ с президентом Р. Рейганом в Лос-Анджелесе 2 января 1985 г. было принято решение, что США и Япония, учитывая явное нежелание развивающихся стран ЮВА втягиваться в новый блок, должны как бы отойти в сторону и не проявлять особой заинтересованности, предоставив инициативу странам — членам АСЕАН, тем не менее ни Вашингтон, ни Токио не отказываются от своих долгосрочных целей, связанных с формированием «тихоокеанского сообщества».

Немалое значение в системе империалистических блоков отводится налаживанию совместных или параллельных действий на основе совпадения интересов по конкретным военно-политическим проблемам путем «стратегического консенсуса», «молчаливого понимания» с теми странами, с которыми у США и других империалистических держав нет формальных союзнических отношений или соглашений о предоставлении военной помощи. Сюда же относятся поставки технологии и товаров «двойного назначения», используемых как в гражданских, так и в военных целях.

Определенные надежды правящие круги США возлагают на возможность налаживания так называемого «стратегического партнерства» с Китаем. В этих целях предполагается, видимо, использовать заключенные в 1983—1986 гг. соглашения о поставках в КНР боевой техники и технологии «двойного назначения». В мае 1986 г. во время визита в США начальника Генерального штаба НОАК Ян Дэчжи было принято решение о поставках в КНР, что запрещалось ранее, авиационного электронного оборудования на общую сумму 550 млн. долларов; обсуждались возможности предоставления Китаю американской военной техники и технологии.

Первые шаги по налаживанию контактов с Китаем в военной области делаются и со стороны Японии. Печать обращала внимание на то, что «переговоры относительно возможного японо-китайского сотрудничества по вопросам, имеющим отношение к обороне, значительно активизировались после визита китайского министра обороны Чжан Айпина в Японию в июле 1984 г.»<sup>29</sup>

Одним из существенных шагов в этом направлении стал ответный визит в КНР заместителя начальника УНО Японии Харуо Нацумэ 9—14 мая 1985 г. В ходе переговоров с высшими китайскими военными руководителями была достигнута договоренность о взаимных визитах военных кораблей. Х. Нацумэ заявил на пресс-конференции, что «возможно проведение совместных военных маневров»<sup>30</sup>. Было принято решение «продолжать диалог между представителями вооруженных сил КНР и Японии»<sup>31</sup>.

В развитие этих договоренностей 19—22 мая 1986 г. переговоры с высшими руководителями Японии провел в Токио начальник Генерального штаба НОАК Ян Дэчжи, который преинформировал их, в частности, о результатах своего визита в США. Вслед за ним, 8 июня, в Японию прибыл с официальным визитом его заместитель Сюй Синь, кото-

<sup>28</sup> «Правда», 24.IV.1986.

<sup>29</sup> Mainichi Daily News, April 15, 1985.

<sup>30</sup> Asahi Evening News, May 15, 1985.

<sup>31</sup> Mainichi Daily News, May 12, 1985.

рый в течение недели ознакомился с японскими военными объектами и обсуждал проблемы дальнейшего развития связей с руководством УНО.

Вскрывая подоплеку планов, которые Пентагон связывает с военным сотрудничеством с Китаем, японские обозреватели пишут, что «Соединенные Штаты, безусловно, стремятся содействовать усилению военной мощи КНР, исходя из своей антисоветской стратегии». Они подчеркивают при этом, что Япония ни в коем случае не должна позволить втянуть себя в эту политику конфронтации с СССР. «Если мы будем стремиться к развитию военного сотрудничества с Китаем в соответствии с этой стратегией, то это будет крайне опасным выбором для Японии». Печать предупреждала, что «усиление сотрудничества в военной сфере между Японией и КНР может вызвать резкую негативную реакцию со стороны государств Юго-Восточной Азии»<sup>32</sup>.

\* \* \*

Военно-блоковая политика Соединенных Штатов и других империалистических держав наряду с курсом на подрыв стратегического паритета на основе развертывания новых видов и систем вооружений является главным дестабилизирующим фактором в азиатско-тихоокеанском регионе. Она ведет к углублению конфронтации между странами с различными социально-экономическими системами, способствует гонке вооружений и усиливает опасность ядерного конфликта.

В этих условиях особое значение приобретают советские предложения о разработке комплексного подхода к проблемам безопасности в Азии, суть которого, как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, состоит в том, «чтобы объединить усилия всех азиатских государств, независимо от их общественного строя, во имя обеспечения мира и стабильности»<sup>33</sup>.

Иными словами, Советский Союз предлагает искать путь к миру не на путях дальнейшего углубления блоковой политики и неизбежного в этом случае обострения конфронтации между противостоящими силами в зоне Азии и Тихого океана, а за круглым столом переговоров, на базе тщательного учета интересов всех государств, как больших, так и малых. Прекращение гонки вооружений, разработка и принятие мер доверия, постепенное снижение уровня противостояния и предотвращение угрозы ядерной войны не только в полной мере отвечали бы интересам народов Азии, но и явились бы важным вкладом в дело укрепления мира во всем мире.

<sup>32</sup> См.: «Токио симбун», 30.V.1986.

<sup>33</sup> «Правда», 30.VIII.1985.

## Хозяйственная перестройка в городах Китая

А. В. ОСТРОВСКИЙ,  
кандидат экономических наук

Одним из 52 городов Китая, в которых проводится хозяйственная реформа, является город Чанчжоу на юге провинции Цзянсу. Этот город территориально входит в крупнейшую экономическую зону в Китае — Шанхайскую экономическую зону — и обеспечивает главным образом потребности этого региона. Город разделен на 8 районов: четыре городских, один пригородный и три уезда — Уцзинь, Цзиньтань и Луян. Общая численность населения города с прилегающими уездами (по данным на конец 1984 г.) — примерно 3 млн. человек, а собственно городского населения — свыше 500 тыс. человек. В 1983 г. валовая продукция промышленности города составляла 4,324 млрд. юаней при среднегодовых темпах прироста в 1978—1983 гг. 10,9 %<sup>1</sup> — выше, чем в целом по стране за этот период. В 1984 г. валовая продукция промышленности и сельского хозяйства города составила 9 млрд. юаней, перечислено в государственный бюджет доходов 800 млн. юаней. В черте города Чанчжоу насчитывается 486 промышленных предприятий и всего их в городе 786, а если к этому добавить предприятия волостей и поселков — то более 4700. В структуре промышленности Чанчжоу преобладает текстильная промышленность — удельный вес ее в валовой продукции промышленности города составляет 40,72 %, машиностроения — 28,57 и химической промышленности — 13,29 %<sup>2</sup>. Общая численность рабочих и служащих в 1984 г. составила 303,7 тыс. человек; из них в государственном секторе было занято 187 тыс. человек (или 62 % общей численности рабочих и служащих города), в коллективном — 100 тыс. (или 33 %), а в индивидуальном — 16 тыс. человек (или 5 %)<sup>3</sup>.

Хозяйственная реформа в городе началась в марте 1982 г. Это был второй город в КНР (после города Шаши в провинции Хубэй), который начал проводить комплексную хозяйственную реформу по всем отраслям народного хозяйства. Одновременно с реформой в городе в марте 1983 г. была проведена комплексная реформа административной структуры провинции Цзянсу, суть которой состояла в том, что города стали управлять прилегающими уездами. По замыслу организаторов хозяйственной реформы в Чанчжоу, между городом и деревней должны быть экономические, а не административные связи. Было создано пять отраслевых экономических систем, через которые в настоящее время осуществляется связь между городом и деревней, — промышленность, торговля, наука и техника, транспорт и связь, финансы. Как отмечалось в одной из работ, посвященных хозяйственной реформе в Чанчжоу, «такая структура представляет комплексное развитие экономики городов и поселков, в которой промышленная система — основа, товарное обращение — мост между производством и потреблением, городом и деревней, наука, транспорт и связь, финансы — необходимые условия для осуществления модернизации»<sup>4</sup>.

В апреле 1984 г. в Чанчжоу состоялось Всекитайское совещание по вопросам экономической реформы в городах, которое дало новый импульс ее проведению в городе. К 1984 г. китайская печать представляла Чанчжоу как город, добившийся больших успехов в проведении хозяйственной реформы. Результаты ее в Чанчжоу оценивались положительно, и «опыт Чанчжоу» был рекомендован для изучения по всему Китаю и для ознакомления иностранных ученых и специалистов. В апреле 1985 г. автор данной статьи ознакомился с опытом проведения хозяйственной реформы в рамках стажировки, проводившейся Народным университетом Китая (город Пекин) по проблемам развития социально-экономической структуры китайских городов и поселков. В ходе поездки автору статьи была предоставлена возможность провести беседы в группе по вопросам проведения хозяйственной реформы при канцелярии народного правительства города Чанчжоу, в управлении труда и кадров, на ситценабивной фабрике «Дунфэн» (государственный сектор), на заводе по производству велосипедов и швейной фабрике (оба коллективный сектор), на заводе по производству мешковины из искусственного волокна в волости Юнхун (коллективное предприятие) и гостинице (индивидуальный сектор).

Одним из важных направлений хозяйственной реформы в Чанчжоу в ходе развития экономической системы города явилось изменение ориентации только на

<sup>1</sup> См.: Дингэ цзюйциды Чанчжоу (Первый взлет Чанчжоу). Пекин, 1984, с. 175, 177.

<sup>2</sup> См. там же, с. 177.

<sup>3</sup> Данные управления труда и кадров города Чанчжоу.

<sup>4</sup> Дингэ цзюйциды Чанчжоу, с. 119.

предприятия государственного сектора. Городские власти стремились создать такую систему управления экономикой города, при которой государственный сектор должен был продолжать оставаться ведущим, но при этом должны развиваться другие сектора экономики — коллективный и индивидуальный. Другим важным направлением явилось оживление деятельности предприятий, постепенный отход от чрезмерной концентрации в управлении экономикой, рассредоточение административной власти по управленческим звеньям. Следующим аспектом реформы явился отход от директивного планирования как основы развития экономики города и постепенный переход к направляющему планированию, более широкое использование экономических и юридических рычагов. Не менее важным направлением хозяйственной реформы в Чанчжоу явилась ликвидация уравниловки и так называемой системы «общего котла» как для предприятий, так и для рабочих и служащих.

Для решения этих задач хозяйственной реформы в городе использовались различные мероприятия, направленные на расширение хозяйственной самостоятельности отдельных предприятий и повышение производственной активности рабочих и служащих.

Важной мерой в осуществлении реформы явилась активизация коллективного сектора города. В 1985 г. коллективный сектор в четырех городских районах составлял 61 % всех предприятий города, на них было занято 32 % всех рабочих и служащих и производилось 25 % валовой промышленной продукции. Многие предприятия торговли были сданы в подряд коллективам. На них практиковалась система паевых взносов рабочих и служащих этих предприятий в основные и оборотные фонды и выплата дивидендов с прибыли предприятий в зависимости от паевого взноса. В Чанчжоу на эту форму организации производства перешло 95 % торговых точек, на которых было занято 80 % рабочих и служащих отрасли города.

Кроме того, в Чанчжоу и прилегающих к нему уездах активно развивалась промышленность волостей и поселков. В 1984 г. валовая промышленная продукция предприятий волостей и поселков («сян чжэнь цие») составила 2,4 млрд. юаней (или 55,5 % валовой продукции промышленности города). Как правило, такие предприятия являлись филиалами крупных предприятий города, обслуживали их комплектующими деталями. Однако эти предприятия волостей и поселков имеют ряд серьезных проблем. Во-первых, низкий уровень управления предприятиями из-за отсутствия квалифицированных инженерно-технических кадров. Во-вторых, на этих предприятиях допускается большой расход сырья и материалов. И в-третьих, низкая производительность труда. В районе Чанчжоу делаются попытки решить эти проблемы за счет укрепления предприятий ушедшими на пенсию квалифицированными рабочими и ИТР, расширения производственных связей предприятий волостей и поселков с крупными предприятиями города. Однако низкий технический уровень производства и нехватка капиталовложений не позволяют в кратчайшие сроки решить эти проблемы.

В 1984 г. в Чанчжоу насчитывалось более 4 тыс. промышленных предприятий волостей и поселков, в основном созданных на уровне волости (сян) или деревни (цунь). Основные производственные фонды этих предприятий — от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч юаней. Численность занятых на них — от нескольких десятков до нескольких сотен человек. При этом доля этих предприятий в валовой промышленной продукции отдельных уездов достаточно велика — от 50 до 70 % (например, в уездах Уцзинь и Луян). Это в значительной степени вызвало оживление товарного обращения в сельской местности.

Многие предприятия были созданы за счет паевых взносов в их производственные фонды. Некоторые рабочие имеют акции стоимостью выше 1000 юаней, отдельные — до 10 тыс. юаней, в конце года в зависимости от результатов работы предприятия они, помимо заработной платы, получали еще и дивиденд на пай.

Быстрыми темпами развивался индивидуальный сектор города. К концу 1984 г. общая численность индивидуальных предпринимателей в городе выросла на 70 % по сравнению с 1983 г. и составила 3259 человек. Большая часть индивидуальных предпринимателей в Чанчжоу, как и во всем Китае, концентрируется в торговле и на предприятиях питания — всего 1613 предприятий (или 62,4 % общей численности индивидуальных предприятий), на которых занято 1909 человек (или 58,5 % всех занятых в индивидуальном секторе города). К 1985 г. индивидуальное предпринимательство стало проникать даже в такие сравнительно капиталоемкие отрасли, как капитальное строительство и служба информации.

На предприятиях государственного сектора использовались самые разнообразные формы активизации деятельности предприятий. Для мелких предприятий с 1983 г. стала использоваться система финансового подряда, суть которого состояла в том, что предприятию заранее по договору устанавливается доля отчислений от прибыли в государственный бюджет, а остающаяся часть может использоваться для расширенного воспроизводства, в фонд социального страхования и на выплату премий рабочим и служащим. В дальнейшем в ходе осуществления реформы в Чанчжоу для обеспечения прав хозяйственной самостоятельности предприятий они были переведены с системы отчислений от прибыли в государственный бюджет к уплате подоходного (на некоторых предприятиях производственного. — А. О.) налога, составлявшего 55 % полученной годовой прибыли.

Для многих предприятий были сокращены показатели директивного планирования, стал внедряться внутриводской хозрасчет. На хозрасчет перешла вся непромышленная сфера (детские сады, ясли, столовые, лечебные учреждения и др.). Была упрощена структура управления экономикой в городе за счет уменьшения количества звеньев до трех: экономический комитет — компания — предприятие. Было особо отмечено, что компании обеспечивают работу предприятий, а не наоборот. Большая часть предприятий получила право принятия решений без согласования с вышестоящими инстанциями. На предприятиях была введена система ответственности директора за производство. Директор назначается вышестоящими органами, расставляет административно-управленческий персонал на предприятии, непосредственно отвечает за принятие производственных решений и распределение заработной платы. Ежегодно директор имеет право повышать трем процентам рабочих и служащих квалификационные разряды.

В Чанчжоу в ходе хозяйственной реформы произошли заметные изменения в системе распределения заработной платы и премий на промышленных предприятиях. Стали использоваться многообразные формы заработной платы: сдельная заработная плата — в зависимости от объема произведенной продукции, от выработки на сумму 100 юаней, вложенных в производство, от снижения себестоимости на единицу произведенной продукции; смешанная заработная плата — в зависимости от квалификационного разряда, рабочего места, должности и результатов работы, и «плавающая» заработная плата — в зависимости от прибыли предприятия.

Заметные изменения в городе произошли в системе товарного обращения. Были созданы торговые центры, в которых осуществлялись оптовые закупки произведенных на предприятиях потребительских товаров оптовыми базами второй и третьей ступеней<sup>5</sup>, снабженческо-сбытовыми кооперативами и предприятиями розничной торговли. В Чанчжоу наиболее известным торговым центром является оптовая ярмарка Учзяочан. Она была организована в августе 1983 г. К 1985 г. в этой ярмарке приняло участие более 5 тыс. представителей от 1900 торговых организаций более чем 20 провинций, городов и автономных районов. Торговый оборот ярмарки достиг 490 млн. юаней, что составило 47,2 % сбыта товаров в торговой сети города<sup>6</sup>.

Также были созданы торговые центры по продаже средств производства. Предприятия получили возможность приобрести необходимые им станки, оборудование или стройматериалы по объявлению. Один из таких рынков средств производства был сосредоточен в районе Наоши. Он был создан шестью специализированными компаниями — по производству цветных металлов, электрооборудования, древесины, стройматериалов, химической и легкой промышленности, сельскохозяйственных орудий. Ассортимент на этом рынке средств производства непрерывно увеличивался. Если в апреле 1981 г. ассортимент для продажи средств производства на рынке составлял 784 вида и 1500 наименований, то в 1984 г. — уже 1500 видов и 16 600 наименований<sup>7</sup>.

Были проведены организационно-хозяйственные мероприятия в сфере науки и техники и подготовки инженерных и научных кадров. Научно-исследовательские институты в Чанчжоу были переведены на хозрасчет и могли заключать договоры с предприятиями на проведение и внедрение на них научных разработок. Таким образом была сделана попытка привязать работу научно-исследовательских институтов к работе предприятий.

Начиная с 80-х годов в городе было создано четыре высших учебных заведения — химический институт, институт промышленной технологии, педагогический и текстильный институты, которые готовят инженерно-технические кадры для промышленных предприятий города. Кроме того, в ходе реформы активно использовалась система телеуниверситетов и заочного обучения. Многие предприятия при подборе кадров на управленческие должности, требующие высшего образования и высокого уровня профессиональной подготовки, стали практиковать систему конкурсного отбора и использовать инженеров и научных работников высокой квалификации по совместительству на нескольких предприятиях. В 1985 г. в Чанчжоу насчитывалось более 60 консультантов, являющихся крупными специалистами в своих областях.

Важное значение придавалось реформе в сфере денежного обращения. В первую очередь была сделана попытка оживить деятельность банков, которые ранее в основном являлись лишь распорядителем государственных кредитов. Банки в ходе реформы должны постепенно стать важным экономическим рычагом, обеспечивающим контроль за деятельностью предприятий, благодаря тому, что они получили больше прав в выделении кредитов и займов предприятиям. Для того чтобы банки могли более полно охватить предприятия, в районах города были созданы поручительские организации, являющиеся филиалами банков и выдающие кредиты различным мелким коллективным и индивидуальным предприятиям. Также появилась новая форма совместного использования несколькими предприятиями финансовых средств для обновления фондов предприятий. В Чанчжоу капитал 18 крупных предприятий был сконцентрирован в банке и стал использоваться совместно, что в значительной

<sup>5</sup> Базы провинциального и городского (уездного) подчинения.

<sup>6</sup> См.: Дингэ цюйцзи Чанчжоу, с. 133.

<sup>7</sup> См. там же, с. 136.

степени активизировало деятельность предприятий за счет более свободного маневрирования финансовыми ресурсами.

В ходе реформы на предприятиях Чанчжоу произошли заметные изменения в системе найма рабочей силы. С 1979 г. на предприятиях города стала практиковаться система набора рабочей силы на основе экзаменов. Любой желающий поступить на предприятие вносит свое имя в списки кандидатов, сдает экзамены, и по итогам экзаменов лучшие отбираются для работы на предприятии. С 1981 г. для поступивших на предприятие рабочих стала использоваться система труда по контракту, на которую с 1983 г. в городе перешли повсеместно. Однако сохранилась и система постоянных рабочих, которые приходили на предприятия по государственному распределению — из НОАК и средних специальных учебных заведений.

С 1984 г. на неквалифицированных работах — на шахтах, земляных, погрузочно-разгрузочных работах — в экспериментальном порядке стала использоваться система ротации рабочей силы. На работу могли поступить не только городские, но и сельские жители моложе 25 лет на срок до 5 лет. Оплата труда была сдельной, вследствие чего их заработная плата зачастую была выше, чем у постоянных рабочих, однако за все время контракта они лишь один раз могли воспользоваться льготами по социальному страхованию. Если рабочий хорошо себя проявил, то срок его контракта продлевался.

В ходе реформы системы найма рабочей силы в Чанчжоу была разрешена свободная миграция рабочей силы между предприятиями и уездными городами. В частности, в рамках Чанчжоу рабочий может свободно перейти на работу с одного предприятия на другое без согласования с управлением труда и кадров города. Рабочий может перейти на работу из одного города в другой в пределах округа Чанчжоу, но уже при обязательном согласовании с управлением труда и кадров. Предприятие получило право само объявлять конкурс о приеме на работу и выдвигать требования к нанимаемой рабочей силе, но опять же требования должны быть утверждены управлением труда и кадров. Таким образом, новые правила найма рабочей силы в значительной мере ослабили жесткую централизацию в сфере распределения рабочей силы по отраслям, и в Чанчжоу в значительной степени удалось решить проблему трудоустройства за счет привлечения рабочей силы на предприятия индивидуального и коллективного сектора, а также за счет перераспределения между районами и отраслями народного хозяйства.

В ходе реформы в Чанчжоу было обращено внимание на систему трудового страхования рабочих и служащих. До реформы нормы выплаты пособий по социальному страхованию в первые шесть месяцев чрезмерно высоки, в последние месяцы — очень низки. Использовалось сразу две системы социального страхования для «старых» постоянных рабочих и «новых» контрактных рабочих. Для обеспечения трудового страхования «старых» рабочих предприятия ежегодно должно перечислять в компанию по трудовому страхованию 18 % общего фонда заработной платы предприятия, а для трудового страхования «новых» рабочих — на каждого рабочего ежемесячно по 2 юаня. На предприятиях в Чанчжоу фонд трудового страхования образуется из трех источников — общегосударственного фонда социального страхования, составляющего 11 % общего фонда заработной платы предприятия, пенсионного фонда и части прибыли от реализованной продукции. На коллективных предприятиях единственным источником фонда трудового страхования является прибыль предприятия, остающаяся после уплаты налогов.

Интересно подробно проследить, как проводится хозяйственная реформа в государственном секторе на примере ситценабивной фабрики «Дунфэн». Фабрика создана в 1923 г. До 1954 г. являлась смешанным (государственно-частным) предприятием, а с 1966 г. была преобразована в государственное предприятие. На нем насчитывается 2366 рабочих и служащих, в день выпускается 400 тыс. м ткани. В 1984 г. предприятие выпустило 95,5 млн. м ткани, что составило 175 млн. юаней в год. За этот год было перечислено в бюджет государству налогов на сумму 8 млн. юаней. Основная продукция предприятия — хлопчатобумажные ткани, ткани из искусственного волокна, бумага. 25 % продукции предприятия идет на экспорт в Австралию, Новую Зеландию, страны Европы, Латинской Америки, а также СССР.

В 1984 г. была введена система ответственности директора за работу предприятия. Директор составляет кадры на предприятии, отвечает за принятие решений и распределение заработной платы. При планировании работы предприятия 40 % показателей являются директивными — валовая промышленная продукция, ассортимент, качество, объем прибыли, рост производительности труда, себестоимость, затраты. Как и на всех предприятиях текстильной промышленности государственного сектора, на фабрике «Дунфэн» довольно высокая производительность труда — в 1984 г. она составила 80 тыс. юаней на человека при среднем показателе в отрасли 18 487 юаней на человека<sup>8</sup>.

В системе найма рабочей силы на предприятии произошли определенные изменения. На нем в основном заняты постоянные рабочие. Лишь в 1985 г. началось использование системы контрактного труда. Срок действия контракта — от 3 до 6 лет. При этом ставки заработной платы и социального страхования были одинаковы для

<sup>8</sup> См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1984. Пекип, 1984, с. 271.

постоянных и контрактных рабочих. С 1985 г. все поступающие на предприятие должны сдавать экзамены. В 1985 г. планировался набор 110 человек — всех по системе контрактного труда. При повышении квалификационного разряда стали использовать три системы. Как и раньше, существовала государственная единая система тарифных ставок для различных отраслей. Но в ходе экономической реформы директор получил право самостоятельно повышать разряды 3 % рабочих в год, а для контрактных рабочих — автоматическое повышение на один разряд после срока контракта.

На предприятии по-прежнему сохраняется 8-разрядная тарифная сетка плюс надбавка за место на производстве (всего 15 категорий). «Плавающую» заработную плату (в зависимости от итогов работы предприятия) получают только 10 % рабочих и служащих. В целом в 1984 г. на одного занятого на предприятии в среднем приходилось 1004 юаня по сравнению с 800 юанями в 1977 г. Регулярно выплачивались премии (раз в 3 месяца по 50 юаней) и надбавки (по 5—7 юаней в месяц).

На данном предприятии достигнут довольно высокий в условиях Китая уровень социального страхования. Имеется своя больница, детский сад, ясли, которыми рабочие и служащие этого предприятия могут пользоваться бесплатно. Поскольку предприятие уже старое, здесь есть много рабочих, ушедших на пенсию, — всего 450 человек. В 1985 г. планировалось проводить на пенсию 43 человека. При этом все расходы по пенсионному обеспечению несет предприятие. Пенсионное обеспечение составляет 75 % месячной зарплаты. В сфере социального страхования пенсионеры пользуются теми же льготами, что и рабочие предприятия.

На предприятии действует собрание представителей рабочих и служащих (СПРС). Профсоюз, как и на многих предприятиях КНР, — рабочий орган собрания представителей рабочих и служащих. В его задачи входит организация политической и общеобразовательной учебы, проведение на предприятии социалистического соревнования.

Собрание представителей рабочих и служащих не подчиняется парткому предприятия и вышестоящим профсоюзным организациям. Оно решает основные производственные вопросы предприятия. Созывается два раза в год. Всего на предприятии около 100 членов СПРС. На каждом собрании директор завода выступает с докладом об итогах работы предприятия за полгода, и собрание должно утвердить этот доклад. Все основные решения, касающиеся производственной деятельности предприятия, проводятся через СПРС. На них также дается оценка работы ганьбу (кадровых работников) на предприятиях, обсуждаются вопросы заработной платы, премий, социального страхования. Но как и на подавляющем большинстве предприятий государственного сектора, директор назначается сверху, а не выбирается коллективом.

Проведение хозяйственной реформы в коллективном секторе имеет свои особенности, о них автору подробно рассказали представители администрации Чанчжоуского завода по производству велосипедов. Этот завод является крупным коллективным предприятием с общей численностью занятых 4020 человек. Завод начал выпуск продукции с 1976 г. и в дальнейшем наращивал производство. Если в 1976 г. завод выпускал 8 тыс. велосипедов, то в 1984 г. — уже 780 тыс., а в 1985 г. планировалось произвести 1100 тыс. велосипедов. В последние годы постоянно происходило перевыполнение государственного плана по выпуску продукции.

Основное отличие этого предприятия от государственного — наличие, помимо государственных фондов, еще и коллективных. Предприятие имеет три постоянных источника капитальных вложений — централизованные, местные и собственно предприятия. Государственные фонды образуются за счет централизованных капиталовложений, а коллективные — за счет части прибыли предприятий. Прибыль предприятия распределялась таким образом: 55 % прибыли — на уплату подоходного налога государству, из остающейся части прибыли после уплаты подоходного налога 5 % перечислялось вышестоящему ведомству, а 40 % оставалось у предприятия. Та доля прибыли, которая оставалась у предприятия, распределялась следующим образом: 60 % — в фонд развития производства, 20 % — в фонд социального страхования и 20 % — в премиальный фонд.

Большая часть занятых на этом предприятии — 91 % рабочих и служащих считаются занятыми в коллективном секторе. Остальные 9 % занятых — это ганьбу, которые назначаются на предприятие государственными органами и считаются занятыми в государственном секторе. Вопрос о том, в каком секторе занят рабочий или служащий, встает лишь в случае его перехода с одного предприятия на другое. Дело в том, что рабочий коллективного сектора не может перейти на государственное предприятие.

На заводе активно используются личные вклады рабочих и служащих в непроизводственную сферу — заводское бюро услуг, столовую, магазины, общежитие и т. д. Каждая акция стоит 50 юаней, и общие фонды в непроизводственной сфере предприятия составили около 100 тыс. юаней. По итогам работы этих организаций в конце года сделавшим свои вклады рабочим и служащим выплачиваются дивиденды на внесенный пай. В перспективе на заводе планируют расширить такого рода деятельность и дополнительно открыть на взносы рабочих и служащих парикмахерскую и ателье.

На предприятии существуют три категории рабочих: 1) постоянные рабочие, которых распределяет управление труда и кадров; 2) контрактные рабочие, которые

набираются самим предприятием из городских жителей, а также из прилегающих уездов; 3) временные рабочие, которые набираются из соседних деревень на неквалифицированные работы (в основном переноску грузов). Временные рабочие нанимаются, как правило, на срок не более года. Контрактных рабочих в 1985 г. насчитывалось немного, не более 3 % всех занятых на предприятии. С ними заключался контракт на 3 года, чтобы после окончания контракта они могли стать постоянными рабочими. С 1985 г. предприятие перешло полностью к набору рабочей силы по системе контрактного труда. Всем поступающим на предприятие необходимо сдавать экзамены. При этом к рабочим предъявляются достаточно высокие требования — они должны иметь полное среднее образование.

Однако в 1985 г. большая часть рабочих и служащих предприятия имела уровень образования в объеме 1-й ступени средней школы. Это во многом определило необходимость повышения уровня образования рабочих в связи с повышением уровня технологии на производстве. В настоящее время используются такие формы повышения уровня образования, как заочное обучение, телеуниверситеты, подготовка рабочих в группе без отрыва от производства непосредственно на предприятии. На велосипедном заводе было создано свое профессионально-техническое училище, которое в 1985 г. готовилось выпустить 50 человек. Многие рабочие по-прежнему проходят подготовку через систему ученичества, которая длится 2—3 года. Однако для тех, кто пришел на завод после окончания полной средней школы, срок ученичества сокращается.

До проведения хозяйственной реформы в городе на заводе использовалась такая же система заработной платы, как и во всей КНР, — 8-разрядная тарифная сетка при повременной заработной плате плюс премиальные и отдельные надбавки. Однако в ходе реформы предприятие получило возможность само повышать ставки заработной платы без согласования с вышестоящими органами. В частности, в 1984 г. 50 % рабочих предприятия были повышены ставки заработной платы. Была введена «плавающая» заработная плата, выступающая как часть прибыли предприятия. В 1985 г. доля «плавающей» заработной платы составляла 11 % общего фонда заработной платы. Для постоянных и контрактных рабочих использовалась повременная заработная плата, «плавающая» и премии (от 220 до 320 юаней в год на человека). Для временных рабочих — сдельная заработная плата. При этом для постоянных и контрактных рабочих ставки заработной платы и социального страхования одинаковы.

Всеми льготами по социальному страхованию пользуются постоянные и контрактные рабочие. Например, в случае болезни при стаже рабочего свыше 15 лет ему сохраняется 80 % заработной платы. Система пенсионного обеспечения такая же, как на государственных предприятиях. В 1984 г. на предприятии насчитывалось 26 пенсионеров. Пенсия составляет от 55 до 70 % их последней ставки заработной платы. Профсоюз и собрания представителей рабочих и служащих имеют те же полномочия, что и на государственной швейной фабрике «Дунфэн».

Интересен и другой объект коллективного сектора — швейная фабрика. Чанчжоуская швейная фабрика была создана из нескольких кустарных кооперативов. На предприятии работает много женщин и молодежи. Продукция этой фабрики — рубашки, пижамы, ночные сорочки. Часть продукции идет на экспорт в другие страны, в частности в США. Стоимость валовой промышленной продукции предприятия — 27 млн. юаней, годовая прибыль — 1,7 млн. юаней. Всего в год производится 300 тыс. комплектов одежды. Предприятие оборудовано машинами из Гонконга, приобретенными на основе компенсационной торговли.

Как и многие другие коллективные предприятия, оно само несет ответственность за прибыли и убытки. Государство не делает капитальных вложений в производственные фонды этого предприятия. Швейная фабрика ежегодно уплачивает так называемый производственный налог (гунчаньшуй) — 55 % прибыли. Ей планируется единственный директивный показатель управлением внешней торговли провинции Цзянсу — объем реализации экспортной продукции в переводных юанях (вайхуэйби)<sup>9</sup>. Все остальные производственные показатели предприятие планирует самостоятельно.

В системе найма рабочей силы изменений практически не произошло. Если на большинстве предприятий, где проводится хозяйственная реформа, поступающие на работу сдают экзамены, то на швейной фабрике экзаменов нет. Вместо экзаменов поступающий на фабрику проходит испытательный срок 6 месяцев. Отсутствует система контрактного труда. Лишь в 1984 г. было нанято на предприятие 2 человека по системе контрактного труда, и велась подготовка к переходу на эту систему найма. На фабрике преобладает система ученичества: для выпускников полной средней школы — год, средней школы 1-й ступени — 2 года. При фабрике есть также группы для повышения уровня образования рабочих и служащих и свое профессионально-техническое училище, в котором в 1985 г. обучалось 20—30 человек.

В ходе проведения реформы предприятие получило возможность само решать вопросы повышения разрядов рабочим и служащим. Повышение тарифной ставки проходит на основе экзаменов на разряд и оценки работы. Кроме того, руководство

<sup>9</sup> В КНР существует два вида денежных знаков: жэньминьби (народные юани), используемые для расчетов внутри страны, и вайхуэйби (переводные юани), применяемые для расчетов во внешнеэкономических операциях и в расчетах с иностранцами.

предприятия имеет право ежегодно повышать разряд трем процентам рабочих и служащих. На фабрике существует 8-разрядная тарифная сетка заработной платы. 1-й разряд — 32 юаня в месяц, 8-й разряд — 97,5 юаня в месяц (основная заработная плата). В случае перевыполнения рабочим плана оплата выработки ведется на основе ставок сдельной заработной платы при тесной ее увязке с прибылью предприятия.

На социальное страхование предприятие расходует 18 % фонда заработной платы. Основной источник — прибыль предприятия, из которого выделяются пособия по временной нетрудоспособности и пенсионные пособия. В частности, рабочие со стажем не менее 20 лет, мужчины старше 60 лет и женщины старше 50 лет при уходе на пенсию получают 75 % заработной платы. Самая низкая пенсионная ставка на фабрике — 30 юаней в месяц.

На фабрике действуют одновременно профсоюз и собрание представителей рабочих и служащих. Профсоюз, как и на многих предприятиях в КНР, является рабочим органом собрания представителей рабочих и служащих и готовит конференции СПРС, проходящие два раза в год. Все основные решения по производственной деятельности предприятия дирекция проводит через СПРС. На швейной фабрике 10 % рабочих и служащих являются членами СПРС; причем ими могут быть только те рабочие и служащие, которые не менее трех лет проработали на предприятии.

Имеются некоторые различия в проведении хозяйственной реформы на другом предприятии коллективного сектора — заводе по производству мешковины в волости Юнхун. До 1978 г. это был завод по производству изделий из свиной щетины. Стоимость основных производственных фондов составляла 48 600 юаней, общая численность рабочих и служащих — 80 человек. С 1978 г. началась перестройка производства, завод закупил 100 ткацких станков и 300 станков для перемотки искусственных нитей и перешел на производство мешковины из искусственных и синтетических нитей. В 1983 г. годовое производство на предприятии составило 15,22 млн. юаней, прибыль — 2,315 млн. юаней, а общая численность рабочих и служащих возросла до 1523 человек.

Для этого предприятия государство каждые пять лет устанавливает определенный уровень прибыли. В пределах этой прибыли надо платить 55 % подоходного налога, с прибыли сверх плана — половину подоходного налога. На 1979—1984 гг. прибыль для завода по производству мешковины была установлена в 920 тыс. юаней. Всю оставшуюся часть прибыли предприятие использует на свои цели.

С 1980 г. на этом заводе в отличие от крупных предприятий стали внедрять новую форму заработной платы, в основе которой лежит переход к оплате по конечному результату отдельного рабочего по пяти критериям: 1) количество продукции; 2) качество; 3) себестоимость; 4) время, затраченное на выработку; 5) новые виды продукции. В 1981 г. предприятие одним из первых перешло на внутризаводской хозрасчет — контракт отдельных цехов с администрацией предприятия. И в дальнейшем на основе этих контрактов цехов с администрацией для каждого рабочего ввели систему «удин ицзян» (выплата премии по пяти критериям). И надо отметить, что внедренная на заводе система материального стимулирования оказала заметное влияние на рост производства на предприятии.

Большая часть рабочих предприятия — контрактные рабочие. Лишь 1 % рабочих — временные. Как правило, на предприятии во временные рабочие переводятся те из них, которые не могут выполнить производственного задания. Они могут получать только основную зарплату в отличие от контрактных, которые получают еще премии и «плавающую» зарплату. Существует на этом предприятии еще такая категория рабочих, как рабочие «вне плана», которые привлекаются со стороны для выполнения аккордных работ и не входят в штат предприятия. Система социального обеспечения распространяется одинаково как на контрактных, так и на временных рабочих, но не распространяется на рабочих «вне плана».

В настоящее время многие рабочие на предприятии — сельские жители. Другая часть — рабочие, имеющие прописку в пригороде или в волости Юнхун, молодые крестьяне. На заводе отсутствует система найма «и рабочий, и крестьянин», ранее существовавшая повсеместно на местных предприятиях уровня волости (ранее — народной коммуны. — А. О.). Это объясняется тем, что крестьяне в основной своей массе перешли от растениеводства с сезонным циклом производства к овощеводству с постоянным циклом, и их доходы от овощеводства выше, чем от работы на предприятии.

Важное отличие этого предприятия от государственного состоит в том, что тарифные ставки устанавливаются в зависимости от итогов работы предприятия, а не на основе государственных тарифных ставок. В 1984 г. на заводе по производству мешковины была установлена 7-разрядная тарифная сетка со ставкой 1-го разряда 30,5—32,5 юаня в месяц и ставкой 7-го разряда 79,2—80 юаней в месяц при средней месячной заработной плате 41 юань. Как и на государственных предприятиях, 3—4 % в год рабочих может быть повышена тарифная ставка. На этом предприятии рабочему повышают ставку раз в 4—5 лет. Помимо основной зарплаты, рабочему выплачивают еще «плавающую» зарплату, которая выступает как часть установленной прибыли, и премию, которая выступает как часть сверхплановой прибыли. В целом эти выплаты в виде части прибыли составляют от 8 до 13 юаней в месяц на одного рабочего.

Единственный источник социального обеспечения на предприятии — остаток прибыли после уплаты подоходного налога. Ежегодно на оплату по нетрудоспособности запланировано расходовать 60 юаней в год на человека. Все расходы в случае производственной травмы и болезни несет предприятие; в случае бытовой травмы и болезни — 0,4 юаня в день на человека. Предприятие также обеспечивает выплату пенсий для рабочих — от 50 до 60 % заработной платы при низшей пенсионной ставке 26 юаней в месяц.

На предприятии отсутствует профсоюз, есть лишь собрание представителей рабочих и служащих. Оно обсуждает производственные вопросы и может выбирать директора предприятия. Временные рабочие и рабочие «вне плана» не могут быть членами СПРС.

Гостиница в Чанчжоу относится к индивидуальному сектору. Хозяйственная реформа благоприятно отразилась на ее деятельности. Строительство гостиницы началось в 1979 г. и закончилось в 1984 г. Всего на строительство дома, покупку мебели, кухонной утвари, постельных принадлежностей и других предметов обихода было израсходовано 30 тыс. юаней, из них — только 20 тыс. юаней на строительство дома. Основными источниками накоплений явились сбережения всех членов семьи; а также займы у 45 крестьянских дворов без привлечения государственных средств.

В настоящее время в гостинице имеется 10 номеров, в которых одновременно могут проживать 30 человек. Тарифы в этой гостинице составляют от 1,5 юаня в сутки за койку в 4-местном номере и до 5 юаней в сутки в одноместном. Гостиница начала работать в 1985 г., и за первые три месяца доход составил 1400 юаней. Из них надо выплачивать производственный налог — 5 % дохода и налог на управление — 2 % дохода.

Владелица гостиницы Чжоу Лайтин, 33 лет, до октября 1984 г. работала в городском управлении компании по производству магнитофонов. Ее муж — постоянный рабочий на одной из станций по обслуживанию сельскохозяйственной техники. Его заработная плата составляет 45 юаней в месяц, а общий доход с премиями — около 60 юаней в месяц. С учетом доходов от гостиницы общий доход семьи составляет 500 юаней в месяц.

Всего в штате гостиницы 7 человек наемных рабочих — 3 молодых и 4 пожилых. Почти все они в течение нескольких лет искали работу. Их заработная плата составляет 50—60 юаней в месяц. Это выше, чем ставки заработной платы, установленные Управлением труда и кадров в КНР для занятых в индивидуальном секторе постоянных рабочих, — 45 юаней в месяц и помощников — 30 юаней в месяц. При этом они могут питаться в гостинице бесплатно. Однако в данном случае общая численность наемных работников превышает квоту в три-пять человек, установленную положениями Госсовета КНР об индивидуальном секторе экономики в городах и поселках вне сферы сельского хозяйства от 7 июля 1981 г.<sup>10</sup>

Нынешнее руководство КНР отводит хозяйственной реформе ключевую роль в социально-экономическом развитии страны не только в текущую пятилетку (1986—1990 гг.), но и до конца столетия. Реформа в городах практически еще не дала заметных результатов, хотя в отдельных городах (Шаши и Ухань в провинции Хубэй, Чанчжоу в провинции Цзянсу, Чунцин в провинции Сычуань) уже достигнуты определенные успехи. Однако в основном все изменения происходили в коллективном и индивидуальном секторах; государственный сектор почти не был затронут реформами. В китайской печати был опубликован ряд статей о необходимости оживить деятельность крупных предприятий, с тем чтобы они могли оказать влияние на развитие экономики городов или районов. Крупные государственные предприятия по-прежнему не имеют достаточной самостоятельности в решении производственных вопросов и зависят от вышестоящих организаций. Они не имеют достаточно стимулов для производства сверхплановой и высококачественной продукции. По-прежнему руководство предприятий не имеет возможности самостоятельно распоряжаться фондами предприятий и даже остающейся частью прибыли, по-прежнему имеются ограничения в использовании фондов материального стимулирования предприятия.

В ходе хозяйственной реформы наиболее активно развивается коллективный и индивидуальный секторы экономики; причем следует отметить, что чем ниже уровень обобществления предприятий, ниже уровень управления, меньше основных и оборотных фондов и численность занятых, тем большие изменения произошли в системе управления предприятием, тем меньше зависимость этих предприятий от государственного планирования. Это вызвало ряд отрицательных явлений в китайской экономике: бесконтрольное увеличение местных капиталовложений, рост цен, инфляцию. В результате расширения деятельности индивидуального и коллективного секторов стали развиваться процессы социальной дифференциации в китайском обществе. Таким образом, хозяйственная реформа в Китае, с одной стороны, привела к оживлению экономики, росту производства, с другой стороны, порождает ряд новых проблем, связанных с некоторыми негативными явлениями в социальной жизни КНР.

<sup>10</sup> См.: Гэти лаодунчжэ шоуцэ (Справочник индивидуального труженика). Пекин, 1984 с. 6.

# ИСТОРИЯ

Борцы  
за народное дело

## Полководец Чжу Дэ: ранний период деятельности

И. Е. ПОЖИЛОВ

**В** ряду борцов за освобождение китайского народа, руководителей Коммунистической партии Китая и вооруженных сил КНР видное место по праву принадлежит Чжу Дэ (1886—1976). Включившись в революционное движение накануне Синьхайской революции 1911 г., Чжу Дэ прошел славный и долгий путь полководца и политического деятеля. Он был одним из организаторов и руководителей Наньчанского восстания 1927 г., положившего начало вооруженным силам КПК, главным командующим Красной армии Китая, с 1937 г. — командующим 8-й армией, главным воинским формированием компартии, в 1945—1954 гг. — главкомом Народно-освободительной армии Китая. В 1955 г. он первым получил звание маршала КНР. В разное время Чжу Дэ занимал посты заместителя Председателя КНР, заместителя председателя ЦК КПК, председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. В 1959—1969 гг. и с 1973 г. он — член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В памяти китайского и советского народов Чжу Дэ навсегда остался примером высокой революционной принципиальности, убежденным сторонником дружбы между нашими народами.

В советской историографии проделана немалая работа по систематизации фактов и анализу политической биографии Чжу Дэ<sup>1</sup>. При этом менее освещенным оказался ранний период его деятельности. Публикации, появившиеся в КНР в последние годы, позволяют получить более полное представление о жизни этого выдающегося представителя первого поколения китайских коммунистов.

Чжу Дэ родился 6 ноября<sup>2</sup> (по другим данным — 12 декабря<sup>3</sup>) 1886 г. в деревне Маань<sup>4</sup> уезде Илун провинции Сычуань в бедной крестьянской семье<sup>5</sup>. Его предки были выходцами из провинции Гуандун, откуда перебрались в Сычуань в начале XIX в. в поисках лучшей доли. В детские годы Чжу Дэ воспитывался в семье своего дяди, который приложил немало усилий для того, чтобы дать мальчику образование.

В возрасте шести лет Чжу Дэ начал учиться грамоте сначала в сельской, а с 1895 г. — в городской частной школе с традиционной системой обучения. В 1905 г. Чжу Дэ удается поступить в современную школу<sup>6</sup> в городе Чунцине. Здесь он впервые сталкивается с людьми,

<sup>1</sup> См., например: А. С. Титов, В. В. Арунов. К 90-летию со дня рождения Чжу Дэ. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, с. 112—121; А. Михайлов, В. Федоров. Полководец Чжу Дэ. — «Военно-исторический журнал», 1978, № 12, с. 67—73.

<sup>2</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1. Пекин, 1984, с. 177.

<sup>3</sup> In: A. Smedley. The Great Road. The Life and Times of Chu Teh. New York, 1956, p. 445.

<sup>4</sup> А. Смедли называет родиной Чжу Дэ деревню Линлун того же уезда (In: A. Smedley. Op. cit., p. 14).

<sup>5</sup> Недостаточная изученность этого периода жизни Чжу Дэ дала возможность некоторым зарубежным авторам подхватить непроверенную и не имеющую документальной основы версию о том, будто Чжу Дэ происходил из богатой и влиятельной помещицкой семьи (In: E. Snow. Red Star over China, p. 346). На помещицкое происхождение Чжу Дэ ссылались также «хунвэйбинновская» печать в 1967 г., инкриминируя ему, наряду с прочими «преступлениями», сокрытие «истинных» фактов своей биографии.

<sup>6</sup> Учебные заведения, в которых применялись относительно современные для того времени формы и программы обучения, включавшие основы точных наук, некоторые гуманитарные предметы.

выступавшими против правящей маньчжурской династии Цинь. Некоторые преподаватели школы, не ограничиваясь общей оппозиционностью двору, свойственной значительной части либерально-буржуазных слоев китайского общества, стремились довести свои убеждения до сознания учеников, сочетая официальное обучение с завуалированной политической пропагандой. «Они никогда не называли имени династии, а просто критиковали «старую систему», — вспоминал Чжу Дэ. — Мы понимали их, но не говорили об этом. У нас не хватало смелости выступать открыто против императора»<sup>7</sup>. И все же зерна протеста находили благодатную почву в сердцах многих учащихся.

Осенью 1905 г. Чжу Дэ вошел в число 20 победителей конкурса на первую ученую степень «сюэя» в уездном городе Илун<sup>8</sup>. В это же время его внимание привлекло недавно основанное в Чэнду государственное педагогическое училище, при котором открывалось отделение физического воспитания с годичным сроком обучения. Возможность получить профессию и начать самостоятельно зарабатывать на жизнь, а также сама специальность — физкультура была новшеством для китайской школы — все это убедило юношу поступить именно туда<sup>9</sup>.

Его пребывание в училище хотя и было недолгим (1906—1907), все же оказало определенное воздействие на Чжу Дэ. Здесь он вновь встречается со своими прежними знакомыми по чунцинской школе, среди которых наибольшее влияние оказал на него Чжан Лань<sup>10</sup>.

После окончания училища в 1907 г. Чжу Дэ вернулся в родные места и работал в школе города Илун преподавателем физкультуры и одновременно управляющим<sup>11</sup>. Однако его педагогическая деятельность оказалась непродолжительной, так как в конце года учебное заведение было закрыто местными властями. Работа учителя не принесла Чжу Дэ какого-либо удовлетворения — настолько затхлой и косной была обстановка в старой китайской школе. Достаточно сказать, что, объявив о своем решении закрыть школу, уездное начальство выразило глубокое неудовольствие по поводу преподаваемого Чжу Дэ предмета, назвав его... «непристойным»<sup>12</sup>.

В школе сложилась своеобразная законспирированная и, вероятнее всего, самостоятельная группа единомышленников, в которую входили, помимо Чжу Дэ, еще четыре преподавателя. Перед расставанием, когда школа уже была закрыта властями, ее члены на последнем собрании дали клятву верности борьбе за освобождение Китая от маньчжурского господства и иностранного вмешательства<sup>13</sup>. Юношеская убежденность Чжу Дэ в целесообразности и, возможно, неизбежности радикального действия против монархического режима стала, пожалуй, основным мотивом, побудившим его в 1909 г. стать военным<sup>14</sup>. Этот шаг свидетельствовал и о все более тесном приобщении Чжу Дэ к лагерю революционеров-демократов — людей, по выражению Р. А. Ульяновского, «убежденных в необходимости отстаивать интересы народных масс революционными методами»<sup>15</sup>.

<sup>7</sup> In: A. Smedley. Op. cit., p. 66—67.

<sup>8</sup> Who's Who in China. Hongkong, 1968, p. 189.

<sup>9</sup> In: A. Smedley. Op. cit., p. 68.

<sup>10</sup> Чжан Лань принимал активное участие в руководстве революционным движением 1911—1913 гг. на Юго-Западе Китая; впоследствии занимал пост губернатора провинции Сычуань. В годы второй мировой войны стал одним из основателей Демократической лиги Китая, а затем ее президентом. После провозглашения КНР являлся заместителем председателя Центрального народного правительства.

<sup>11</sup> In: D. Klein, A. Clark. Biographic Dictionary of Chinese Communism, 1921—1965. Cambridge (Mass.), 1971, vol. 1, p. 245.

<sup>12</sup> A. Smedley. Op. cit., p. 78.

<sup>13</sup> Ibid., p. 80.

<sup>14</sup> Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Хэ Лун, Чэнь И, Ло Жунхуань цзюньши ходун да шици. Пекин, 1983, с. 1.

<sup>15</sup> Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984, с. 6.

Как известно, после 1908 г. сторонники республики значительно активизировали агитационно-пропагандистскую работу среди личного состава «новых войск» (частей китайской армии, организованных и обученных с учетом современных требований)<sup>16</sup>. Таким образом, решение Чжу Дэ связать свою жизнь с военной службой в значительной степени определялось новым тактическим курсом сторонников демократической революции.

В начале весны 1909 г. после двухмесячного путешествия пешком Чжу Дэ прибыл в город Юньнаньфу (ныне Куньмин) для поступления в местное военное училище. Однако в приеме ему, уроженцу Сычуани, было отказано, так как курсанты набирались преимущественно из уроженцев провинции Юньнань. Неудача тем не менее не обескуражила молодого человека, и он, изменив фамилию и назвавшись выходящим из Юньнани, записывается вольноопределяющимся в 1-й Сычуаньский пехотный полк, в течение ряда лет дислоцировавшийся в Уцяба, пригороде Куньмина. Здесь же располагались части 19-й дивизии (являвшейся ядром юньнаньских «новых войск»), сыгравшей решающую роль в свержении цинской власти в провинции в конце октября 1911 г. Таким образом, Чжу Дэ по прибытии в Юньнань сразу оказывается чуть ли не в центре готовящегося выступления<sup>17</sup>.

Революционные силы накануне синьхайских событий имели уже довольно прочные позиции в частях «новой армии», в частности в 19-й дивизии. В то же время большие надежды на это соединение возлагал Ли Цзинси — наместник провинций Юньнань и Гуйчжоу. Он лично контролировал комплектование и боевую подготовку дивизии<sup>18</sup>.

Для того времени «новые войска» представляли собой внушительную силу. На вооружении 19-й дивизии имелись в достаточном количестве современные крупновинтовые винтовки, пулеметы, орудия полевой артиллерии и т. д. В Сычуаньском полку Чжу Дэ прослужил недолго, так как вскоре получил рекомендацию своего полкового командира Ло Пэйцзиня и был зачислен в училище на пехотное отделение<sup>19</sup>.

Программа и организация обучения здесь строились по образцу аналогичных учебных заведений японских сухопутных войск. Помимо военных предметов, курсантам читался также курс математики, географии, истории и других дисциплин<sup>20</sup>. Большое число офицеров-преподавателей и командиров закончило различные японские военно-учебные заведения. Многие из них стали в Японии членами Объединенного союза либо находились под его влиянием, отличаясь весьма радикальным образом мыслей, в связи с чем «правительство и не отваживалось доверить им какое-либо другое дело, кроме преподавательского»<sup>21</sup>.

В своих воспоминаниях о Синьхайской революции Чжу Дэ особо отмечает заслуги начальника училища Ли Гэньюаня и Ли Лецюаня, которые приложили немало усилий, таланта, а подчас и мужества, чтобы воспитать настоящих патриотов, защитников угнетенного народа<sup>22</sup>. В большой степени благодаря преданности идеалам освобождения родины, изобретательности и бесстрашию Ли Гэньюаня, вспоминал Чжу Дэ, «кузница кадров революции продолжала действовать»<sup>23</sup>.

<sup>16</sup> См.: Новая история Китая. М., 1972, с. 426.

<sup>17</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 180; A. Smedley. Op. cit., p. 84.

<sup>18</sup> См.: Ч жу Дэ. Синьхай хуйн. — Цай Э изд. Пекин, 1982, с. 232.

<sup>19</sup> In: D. Klein, A. Clark. Op. cit., p. 245; Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 180.

<sup>20</sup> In: A. Smedley. Op. cit., p. 85; Ч жу Дэ. Указ. соч., с. 232—233.

<sup>21</sup> Ч жу Дэ. Указ. соч., с. 232.

<sup>22</sup> А. Смедли в число офицеров, преподававших в училище и оказавших большое влияние на Чжу Дэ, включает и генерала Цай Э. Однако Цай Э прибыл в Куньмин из Гуанси, где до этого проходил службу только весной 1911 г. (См.: Ч жу Дэ. Указ. соч., с. 2). Дружеские отношения между Цай Э и Чжу Дэ сложились позднее.

<sup>23</sup> Ч жу Дэ. Указ. соч., с. 232.

С энтузиазмом и настойчивостью Чжу Дэ начал осваивать военное дело. В июле 1910 г. как один из лучших курсантов он был зачислен в специальную группу ускоренной подготовки. Уже через несколько недель после поступления в училище Чжу Дэ стал членом действовавшей здесь законспирированной организации Объединенный союз. Организация подразделялась на две секции — офицерскую и кадетскую. Каждая из них состояла из изолированных ячеек по 7—8 человек, знакомых только между собой. Подобная организационная структура была заимствована у тайных антиманьчжурских обществ, в частности общества Гэлаохуэй («Старшие братья»), и обеспечивала существование довольно крупного подпольного объединения. Кадеты — члены Тунмэнхуэя занимались распространением журнала «Минь бао» (органа Союза) и других прогрессивных изданий среди военнослужащих гарнизона и населения города (литература революционного содержания в Юньнани не печаталась, по различным каналам она поступала из приморских городов). Они вели агитационную работу по вовлечению в организацию новых членов, обсуждали на собраниях насущные проблемы положения в стране, обменивались мнениями о путях переустройства Китая. Как признавал впоследствии Чжу Дэ, каких-то острых теоретических дискуссий, а главное — споров по основному вопросу, то есть о свержении цинской монархии, просто не возникало, ибо все молодые революционеры со свойственными им возрасту категоричностью и максимализмом были едины во мнении, что захват власти может быть успешно осуществлен лишь посредством вооруженного выступления, подготовленного и руководимого военными<sup>24</sup>.

Одной из практических задач, выполнявшихся Чжу Дэ по поручению Тунмэнхуэя, была пропагандистская работа среди личного состава Сычуаньского полка, в котором он начинал службу. В этой связи нельзя не отметить то обстоятельство, что Чжу Дэ, остро воспринимавший любое проявление социальной несправедливости, одним из первых в училище поднял голос в защиту человеческого достоинства солдата — против коллективного наказания рядовых военнослужащих за дисциплинарные проступки. В движение за отмену подобной практики в войсках, организатором которого стал Чжу Дэ, включилось не только большое число кадетов, но и ряд молодых офицеров. Движение не увенчалось успехом, да и вряд ли могло быть иначе<sup>25</sup>, и все-таки участие в нем Чжу Дэ сыграло немаловажную роль в повышении авторитета революционной организации в солдатских массах, укреплении их доверия к Чжу Дэ как одному из ее представителей.

Доказательством этого стало приглашение его вступить в Гэлаохуэй, последовавшее от солдат Сычуаньского полка — членов этого тайного общества. Оно было принято. Членство в обществе значительно облегчило работу Чжу Дэ в полку, предоставив дополнительный и эффективный канал влияния на своих будущих подчиненных<sup>26</sup>. Прочные связи с этим союзом оказались весьма полезными Чжу Дэ в его дальнейшей службе.

За два года учебы в училище Чжу Дэ овладел основами военной науки и практики, получил физическую и нравственную закалку.

Летом 1911 г. Чжу Дэ окончил училище<sup>27</sup>. Однако командование, обеспокоенное ростом революционных настроений среди солдат и младших офицеров, с подозрением и неприкрытой враждебностью отнеслось

<sup>24</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлин чжуань, с. 180; A. Smedley. Op. cit., p. 85—87.

<sup>25</sup> Наказания такого рода были запрещены в войсках лишь в 1911 г. Сунь Ятсеном. После его смерти вновь введены в армии по указанию Чан Кайши.

<sup>26</sup> In: A. Smedley. Op. cit., p. 88.

<sup>27</sup> Среди выпускников Куньминского военного училища было немало тех, кто впоследствии принимал активное участие в революционной борьбе. В их числе был Е Цзяньин, учившийся с Чжу Дэ в одном учебном подразделении.

к выпускникам, всячески препятствуя назначению их командирами подразделений. Поначалу Чжу Дэ исполнял обязанности помощника командира роты в частях «старых войск», фактически являясь адъютантом для хозяйственных поручений<sup>28</sup>. Через несколько недель, однако, Чжу Дэ удалось добиться перевода в 19-ю дивизию «новой армии», где он назначается начальником канцелярии в одном из батальонов 74-го пехотного полка 37-й бригады (комбриг — генерал Цай Э)<sup>29</sup>. Батальонный командир Чжу Дэ, Лю Цуньхоу, состоял в Объединенном союзе. Командир полка Ло Пэйцзинь также был членом Тунмэнхуэя, являясь наряду с Цай Э<sup>30</sup> и Ли Гэньюанем одним из руководителей революционного движения в Юньнани. Таким образом, почти с первых дней офицерской службы Чжу Дэ оказался под началом не только опытных командиров, но и соратников по борьбе.

Рассматривая данный период деятельности Чжу Дэ, нельзя не сказать о том большом влиянии, которое оказал на становление его как личности и революционера генерал Цай Э. Близкие отношения с Цай Э Чжу Дэ неизменно поддерживал вплоть до кончины прославленного генерала в 1916 г. Цай Э, распознав в молодом офицере незаурядного и близкого по духу человека, благожелательно и по-товарищески относился к Чжу Дэ (несмотря на солидную разницу в чине, Цай Э был лишь на четыре года старше своего подчиненного). Будущий главнокомандующий китайской Красной армии в домашней библиотеке Цай Э познакомился с трудами некоторых известных мыслителей и прогрессивных политических деятелей Запада. Большое впечатление на него оказали прочитанные по совету генерала произведения Ш. Монтескье, Дж. Вашингтона. С этого времени Чжу Дэ стал систематически просматривать подпольно издаваемые газеты и журналы, глубже проникаясь республиканскими идеями и убеждениями<sup>31</sup>.

Наряду с занятиями самообразованием он продолжает принимать активное участие в деятельности Объединенного союза в войсках. Большинство солдат 37-й бригады было представлено выходцами из деревни, что значительно облегчало работу Чжу Дэ, хорошо знавшего нелегкую жизнь крестьян, их нужды и чаяния. Тяжелой была и солдатская служба. Недоплата жалованья рядовому составу, издевательства и рукоприкладство были обычными явлениями в армейской действительности. Поэтому непримиримая позиция, занятая Чжу Дэ по отношению к этим постыдным фактам, вызвала искреннюю симпатию и уважение к нему со стороны солдат и унтер-офицеров. Усилия Чжу Дэ и его соратников постепенно приносили свои плоды. День ото дня среди солдатских масс росли антицинские настроения, крепились позиции сторонников Тунмэнхуэя<sup>32</sup>.

Вслед за победоносным Учанским восстанием 10 октября 1911 г. революционная организация провинции Юньнань начала вооруженное выступление против монархического режима. 30 октября после непродолжительных уличных боев власть в Куньмине перешла в руки восстав-

<sup>28</sup> In: A. Smedley. Op. cit., p. 97.

<sup>29</sup> См.: Чжу Дэ. Указ. соч., с. 233; По другим данным, Чжу Дэ назначен командиром взвода 2-го батальона 74-го полка. — См.: Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Хэ Лун, Чэнь И, Ло Жунхуань изюньши ходун да шинци, с. 1.

<sup>30</sup> См.: Цай Э (1882—1916). Формально не являясь членом Тунмэнхуэя, он был признанным лидером оппозиции в Юньнани. В начале 1900-х годов Цай Э сблизился с руководителями левого крыла движения за реформы Тань Сытуном и Тан Цайчаоном. В 1900 г. участвовал в организованном последнем вооруженном восстании в городе Ухани. Как член Прогрессивной партии поддерживал тесные контакты с ее основателем Лян Цичао и другими видными политическими деятелями. Образование, в том числе военное, получил в Японии. С 1909 по 1911 г. преподавал в военном и пограничном училищах в провинции Гуанси. В 1911 г. переведен в Юньнань.

<sup>31</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 181.

<sup>32</sup> См.: Чжу Дэ. Указ. соч., с. 233.

ших, которые 1 ноября образовали военное правительство во главе с Цай Э.

Чжу Дэ вместе со своим полком принял непосредственное участие в столкновениях с верными режиму частями. Еще в первые часы восстания он возглавил роту солдат вместо бежавшего командира и успешно выполнил поставленную Цай Э задачу по захвату резиденции императорского наместника Ли Цзинси<sup>33</sup>.

С ноября 1911 г. по март 1912 г. в составе юньнаньских войск Чжу Дэ участвует в боевых действиях по оказанию помощи революционным силам провинции Сычуань. В ходе этой экспедиции, проходившей в непрерывных тяжелых боях, Чжу Дэ, уже получивший чин капитана, в мае 1912 г. за особые заслуги перед революцией был награжден двумя боевыми наградами и повышен в воинском звании<sup>34</sup>.

Весной и летом 1912 г. Чжу Дэ продолжает службу в том же соединении, переименованном в 1-ю дивизию юньнаньских войск, усиленно занимаясь полевой выучкой своих подразделений. Осенью 1912 г. Чжу Дэ назначается командиром учебной роты и инструктором боевой подготовки в родном училище<sup>35</sup>.

После образования гоминьдана Чжу Дэ становится одним из первых его членов в Юньнани. Он активно поддержал республиканскую оппозицию планам реставрации монархии, которые вынашивал Юань Шикай, узурпировавший пост президента Китайской Республики. Вновь созданной организации пришлось действовать практически в подполье, так как город был наводнен агентами юаньшикаевской охраны.

По приказу Цай Э летом 1913 г. Чжу Дэ назначен командиром батальона 2-го пехотного полка юньнаньских войск<sup>36</sup>. В то время 1-я дивизия, в состав которой входил этот полк, готовилась к переброске на вьетнамскую границу. Осенью того же года части начали выдвижение в пограничные районы. Местом дислокации батальона Чжу Дэ стал небольшой населенный пункт Мэнцзы в уезде Гэцзю, расположенный в юго-восточной части провинции Юньнань. Здесь Чжу Дэ провел более двух лет. За это время Чжу Дэ дважды повышался в должности, став к концу службы на границе командиром пехотного полка<sup>37</sup>.

С началом вооруженного восстания против пекинского правительства под руководством Цай Э в декабре 1915 г. Чжу Дэ ведет свой полк в Куньмин. Здесь 30 декабря он назначается командиром 4-го запасного полка, в котором ведется подготовка пополнения для создаваемой «армии защиты республики». Однако служба в этом полку, как и в 10-м пехотном, командиром которого он был вскоре назначен, продолжалась недолго. 16 января 1916 г. 1-й корпус «армии защиты республики» (командир Цай Э, начальник штаба Ло Пэйцзинь) выступил в провинцию Сычуань, которая также провозгласила свою независимость от Пекина. Именно сюда Юань Шикай направил главный удар своих сил (три отборные дивизии) в попытке ликвидировать очаг сопротивления на Юго-Западе<sup>38</sup>.

В течение зимы и весны 1916 г. полк Чжу Дэ ведет непрерывные кровопролитные бои с противником, постоянно находясь на решающих участках фронта. Во многом благодаря успешным действиям 6-го и 3-го полков, которыми он командовал в ходе сычуаньской кампании, 1-му корпусу Цай Э удалось нанести серьезные поражения карательным войскам Юань Шикая под Мяньюапо, Линцзяотаном, Наси и Лучжоу.

<sup>33</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 181.

<sup>34</sup> Ип: A. Smedley. Op. cit., p. 105.

<sup>35</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 181.

<sup>36</sup> См.: Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Хэ Лун, Чэнь И, Ло Жунхуань цзюньши ходун да шицзи, с. 1.

<sup>37</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 182.

<sup>38</sup> См.: Цай Э цзи, с. 9.

Причем во всех случаях противник имел значительное численное превосходство и обладал перевесом в огневых средствах. Маневренная, по сути, партизанская тактика Чжу Дэ — внезапные ночные атаки, глубокие обходы и засады — предопределила в целом успех боев против приверженных догмам позиционной войны юаньшикаевских генералов. В июле 1917 г. Чжу Дэ назначается командиром 13-й смешанной бригады 2-го корпуса юньнаньских экспедиционных войск. Ему присваивается звание бригадного генерала<sup>39</sup>.

В последующие три с половиной года Чжу Дэ служит в городе Лучжоу провинции Сычуань. Здесь до него доходят известия о происшедшей в России Великой Октябрьской социалистической революции<sup>40</sup>. Уже тогда Чжу Дэ начинает осознавать, что чисто военными методами добиться реального освобождения китайского народа от феодально-империалистического угнетения невозможно. Бесспорным для него становится и то, что для достижения указанной цели следует искать новые пути, опираясь в этих поисках на опыт международного, в первую очередь российского, революционного движения<sup>41</sup>.

В Сычуани еще более усилилось пристрастие Чжу Дэ к серьезному чтению как одной из форм самообразования, занятия которым он никогда не оставлял. Тогда он открыл для себя эволюционную теорию Ч. Дарвина, прочитал труды по философии и истории. Сочинение великого деятеля французского Просвещения Ж. Руссо «Об общественном договоре» было для него настоящим откровением<sup>42</sup>. Каждая прочитанная книга все более укрепляла его веру в безграничные возможности человеческих знаний, раскрепощала и стимулировала мышление, освобождая его от традиционных стереотипов.

Для знавших Чжу Дэ людей его дом в Лучжоу был не только известным в городе политическим клубом. Здесь собирались и для того, чтобы побеседовать об искусстве, литературе. Самодеятельные писатели и поэты имели свои творческие общества, членом которых состоял и сам Чжу Дэ. Надо отметить, что произведения Чжу Дэ пользовались успехом: в одном из изданных в то время поэтических сборников было опубликовано 18 написанных им стихотворений<sup>43</sup>.

В конце 1920 г. обстановка в Сычуани обострилась настолько, что дальнейшее присутствие здесь юньнаньских войск становилось нецелесообразным, более того — грозило гибелью армии. Междоусобная борьба милитаристов за власть, охватившая весь Китай, вылилась и здесь в непрерывные кровопролитные сражения, приносящие бессмысленные жертвы и разрушения. Генерал Сюн Кэу, назначенный военным губернатором Сычуани после взятия «армией защиты республики» города Чэнду, подчинив своему влиянию местные милитаристские группировки, начал боевые действия против экспедиционных войск. Под натиском превосходящих сил они были вынуждены отступить в южную часть провинции, понеся большие потери в живой силе. В бригаде Чжу Дэ они составили до 50 % личного состава. Еще раньше в боях погибли оба его младших брата. К исходу 1920 г. командованием было принято решение о возвращении в Юньнань<sup>44</sup>.

Если в начале похода в Сычуань под флагом республики Чжу Дэ находил объяснение и оправдание жестоким событиям, в которых участвовал, то на заключительном этапе сычуаньской экспедиции он уже не мог освободиться от горького чувства разочарования в том, что дви-

<sup>39</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 183—184.

<sup>40</sup> In: A. Smedley. Op. cit., p. 114—119; Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 184.

<sup>41</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 185.

<sup>42</sup> См. там же.

<sup>43</sup> См. там же.

<sup>44</sup> In: A. Smedley. Op. cit., p. 126—130.

жене, направленное в 1916 г. против диктатуры Юань Шикая и сил реакции, постепенно и незаметно для него самого стало лишь затянувшимся эпизодом в цепи «бесконечных войн между генералами», а он и его солдаты — пушечным мясом в их руках<sup>45</sup>.

Вернувшись из Сычуани войска изгнали в феврале 1921 г. милитариста Тан Цзяо, после смерти Цай Э установившего в Юньнани режим неограниченной личной власти и прозванного за это народом «маленьким императором»<sup>46</sup>. Очередная милитаристская война за «уделы» не смогла поколебать решения Чжу Дэ (обдуманного и принятого еще в Лучжоу) оставить службу, а вместе с ней иллюзорные надежды и преувеличенные упования на преобразующие возможности армии. Однако решение вопроса об увольнении затянулось на целый год. Под давлением командующего юньнаньской армией Чжу Дэ в марте 1921 г. был вынужден занять пост начальника армейской жандармерии, а затем, в январе 1922 г., — начальника отдела безопасности и по совместительству главы полицейского управления провинции Юньнань<sup>47</sup>.

Об этом непродолжительном периоде жизни Чжу Дэ известно немного. Деятельность в новом для себя качестве он начал с чистки аппарата своих сотрудников, освобождаясь от людей, творивших беззакония и погрязших в коррупции и вымогательстве. Обладая значительной властью, Чжу Дэ добился укрепления порядка и дисциплины в подразделениях службы, повел борьбу с контрабандной торговлей оружием, боеприпасами и опиумом на границе. Он, как и прежде, не оставался равнодушным и к тому, что лежало за пределами непосредственных служебных обязанностей и забот. Его покровительством и поддержкой пользовалось патриотическое движение учащейся молодежи, под его же руководством проводились мероприятия по землеустройству в горных районах<sup>48</sup>.

Возможность уйти в отставку предоставилась неожиданно. В марте 1922 г. Тан Цзяо вновь овладел Куньмином. Чжу Дэ теперь уже больше ничто не связывало с Юньнанью, где установился типично милитаристский режим. Он отправляется сначала в Шанхай, а затем, в июле 1922 г., — в Пекин. Покончив с формальностями, связанными с выездом за границу, Чжу Дэ вместе с другом вскоре возвращается в Шанхай, где наносит визит Сунь Ятсену<sup>49</sup>.

Незадолго до того вождь китайской революционной демократии был вынужден оставить пост главы правительства Южного Китая в результате предательства милитариста Чэнь Цзюньмина. Сунь Ятсен, которому имя генерала Чжу Дэ было знакомо, предлагал ему организовать в Гуанси и Юньнани карательный поход в Гуандун против Чэнь Цзюньмина. Как ни лестно было для Чжу Дэ оказанное ему доверие, он от предложения отказался, сославшись на скорый отъезд в Европу. Подлинной же причиной отказа было активное неприятие Чжу Дэ тактики блокирования с милитаристами, которой придерживался в то время Сунь Ятсен.

Перед тем как покинуть родину, Чжу Дэ удалось наконец установить контакты с представителями китайских коммунистов, к чему он давно стремился. В Шанхае он встретился с Чэнь Дусю, являвшимся в то время Генеральным секретарем ЦК КПК. Чэнь Дусю весьма сдержанно отнесся к знакомству с «бывшим офицером старой армии». Получив от него отказ в просьбе о принятии в члены коммунистической партии, Чжу Дэ в сентябре 1922 г. отплыл пароходом в Европу<sup>50</sup>.

<sup>45</sup> Ibid.

<sup>46</sup> Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Хэ Лун, Чэнь И, Ло Жунхуань цзюньши ходун да шицзи, с. 2.

<sup>47</sup> См. там же.

<sup>48</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлин чжуань, т. 1, с. 186.

<sup>49</sup> См. там же.

<sup>50</sup> См. там же, с. 187.

Три года (октябрь 1922 г. — июль 1925 г.) Чжу Дэ провел в Германии. Этот период богат для него важными событиями, главными из которых, несомненно, были его сближение с коммунистами и вступление в КПК.

По пути в Берлин Чжу Дэ на непродолжительное время остановился в Ганновере, административном центре и крупном промышленном городе Нижней Саксонии. Здесь он встретился со своими соотечественниками-студентами, в том числе и с теми, кто состоял в компартии<sup>51</sup>. А вскоре после приезда в столицу Чжу Дэ познакомился с Чжоу Эньлаем, одним из лидеров организации КПК в Германии. С пониманием восприняв желание Чжу Дэ стать коммунистом, Чжоу Эньлай обещает ему свою помощь и рекомендацию для вступления в партию. Заручившись также поддержкой ответственного за оргработу в германской секции Европейского отделения КПК Чжан Шэньфу, Чжу Дэ в ноябре 1922 г. вступил в коммунистическую партию<sup>52</sup>.

Начав изучать марксизм, Чжу Дэ вскоре убеждается в необходимости получения надлежащей базовой теоретической подготовки. В мае 1923 г. он переезжает в Гёттинген, небольшой городок в центральной Германии, и поступает в знаменитый университет им. Георга Августа на факультет социологии и философии, где учится до января 1925 г.<sup>53</sup> Среди прочитанных им в этот период книг были «Манифест Коммунистической партии», «Развитие социализма от утопии к науке», «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и многие другие<sup>54</sup>.

Постоянное внимание Чжу Дэ привлекают и прогрессивные периодические издания, в том числе еженедельник КПК «Сяндао», распространявшийся в среде проживающих за границей китайских революционеров. Вместе с товарищами по учебе он принимает участие в коллективных обсуждениях прочитанного, а также известий о политической жизни на родине. Приобретенные знания становятся для Чжу Дэ верной опорой в объективном анализе уже прошедших и современных революционных событий в Китае. Став членом КПК, Чжу Дэ выполняет различные поручения партийной организации, занимается работой по пропаганде коммунистических идей среди соотечественников. Во многом благодаря его личному вкладу в дело распространения марксизма-ленинизма укреплялись и ширились ряды коммунистов и их сторонников в китайских эмигрантских кругах<sup>55</sup>. По рекомендации Чжу Дэ в КПК тогда вступили Лю Дин, Фан Шилан и др.

Параллельно с занятиями общественными науками Чжу Дэ совершенствует и свою профессиональную военную подготовку. С помощью одного из оставшихся генералов германской армии он с интересом знакомится с крупнейшими войсковыми операциями первой мировой войны, изучает тактику и оперативное искусство штабов европейских армий, принимавших в ней участие<sup>56</sup>.

В январе 1925 г. Чжу Дэ возвращается в Берлин<sup>57</sup>. Руководство секции КПК в Германии сочло целесообразным привлечь молодого коммуниста к организаторской работе и поручило ему часть обязанностей, выполнявшихся уехавшим накануне во Францию Чжоу Эньлаем. Одной из них являлось редактирование и издание газеты «Минсин». Чжу Дэ как главный редактор вникает во все вопросы, связанные с ее

<sup>51</sup> In: E. Snow. Op. cit., p. 349.

<sup>52</sup> См.: Чжу Дэ, Пэн Дэуай, Хэ Лун, Чэнь И, Ло Жунхуань цзюньши ходун да шицзи, с. 2; Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 187.

<sup>53</sup> См. там же.

<sup>54</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 187—188.

<sup>55</sup> См. там же.

<sup>56</sup> Who's Who in China, p. 189; Цзефанцзюнь цзянлинь чжуань, т. 1, с. 188.

<sup>57</sup> См.: Чжу Дэ, Пэн Дэуай, Хэ Лун, Чэнь И, Ло Жунхуань цзюньши ходун да шицзи, с. 3.

выпуском, а также лично занимается распространением газеты в Берлине и отправкой части тиража читателям в другие города<sup>58</sup>. В то время Чжу Дэ оставался и активным функционером гоминьдана, который сотрудничал с компартией в рамках единого фронта. Об этом свидетельствует, в частности, его избрание в 1925 г. членом исполкома германской секции гоминьдана<sup>59</sup>.

Высокий авторитет Чжу Дэ среди товарищей в студенческом землячестве был основан на его неподдельной одержимости революционным делом, уравновешенной хладнокровием и твердостью духа, на необычайной работоспособности и скромности<sup>60</sup>. Немаловажным свидетельством уважения соотечественников к Чжу Дэ служит также его избрание главой Союза китайских студентов, обучавшихся в Германии, делами в котором прежде заправляли отпрыски богатых и влиятельных фамилий<sup>61</sup>.

Рассматривая германский период деятельности Чжу Дэ, необходимо сказать о воздействии на него революционных событий, сотрясавших Германию и другие государства Европы под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции. После революционного подъема 1920—1923 гг. в тяжелых условиях политической реакции и экономической разрухи немецкий пролетариат вел упорные арьергардные бои. «В массах росла готовность к борьбе против господства империализма и милитаризма, они не желали жить по-старому»<sup>62</sup>. Мощь революционных выступлений германских пролетариев оставила в памяти Чжу Дэ неизгладимый след. Особенно взволновал его один из многотысячных митингов членов Союза красных фронтовиков<sup>63</sup> в Берлине, на котором ему довелось присутствовать в начале 1925 г. Чжу Дэ по достоинству оценил несокрушимую силу спаянных железной дисциплиной, взявших за оружие рабочих отрядов.

Политическая деятельность Чжу Дэ не осталась незамеченной немецкой полицией. Он дважды подвергался арестам. После второго из них, поводом к которому послужило участие в организованной КПГ демонстрации солидарности с китайскими трудящимися в связи с событиями «30 мая» 1925 г. в Китае, власти предложили ему покинуть пределы страны<sup>64</sup>. Покидая Берлин, Чжу Дэ испытывал неутолимую жажду активной работы в революционном движении у себя на родине.

Однако пройдет еще год, прежде чем он сможет применить в практике конкретной борьбы приобретенные им знания и опыт. Этот год он проведет в Советском Союзе, где продолжит свою учебу, будет знакомиться с опытом Октября и гражданской войны в СССР, успехами в строительстве нового общества<sup>65</sup>. В Китай Чжу Дэ вернется в июле 1926 г.

Жизнь и деятельность Чжу Дэ в рассмотренный период представляют собой яркий и неординарный путь становления личности коммуниста, руководителя революционных масс. Вместе с тем процесс постепенного перехода Чжу Дэ с революционно-демократических на марксистские позиции вполне типичен и закономерен и в известной степени прослеживается в биографиях многих видных деятелей Компартии Китая.

<sup>58</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлин чжуань, т. 1, с. 188.

<sup>59</sup> См. там же.

<sup>60</sup> См.: Э м и С я о. Мао Цзэдун. Чжу Дэ. Герои китайского народа. М., 1939, с. 64; E. Snow. Op. cit., p. 350.

<sup>61</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлин чжуань, т. 1, с. 188.

<sup>62</sup> W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 1. Berlin, 1954, S. 130.

<sup>63</sup> Боевая организация, созданная в 1924 г. по решению ЦК КПГ, объединяла более 100 тыс. коммунистов и беспартийных; успешно выполняла обязанности по защите пролетариата от полиции и фашистов в ходе социальных конфликтов 20-х годов (См.: Германская история в новое и новейшее время, т. 2. М., 1970, с. 102).

<sup>64</sup> См.: Цзефанцзюнь цзянлин чжуань, т. 1, с. 189.

<sup>65</sup> См.: А. С. Титов, В. В. Арунов. Указ. соч., с. 113.

[К 50-летию со времени завершения]

*М. Ф. ЮРЬЕВ,  
доктор исторических наук*

Одной из важных особенностей истории Китая новейшего времени была специфическая роль армии в политической жизни страны. Чрезвычайно ярко это проявилось в десятилетие 1927—1936 гг., когда шла гражданская война между революционными силами, руководимыми Коммунистической партией Китая, и антинародным лагерем во главе с правонационалистической партией гоминьдан. Походы гоминьдановских войск против советских районов<sup>1</sup> и контрпоходы Красной армии Китая — такова была форма вооруженной борьбы. Три таких похода войска КПК отбили, в четвертом гоминьдан одержал частичную победу, вынудив Красную армию отступить из района на стыке провинций Хубэй — Хэнань — Аньхуэй на западе, в Шэньси и Северную Сычуань.

К началу пятого похода гоминьдана (октябрь 1933 г.) в долине Янцзы существовало три основных советских района: Центральный, охватывавший часть провинций Цзянси и Фуцзянь (войска 1-го фронта Красной армии), Сычуань-Шэньсийский (4-й фронт) и район Хунань — Хубэй — Сычуань — Гуйчжоу (2-я армейская группа, другое наименование — 3-й корпус). Основной удар наносился против Центрального советского района, причем по рекомендации немецких военных советников была применена тактика блокаду: 500-тысячная армия гоминьдана, действовавшая против 100 тысяч бойцов 1-го фронта Красной армии, медленно концентрически продвигалась с разных направлений, закрепляя захваченную территорию линиями блокаду (всего их было построено несколько тысяч). В результате крайне неблагоприятного соотношения сил, а также некоторых ошибок руководства КПК этот натиск врага отразить не удалось, пришлось оставить Центральный советский район и прорываться из кольца окружения.

Для облегчения положения главных сил летом 1934 г. по решению ЦК КПК и Реввоенсовета были предприняты две операции: в августе 1934 г. на запад из района на границе провинций Хунань и Цзянси прорвалась 6-я армейская группа (АГ), которая через 3 месяца соединилась со 2-й АГ, и был образован 2-й фронт Красной армии Китая во главе с подкомитетом Реввоенсовета в составе Хэ Луна, членов ЦК КПК Жэнь Биши, Гуань Сяньина и Ся Си, а также Сяо Кэ и Ван Чжэня. В течение года войска 2-го фронта (их численность к осени 1935 г. достигла 17 тыс. человек), ведя бои в Западной Хунани, восстановили и расширили советский район Хунань — Хубэй — Сычуань — Гуйчжоу<sup>2</sup>.

В июле 1934 г. из Центрального советского района выступила на север 7-я АГ под командованием Сюнь Хуайчжоу. С боями, неся потери, она в октябре соединилась с частями 10-го корпуса, действовавшего в пограничном районе Фуцзянь — Чжэцзян — Цзянси. Была образована 10-я АГ под руководством Военно-политического совета, возглавленно Фан Чжиминем. Под лозунгом борьбы с японской агрессией 10-я АГ

<sup>1</sup> Органы революционно-демократической власти именовались в 1927—1936 гг. советами.

<sup>2</sup> Сяо Кэ. Период объединения 2-й и 6-й АГ Красной армии. — «Цзиньдайши яньцзю», 1980, № 1, с. 6—10; Чжао Гоци. Формирование Красной армии в период второй гражданской революционной войны. — «Цзиньдайши яньцзю», 1981, № 4, с. 100—101.

(10—15 тыс. бойцов), названная Антияпонской авангардной колонной, двинулась на север, но в январе 1935 г. была разбита превосходящими в 7—8 раз силами гоминьдана. Фан Чжиминь и командующий колонной Лю Чоуси были схвачены врагом и казнены.

Боевые действия 6-й, а также 7-й АГ и 10-го корпуса улучшили положение войск 1-го фронта и дали им возможность подготовиться к прорыву гоминьдановского окружения и отступлению на запад с целью сохранения живой силы Красной армии, создания новой территориальной базы китайской революции. Такое решение стало необходимым, так как реальная обстановка не оставляла надежд на победу над противником в случае продолжения обороны Центрального советского района.

По поручению Политбюро ЦК КПК военный советник Коминтерна при командовании Красной армии Китая О. Браун разработал первоначальный проект плана действий на август—октябрь 1934 г. План, одобренный членом Политбюро ЦК КПК, главным политкомиссаром Красной армии Чжоу Эньлаем и в доработанном виде Постоянным комитетом Политбюро ЦК КПК, предусматривал прорыв блокады Центрального советского района. Главным политическим лозунгом была мобилизация всех сил в Центральном советском районе и широких народных масс во всей стране на борьбу с японской агрессией. Безотлагательная задача заключалась в том, чтобы вырваться из окружения, соединиться с войсками Хэ Луна и Жэнь Биши и создать новую прочную базу на западе, в Пограничном районе Хунань—Гуйчжоу. Войскам 1-го фронта предстояло прорвать четыре полосы вражеских укреплений, созданных вокруг Центрального советского района<sup>3</sup>.

К октябрю 1934 г. в Красной армии состояло 280—300 тыс. человек, в том числе в Центральном советском районе—около 90 тыс. (из них от 10 до 30 тыс. осталось под командованием Сян Ина, Чэнь И, Чжан Динчэна для ведения партизанской борьбы). К моменту прорыва гоминьдановской блокады 1-й фронт состоял из пяти армейских групп.

Члены ЦК и Советского правительства, кадровые работники шли с войсками. Каждый участник похода нес двухнедельный запас риса и соли. Впоследствии продовольствие пришлось покупать у населения. Группой прорыва в составе 1-й (Линь Бяо) и 3-й (Пэн Дэхуай) АГ командовал нач. Главного штаба Красной Армии Лю Бочэн.

Перед началом похода войска 1-го фронта были скрыто сконцентрированы в Чандине и Нинхуа (Западная Фуцзянь), Жуйцзине и Юйду (Южная Цзянси). Красная армия выступила в поход как подготовленная боеспособная сила.

Выступив 16 октября 1934 г. из населенного пункта Тунловань (в Южной Цзянси), части Красной армии 21 октября прорвали первую линию гоминьдановских укреплений между Аньюанем и Синьфэном, переправились через реку Чжаншуй и пересекли шоссе на дороге Ганьчжоу—Наньсюн. Прорыв первой линии блокады был осуществлен неожиданно для противника (здесь действовали гуандунские части, более слабые, чем нанкинские войска Чан Кайши), который отступил на запад. Преследуя его, три колонны 1-го фронта 2—5 ноября прорвали вторую линию вражеских укреплений, овладели городами Жучэн, Гуйдун и Чэньхоу на границе провинций Хунань, Цзянси и Гуандун. При этом были разбиты два полка хунаньских войск, захвачено много боеприпасов. 15—16 ноября была прорвана третья укрепленная полоса, шедшая вдоль дороги Гуанчжоу—Ханькоу, и пересечено шоссе Чжучжоу—Шаочжоу. Попытки хунаньских гоминьдановских войск задержать продвижение Красной армии были отбиты. 24 ноября вновь соединившиеся войска Красной армии форсировали реку Сяошуй.

<sup>3</sup> Ши Пин (Чэнь Юнь). Героический поход. — «Коммунистический Интернационал», 1935, № 33—34, с. 27; «Лиши яньцзю», 1954, № 2, с. 86; О. Браун. Китайские записки. 1932—1939. М., 1974, с. 104—105.

Теперь план чанкайшистского командования заключался в том, чтобы оттеснить Красную армию к реке Сянцзян, окружить ее и уничтожить объединенными действиями двух нанкинских дивизий и гуандунских войск. Но и этот план был сорван. Хотя при прорыве через Сянцзян части Красной армии понесли значительные потери, четвертая, последняя линия укреплений также была прорвана. Существенную помощь Красной армии оказывало население, выделяя проводников и пополняя ряды армии. Так, благодаря работе подпольщиков-коммунистов свыше 400 строителей Гуанчжоу-Ханькоуской железной дороги в районе города Ичжана (Южная Хунань) вступили в Красную армию<sup>4</sup>.

В этих успехах сказались военное искусство и преданность делу революции бойцов и командиров, их высокий боевой дух и политическая сознательность. Однако потерь могло быть меньше, если бы не лишняя трата времени при принятии и осуществлении решений из-за споров в политическом и военном руководстве, просчеты разведки, ошибки при формировании новых частей, которые оказались перегруженными нестроевниками, обозами, переправлявшими оборудование арсенала, типографские машины, станки для изготовления денег. Переноской этих грузов было занято 5 тыс. человек. Громоздкий обоз затруднял маневренность армии, бывали случаи, когда арьергард отставал от авангарда на 10 суток пути.

Итак, в течение двух месяцев похода, к середине декабря 1934 г. войска 1-го фронта Красной армии прорвали четыре сильно укрепленные полосы, прошли с боями до 500 км по труднопреодолимой местности, провели десятки боев, выиграли три крупных сражения и вырвались на оперативный простор. Разработанный с помощью немецких военных советников план Чан Кайши — уничтожить Красную армию внутри кольца окружения — провалился.

После форсирования реки Сянцзян и выхода из окружения части 1-го фронта двинулись в северо-западном направлении к стыку Хунани, Гуйчжоу и Гуанси. На одной из стоянок Военный совет реорганизовал соединения 1-го фронта. 8-я АГ и 22-я дивизия были расформированы, их личным составом были доукомплектованы 1-я, 3-я, 5-я и 9-я АГ. В боевых частях насчитывалось не менее 45 тыс. человек. Уменьшились нестроевые колонны — штабная и обозная. Все это привело к улучшению соотношения строевиков и нестроевиков (6 : 1 вместо 3 : 1), что увеличивало мобильность и способность к ведению маневренной войны.

В декабре 1934 г. войска 1-го фронта заняли в Гуйчжоу город Липин, затем форсировали реку Циншуйцзян. На совещании Политбюро ЦК КПК в Липине было решено идти в глубь Гуйчжоу, где располагались более слабые части местных милитаристов<sup>5</sup>. Нанеся поражение гуйчжоуским войскам генерала Ван Цзяле, Красная армия заняла ряд городов, расположенных в долине реки Уцзян. Частям 1-го фронта предстояло без лодок форсировать эту широкую реку со скалистыми берегами. С севера ее охраняли войска гуйчжоуского милитариста Хоу Чжиданя, с юго-востока наступали нанкинские войска Сюэ Юэ. Медлить было невозможно. Операцией руководил Лю Бочэн. 4-й полк Красной армии, шедший в авангарде, 4 января 1935 г. на плотках форсировал Уцзян, захватил плацдарм, на который переправлялись другие части Красной армии. Один из полков переправился выше по течению и нанес войскам противника сильный удар во фланг. В результате искусных действий Красной армии и самоотверженности ее бойцов переправа через Уцзян была успешно завершена, генерал Хоу Чжидань потерпел тяжелое по-

<sup>4</sup> Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии. Воспоминания. М., 1959, с. 38—40, 114—169; Ши Пин. Указ. соч., с. 27—28; Сяо Цзэ. Дневник Великого похода. Шанхай, 1979, с. 1—26 (на кит. яз.).

<sup>5</sup> Лю Бочэн. Воспоминания. Шанхай, 1981, с. 5.

раженне, остатки его войск отступили к городу Цзунь, но закрепиться там не смогли. В первой половине января Красная армия заняла Мэйтань, Цзунь, Туцзы и другие населенные пункты Гуйчжоу и Сычуань. Таким образом, пройдя 300 км от Липина до Цзунь, бойцы Красной армии получили передышку<sup>6</sup>.

В Цзунь в январе 1935 г. состоялось расширенное совещание Политбюро ЦК КПК, в котором приняли участие, наряду с членами ЦК КПК, руководители Главного штаба, армейских групп и дивизий. В докладе генерального секретаря ЦК КПК Бо Гу (Цинь Бансяня) и содокладе Чжоу Эньлая поражение Красной армии и ее вынужденное отступление из Центрального советского района было объяснено главным образом мощью империализма и гоминьдана. Однако решение совещания об итогах борьбы против пятого похода гоминьдана, признав политическую линию ЦК КПК правильной, назвало ошибки в военной области главной причиной поражения. Мао Цзэдун был введен в состав секретариата ЦК, выполнявшего функции Постоянного комитета Политбюро. Через месяц Чжан Вэньтянь заменил Бо Гу в качестве генерального секретаря ЦК КПК, а военное руководство перешло к группе в составе Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Ван Цзясяна<sup>7</sup>. Как указывается в китайской историографии, совещание в Цзунь решало военные и организационные дела, не рассматривая политических вопросов. Вместе с тем его решения означали передачу командования 1-м фронтом Красной армии Мао Цзэдуну, что стало предпосылкой для утверждения в дальнейшем его руководящего положения в КПК.

После совещания в Цзунь была сделана попытка форсировать Янцзы. Армия двинулась на север, однако, перейдя границу между провинциями Гуйчжоу и Сычуань, столкнулась с превосходящими силами противника. Войска переправились через реку Чншуйхэ (приток Янцзы), но затем были вынуждены вновь отступить к Цзунь. В течение месяца части 1-го фронта кружили в ограниченном районе на стыке провинций Гуйчжоу, Сычуань и Юньнань, так и не сумев форсировать Янцзы. Противник же, сконцентрировав в этом районе крупные силы, стремился окружить и разгромить войска Красной армии. Для руководства военными действиями в Гуйян (административный центр Гуйчжоу) прибыл Чан Кайши<sup>8</sup>. Тем не менее на обратном пути к Цзунь войска Красной армии разгромили две дивизии гуйчжоуских войск (Ван Цзяле был вынужден уйти с поста губернатора Гуйчжоу), а затем колонну нанкинской армии под командованием Чжоу Хуньюаня. После повторного занятия Цзунь была проведена новая реорганизация войск: 15-я дивизия 1-й АГ и 6-я дивизия 3-й АГ были расформированы с целью восполнения потерь в других дивизиях, понесенных во время марша на север, в направлении Янцзы. Соединиться с 2-м фронтом не удалось.

В марте и апреле 1935 г. части 1-го фронта двигались через Южную Гуйчжоу и Восточную Юньнань. Уничтожив вблизи Гуйяна самолеты и аэродромное оборудование, они повернули на запад, стремясь оторваться от противника и форсировать Цзиньшацзян (название Янцзы в верхнем течении). Бойцы и командиры переносили огромные трудности и лишения. Войска, чтобы избежать боев, шли зигзагами, возвращались назад, кружили. Была форсирована река Бэйланьцзян и преодолены скалистые горы на границе Гуйчжоу и Юньнани. Становилось все хуже с продовольствием. Численность армии уменьшалась главным образом за счет больных. Вражеские самолеты часто бомбили войска. Как от-

<sup>6</sup> Лю Бочэн. Указ. соч., с. 6; О Браун. Указ. соч., с. 124—127; Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии, с. 204; Сяо Цзэ. Указ. соч., с. 27—42.

<sup>7</sup> Лекции по истории КПК. Пекин, 1984, с. 161 (на кит. яз.).

<sup>8</sup> Лю Бочэн. Указ. соч., с. 7.

мечает О. Браун, до Цзиньшацзяна дошло примерно 22 тыс. бойцов (с учетом пополнения добровольцами), следовательно, потери после Цзуньи достигли  $\frac{2}{3}$  личного состава частей, однако высокий боевой дух и самодисциплина бойцов сохранились<sup>9</sup>.

В начале мая 1935 г. операция по форсированию Цзиньшацзяна успешно осуществилась благодаря военной хитрости: врага удалось дезориентировать относительно места переправы. Лю Бочэн, руководивший авангардом, под видом гоминьдановского офицера сумел получить лодки у сычуаньской части, охранявшей северный берег реки, и переправить на них батальон Красной армии. Затем сычуаньский гарнизон принудили сдать. Несколько дней переправлялась у Цзяочэду (северо-восточнее Юаньмоу) Красная армия. Все закончилось до прихода войск Чан Кайши. Путь в Сычуань на соединение с 4-м фронтом был открыт.

Частям 1-го фронта предстояло выполнить еще одну трудную задачу: форсировать реку Дадухэ. Предварительно в середине мая недалеко от города Хуэйли (его взять не удалось) было проведено совещание Политбюро, решившее продолжать марш в Северо-Западную Сычуань для соединения с войсками 4-го фронта и создания крупного советского района.

На пути к Дадухэ частям Красной армии предстояло пройти через районы, населенные народностью и (лоло), что осложнилось враждебным отношением к китайцам — результатом шовинистической политики гоминьдановских правителей. Но Красная армия сумела справиться и с этой трудностью. Был использован опыт района на Гуйчжоу-Юньнаньской границе, населенного преимущественно национальностью мяо и хуэйцзу, где 9-й корпус под командованием Ло Бинхуэя, уроженца Юньнани, провел среди них большую агитационно-пропагандистскую работу. В результате несколько тысяч молодежи мяо и хуэйцзу вступили в ряды Красной армии<sup>10</sup>. Организуя марш к Дадухэ, командование выделило авангардную группу в составе 1-го полка Ян Дэжи и приданных подразделений. Во главе группы были назначены Лю Бочэн (в качестве командира) и Не Жунчжэнь (в качестве комиссара). Авангардная группа развернула разъяснительную работу среди народности и, проявив уважение к местным обычаям, Лю Бочэн (происходивший из Сычуани) даже заключил с одним из вождей союз, скрепленный кровью<sup>11</sup>. Убедившись в том, что Красная армия не только не имеет ничего общего с гоминьдановскими угнетателями, но и борется против них, не китайские народности оказали ей помощь проводниками, облегчив переход к Дадухэ.

25 мая части Красной армии заняли город Аньшуньчан, расположенный на берегу Дадухэ. Штурмовая группа в составе 17 коммунистов и комсомольцев под прикрытием ружейно-пулеметного огня переправилась на двух лодках на северный берег, атаковала и разбила батальон противника и, захватив плацдарм, обеспечила переправу всей авангардной группы Красной армии. Однако другие соединения не успевали переправиться у Аньшуньчана до прихода превосходящих сил сычуаньских милитаристов. Поэтому командование Красной армии решило организовать переправу в другом месте, у Лудина. Для этого надо было захватить единственный через Дадухэ Лудинский мост, состоявший из 30 железных цепей, покрытых настилом из досок. Когда части Красной армии, двигаясь из Аньшуньчана на запад вдоль реки, приблизились

<sup>9</sup> О. Браун. Указ. соч., с. 142—148; Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии, с. 255—280; Ши Пин. Указ. соч., с. 30—32.

<sup>10</sup> О. Браун. Указ. соч., с. 158—162. Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии, с. 53—57, 343—345.

<sup>11</sup> Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии, с. 92—93; «Дружба», 30.XII.1956.

к Лудинскому мосту, обнаружилось, что противник снял половину настила, чтобы воспрепятствовать переходу по нему Красной армии. 29 мая основные силы 1-го фронта подошли к Лудинскому мосту с юга, авангардная группа, переправившаяся у Аньшуньчана на северный берег Дадухэ — с противоположной стороны реки. Эта часть завязала бой с сычуаньскими войсками, охранявшими мост. Одновременно 22 бойца, отобранных командованием из числа добровольцев, начали штурм моста с юга. По цепям моста они продвигались вперед, а шедшие следом бойцы настилали доски. Когда штурмующая группа добралась до середины, противник зажег доски сохранившейся части настила. Но было уже поздно. Сквозь огонь и дым бойцы Красной армии пробежали вторую половику моста (примерно 15 м), забросали солдат сычуаньской армии гранатами и овладели их позициями на северном берегу реки. Лудинский мост был захвачен, и переправа войск 1-го фронта через реку Дадухэ обеспечена. Сорвался замысел Чан Кайши уничтожить Красную армию на берегу Дадухэ, там, где в 1863 г. потерпели поражение войска тайпинского полководца Ши Дакая.

Теперь путь к соединению с войсками 4-го фронта Красной армии был свободен. Преодолев покрытые снегом горы Цюньлайшань, части 1-го фронта заняли города Тяньцюань, Лушань, Люцзячжоу и нанесли поражение сычуаньскому генералу Ян Сэню. Миновав вершины Цзяцзиньшаня, они вышли к Моугуну<sup>12</sup>. Сюда же направлялись части 4-го фронта.

Получив в конце мая или начале июня сведения о переходе войсками 1-го фронта реки Цзиньшаньцзян, командование 4-го фронта приказало 30-му корпусу Чэн Шицяя направиться через Миньцзян и Моугун к реке Дадухэ. Остальные соединения были сосредоточены в районах Бэйчуань — Мэйсянь (9-й и 31-й корпуса) и Сунпань (4-й корпус). В то время как они вели ожесточенные бои с сычуаньскими войсками и дивизиями нанкинской армии под командованием Ху Цзунняня, 30-й корпус 16 июня 1935 г. соединился в районе Моугуна (у населенного пункта Лифань) с войсками 1-го фронта, насчитывавшими к этому моменту, по разным данным, от 10 до 20 тыс. человек (вместе с нестроевиками).

Слияние двух войсковых групп Красной армии позволило сохранить части 1-го фронта, которые понесли большие потери как в людях, так и в вооружении. Во время тяжелейшего марша, форсируя бурные реки и снежные горы, бойцы страдали от болезней и голода.

22 июня 1935 г. в Фубяне состоялось заседание Военного совета ЦК КПК под председательством Мао Цзэдуна с участием Чжан Вэньтяня (генеральный секретарь ЦК КПК), Чжан Готао, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Цинь Бансяня (Бо Гу), Лю Бочэна, на котором было подтверждено принятое ранее (без участия Чжан Готао) решение Политбюро ЦК об установлении контроля Военного совета над объединенными войсками Красной армии, включая 4-й фронт, о назначении Чжан Готао одним из заместителей председателя Военного совета и о продолжении похода на север. Однако вскоре Чжан Готао, опираясь на поддержку других руководителей 4-го фронта, по своим силам (50 тыс. человек) намного превосходящего 1-й фронт, добился в конце июня в Лянхэкоу реорганизации главного командования Красной армии. При этом пост генерального политкомиссара Красной армии, занимаемый после совещания в Цзуньи Мао Цзэдуном, был передан Чжан Готао. Главкомом стал Чжу Дэ, начальником Главного штаба — Лю Бочэн, его заместителями — Цзо Цюань и Е. Цзяньин Чжоу Эньлай из-за тяжелой болезни и

<sup>12</sup> Лю Бочэн. Указ. соч., с. 8—9; О. Браун. Указ. соч., с. 162—163; Ян Дэчжи. Форсирование Дадухэ. — Воспоминания о великом походе. Пекин, 1985, с. 262—269 (на кит. яз.).

Ван Цзясян из-за ранения временно отошли от военно-политического руководства.

28 июня 1935 г. в Лянхэкоу и 5 августа в Маоэргэе Политбюро ЦК КПК подтвердило решение о продвижении войск 1-го и 4-го фронтов на север с целью создания советского района Сычуань — Ганьсу — Шэньси.

Обстановка в районе Маоэргая, где войска 1-го и 4-го фронтов пробыли около месяца, была сложной. Прежде всего было трудно прокормить 70 тыс. человек в этом бедном, малонаселенном районе. Положение усугублялось и тем, что, несмотря на принятие компромиссных решений, борьба между Мао Цзэдуном и Чжан Готао не прекращалась. В этих условиях было решено, что объединенная Красная Армия двинется двумя колоннами по разным направлениям в Южную Ганьсу. Правая (восточная) колонна под командованием руководителей 4-го фронта Сюй Сянцяня и Чэнь Чанхао, заместителя начальника Главного штаба Е Цзяньина включала части 4-го и 30-го корпусов 4-го фронта, 1-й и 3-й АГ 1-го фронта. В правой колонне находились члены Политбюро ЦК КПК Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Дэн Фа, Мао Цзэдун, Цинь Бансянь, Чжоу Эньлай. Она должна была идти через Маоэргай и Сунпань к Банью. Левая (западная) колонна во главе с генеральным политкомиссаром Чжан Готао (член Политбюро), главкомом Чжу Дэ, начальником Главного штаба Лю Бочэном состояла из 9-го и 31-го корпусов 4-го фронта, 5-й и 9-й АГ 1-го фронта. Ее маршрут — из Чжокэцзи на восток, в Ганьсу.

Обе колонны раздельно двинулись в 20-х числах августа на север, чтобы соединиться в районе Банью севернее Сунпаня. Решение о разделении войск на две колонны, видимо, было принято для того, чтобы уменьшить трения и опасность раскола. Однако оно было уязвимым не только в военном (противник мог разгромить поочередно обе колонны), но и в организационно-политическом плане и фактически способствовало расколу Красной армии.

Отборные гоминьдановские войска Ху Цзуннаня пытались уничтожить части правой колонны Красной армии, однако 30-й корпус Чэн Шицая в ожесточенном сражении при Баоцзо разгромил 49-ю дивизию противника и проложил путь на север. Потери обеих сторон в боях в районе Сунпаня составили по 4—5 тыс. человек. В это же время левая колонна во главе с Чжан Готао и Чжу Дэ двигалась западнее в северном направлении. Сильные дожди привели к разливу рек, одну из которых (приток реки Мачжу) преодолеть оказалось невозможным. Колонна возвратилась в Шуанцзиньсы. От имени объединенного командования Чжан Готао радиogramмой известил об этом руководителей правой колонны и приказал всем войскам временно приостановить движение, пока не будет принято решение о дальнейших действиях. Однако Мао Цзэдун увел 1-ю и 3-ю АГ на север. Вместе с ними ушли Чжан Вэньтянь и другие члены Политбюро. Через несколько дней левая колонна по приказу Чжан Готао двинулась на юг, к Чжокэцзи. Туда же направились 4-й и 30-й корпуса под общим командованием Сюй Сянцяня и Чэнь Чанхао. Части 5-й и 9-й АГ заняли район Моугуна, чтобы обеспечить продвижение главных сил на юг. Так произошел раскол объединенной Красной армии.

5 октября 1935 г., после того как все оставшиеся под командованием Чжан Готао войска сконцентрировались в районе Чжокэцзи, там было проведено совещание руководящих работников. Участники совещания (за исключением Чжу Дэ) резко осудили уход на север 1-й и 3-й АГ и приняли решение не признавать больше полномочий Политбюро ЦК КПК. В соответствии с этим решением было образовано Временное политбюро во главе с Чжан Готао. В него были включены Чжу Дэ (хотя он выступал против разрыва со старым Политбюро) и руководители

войск 4-го фронта. Эта акция завершила раскол партийного руководства и вооруженных сил КПК<sup>13</sup>.

Руководимые Мао Цзэдуном (в качестве председателя Военного совета) части 1-й и 3-й АГ насчитывали 9—12 тыс. человек, в том числе строевых 7—10 тыс. Командующим вместо Чжу Дэ (оставшегося с 4-м фронтом) стал Пэн Дэхуай, комиссаром — Ян Шанкунь, которого затем заменил Мао Цзэдун. 1-я АГ (командующий Линь Бяо, комиссар Не Жунчжэнь) состояла из двух (1-я и 2-я) дивизий по два полка в каждой и насчитывала 4—5 тыс. человек. Четыре полка 3-й АГ (3—4 тыс.) подчинялись непосредственно Пэн Дэхуаю. Объединенная штабная колонна с военной школой, охраной и гражданскими учреждениями включала 2—3 тыс. человек. Эти войска получили наименование Шэньси-Ганьсуской колонны.

Севернее населенного пункта Баси, недалеко от границы с Ганьсу, 9 сентября 1935 г.<sup>14</sup> состоялось совещание Политбюро ЦК КПК, на котором были обсуждены дальнейшие действия. После споров единогласно было принято предложение идти в Шэньси.

Преодолеть сравнительно небольшое расстояние от Баси до Южной Ганьсу оказалось, по выражению О. Брауна, невероятно трудно. Пришлось спускаться в ущелья, переправляться через реку Байлунцзян, взбираться на горы Миньшань к частично покрытым снегом перевалам, карабкаться по скалам. 16—17 сентября 4-й полк 2-й дивизии взял Лацзыкоу в горах Миньшань — ворота на пути из Сычуани в Ганьсу, обороняемые тремя полками противника (войска Лу Дачана). Вступив в Ганьсу и одержав победу в нескольких столкновениях с местными войсками и гоминьдановской 1-й армией Ху Цзуннаня, части 1-го фронта Красной армии в конце сентября вошли в уезд Минсянь<sup>15</sup>.

Под Минсянем они встретили связных 25-го корпуса Красной армии, у которых выяснили обстановку в Ганьсу и Шэньси. К осени 1935 г. в Северной Шэньси существовал относительно стабильный советский район, защищаемый от гоминьдановцев 15-й армейской группой Красной армии. Она была создана в результате прихода в Северную Шэньси 25-го корпуса. Это соединение Красной армии было образовано в районе Хубэй — Хэнань — Аньхой после отступления главных сил 4-го фронта на запад. Поскольку корпус был укомплектован главным образом молодежью, его называли «Пионерским». С конца 1932 до осени 1934 г. он вел партизанскую борьбу против гоминьдановских войск, а затем под командованием Сюй Хайдуна, У Хуаньсяня и Чэн Цзыхуа начал перебазирование в Южную Шэньси. В результате боевых действий 25-го корпуса, поддержанного революционно настроенной частью трудящегося населения, возникла Хубэй-Хэнань-Шэньсийская партизанская база. С ноября 1934 по июль 1935 г. были уничтожены шесть полков противника и скованы еще 37 полков. В мае 1935 г. 25-й корпус прорвал вражеское окружение, пересек хребет Цинлин и в июне достиг района Иньцзяцзе в Южной Шэньси, недалеко от Сиани, намереваясь идти дальше на юго-запад, на соединение с 4-м фронтом. Узнав, что войска 4-го фронта уже ушли из советского района Шэньси — Сычуань, командование 25-го корпуса решило пробиваться через Ганьсу в Северную Шэньси. Форсировав реку Вэйхэ в Южной Ганьсу, близ города Тяньшуня, и нанеся поражение сначала частям Лу Дачана, а затем «мусульманского генерала» Ма Хунбина, корпус вновь вступил в Шэньси и соединился

<sup>13</sup> Сяо Цзэ. Указ. соч., с. 105; О. Браун. Указ. соч., с. 171—187; А. С. Титов. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК, 1935—1936 гг. М., 1979, с. 57—84; Хуан Чжэнься. Указ. соч., с. 278—279.

<sup>14</sup> Цинь Шэн. Еще раз к вопросу о времени проведения совещания в Баси. — «Цзиньдайши яньцзю», 1985, № 1, с. 300—305.

<sup>15</sup> Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии, с. 440—447; О. Браун. Указ. соч., с. 188—190; Хуан Чжэнься. Указ. соч., с. 210, 440.

в Аньдине в сентябре 1935 г. с 26-м корпусом Лю Чжиданя — Гао Гана, действовавшим здесь уже несколько лет. Из этих сил и 27-го корпуса Хэ Цзиньняня была образована 15-я АГ во главе с Сюй Хайдуном (командующий), Чэн Цзыхуа (комиссар), Лю Чжиданем (заместитель командующего), Гао Ганом (начальник политуправления). 15-я АГ (10—12 тыс. человек) прочно удерживала несколько уездов и контролировала сельскую местность на значительно большей территории. Нанеся поражение войскам Северо-Восточной армии Чжан Сюэляна, 15-я АГ укрепила положение Северошэньсийского советского района<sup>16</sup>.

Действия 25-го корпуса значительно облегчили завершение похода частей 1-го фронта. Продвигаясь через район Ганьсу-Шэньсийской границы, последние разбили в середине октября кавалерийскую бригаду противника и 19 октября 1935 г. соединились в районе селения Уцичжэнь (на восточном берегу реки Лохэ в уезде Басань на западе Северошэньсийского советского района) с отрядом 26-го корпуса Лю Чжиданя<sup>17</sup>.

Завершение перехода войск 1-го фронта из Центрального (Цзянси-Фуцзяньского) советского района сначала на запад, а затем на север, в Шэньси, имело важные последствия. Крупнейшим положительным итогом было сохранение костяка 1-го фронта Красной армии. Увеличилась численность войск КПК в советском районе Шэньси — Ганьсу, что давало возможность отбить атаки противника и даже расширить территориальную базу КПК вблизи границ МНР и СССР.

В новогоднем (1936 г.) выпуске газеты 1-й АГ «Чжаньши бао» («Боец») начальник политотдела Чжу Жуй привел следующие данные о результатах длившегося целый год похода войск 1-го фронта из Центрального советского района в Шэньси: было пройдено 11 провинций, 25 тыс. ли (12,5 тыс. км) пути<sup>18</sup>, разбиты контрреволюционные войска численностью в несколько сот тысяч человек (включая регулярные части, миньтуаней, туфэев и местные реакционные силы), взяты 54 города, захвачено несколько миллионов юаней, в части 1-го фронта Красной армии вступили 4 тыс. человек, основано несколько сот местных парт-организаций и органов власти, вооружена революционно настроенная часть населения<sup>19</sup>.

Перебазирование главных сил Красной армии в Северо-Западный Китай именуется в литературе КПК Великим походом. Его участники многие годы составляли костяк руководства и компартии и ее вооруженными силами.

После завершения перебазирования 1-го фронта и его объединения с 15-й АГ были созданы новые части, проведена реорганизация войск. Вступившие в Северную Шэньси войска 1-го фронта насчитывали 7—8 тыс. человек, в том числе регулярные соединения — 4—6 тыс. Вместе с 15-й АГ стало 15—20 тыс. бойцов. Им противостояла 200-тысячная армия.

Войскам 1-го фронта пришлось вскоре после завершения похода принять участие в отражении наступления гоминьдановских войск на советский район Северной Шэньси. Красная армия, уступая противнику в численности, умело использовала его слабости: растянута фронт, соперничество генералов. Ее части окружили и 18 ноября разгромили под Чжилочжэнем 109-ю дивизию Северо-Восточной армии, ее коман-

<sup>16</sup> Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии, с. 546—547; О. Браун. Указ. соч., с. 191—192; Хуан Чжэнься. Указ. соч., с. 285.

<sup>17</sup> Сяо Цзэ. Указ. соч., с. 130.

<sup>18</sup> В книге «Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии» (с. 527) говорится, что 1-я АГ пришла от Тунлоуаня в Цзянси до Уцичжэня на границе Шэньси и Ганьсу 18 тыс. ли. О. Браун (Указ. соч., с. 198) пишет, что войска 1-го фронта прошли 10 тыс. км.

<sup>19</sup> Сяо Цзэ. Указ. соч., с. 143—144.

дир был взят в плен. Был разбит также полк 106-й дивизии под Хэйшуй-сы. 108-я и 111-я дивизия противника также была вынуждена отступить. Военное положение стабилизировалось<sup>20</sup>.

Между тем продолжалось перебазирование 4-го и 2-го фронтов Красной армии Китая. Войска 4-го фронта вместе с 5-й и 9-й АГ 1-го фронта после ухода 1-й и 3-й АГ в октябре 1935 г. на север двинулись двумя колоннами в южном направлении. В октябре-ноябре они отбили у противника ряд городов в Западной Сычуани. В конце ноября или в декабре произошло сражение у Байчжантуаня между частями Красной армии под общим командованием Сюй Сянцян и главными силами сычуаньского милитариста Лю Сяна, назначенного Чан Кайши главнокомандующим «антикрасных войск». Обе стороны понесли большие потери убитыми и ранеными (до 10 тыс.). Затем был нанесен удар по сычуаньским войскам Лю Вэньхуэя, Красная армия форсировала реку Яцзян около Тяньцюаня, захватила город Юнцзинь и развернула наступление на юг, создав угрозу административному центру Сычуани — город Чэнду.

Таким образом, образовался обширный советский район в Западной Сычуани с центром в Баосине, где было создано Временное Сычуань-Сиканское революционное правительство во главе с Чжоу Чуньцюанем и комитет КПК. Общее руководство находилось в руках Чжан Готао<sup>21</sup>. Однако реально соперничать с северошэньсийским центром он не мог, так как сфера его влияния ограничивалась лишь Сычуань-Сиканским районом.

В этом районе части 4-го фронта, 5-й и 9-й АГ Красной армии продержались три-четыре месяца. По просьбе сычуаньских милитаристов Чан Кайши направил им на помощь 6 дивизий и авиацию в район Янь — Тяньцюань — Лушань. В тяжелых боях в декабре 1935 — феврале 1936 г. потери частей 4-го фронта составили (по гоминьдановским данным) 8 тыс. убитыми и 2 тыс. пленными. В марте 1936 г. они отступили из богатого рисопроизводящего района на запад, в Сикан, где заняли города Даофу, Лухо, Ганьцзы. Этот последний, расположенный на реке Ялунцзян в Северном Сикане, стал резиденцией первого тибетского народного правительства (Боба итева чжэнфу) во главе с «живым Буддой» Геда<sup>22</sup>. В Сикане войска 4-го фронта, испытывая большие трудности с продовольствием, реквизировали его у местного населения, что вызывало недовольство. В результате антисанитарных условий начались эпидемии.

В тяжелом положении оказались 6-я и 2-я АГ. После их соединения базой войск 2-го фронта стали восточные уезды Гуйчжоу. Трудное положение с обеспечением продовольствием и большой численный перевес врага, имевшего 40 тыс. солдат, вынудили командование фронта принять решение перейти в Западную Хунань, где сохранились связи Хэ Луна с местным населением и где противник располагал лишь 10 тыс. солдат регулярных частей и отрядов охраны спокойствия.

В Западной Хунани части 2-го фронта в течение года вели маневренную войну, создали здесь опорную базу, вынудили Чан Кайши перебросить в этот район подкрепления. Это помогло действиям 1-го фронта на Хунань-Гуйчжоуской границе. За год (октябрь 1934 — октябрь 1935 г.) количество бойцов 2-го фронта за счет пленных и новобранцев возросло с 8 тыс. до 21 тыс. Противник потерял в боях более 10 тыс. убитыми и ранеными, свыше 10 тыс. винтовок<sup>23</sup>.

<sup>20</sup> Сяо Цзэ. Указ. соч., с. 136—138; О. Браун. Указ. соч., с. 202.

<sup>21</sup> А. С. Титов. Указ. соч., с. 84—86; Хуан Чжэнься. Указ. соч., с. 279—280.

<sup>22</sup> Тибет. Шанхай, 1954, с. 42—43; «Народный Китай», 1956, № 12, с. 17.

<sup>23</sup> Сяо Кэ. Период объединения 2-й и 6-й АГ Красной армии. — «Цзиньлайши яньцзю», 1980, № 1, с. 12—15, 22; Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии, с. 560.

Но положение 2-го фронта оставалось трудным. Силы врага, несмотря на потери, неуклонно увеличивались за счет новых подкреплений. В первом походе против советского района на границе Хунани, Хубэя, Сычуани и Гуйчжоу (январь—март 1935 г.) участвовало 40—50 полков, во втором походе (май—август 1935 г.) — 80 полков. Такое неблагоприятное соотношение сил усугублялось «левыми» ошибками при проведении перераспределения сил (средняков нередко зачисляли в кулаки, помещикам не оставляли земли, а кулакам давали лишь плохие участки): разоруженные бродяг и расстрел главарей привели их к сотрудничеству с помещичьими отрядами. Условия местности (на востоке — озеро Дунтинху, на юге — реки Юаньцзян и Лишуй, на северо-западе — горный хребет Чуншань) мешали Красной армии применять маневренную тактику. Все эти обстоятельства привели руководство к решению об уходе из Западной Хунани с целью сохранения живой силы.

19 ноября 1935 г. части Красной армии выступили из города Санчжи на юго-восток, преодолели две линии блокады, форсировали реки Фэйшуй и Юаньцзян, заняли некоторые города в центральной части Хунани. Гоминьдановское командование бросило крупные силы на преследование войск 2-й и 6-й АГ, но они повернули на запад и появились на рубеже 1935 и 1936 гг. в окрестностях города Чжицзяна (вблизи Хунань-Гуйчжоуской границы), а в феврале 1936 г. укрепились в западной части Гуйчжоу, вблизи границ Юньнани и Сычуани. В этом районе войска отдыхали около месяца, пополнили свой состав новыми бойцами (свыше 5 тыс.). В то же время противник сконцентрировал войска, десятикратно по численности превосходившие 2-й фронт. Части 2-й и 6-й АГ перешли в середине марта из Гуйчжоу в Юньнань, отбивая преследовавшие их гоминьдановские войска<sup>24</sup>.

В Пансяне (Юньнань) командование 2-й и 6-й АГ получило телеграмму Чжу Дэ и Чжан Готао с указанием форсировать реку Цзиньшацзян, чтобы затем идти на север и соединиться с войсками 4-го фронта. До того времени части Хэ Луна и Сяо Кэ маневрировали в Юньнани и Гуйчжоу, вели бои с противником или обходили его. В конце апреля 1936 г. они форсировали Цзиньшацзян, миновали с огромными трудностями горный район на границе Юньнани и Сикана, населенный тибетцами, и двинулись двумя колоннами через Сикан. Потери из-за боев и трудностей пути достигли половины личного состава, 2 июля в Ганьцзы произошло соединение войск 2-го и 4-го фронтов.<sup>25</sup>

К этому времени при участии члена делегации КПК на VII конгрессе Коминтерна Чжан Хао были предприняты шаги для преодоления раскола в КПК и Красной армии.

Руководители 2-го и 4-го фронтов приняли в Ганьцзы план дальнейших действий: сохраняя самостоятельность, двумя колоннами идти в Ганьсу. После месячного отдыха бойцов 2-го фронта обе колонны в июле 1936 г. выступили на север в направлении района дислокации 4-го фронта. Преодолев тяжелый путь через болота и покрытые снегом горы, через месяц они вошли в район Сунпаня. Оттуда войска 4-го фронта двинулись по маршруту, в свое время пройденному 1-м фронтом, а колонна 2-го фронта от Лацзыкоу сделала круг в восточном направлении. Ей пришлось отбивать ожесточенные вражеские атаки. 22 октября 1936 г. войска Хэ Луна (10 тыс. человек) соединились с 1-м фронтом в Цзянтайбо (район города Хуэйинна провинции Ганьсу, юго-восточнее Ланьчжоу). Еще до этого 8 октября 1936 г., в район Хуэйинна пришли корпуса 4-го фронта, отбившие удары генералов Ма, а также 5-я и 9-я

<sup>24</sup> Сяо Кэ. Указ. соч., с. 22—24.

<sup>25</sup> Сяо Кэ. Указ. соч., с. 24—30; О. Браун. Указ. соч., с. 237—238; Хуан Чжэнься. Указ. соч., с. 463—464; «Цзиньдайши яньцзю», 1981, № 4, с. 101. Уоррен Го утверждает, что в Ганьцзы прошло всего лишь 4—5 тыс. бойцов 2-го фронта.

АГ 1-го фронта. Однако на совещании в Гунвэне (в Ганьсу, южнее Хуэйнина) под давлением Чжан Готао было решено не оставаться в Южной Ганьсу, куда перебрасывались крупные силы гоминьдановской армии, и не идти в Северную Шэньси, а форсировать Хуанхэ и пробиваться к Синьцзяну. Попытка реализовать это решение привела к тому, что лишь 3—4 тыс. бойцов 4-го фронта удалось в начале декабря 1936 г. прийти в тогдашнюю столицу советского района Баоань. Вследствие объективных (соотношение сил) и субъективных (непреодоленные последствия раскола, военные ошибки) причин Армия западного направления была зимой 1936—1937 гг. разгромлена. Потери убитыми и пленными составили 15—20 тыс. чел.<sup>26</sup>

Но, несмотря на это поражение, на большие жертвы, понесенные в период Великого похода, его осуществление имело выдающееся значение для судеб китайской революции. Ядро КПК и Красной армии сохранилось. Китайские коммунисты смогли воспринять исторические решения VII конгресса Коминтерна (июль — август 1935 г.) о повороте международного коммунистического движения к политике единого фронта для отпора фашизму, империалистической агрессии и военной опасности. Для КПК это означало необходимость выработки нового курса, который создал предпосылки для общенационального сопротивления японской агрессии и способствовал превращению компартии во влиятельную политическую силу, способную руководить трудящимися массами.

---

<sup>26</sup> Чжи Би, Дунь Ханьхэ. Несколько вопросов истории Армии западного направления. «Шэхуэй кэсюэ». Ланьчжоу, 1980, с. 68—73; О. Браун. Указ. соч., с. 239—245; А. С. Титов. Указ. соч., с. 99—104; Хуан Чжэнься. Указ. соч., с. 55, 56, 83, 93, 146, 201, 245—246, 273, 289, 372, 451, 452.

# НАУКА И КУЛЬТУРА **Пропаганда марксистской философии в Китае в 30—40-х гг.**

Философия

*В. Г. БУРОВ,  
доктор философских наук*

Сложные, противоречивые процессы происходили в идейной жизни китайского общества в 30—40-е годы нынешнего столетия. Нерешенность национальных и социальных проблем Китая выдвигала проблемы мировоззрения, философии на одно из первых мест в идейно-политической жизни китайского общества. Мучительно нащупывались пути и средства обновления Китая, в трудных поисках рождались различные программы развития страны, освобождения ее от полуколониальной зависимости. Общественно-экономическая специфика Китая, сложность его социально-классовой структуры предопределили появление многих, часто резко противоположных, а порой сходных, взаимопересекающихся доктрин, концепций, идей.

Картина идейной жизни поражала своей пестротой и многообразием. «Что касается нас (Китай. — Авт.), то эпоха действительно изменяется очень быстро. Только за какие-нибудь последние сорок — пятьдесят лет мы словно пролетели несколько столетий и притом все еще продолжаем стремительно двигаться вперед с удивительной скоростью. Поскольку бежим мы очень быстро, в то время как все старые явления еще не исчезли, в нашем обществе уже пустились ростки новые явления... есть вещи старые; новые; наполовину новые, но не старые; старые, но выступающие под фальшивой маской нового; уже превратившиеся в новые, но все же не освободившиеся от следов старого, и т. д. и т. д.»<sup>1</sup>

Принципиальные изменения происходили не только в области идеологии, но и на уровне массового сознания, морали. Серьезные социальные проблемы (голод, нищета, безработица, разорение) обуславливали трагическую ситуацию для подавляющего большинства членов общества: эксплуатация, выступавшая не только в классовой, но и в национальной форме; японская агрессия, конфликт между гоминьданом и КПК, вылившийся в конечном счете в гражданскую войну. Все это порождало в сознании и психике людей сложную и противоречивую гамму чувств и переживаний: страх за будущее, неуверенность в завтрашнем дне, настроения пессимизма, отчаяния. Проявляются различные типы жизненной ориентации: стремление к материальным благам, сиюминутным удовольствиям, погоня за деньгами; отрешенность от мирских проблем, уход в свой внутренний мир, собственные переживания — своеобразный социальный эскапизм; слепое увлечение иностранным, главным образом американским — культурой, идеями и т. п.<sup>2</sup> Подобное разнообразие концепций объяснялось сложным характером межклассовых и внутриклассовых отношений в многоукладном обществе.

В этой сложной обстановке, с одной стороны, все более широкое распространение получают всевозможные буржуазные философские и социологические доктрины; продолжают сохранять значительное влияние феодальные учения. С другой стороны, все более крепла и развивалась пропаганда идей марксизма-ленинизма, марксистской философии. Если реакционные идеологи пользовались полной поддержкой правящих кругов, зачастую определяя содержание официальных установок гоминьдана, то этого нельзя было сказать о сторонниках марксизма. Они, естественно, не пользовались благосклонностью властей. Количество и тираж работ авторов-марксистов значительно уступали книгам, в которых пропагандировались положения буржуазных и феодальных идеологов.

В существовавших в то время условиях китайские марксисты настаивали на необходимости использования, применения «нового мировоззрения», «новой философии», которые, во-первых, смогли бы дать научное объяснение социальным процессам и, во-вторых, послужить руководством к действию — революционному преобразованию страны. Термин «новая философия» означал у них полный разрыв со всеми «старыми» философскими учениями: как собственно китайского происхождения, прежде всего с конфуцианством, так и с буржуазными идеологическими школами западного происхождения. Говоря о «новой философии», они имели в виду марксистскую философию — «диалектико-материалистическую философию»<sup>3</sup>, «материалистическую диалектику», «диалектический материализм».

<sup>1</sup> Ху Шэнь. Синь чжэсюе ды жэньшэньгуань (Новое философское мировоззрение). Шанхай, 1937, с. 58—59.

<sup>2</sup> См. там же, с. 59, 60.

<sup>3</sup> Там же, с. 39.

В 30—40-е годы появляются книги и брошюры Ай Сыци, Сюй Дэхэна, У Липина, Хоу Вайлу, Ло Кэтина, Чэнь Баоиня, Чэнь Вэйши, Шэнь Чжунюаня и др. Большинство из них имело популярный характер. В них излагались основные положения диалектического и исторического материализма, подвергались критическому анализу учения буржуазных философов и социологов, рассматривались историко-философские сюжеты. Круг проблем и характер их постановки свидетельствовали об определенном знакомстве китайских марксистов с основными достижениями марксистской мысли. В рассматриваемый период были переведены, в частности, работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина «Капитал» (т. 1), «Нищета философии» (перевод Сюй Дэхэна), «Критика Готской программы», «Манифест Коммунистической партии», «Тезисы о Фейербахе», «Гражданская война во Франции», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Развитие социализма от утопии к науке», «Анти-Дюринг» (перевод У Липина), «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Материализм и эмпириокритицизм», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Карл Маркс», «К вопросу о диалектике», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и др.

Кроме того, на китайском языке были изданы работы Г. В. Плеханова «Основные вопросы материализма», «Материалистическое понимание истории», «Боевой материализм», «История современного материализма», предисловие к книге А. М. Деборина «Введение в диалектический материализм», «От идеализма к материализму», «Монистический взгляд на историю» и др.<sup>4</sup>

Начали печататься в Китае и переводы учебников и учебных пособий советских философов: Фингарта и Ширвиндта, Широкова (перевод Ли Да). В публикациях этого цикла аккумулированы первые результаты работы советских ученых.

Данное обстоятельство имело, несомненно, положительное значение. Это относится и к знакомству с работами советских авторов. Конечно, далеко не все они были равноценны, встречались среди них произведения невысокого теоретического уровня. Следует иметь в виду, что в те годы сама советская философская наука переживала период становления. Однако знакомство китайских философских кругов с достижениями советских ученых при всех неизбежных издержках имело в целом положительное значение.

Проблемам проникновения, распространения и восприятия марксизма-ленинизма, творческого освоения теории научного социализма в Китае посвящен ряд исследований советских авторов<sup>5</sup>. Мы хотели бы дополнить эту традицию анализом собственно философских сторон проблемы. Вместе с тем надо отметить, что творческому освоению марксистской философии в Китае предшествовал период накопления информации о научном социализме, первых переводов марксистской литературы в течение предшествующих двух десятилетий.

Далеко не все выступления в Китае по проблемам марксистской философии были равноценны. Появлялись труды, страдавшие упрощенчеством и вульгаризацией<sup>6</sup>. Их авторы ссылались на необходимость популяризации «трудных» и «непонятных» положений классиков среди малоподготовленного китайского читателя, которому недоступны «Нищета философии», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Материализм и эмпириокритицизм» и др. При такой популяризации пропал истинный смысл многих положений марксистской философии. Ряд работ носил сугубо компилятивный характер. Встречались популярные книги, где отсутствовала элементарная логика, что объяснялось низкой теоретической культурой авторов. Можно упомянуть в этой связи книгу Чэнь Баоиня<sup>7</sup> «О методе изучения общественных наук», представлявшую собой мешанину плохо связанных друг с другом сведений о марксистской философии, почерпнутых из источников явно противоречивого харак-

<sup>4</sup> Более подробно см.: Чжан Цзинлу. Хронология изданий важнейших произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в Китае. — «Синь Цзяньшэ», 1953, № 5, с. 20, 21; Чжан Юньхоу. Хронология работ В. И. Ленина на китайском языке. — «Лиши яньцзю», 1960, № 4, с. 48. Важно отметить и роль переводов классиков марксизма на китайский язык, осуществленных на территории СССР (см.: А. В. Панцов. Из истории подготовки в СССР марксистских кадров китайской революции. — В кн.: Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984, с. 290—330).

<sup>5</sup> См.: В. Г. Буров. Ли Да и марксистская социология в Китае. — «Народы Азии и Африки», 1986, № 1; Л. Н. Борох. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М., 1984; Л. П. Делюсин. Спор о социализме в Китае. М., 1980; А. В. Панцов. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов. М., 1985; К. В. Шевелев. Образование Коммунистической партии Китая (1917—1921 гг.). Автореф. диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1974; Ф. Б. Белелюбский. Великие идеи Октября и Китай. — «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 10.

<sup>6</sup> Например, в работе Чэнь Вэйши весьма упрощенно велось обсуждение такой серьезной проблемы, как будущее Земли (см.: Чэнь Вэйши. Тунсу бьяньчжэнфа цзянхуа (Популярные лекции о диалектике). Шанхай, 1936, с. 122—123).

<sup>7</sup> См.: Чэнь Баоинь. Лунь шэжуэй кэсюэ яньцзюфаифа (О методе изучения общественных наук). Шанхай, 1935.

тера. В некоторых публикациях мало использовался материал, относившийся к китайским реалиям, истории китайской философии. Однако в целом литература по марксистской философии играла важную информативную, идеологическую и мировоззренческую роль.

В работах китайских философов-марксистов в той или иной степени, на том или ином теоретическом уровне рассматривались такие проблемы, как сущность и этапы всемирного общественно-исторического процесса, глубинные причины социальных изменений в глобальном, региональном и локальном масштабах; роль национальных, классовых, религиозных и личностных мотивов в истории отдельных стран; методы и принципы познания социальных и природных явлений; взаимоотношение между мышлением и бытием, субъектом и объектом; исторические условия формирования различных философских и социологических систем и концепций и т. п. Все эти вопросы анализировались на основе понятийного аппарата диалектического и исторического материализма. Благодаря этому китайское общество рассматривалось как часть единого потока всемирной истории, создавались предпосылки для понимания характера и специфики появления в нем универсальных закономерностей развития человеческой цивилизации. Одним из примеров практического применения такого нового мировоззренческого подхода стала полемика о характере общественного строя древнего и средневекового Китая<sup>8</sup>.

Благодаря работам философов-марксистов и обществоведов широкие круги китайской интеллигенции получали возможность познакомиться с основами марксистского мировоззрения. Это позволяло им заново открывать для себя историю своей собственной страны, генезис и динамику развития современной им китайской действительности.

В работах китайских марксистов рассматривался широкий круг проблем — начиная с выяснения предмета философии и кончая интерпретацией содержательного, классового существа различных систем нравственности (феодалной, буржуазной и социалистической). Причины и сущность дивергенции философских направлений и методов, происхождение и сущность познания, отличие человека от животного, пути и средства познания окружающего мира, законы и категории диалектики, содержание истины и ее критерии, структура общественного устройства, общество и природа, базис и надстройка, происхождение и сущность классов и классовой борьбы и государства, роль народных масс и личности в истории, процесс социализации индивида, материальная и духовная культура, сущность революции и войны, содержание различных типов ценностной ориентации и жизненных установок — таков далеко не полный перечень проблем, которые освещались на страницах работ китайских марксистов. В основном их суждения фиксировали то, что было достигнуто мировой марксистской мыслью.

Большое место в работах китайских марксистов занимала историко-философская проблематика, которая включала изложение основных этапов формирования философского знания, причем данный процесс рассматривался под углом зрения борьбы материализма и идеализма. Китайский читатель получал марксистскую интерпретацию всемирно-исторического философского процесса, узнавал о содержании различных направлений, например таких, как рационализм и эмпиризм, позитивизм и прагматизм, наивный, первоначальный материализм и механистический, метафизический материализм, сущности учений мыслителей, оставивших заметный вклад в историю философии, — Декарта, Спинозы, Фихте, Шеллинга, Канта, Гегеля, Фейербаха. Говоря об истории марксистской философии, китайские марксисты подчеркивали, что ее появление является не только результатом социально-экономических сдвигов в капиталистическом обществе, но и итогом развития всей предшествующей философской мысли<sup>9</sup>.

Прямственный характер марксистской философии подчеркивался и при рассмотрении истории материалистической диалектики. Характеризуя Гегеля как непосредственного предшественника Маркса и Энгельса, китайские марксисты отмечали, что он в свою очередь основывался на философской традиции прошлого<sup>10</sup>. Рассказывая об основных, сущностных чертах гегелевской диалектики, они, естественно, указывали на ее принципиальное отличие от марксистской, в силу того что последняя носит материалистический характер<sup>11</sup>. Справедливо видя в этом заслугу Маркса и Энгельса (обычно делались ссылки на известные высказывания К. Маркса из предисловия к «Капиталу» и Ф. Энгельса из «Анти-Дюринга»), китайские марксисты большое место отводили разъяснению вклада В. И. Ленина в развитие материалистической диалектики, марксистской философии вообще. «В области философии ульяновизм (в некоторых работах по цензурным соображениям Ленина называли по его настоящей фамилии. — Авт.) — это развитие философии марксизма в эпоху империализма и пролетарской революции, — писал Шэнь Чжюань. — Ульянов наполнил содержание современной ма-

<sup>8</sup> См.: А. Г. Крымов. Дискуссия о докапиталистических отношениях в Китае в 20—30-х годах. — В кн.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971, с. 95—126.

<sup>9</sup> См., например: Шэнь Чжюань. Цзиньдай чжэсюе пипань (Критика современной философии). Шанхай, 1937, с. 99.

<sup>10</sup> См.: Шэнь Чжюань. Указ. соч., с. 57. Он писал, что, используя элементы диалектики, имевшиеся у философов, живших до него, Гегель развил их и создал на этой основе новейшее учение — диалектическую логику (см. там же, с. 78).

<sup>11</sup> См., например: Шэнь Чжюань. Указ. соч., с. 116—117.

терналистической философии новой революционной практикой: он раскрыл новый этап развития капитализма, законы империализма; он дал самый выдающийся пример диалектического единства теории и практики, при решении вопросов практики, стратегии и тактики он использовал диалектическое учение; одновременно, опираясь на опыт практики, он смог наполнить им теоретический материал, стремясь к тому, чтобы теория бурно шла впереди. Таковы особенности ульяновского этапа»<sup>12</sup>.

Содержание ленинского этапа в философии, по мнению китайских марксистов, состояло в следующем: во-первых, в разъяснении принципов марксистского мировоззрения, материалистической диалектики; во-вторых, в обогащении марксистской философии новыми положениями (в этой связи упоминалось, в частности, о ленинской теории отражения и подчеркивании им борьбы противоположностей как внутреннего источника развития); в-третьих, в требовании конкретного подхода к явлениям жизни; в-четвертых, в последовательном отставании роли практики и принципа тесной связи теории с практикой<sup>13</sup>; в-пятых, в применении диалектики к анализу явлений эпохи империализма<sup>14</sup>; в-шестых, в его непримиримой борьбе против идеализма и ревизионизма<sup>15</sup>.

В работах китайских марксистов указывалось на такую отличительную особенность марксистской философии, как ее боевой, наступательный, партийный характер; это проявляется в том, писали они, что она открыто ставит себя на службу пролетариату, делу социалистического строительства в Советском Союзе<sup>16</sup>. Китайские марксисты обращали особое внимание на разъяснение сущности и принципов материалистической диалектики. Она рассматривалась ими не только как метод познания природных и социальных явлений, что было обусловлено самой ее природой. По словам Чэнь Вэйши, диалектика — это объективная истина, душа всех вещей существует в них, сам объективный мир является диалектическим<sup>17</sup>. Диалектический метод — средство объяснения мира; диалектическое мировоззрение, писал Чэнь Вэйши, позволяет предвидеть будущее, исходить из практики, смотреть на жизнь, как на естественный процесс, прививает гражданственность, ответственность за судьбы общества<sup>18</sup>. Подчеркивая связь материалистической диалектики с объективной диалектикой вещей и явлений, Шэнь Чжюань отмечал: «Мы должны уяснить, что учение о диалектике само по себе является диалектичным. Это естественно, поскольку учение о диалектике (то есть субъективная диалектика) является отражением в человеческом мышлении естественной диалектики (то есть объективной диалектики или законов развития объективной реальности). Возникновение, развитие и изменение объективной реальности (включая природу и общество) диалектичны, поэтому относящееся к области человеческого мышления учение о диалектике само по себе также является диалектичным»<sup>19</sup>. Вместе с тем зачастую материалистическая диалектика рассматривалась как универсальное средство решения назревших социальных проблем, как «чудодейственное лекарство», призванное «излечить» Китай от всех его бед. Конечно, подобный подход представлял собой вульгаризацию, придание диалектике несвойственной ей роли.

Пропаганда диалектики среди научной общественности, подчеркивание ее революционно-критической роли и, как это ни парадоксально на первый взгляд, апология ее «всемогущества» вызвали бурную — естественно, негативную — реакцию в официальных кругах, у интеллигентов — сторонников гоминьдана. Диалектику представляли как нечто опасное и ужасное, как «импортный товар», «созданный заморскими чертями», само это слово стали предавать анафеме.

В подобных обстоятельствах китайские марксисты считали своим долгом опровергать домыслы о якобы внеисторическом, антинаучном характере материалистической диалектики, разъяснять историю ее формирования, характер причинно-следственных связей, существующих между ней и научным знанием. «Ныне у нас в Китае многие буквально приходят в ужас, услышав слово «диалектика», так как связывают ее только с марксизмом, кровавой классовой борьбой, компартией и т. д., — писал Шэнь Чжюань. — Они абсолютно не знают, что, хотя Маркс действительно использовал диалектику для изучения процесса исторического развития и создал учение научного социализма, однако он все же воспринял ее от Гегеля, а диалектика сама по себе — это не вещь, которой следует опасаться, она всего лишь методология, представляет собой всеобщие законы, полученные на основе законов всех наук, всеобщие законы, полученные в процессе развития всех областей мира (природы, общества и человеческого мышления)»<sup>20</sup>.

<sup>12</sup> Там же, с. 225—226.

<sup>13</sup> См. там же, с. 120—121.

<sup>14</sup> См.: Сюй Дэхэн. Шэхуэйсюе цзяньхуа (Лекции по социологии). Пекин, 1936, с. 226.

<sup>15</sup> См.: Шэнь Чжюань. Указ. соч., с. 185. Высказывались, правда, и положения о том, что Маркс, Энгельс, Ленин якобы не занимались специально диалектикой (см.: Чэнь Вэйши. Указ. соч. Шанхай, 1936, с. 25—27).

<sup>16</sup> См. там же, с. 177.

<sup>17</sup> См.: Чэнь Вэйши. Указ. соч., с. 161—162.

<sup>18</sup> См. там же, с. 34—35.

<sup>19</sup> Шэнь Чжюань. Указ. соч., с. 2.

<sup>20</sup> Там же, с. 88—89.

Определенное внимание китайские марксисты уделяли критическому разбору идей буржуазной социологии, которые становились известными в Китае благодаря переводам, причем издавались не только работы ознакомительного плана, но и произведения самих буржуазных социологов<sup>21</sup>. В книге Сюй Дэхэна содержалась марксистская оценка различных направлений современной буржуазной социологии, начиная с ее основоположников О. Конта и Г. Спенсера: биоорганической школы (П. Лилленфельд, Р. Новиков, А. Шеффле, Р. Ворис), социал-дарвинистской школы (Л. Гумплович), «теории подражания» (Г. Тард), психологического направления (Ф. Гиддингс, Л. Уорд, Ч. Эллууд), географического направления (Хантингтон), культурно-антропологической школы (М. Вебер, О. Шпенглер, М. Шелер), неопозитивизма (Э. Дюркгейм) и т. д. Следует, правда, учитывать, что далеко не всегда Сюй Дэхэн адекватно представлял себе содержание воззрений различных буржуазных социологов. К примеру, Смолл и У. Самнер были отнесены им к американской психологической школе. Если по отношению к первому это можно было считать с известными оговорками, поскольку он находился под влиянием Л. Уорда, то относительно второго это было неправомерно: он был прежде всего социал-дарвинистом.

Сюй Дэхэн указывал на несостоятельность буржуазных социологических концепций в методологическом плане, ибо законы общества рассматриваются в них либо как тождественные законам природы, либо, напротив, как совершенно противоположные, управляемые «человеческим духом». С философской точки зрения они представляют собой идеалистические, либо дуалистические учения, что же касается их классовых основ, то они носят буржуазный характер<sup>22</sup>.

Он следующим образом сформулировал предмет социологии: «Изучение структуры человеческого общества, ее существования, развития, изменения, а также взаимосвязи этих процессов; анализ различных факторов, составляющих общественную жизнь людей, характер этих факторов, их взаимодействие и взаимоотношения; исследование причинно-следственных связей и принципов общественных изменений в целях выяснения направления движения общества и предугадывания общества»<sup>23</sup>. Поэтому именно исторический материализм, писал Сюй Дэхэн, является подлинной социологией.

В его книге излагалась также марксистская точка зрения на такие философские проблемы, как соотношение социологии с другими общественными науками, природа и характер действия законов общества, целенаправленность и его отличие от телеологизма, соотношение законов общества и природы, связь между причиной и следствием, необходимостью и случайностью, необходимостью и свободой, возможностью и действительностью и т. п. Широта обсуждаемых проблем и качество их решения позволяют считать работу Сюй Дэхэна учебником по диалектическому и историческому материализму.

Вопрос об объективном характере законов общества имел принципиальное значение, ибо буржуазные философы вообще отрицали их существование, например Чжан Цзюньмай.

Перед китайскими марксистами стояли трудные задачи: им нужно было не только дать адекватное представление о марксистской философии, но и убедительно показать применимость общих положений марксизма к конкретным условиям Китая<sup>24</sup>. Дело в том, что официальная пропаганда, буржуазно-феодалы и идеологи всячески пытались представить марксистское учение чужеродным явлением для китайского общества. Опасаясь за свои господствующие позиции в общественной жизни в условиях нарастания в стране революционных событий, они пропагандировали курс на то, чтобы отгородиться от других стран. Выразители подобных умонастроений рассуждали о так называемых национальном духе Китая, специфике Китая, отрицали существование всеобщих законов человеческой истории. Они утверждали, что развитие китайского общества может идти лишь по собственным, специфическим законам, которые совершенно не совпадают с закономерностями, которым подчиняется история других стран. «Именно поэтому революционеры, — писал видный китайский марксист Ай Сыци, — энергично настаивали на том, чтобы Китай двигался вперед, догоняя передовые государства, учился у них, учился их революционной теории, а также их революционному практическому опыту и урокам, лучшим результатам их достижений в области науки и культуры, и все это для того, чтобы Китай смог быстрее и успешнее осуществить революцию»<sup>25</sup>.

Противники радикальных перемен и каких-либо нововведений вообще прибегали к самым различным доводам в стремлении поставить заслон на пути распространения прогрессивной идеологии, прежде всего марксизма: апологеты «национальной специфики Китая» заявляли либо о принципиальной противоположности типов общественных структур (Китай — аграрная страна, государства Западной Европы и Северной Америки — промышленные страны), цивилизаций (китайская — духовная, западная — материальная), религий (в Китае конфуцианство, а в Европе — католицизм). На этом

<sup>21</sup> В частности, были переведены на китайский язык работы Э. Дюркгейма «Разделение общественного труда», «Правила социологического метода».

<sup>22</sup> Сюй Дэхэн. Указ. соч., с. 162.

<sup>23</sup> Там же, с. 61.

<sup>24</sup> См.: Шэнь Чжунъянь. Указ. соч., с. 88—89.

<sup>25</sup> Ай Сыци. Лунь Чжунго тэшуси цан цита (Особенности общественного развития Китая и другое). Б. м. 1946, с. 60—61.

основании делались заявления о полной неприменимости науки, культуры, а также революционного опыта других стран к условиям Китая. Заимствование определенных элементов западной культуры допускалось только как дополнение к духовным ценностям собственно китайского происхождения, которые должны были выступать в качестве базисного элемента. В сущности, речь шла о гальваннизации известной формулы политика и идеолога феодальной ориентации XIX в. Чжан Чжидуна «Китайское учение — это сущность (ци), европейское учение — это функция (юн)». Некоторые защитники старинны пытались даже утверждать, что какое-либо заимствование якобы бесцельно в силу того, что в Китае издавна существовали «подобные вещи», в том числе идеи демократии и социализма<sup>26</sup>.

Конечно, рассуждения реакционных идеологов о неприменимости зарубежных концепций к условиям Китая носили избирательный характер. Своим острием они были направлены против идей научного социализма, против использования определенных элементов буржуазной культуры. Но против европеизации Китая на основе консервативных, антигуманистических традиций и доктрин эти идеологи не возражали.

Опровергая утверждения о несовместимости марксизма с условиями Китая, китайские марксисты указывали, что он имеет базу в самом социально-экономическом развитии страны, о чем свидетельствует хотя бы опыт борьбы пролетариата<sup>27</sup>. В поисках доказательств универсального характера марксизма они обращались к истории китайской философской мысли. Наличие элементов диалектики в таких памятниках древнекитайской мысли, как «И цзин», «Дао дэ цзин», «Чжуан-цзы» (признание изменений в природе, существования противоположностей, идеи взаимоперехода жизни и смерти, а также выдвижение принципа развития и т. п.), свидетельствовало, по их мнению, о том, что в самом Китае имелась основа для материалистической диалектики<sup>28</sup>.

Естественно, что, настаивая на универсальном характере общих положений марксизма, китайские марксисты отнюдь не отрицали специфики развития китайского общества, они выступали за творческий подход к использованию учения научного социализма в конкретных условиях Китая. Ай Сыци, например, указывал, что «когда мы в Китае применяем на практике марксизм, мы также должны обращать внимание на специфику китайского общества, конкретно разбираться в китайском обществе. Мы выступаем лишь против стремления отгородиться в идеологии от других стран и под предлогом «овладения спецификой» отказаться от научных законов, научного изучения китайского общества, от изучения и использования прогрессивных идей»<sup>29</sup>.

Спекуляциями вокруг национальной специфики Китая в 30-е годы занимались также троцкисты (ссылаясь на то, что история Китая якобы не соответствует законам общественного развития, согласно которым происходит развитие европейских стран), один из видных троцкистов Е Цин призывал к «китаизации» марксизма с целью его применения в Китае. Под «китаизацией» он понимал изменение (бяньгэн) формы марксизма. «Он должен изменить свою форму, с тем, чтобы появилась новая вещь, китайская вещь, не похожая на прежнюю. Только это называется китаизацией»<sup>30</sup>.

Такая позиция привела троцкистов к преувеличению национального в ущерб интернациональному. Действительно, в любой стране, в том числе и в Китае, марксизм необходимо применять с учетом конкретно-исторической обстановки. Но неверно утверждение, что существует некий «китаизированный» марксизм. Оно, в сущности, ведет к отрицанию международного характера марксизма, к «растаскиванию» его по «национальным квартирам». Противопоставление национального интернациональному мотивировалось тем, что марксизм возник в Европе; исходя из этого, троцкисты отбрасывали всеобщие законы истории, в равной степени присущие развитию всех стран мира, в том числе и Китаю.

Китайские марксисты занимали в данном вопросе в целом правильную позицию. Марксизм, подчеркивали они, интернационален по самой своей сущности. Это проявляется в том, что марксисты в различных странах имеют общую теорию, общий взгляд на вещи и общий метод их решения. Кроме того, все марксисты мира независимо от того, насколько разнятся их дороги, имеют общую цель — коммунизм, их интересы взаимосвязаны. По мнению китайских марксистов, «овладение спецификой» означало «овладение в конкретных условиях Китая специфическим проявлением общих законов общественного развития»<sup>31</sup>.

Истинность марксизма обусловлена тем, что он является научной теорией, раскрывающей законы развития объективного мира, общества и общественных преобразований. И хотя эти законы проявляются во всевозможных специфических формах в конкретных странах, данное обстоятельство не уменьшает всеобщей истинности марксизма, указывалось в работах китайских марксистов. Одновременно в них подчеркивалось, что марксизм выступает как научный метод, как руководство к объективному, конкрет-

<sup>26</sup> Интересно отметить, что нечто аналогичное высказывал китайский мыслитель XIX в. Чжэн Гуаньинь (см.: Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840—1898). М., 1961, с. 140).

<sup>27</sup> См.: Ай Сыци. Указ. соч., с. 77—78.

<sup>28</sup> См.: Чэнь Вэйши. Указ. соч., с. 176.

<sup>29</sup> Ай Сыци. Указ. соч., с. 67—68.

<sup>30</sup> Цит. по: Ай Сыци. Указ. соч., с. 69.

<sup>31</sup> Там же, с. 70.

ному исследованию вопросов, изучению конкретных условий конкретной страны. В этой связи приводилось, в частности, известное высказывание В. И. Ленина из работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» о методологическом характере марксистских теоретических принципов. «...Теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, чтобы, пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию»<sup>32</sup>.

Китайские марксисты также употребляли понятие «китаизация» марксизма, причем в двойном смысле: во-первых, как разъяснение его положений на понятном для простых китайцев языке, с использованием китайского историко-философского материала и событий современной китайской действительности<sup>33</sup>, и, во-вторых, как применение общих положений марксизма с учетом конкретных условий Китая, его специфики. Примером такой «китаизации» считалось использование КПК в своей революционной борьбе трех народных принципов Сунь Ятсена и положения о руководящей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции. Очевидно, что подобная интерпретация понятия «китаизация марксизма» не содержала ничего ошибочного. Говоря о применении марксизма к конкретным условиям китайского общества, китайские марксисты подчеркивали, что необходимо опираться на общие принципы, выработанные Марксом и Энгельсом, научную методологию диалектического и исторического материализма.

Вместе с тем отдельные националистически настроенные деятели КПК понимали китаизацию марксизма иначе: как придание марксизму национальной формы перед его применением. Они различали абстрактный и конкретный марксизмы (последний обозначал марксизм, принявший национальную форму). На первый взгляд может создаться впечатление, что не существует принципиального различия между понятиями «применение общих положений марксизма к конкретным условиям Китая» и «придание марксизму национальной формы». Однако в действительности если в первом случае речь идет о творческом подходе при применении марксизма к условиям каждой страны, то есть о необходимости учета соотношения общего и отдельного, то во втором — о противопоставлении национального интернациональному, отрицании универсального характера общих положений теории марксизма.

При рассмотрении перспектив социалистической революции в стране китайским марксистам приходилось прежде всего сталкиваться с разработкой таких проблем, как путь и этапы осуществления революционных преобразований, политическая власть и экономическая программа переходного периода, границы политического союза с буржуазией.

В конце 30-х годов в КПК появилась концепция «новой демократии», которая в работах различных ее сторонников имела неодинаковое содержание<sup>34</sup>. К примеру, в работах ряда китайских марксистов «новодемократическое» общество выступало как переходное общество от капитализма к социализму. На этой стадии допускалось развитие капиталистических производственных отношений при ведущей роли социалистического сектора экономики. «В процессе строительства новодемократического общества, — писал Шэнь Чжюань, — социалистический элемент (государственная экономика) постепенно приобретает еще большие позиции и постепенно уменьшается удельный вес такого элемента, как частный капитал, а все общество в целом все больше приближается к воротам социализма»<sup>35</sup>. Система политической власти должна представлять собой союз всех демократических сил, в том числе и национальной буржуазии (мелкие и средние предприниматели). Но руководящая роль (политическое руководство) в этом союзе, а следовательно, и в обществе должна принадлежать пролетариату<sup>36</sup>. Шэнь Чжюань ставил знак равенства между «новой демократией» в Китае и «народной демократией» в Восточной Европе. Очевидно, что подобный подход носил творческий характер, он преследовал цель дать историческую перспективу единому фронту демократических сил (представлявшему собой союз различных классов и социальных групп), сложившемуся в период антияпонской войны. Стремление придать лозунгу «новой демократии» новый смысл, приблизить его интерпретацию к понятию «народная де-

<sup>32</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, с. 274—275.

<sup>33</sup> См., например: Ху Шэнь. Бяньчжэнфа вэйлунь жумэнь. (Введение в диалектический материализм). Шанхай, 1939, предисловие, с. II.

<sup>34</sup> См. об этом цикл работ Д. А. Смирнова. Характеризуя политическую роль лозунга «новой демократии» на рубеже 30—40-х годов, М. Ф. Юрьев отмечал: «Выдвижение концепции «новой демократии» имело двойственное значение. С одной стороны, это была попытка создать особую теорию, соответствующую, по представлению Мао Цзэдуна, условиям Китая... С другой стороны, преследовалась и непосредственная практическая цель откола национальной и мелкой буржуазии от гоминьдана, его изоляции в интересах подготовки таким образом победы КПК в ее будущей борьбе с гоминьданом за власть» (М. Ф. Юрьев. Коммунистическая партия Китая. Краткий исторический очерк. — В кн.: Китайская Народная Республика в 1981 году. М., 1985, с. 212).

<sup>35</sup> Шэнь Чжюань. Шэхуэй синтай фачжань ши. Шанхай, 1949, с. 54.

<sup>36</sup> См.: Шэнь Чжюань. Синь чжэнчи сюе ди цзыбэнь вэньп. Шанхай, 1949, с. 41.

мократия» является наиболее прогрессивной тенденцией в идеологической ситуации 40-х годов.

Работы марксистов способствовали не только распространению идеи марксистской философии. Они играли важную роль в разоблачении ненаучного характера положений буржуазной общественной мысли. В 30—40-е годы широкой популярностью в кругах интеллигенции пользовались взгляды Ху Ши, который, в частности, пропагандировал идею медленных, постепенных («капля за каплей») реформ, ссылаясь при этом на Дарвина. «Эволюционное учение Дарвина дало нам громадный урок. Такое понимание эволюции, как перемены в природе и искусственный отбор, представляет изменения капля за каплей, поэтому любое сложное явление невозможно создать запросто, одним махом. Позитивизм, который исходит из дарвинизма, признает, что только постепенное, капля за каплей улучшение является подлинной эволюцией»<sup>37</sup>. Китайские марксисты справедливо указывали, что ссылки на дарвинизм понадобились Ху Ши для отрицания скачков, то есть революционных изменений в общественном развитии.

В тогдашних условиях Китая особую роль играла интеллигенция, многие выходцы из которой — в силу своего экономического и социального положения, сближавшего их с рабочими, — принимали активное участие в революционном движении. На этом основании высказывались и ошибочные суждения о том, что большинство китайских интеллигентов являются революционерами<sup>38</sup>. Однако китайские марксисты отчетливо сознавали, что интеллигенция неспособна играть самостоятельную роль в революции либо руководить ею, такая задача по плечу лишь пролетариату. Их представления о диктатуре пролетариата в целом находились в русле марксизма. Они подчеркивали, что сущность диктатуры пролетариата состоит не в насилии, а в строительстве социализма<sup>39</sup>.

В заключение следует подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство. Работы китайских философов-марксистов, о которых шла речь в статьях, издавались преимущественно в районах, контролировавшихся гоминьданом. Поэтому их влияние ограничивалось в основном кругами интеллигенции, студенчества, молодежи. Большая часть кадров партии находилась в то время вне сферы воздействия их выступлений. В тогдашних военно-политических условиях Китая трудно было ожидать, чтобы их содержание сразу же становилось достоянием членов партии, работавших в освобожденных районах. Это, несомненно, ограничивало масштабы распространения марксистской философии.

<sup>37</sup> Ху Ши. Вэньцунь (Сборник произведений). Шанхай, 1925, предисловие.

<sup>38</sup> См.: У Липин, Ай Сыци. Вэй ши гуань. Б. м., 1939, с. 79.

<sup>39</sup> См. там же, с. 109.

## Исследование и переводы китайской литературы в СССР

*Н. Т. ФЕДОРЕНКО,  
член-корреспондент АН СССР*

Внимание к китайской литературе возникло в нашей стране давно. Оно проявилось уже в трудах Н. Я. Бичурина (1777—1853). Хотя он специально не занимался исследованием истории китайской литературы, его труды, в которых всесторонне освещалась жизнь Китая (история, этнография, культура и быт, а также переводческая деятельность), подготовили почву для последующего специального изучения истории китайской художественной литературы. Нужно было также преодолеть языковой барьер — «китайскую грамоту», чтобы иметь доступ к словесно-художественному искусству Китая.

Первые русские переводы китайской художественной литературы были выполнены с маньчжурского языка, более известного в то время в России, либо с европейских языков, на которые были переведены, хотя и далеко не совершенно, некоторые китайские книги.

Немаловажную роль в популяризации в России знаний о жизни и культуре Китая сыграл Палладий (П. И. Кафаров, 1817—1878). Как и Бичурину, ему принадлежит немало трудов по Китаю, среди которых следует отметить известный Китайско-русский словарь (1888). Его появление в России облегчило изучение китайского языка и тем самым знакомство с китайской литературой.

Первым в русском Китаеведении, кто задался целью познакомить нашу страну с художественной литературой Китая, был академик В. П. Васильев (1818—1900). Он принадлежал к казанской школе русского востоковедения, в течение десяти лет проработал в Китае в Росийской духовной миссии, а затем на протяжении сорока пяти лет преподавал на факультете восточных языков Петербургского университета. В. П. Васильев был одним из самых крупных Китаеведов конца XIX в. Его знания были обширны, а интересы многосторонни. Он владел китайским, монгольским, японским, корейским, тибетским и маньчжурским языками, знал также санскрит и некоторые тюркские языки. Для истории китайской литературы особый интерес представляют труды В. П. Васильева в области китайского языкознания и китайской литературы. В 1867 г. В. П. Васильев написал работу «Графическая система китайских иероглифов», в 1880 г. — «Очерки истории китайской литературы» и в 1884 г. — «Анализ китайских иероглифов»<sup>1</sup>.

Перед В. П. Васильевым, первым исследователем китайской художественной литературы, стояла нелегкая задача и возникали значительные трудности. В его эпоху вопросы китайской литературы рассматривались главным образом с позиций господствовавших тогда в идеологической жизни канонов морально-этической системы древнекитайского мыслителя Конфуция, конфуцианских мировоззрения и идеалов, а не с позиций словесно-художественного искусства литературного творчества.

В своей работе «Очерк истории китайской литературы»<sup>2</sup> В. П. Васильев обратил внимание на большую роль художественной литературы в жизни китайского народа. Он отмечал, что китайцы почитают изящную литературу, может быть, гораздо более, чем мы; в ней они видят вершину человеческого усовершенствования, выражение не только интеллектуальной, но и всей моральной стороны человека.

Это наблюдение было глубоко верным, ибо в Китае художественная литература издавна рассматривалась как зеркало, призванное отражать моральный облик человека и являться показателем его интеллектуальных достоинств. Этот первый очерк китайской литературы преследовал и цель постановки китайской литературы в ряд всех крупнейших литератур мира на то место, которое она по праву занимала в истории развития мировой, а особенно восточной культуры. Советские ученые сейчас прилагают немалые усилия для того, чтобы продолжить это замечательное начинание первого русского академика-Китаевода и сделать китайскую литературу неотъемлемой частью знаний каждого образованного человека.

Традиции Бичурина и Васильева продолжило следующее поколение русских Китаеведов — С. М. Георгиевский, А. П. Ивановский, П. С. Попов, П. П. Захаров и другие. Среди работ историка китайской литературы С. М. Георгиевского важны «Анализ иероглифической письменности как отражающий в себе историю жизни древнего китайского народа» (1888), «Принципы жизни Китая» (1888) и особенно работа «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1892), в которой делается первая в России попытка систематизации китайской мифологии.

Новые перспективы и возможности в изучении китайской литературы открылись после Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение китайской литературы на-

<sup>1</sup> В. П. Васильев. Анализ китайских иероглифов, ч. I. СПб., 1866; Элементы китайской письменности, ч. II. СПб., 1884 (литогр.).

<sup>2</sup> В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880.

чалось с новых, истинно научных позиций, на основе марксистско-ленинского учения. Произведения литературного творчества стали рассматриваться как идеологическое отражение социально-экономических отношений классовой борьбы в китайском обществе.

Научное наследие русских китаеведов заложило основы для разработки истории китайской литературы в советское время. Опираясь на эти основы, наши китаеведы сделали значительный шаг вперед в области изучения китайской литературы.

Более полувека тому назад академик В. М. Алексеев (1881—1951), отмечая, что величие огромной китайской литературы остается русскому читателю неизвестным, призвал приняться за разрушение этого заколдованного круга, в который русские читатели попали по отношению к столь сложному и важному проявлению человеческого гения, как китайская литература.

Первую и неотложную задачу В. М. Алексеев видел тогда в создании изобилия достойных переводов китайской литературы, продуманно отобранных. Китайская стена, писал он, рушится именно таким образом: русский читатель почувствует, что китайскими словами говорит все тот же страдающий, радующийся, ищущий человек, а экзотика, оригинальное в ковычках есть лишь создание органических умов, нетвердых в познании и жадных к внешней новизне.

Большая и плодотворная работа была проделана В. М. Алексеевым — основоположником советского китаеведения, глубоким знатоком и талантливым переводчиком китайской литературы. За пятьдесят лет своей научной деятельности ученый внес большой вклад в изучение китайской культуры, написал многочисленные исследования по вопросам китайской литературы.

Внимание В. М. Алексеева было сосредоточено главным образом на исследовании поэтического творчества крупных художников слова Китая. При этом особый интерес у него вызывали наиболее трудные для понимания и интерпретации тексты словесно-речевого искусства. Именно ему принадлежит инициатива в исследовании китайской поэзии — одного из наименее изученных жанров.

В этой связи значительный научный интерес представляют труды В. М. Алексеева о творчестве китайских поэтов и, в частности, его работа над текстом «Поэмы о поэте» Сыкун Ту<sup>3</sup> («Категория поэзии» Ши пинь) — сложным поэтическим памятником как с точки зрения его философского содержания, так и в отношении иероглифических средств художественного изображения.

Важнейшим развитием этой же линии исследования поэтического творчества явился своеобразный цикл о соотношении и взаимосвязи художественного творчества в поэзии, живописи, каллиграфии, задуманный и успешно осуществленный В. М. Алексеевым. Это прежде всего перевод знаменитой «Поэмы об изящном слове» Лу Цзи (III—IV вв.) и исследование «Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве»<sup>4</sup>, в котором ученый раскрыл художественное видение окружающего мира в творчестве одного из самых своеобразных поэтов древнего Китая. В этот цикл входит далее работа В. М. Алексеева «Француз и его китайские современники о поэтическом мастерстве», в которой автор, продолжая метод сравнения, стремится обосновать закономерность своих сопоставлений, «особенно в свете исторически пережитого мировую литературой за эти века, например, во Франции и в Китае».

В цикл входит также одна из оригинальных работ В. М. Алексеева «Китайский пейзажист о своем вдохновении и о своем пейзаже»<sup>5</sup>, которая посвящена изучению поэмы «Категории стихотворений», написанной известным художником слова Хуан Юе (XVIII—XIX вв.) в подражательном духе. В ней отображены взгляды Хуан Юе о «Категории поэзии» («Поэме о поэте» Сыкун Ту), как прообразе своих «Категорий стихотворений».

Значительный интерес в этом едином цикле представляет также работа «Артист, каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма» — монография о некоторых чертах творчества известного эстета Ян Цзинцзэна (жил в начале XIX в.), написавшего в подражание «Категории поэзии» Сыкун Ту поэму о категории письма Шу пинь — «О типах каллиграфов и их вдохновении». Раскрывая своеобразие китайской поэтической живописи на самых ярких образцах неповторимых произведений искусства крупнейших художников слова, указанные работы помогают нам лучше понять многие особенности китайской эстетической мысли прошлого.

Своеобразным дополнением к указанному циклу явились работы В. М. Алексеева: «Китайский полиндром в его научно-педагогическом использовании»<sup>6</sup> и «Китайская поэзия в китайской поэтической оценке»<sup>7</sup>, где рассматривается одна из ценнейших китайских антологий (раздел знаменитой энциклопедии Тушу цзинчэн — XVIII в.).

Внимание В. М. Алексеева было привлечено также к проблемам истории китайской литературы, взаимосвязи великих культур русского и китайского народов. Его перу при-

<sup>3</sup> Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837—908). Пер. и иссл. Пг., 1916.

<sup>4</sup> Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве. — «Известия АН СССР», т. III, кн. IV, М., 1944.

<sup>5</sup> «Звезда», № 12, 1945.

<sup>6</sup> В книге «Памяти акад. Л. В. Щербы (1880—1944). Л., 1951.

<sup>7</sup> «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, т. 6, вып. 5, М., 1947.

надлежат многочисленные работы по вопросам китайской письменности и языка, культуры, этнографии, искусства, истории синологии и т. д.

В освещении проблем китайской литературы В. М. Алексеев стремился руководствоваться передовой методологией, материалистическим мировоззрением. Это выгодно отличает его работы от работ предшественников, в частности, от методологии В. П. Васильева, для которого конфуцианское мироощущение было исходной позицией в исследовании китайской литературы.

В 1966 г. (посмертно) увидел свет сборник В. М. Алексеева «Китайская народная картина»<sup>8</sup>, составленный из не публиковавшихся ранее работ академика. Содержащееся в этой книге научное наследие служит обогащению и углублению нашего понимания традиционной культуры китайского народа.

Значительным вкладом в отечественное китаеведение явилось издание труда В. М. Алексеева «Китайская литература»<sup>9</sup>. В книгу вошли статьи, посвященные китайской литературе, ее истории и проблемам перевода на русский язык, а также образцы научно-художественных переводов, часто дополненных свободным парафразом. В книгу были включены также работы, ранее публиковавшиеся, но ставшие библиографической редкостью.

Вышедшая сравнительно недавно книга В. М. Алексеева «Наука о Востоке»<sup>10</sup> содержит труды ученого, написанные на протяжении почти пятидесяти лет его жизни. Собранные в ней статьи и документы свидетельствуют о разнообразном и разностороннем его научном творчестве.

В. М. Алексеев выступал также как талантливый переводчик произведений китайской прозы и поэзии. Его работы принадлежат к числу лучших образцов художественных переводов с китайского не только в СССР, но и в мировой синологии. Им выполнены прекрасные переводы поэтических творений Ли Бо<sup>11</sup>, Лу Цзи, Сыкун Ту, Вэнь Тяньсяна<sup>12</sup>, Оуян Сю<sup>13</sup> и многих других поэтов и писателей. Особенно высок по художественным достоинствам перевод новелл Ляо Чжай (Пу Сунлина), изучению творчества которого ученый посвятил многие годы<sup>14</sup> и сделал произведения Ляо Чжай<sup>15</sup> доступными советскому читателю.

В наши дни заметный вклад в изучение китайской литературы внесли советские китаеведы: Л. З. Эйдлин, Л. Е. Черкасский, В. Ф. Сорокин, Б. Л. Рифтин, И. С. Лисевич, Е. А. Серебряков, К. И. Гольгина, В. В. Петров, А. Н. Желоховцев, Л. Н. Меньшиков, В. И. Семанов, О. Л. Фишман, Д. Н. Воскресенский, Л. Д. Позднеева, С. Д. Маркова, В. Я. Лисица, В. Аджимамудова, И. Э. Циперович и другие.

От исследователя литературы марксистско-ленинская методология требует единства эстетического и социально-исторического подхода при анализе художественного творчества. Идейное содержание произведения и форма его художественного воплощения, создаваемые образы и типичные персонажи находятся в нерасторжимой взаимосвязи, органически обусловлены. Поэтому только широкий социологический взгляд на литературные явления и факты в сочетании с анализом художественно-изобразительных средств в литературном творчестве отвечает требованиям научного литературоведения.

В этой связи прежде всего следует назвать работы Л. З. Эйдлина. Творческий труд ученого — это и осязаемый результат пытливых исканий и находок, щедро обогативших наше литературоведение, и высокое искусство перевода китайских художников слова в духе лучших традиций советской синологической школы.

Исследование и переводы «Бо Цзюйи. Четверостишия». 1949<sup>16</sup> Л. З. Эйдлина — итог обстоятельного филологического изучения творчества Бо Цзюйи (772—846), наиболее популярного поэта Танской эпохи. Бо Цзюйи жил в эпоху подъема китайской поэзии, когда еще свежа была память о великих поэтах китайского народа Ли Бо и Ду Фу. Триста лет существования танского государства (618—907) обогатили китайскую поэзию произведениями, которые продолжают жить в китайской культуре и останутся вечной гордостью народа, их создавшего.

<sup>8</sup> В. М. Алексеев. Китайская народная картина. М., 1966.

<sup>9</sup> В. М. Алексеев. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978.

<sup>10</sup> В. М. Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982.

<sup>11</sup> Стихотворения в прозе поэта Ли Бо, воспевающие природу, ЗВОРАО, XX, 2—3, 1911; Древнее (Из поэтической исповеди Ли Бо) — В. П., 1923, с. 35—40; Ли Бо. Из четверостиший. В. У., 1925, с. 87—102; Антология китайской лирики. VII—IX вв. Всемирная литература, М. — Пг, 1923.

<sup>12</sup> «Песнь моему прямому духу» китайского патриота XIII в. Вэнь Тяньсяна. «Труды Военного института иностранных языков Красной Армии», 1946, № 2.

<sup>13</sup> Оуян Сю. Образцы прозы. «Восток», III, 1923.

<sup>14</sup> Предисловие и комментарии к книге «Рассказов о людях необычайных». Из серии новелл Ляо Чжай чжин. М.—Л., 1937; К истории демократизации китайской старинной литературы («О новеллах Ляо Чжай»). — Сб. статей. Л., 1936.

<sup>15</sup> Ляо Чжай (Пу Сунлин), 1630—1715. Лисы чары. — Из сборника старинных рассказов Пу Сунлина (Ляо Чжай чжин), т. I. Перев. и предисл. В. М. Алексеева. Пг., 1922; Ляо Чжай. Монахи-волшебники. — Из сборника старинных рассказов Пу Сунлина. Перевод и предисловие В. М. Алексеева. М. — Пг., 1923.

<sup>16</sup> См. также: Л. З. Эйдлин. Бо Цзюйи. Стихи. М., 1958; Бо Цзюйи. Лирика. М., 1965.

Именно Л. З. Эйдлину впервые за пределами Китая удалось раскрыть поэтический гений Бо Цзюйи, показать в своем исследовании главные его качества — простоту и глубокую человечность.

Мы знаем, что китайскую древность отличает необыкновенная щедрость поэтических талантов. Оставленная ею прекрасная поэзия жива и поныне, став интегральной частью вечно живой сокровищницы общечеловеческой культуры. Одному из удивительных художников слова китайской древности Тао Юаньмину (365—427) посвящено монументальное исследование Л. З. Эйдлина «Тао Юаньмин и его стихотворения» (1972), в котором доказывается, что танская поэзия, вбирая в себя вековые традиции, пошла по пути простоты, открытому Тао Юаньмином, и сумела в творчестве своих поэтов выразить богатство и величие народного духа.

Говоря о Тао Юаньмине, академик В. М. Алексеев отмечал, что он сыграл «в поэзии Китая роль нашего Пушкина» и что он «первый освободил поэзию от придворных связей и общественно-исповедных кастовых обязательств, наложенных веками на китайского ученого поэта».

Л. З. Эйдлину принадлежат также многочисленные труды по исследованию проблем истории китайской литературы, которые заняли видное место в нашем китасведении<sup>17</sup>.

Л. З. Эйдлиным выполнены многочисленные переводы китайской поэзии и прозы. Исследование, с нашей точки зрения, приобретает научную доказательность лишь на основе текста художественного произведения, его перевода, достоверной его интерпретации. По замечанию Л. З. Эйдлина, переводов поэзии может быть множество, их столько, сколько переводчиков. Истина, однако, в том, что каждый из этих разных переводчиков должен передать мысль и поэзию оригинала стихами, построенными на тех же художественных принципах, что и оригинал. Ибо в поэзии не может быть двух красот — только внешней или только внутренней. Классика обладает чрезвычайно существенной особенностью: она далека от нас не только по времени, что само по себе уже немаловажно, но и по жизненным обстоятельствам. Оттого классика требует осторожности, более того — особой осмотрительности. Не десятилетия, а века ограняли ее, как шлифуются и обкатываются в море гранит и яшма.

Не менее значимо для нас и другое соображение Л. З. Эйдлина: близость перевода к подлинному не есть величина абсолютная. Она понимается по-разному в переводах различной поэзии. Великолепное мастерство, продемонстрированное им на образцах поэтического искусства китайских художников слова, в частности Бо Цзюйи, Мэн Хаожаня, Тао Юаньмина и других корифеев, свидетельствует об обоснованности этого суждения. В этой связи следует назвать книгу переводов Л. З. Эйдлина: «Китайская классическая поэзия»<sup>18</sup>.

Значительный интерес представляет «Краткий очерк истории китайской литературы»<sup>19</sup> Н. И. Конрада. Работа характеризуется широким историко-литературным диапазоном. Она содержит многие оригинальные оценки и наблюдения автора, хотя некоторые из них требуют дальнейшей разработки и соответствующей мотивировки. «Краткому очерку истории китайской литературы», являющемуся в известном смысле итоговыми трудом, предшествовали работы Н. И. Конрада по исследованию различных проблемных вопросов китайской литературы. Среди них выделяются статьи «К вопросу и литературных связей»<sup>20</sup>, «Проблемы реализма и литературы Востока»<sup>21</sup>, «Феодалная литература Китая и Японии»<sup>22</sup>, в которых автором освещаются важнейшие процессы литературного творчества в Китае во взаимосвязи с другими литературами, а также разрабатывается одна из ключевых проблем о реализме в восточных литературах.

Творчество Цао Чжи (192—232) — одна из замечательных страниц китайской классической поэзии. Во втором и третьем веках характерными для этой поэзии были переход от повествования к лирике, утверждение пятисложной формы стиха, создание поэтического жанра юэфу на основе народных песен.

Л. Е. Черкасский в своей книге «Поэзия Цао Чжи» (1963) поставил перед собой цель показать органическую связь поэзии Цао Чжи с поэзией народной, охарактеризовать творческий путь поэта, новаторскую сущность его стихов, их эстетическую ценность, а также определить место Цао Чжи в истории китайской литературы.

В книге уделено внимание и анализу всей литературы II—III вв., по девизу последнего ханьского императора носящей название цзяньаньской и сыгравшей весьма большую роль в развитии китайской поэзии последующих веков.

Поэзия Цао Чжи гуманна, лирична. Показано это на страницах книги тонко и глу-

<sup>17</sup> Л. З. Эйдлин. Танская поэзия. Очерк. — В кн.: Литература народов Востока. М., 1970; Китайская классическая поэзия. — В кн.: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977; О сюжетной прозе Лу Синя. — В кн.: Лу Синь. Повести и рассказы. М., 1971.

<sup>18</sup> Китайская классическая поэзия. Пер., вступ. статья и примечания Л. Эйдлина. М., 1975, с. 352.

<sup>19</sup> Китайская литература. Хрестоматия. Древность. Средневековье. Новое время. т. I. М., 1959, с. 5—47.

<sup>20</sup> См.: «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, т. 16, вып. 4. М., 1957, с. 301—310.

<sup>21</sup> См.: «Вопросы литературы», 1957, № 1, с. 52—72.

<sup>22</sup> См.: «Восток», сб. первый. М. — Л., 1935, с. 7—12.

боко, с иллюстрациями из стихов поэта, переведенных автором монографии. Поэзия эта проникнута противоречивыми мыслями: жажда деятельности сменяется грустными раздумьями, стремление к героическим подвигам — печальными вздохами. Взволнованность и печаль, жажда деятельности и невозможность ее утолить — таков эмоциональный ключ поэзии Цао Чжи, такова ее душа.

Новая пятисложная форма стихов, родившаяся в недрах народного творчества, достигла в произведениях Цао Чжи большого совершенства.

Л. Е. Черкасскому принадлежит также актуальное исследование важного двадцатилетия в истории современной китайской поэзии «Новая китайская поэзия (20—30-е годы)» (1972). В центре внимания автора — проблемы художественных направлений, жанров, форм, традиций и новаторства. Пожалуй, впервые в мировом литературоведении проанализированы идейно-эстетические и художественные особенности творчества китайских реалистов, романтиков и символистов. В книге дается характеристика китайского верлибра, европеизированных стихов, жанров короткого лирического стихотворения (сяоши) и эпической поэмы, разбирается творчество известных поэтов Китая.

Л. Е. Черкасский показывает в своем исследовании, что китайская поэзия стала активным участником общемирового литературного процесса; ее контактные связи с литературами стран Запада и Востока, прямые и обратные, интенсивно расширялись и углублялись благодаря ускоренному развитию.

Поэтические произведения 20—30-х гг. во многом определили, по мнению автора исследования, дальнейшие судьбы поэзии, и прежде всего поэзии военных лет.

В книге «Маяковский в Китае» (1976) Л. Е. Черкасский освещает ранее не исследованную проблему влияния поэзии В. Маяковского на становление и развитие революционной поэзии Китая, а также впервые дается научный анализ переводов произведений великого пролетарского поэта на китайский язык.

В ознакомлении китайского читателя с поэзией В. Маяковского автор выделяет ряд этапов, он показывает, что влияние Маяковского на становление и развитие революционной литературы Китая было глубоким и разносторонним. Китайские поэты следовали за Маяковским в его неукротимом стремлении быть «водителем» народа и одновременно — его «службой»!

В исследовании «Китайская поэзия военных лет» (1980), являющемся продолжением работы «Новая китайская поэзия. 20—30-е годы», на обширном материале дается анализ китайской поэзии периода войны Сопrotивления японским захватчикам (1937—1945) и народно-освободительной войны (1946—1949) — ее форм и жанров, структуры и эстетики художественного образа, прослеживается связь китайской поэзии этого периода с прогрессивной мировой, прежде всего русской и советской, поэзией. В отдельной главе рассматривается творчество наиболее крупных поэтов того времени.

В поле зрения автора находилось до 200 поэтических сборников, не считая коллективных изданий и публикаций в периодике.

Новаторство поэзии 30—40-х гг. следует искать не в образах и тропах (хотя метафора стала смелой и неожиданной, а персонализация приобрела черты всеобщности: все вокруг наделялось душой и зрением), но прежде всего в активности самой поэзии и ее творцов, гражданственности ее, в тематической новизне, в превращении поэзии в действительное идеологическое оружие борьбы, а кроме того, в новаторстве жанров (боевой марш, песня, эпическая и лиро-эпическая поэзия), в широком распространении верлибра.

Продолжает работу автор и над проблемой русской классики на Востоке — теории и практики перевода.

Проблема теории и практики перевода русской классической литературы на языки стран зарубежного Востока рассматривается в контексте взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, ибо художественный перевод — главное звено взаимодействия литератур и наиболее сложной ее формы — взаимовлияния.

Изучение хронологии переводов и принципа отбора, всего комплекса вопросов, составляющего процесс перевода, дает нужный материал для исследования истории перевода, поэтики и стилистики, для определения общего и своеобразного в литературах Востока.

Л. Е. Черкасским делается попытка выяснить, при каких условиях перевод становится явлением интонациональной литературы и способен выполнять ту идеологическую, эстетическую и познавательную функции, какие он выполнял, являясь оригиналом у себя на родине.

Автором рассматриваются такие своеобразные формы включения русской классики в национальные восточные литературы, как переводы-переложения (пересказы), национальная адаптация и переработки (переработки). Основное внимание уделено проблеме адекватного перевода, дается анализ различных граней этого сложного механизма, начиная с передачи стиля. Изучение конкретных текстов приводит автора к выводу о том, что стилистическая и стилевая окраска переводного текста зависит прежде всего от целевой установки интерпретатора, опирающегося в свою очередь на определенные национальные стереотипы, культурные традиции, вкусы и привычки читателей. На стиль перевода оказывает воздействие и традиции самой принимающей литературы (влияние фольклора, дидактическая традиция, плеоназм, национальные стереотипы в описании природы, введение в текст стихотворных вкраплений и синонимических рядов и др.).

Л. Е. Черкасский также практик перевода. Им опубликованы многочисленные сборники китайской классической и современной поэзии, прозы новейшего времени.

Первой крупной работой В. Ф. Сорокина была монография «Формирование мировоззрения Лу Синя» (1958 г.). В трех ее главах подробно характеризуется идейная направленность ранних статей писателя и отраженная в них эстетическая концепция, раскрывается новаторское значение его первого, написанного еще на языке (литературный язык в отличие от байхуа — разговорного языка) рассказа «Былое»; рассматривается комплекс социальных и нравственных проблем, лежащих в основе рассказов из сборника «Ключ»; анализируется гениальная сатирическая повесть «Правдивое жизнеописание А-Кью» в свете тогдашних представлений Лу Синя об исторических судьбах своей родины и особенностях национального характера китайцев. В. Ф. Сорокин опубликовал также ряд статей о творчестве Лу Синя и перевел несколько его рассказов («Былое», «Одинокий», «Усмирение потопа» и др.).

В опубликованной в 1962 г. монографии «Творческий путь Мао Дуня» В. Ф. Сорокин впервые за пределами Китая дал развернутую картину жизни и деятельности виднейшего художника, на протяжении многих десятилетий игравшего ведущую роль в культурной жизни Китая. Излагая литературные взгляды Мао Дуня начала 20-х годов, в которых предпочтение отдавалось «натурализму», исследователь определяет их как фактическую программу критического реализма. В последующем изложении показано, как по мере развития революционной ситуации в Китае Мао Дунь на ряду с обличением антинародной политики верхов и критикой непоследовательности мелкобуржуазной интеллигенции все больше места уделяет показу борьбы рабоче-крестьянских масс за свои права, за социальную справедливость. В книге освещена также патристическая и демократическая направленность творчества Мао Дуня в годы войны с японскими захватчиками и его многогранная деятельность после провозглашения Народной республики.

В написанной совместно с Л. З. Эйдлиным книге «Китайская литература. Краткий очерк» (1962) В. Ф. Сорокину принадлежат главы о классической прозе и драматургии, а также раздел «Литература последних лет». Как отмечала критика, авторам удалось на сравнительно ограниченном пространстве дать представление об основных этапах и наиболее ярких явлениях истории китайской литературы, ее художественного и идейного своеобразия, показать достижения китайских мастеров слова за годы народной власти. Сложные процессы в духовной жизни КНР, связанные со все усилившимся воздействием левацкой идеологии на развитие литературы и искусства, теория и практика «культурной революции» подвергнуты критическому рассмотрению в коллективной монографии «Судьбы культуры КНР» (1978), созданной под руководством и при участии В. Ф. Сорокина.

В разное время В. Ф. Сорокиным были опубликованы статьи о творчестве Е Шэнтао, Лао Шэ, Е Цзы, Ай У и некоторых других писателей XX века. Им опубликованы переводы романов «Ни Хуаньчжи» Е Шэнтао и «Осажденная крепость» Цянь Чжуншу, повестей и рассказов Мао Дуня, Лао Шэ, Юй Дафу, Ай У, Ван Тунчжао, Ван Юаньцзяня, Жу Чжицзоань. В самые последние годы он составил несколько сборников переводов недавних произведений китайской прозы и перевел для них повести и рассказы Ван Мэна, Лю Синью, Фэн Цицзя, Чэнь Сянхэ и Хань Шаогуна.

Другая сфера научных интересов В. Ф. Сорокина — традиционная драма Китая, в особенности процветавший в эпоху Юань жанр цзацзюй. Итогом многолетней работы явилась его монография «Китайская классическая драма XIII—XIV вв.» (1979 г.). В первой части работы раскрывается степень и характер участия различных элементов — поэтических (ши и цы), прозаических (новелла, историческая проза), сказовых и драматических (юаньбэнь, наньси) — в генезисе юаньской драмы цзацзюй. Вторая часть посвящена анализу структурных и лексических особенностей арий и прозаических диалогов в цзацзюй. Одновременно автор путем сличения текстов юаньских драм, дошедших до нас в изданиях разных веков и разной степени сохранности, устанавливает, что, несмотря на многократные позднейшие обработки, основное содержание и идейное звучание пьес не подвергались существенным изменениям. В третьей части книги, наиболее оригинальной по замыслу, анализируются основные категории персонажей цзацзюй — государей, полководцев, ученых, молодых влюбленных, купцов и т. д. Таким образом реконструируется мировоззрение авторов пьес, а также отраженная в них картина социальной действительности эпохи. Наконец, в четвертой части подробно, по актам излагается содержание всех сохранившихся 162 юаньских пьес с перечнем действующих лиц и указанием их амплуа. В. Ф. Сорокин является также автором многочисленных статей по проблемам традиционной драматургии и составителем китайского раздела тома «Классическая драма Востока» (в «Библиотеке всемирной литературы»), для которого им переведены четыре пьесы.

В. Ф. Сорокиным написаны статьи «Китайская литература» для Краткой литературной энциклопедии и для 3-го издания БСЭ, а также главы для 3-го и 9-го томов «Истории всемирной литературы».

Основное направление синологических исследований Б. Л. Рифтина — китайская народная литература, фольклор и китайский классический роман. Ему принадлежат монографии: «Сказания о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре» (1961), «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае» (1970), «От мифа к роману» (1979).

В первой из них автор задался целью описать наиболее значительные жанры китайского фольклора (сказы под барабан — гуды, сказы под струнный аккомпанемент — танцы, сказы баоцзоань, прозаические легенды, народные песни и драмы), стараясь про-

следить, каковы особенности разработки сюжета в том или ином жанре. В качестве примера им было выбрано одно из самых популярных в Китае сказаний — сказание о Мэн Цзяншуй, разрушившей своими слезами Великую стену. Одновременно автор книги попытался выявить и закономерности исторической эволюции известного фольклорного сюжета, записи которого сохранились начиная с эпохи Тан.

С середины 60-х годов Б. Л. Рифтин занялся изучением цикла сказаний о героях Трех царств (III в. н. э.), и во второй своей монографии детально исследовал «Пинхуа по «Истории трех царств»» как образец средневековой китайской народной книги. Рифтин разработал специальную схему для осуществления анализа такого рода произведений, так что в поле зрения исследователя оказались не только идейные основы народной книги — пинхуа (буддийские идеи, отражение религиозного синкретизма, элементы народного мировоззрения), но и связь с эпической традицией (эпические мотивы и ситуации), а также особенности изображения персонажей (внешний облик, эмоции героев, изображенные действия, мысли, прямая речь героев) и организация повествования, в которой нашлись свое воплощение многие формальные приемы устного сказа.

В той же книге Б. Л. Рифтин анализирует и историческую эпопею Ло Гуаньчжуна «Троецарствие», сосредоточивая основное внимание на идеологии автора и методе его творчества, в частности на соотношении элементов, заимствованных из летописи, из народной книги и драмы. В отличие от своих предшественников Б. Л. Рифтин задается целью изучить не только связь эпопеи «Троецарствия» с предшествующей летописной и фольклорной традицией, но и показать, как происходит дальнейшая фольклоризация письменного литературного памятника, когда «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна становится основой для позднего устного прозаического сказа, существующего в Китае и в наши дни. Автор книги уделил поздней сказовой традиции большое внимание, исследовав различные ее особенности и используя собственные наблюдения над творчеством и исполнительской манерой сказителей 50—60-х годов.

Третья книга Б. Л. Рифтина «От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе» представляет собой как бы непосредственное продолжение предыдущего его исследования. Поставив перед собой задачу исследовать эволюцию изображения героев в словесном искусстве, Б. Л. Рифтин обратился к самим истокам художественного творчества — к древнейшим мифологическим образам первопредков Нюйва и Фуси, показав их связь с тотемными представлениями и особенностями их образов в словесном и изобразительном искусстве. Наиболее подробно в книге исследованы образы идеальных правителей древности Яо и Шуня, показано движение образа от зооморфного к зооантропоморфному и, наконец, целиком антропоморфному облику, как постепенно в конфуцианской традиции эти персонажи все более идеализируются и канонизируются, становясь образцом для правителей последующих веков.

В той же книге автор исследует и словесные портреты героев средневековых народных книг — пинхуа и некоторых книжных эпопей, исторической («Троецарствие»), дополняя свою предыдущую работу, и мифологической («Сказание о начале мира» Чжоу Ю, XVI в.), показывая преемственность традиции изображения персонажей и их эволюцию на протяжении нескольких тысячелетий.

Б. Л. Рифтин известен также своими работами библиографического характера, им выявлен ряд уникальных рукописей и ксилографических изданий произведений китайской повествовательной прозы и народной сказовой литературы. Обнаруженная им в Ленинграде рукопись романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме», существенно отличающаяся от других, сохранившихся в Китае списков, издается сейчас в Пекине факсимиле с исследовательским предисловием Б. Рифтина и Л. Меньшикова.

Б. Л. Рифтин занимается и популяризацией китайской классической и современной литературы (с его предисловиями изданы романы «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй», «Трое храбрых, пятеро справедливых», «Троецарствие» и т. д., в издательстве «Радуга» вышел подготовленный им большой сборник современных китайских повестей). Занимается Б. Л. Рифтин и переводами, главным образом фольклорных текстов. Им составлен ряд сборников китайских народных сказок, наиболее представительный из них издан с его предисловием в 1972 г. в издательстве «Художественная литература».

В истории китайской словесности одним из важных и значительных этапов является трехвековой сунский период (X—XII вв.), до сих пор остающийся недостаточно изученным мировым Китаеведением. Е. А. Серебряков принадлежит к числу тех немногих исследователей, которые в своих научных исканиях на протяжении многих лет обращаются к художественному наследию этой эпохи. Его работы в значительной мере восполнили существенный пробел в наших представлениях о китайской средневековой литературе, знакомят с важнейшими тенденциями и явлениями классической поэзии Китая.

Цикл его исследований на эту тему открывает работа «Лу Ю. Поездка в Шу. Перевод, комментарии и послесловие» (1968). Это прежде всего русский перевод путевого дневника известного китайского поэта Лу Ю (1125—1210), написанный на старом литературном языке вэньяне, трудном для прочтения, и никогда не комментированном китайскими учеными. Перевод сопровождается обстоятельным и надежным историко-филологическим комментарием. Исследовательская часть издания знакомит со своеобразием жанра путевого дневника в китайской средневековой литературе. Сочинение Лу Ю относится к числу наиболее ранних произведений такого рода, имевших своей целью не только дать какие-то научные сведения, но и воссоздать в известной мере душевный мир

автора. Е. А. Серебряков раскрывает важное историко-этнографическое значение путевого дневника Лу Ю, в котором запечатлены политическая действительность и черты быта чиновничества и крестьянства сунской эпохи. Исследователь обращает внимание на то, что записи дневникового характера и сохранившиеся стихотворные произведения того же периода позволяют определить, каким законам творчества подчинялась авторская обработка материала в поэтическом творчестве. Тем самым ему удалось найти весьма плодотворный путь постижения секретов работы мастеров китайской поэзии над словом. Дело в том, что до сих пор в синологической литературе еще встречается мнение о якобы сугубой рационалистичности китайской классической поэзии. Сопоставление стихов Лу Ю с соответствующими дневниковыми записями позволяют выявить жизненные ситуации, в которых рождались те или иные строки, и установить, что поэтические произведения отражали душевное состояние, являлись результатом работы воображения художника, стремившегося в словесных образах воплотить лирические переживания.

На основе тщательного анализа огромного средневекового поэтического материала, а также серьезного освоения критической литературы на китайском языке, написано другое капитальное исследование Е. А. Серебрякова «Лу Ю. Жизнь и творчество» (1973). Китайские авторы часто давали Лу Ю несколько одностороннюю характеристику, обращая внимание лишь на патриотические мотивы его творчества. Кроме того, отпечаток вульгарного социологизма обычно снижает значение иных публикаций. В зарубежной синологии была известна лишь изданная в Австралии небольшая книга «Лу Ю — поэт-алхимик», лишенная серьезного научного значения. Монография Е. А. Серебрякова впервые в мировой науке обстоятельно и всестороннее характеризует жизненный и творческий путь одного из классиков китайской поэзии, оставившего огромное литературное наследие: более девяти тысяч стихотворений и множество прозаических сочинений. В книге показано, что система мировоззренческих представлений Лу Ю — это синтез разнообразных идеологических элементов. Автор обращается к решению проблемы влияния на Лу Ю конфуцианской идеологии, даосского учения об «естественности», идей буддийского учения дзэн, сопричастности поэта к взглядам реформатора Ван Аньши, его отношения к неоконфуцианству. Монография содержит серьезные выводы и наблюдения, помогающие ответить на теоретически важный вопрос о соотношении в художественном творчестве средневекового поэта личного и общечеловеческого опыта, самостоятельного, индивидуального и традиционного начал. Книга воспроизводит жизненный и творческий путь Лу Ю, показывает эволюцию политических взглядов, идеологических воззрений и эстетических представлений поэта. Вместе с тем исследование имеет большое общеметодологическое значение, так как в нем рассматривается ряд важных проблем теории поэтического творчества, мировоззрения средневекового автора, характера образа в лирической поэзии, значения традиций в китайской классической литературе, ее эстетического своеобразия.

Еще одна монография Е. А. Серебрякова — «Китайская поэзия X—XI ввек. Жанры ши и цы» (1979). Она посвящена малоизученному периоду и проблемам двух главных стихотворных жанров классической поэзии. Обращение к литературе X—XI вв. позволило охарактеризовать зарождение и становление поэтического жанра цы, его взаимосвязь с традиционным жанром ши.

Работа К. И. Голыгиной «Теория изящной словесности в Китае» (1971 г.) посвящена исследованию литературной и эстетической мысли Китая XIX в., то есть традиционной теории, и этапу переходному в развитии литературной теории — первым двум десятилетиям XX века. Автор, характеризуя традиционную теорию, подчеркивает, что она имела всегда жанровый вид, и только в начале XX в. создается литературная мысль нового, обобщенного типа. Книгу предваряет описание жанров, входящих в круг «высокой» литературы. Автор знакомит с терминологией, которой пользовалась традиционная филология на протяжении веков, традиционным определением художественности, идейности, стилевыми эпитетами и т. д. Показав состав изящной словесности, как он сложился к XIX в., автор доказывает, что одна из главных черт разрушения традиционной жанровой системы состоит в размывании границ жанров, их делении на «художественные» и «деловые», и в разрушении самой традиционной системы литературы, которая давно уже не соответствовала состоянию самой литературы, поскольку вплоть до конца XIX в. жанры по-прежнему литературные (повесть, роман, драма, поэзия цы) оставались на периферии системы и «высокой» литературой не считались.

В книге описаны взгляды на литературу и творчество представителей основных литературных школ и направлений этого периода: тунчэнская школа в лице Фан Бао, Яо Ная, Лю Дакуя и др., показано ее движение и эволюция взглядов ко все большему консерватизму; менее известная в науке школа «Поэты жанра цы из Чанчжоу», объединившая самых знаменитых представителей этого жанра, особенно расцветшего в конце династии Цин; рассмотрены и отдельные памятники литературно-эстетической мысли XIX в., к примеру трактат Лю Сицзя «Об искусствах». Особое внимание уделено в книге тем, кто своими трудами и деятельностью способствовали становлению новых взглядов, кто боролся с конфуцианским догматизмом (прежде всего Ван Говэй и Лу Синь), подробно исследованы их трактаты и статьи.

Книга К. И. Голыгиной «Китайская проза на пороге средневековья» (1983) — мифологический рассказ и проблема генезиса сюжетного повествования — посвящена анализу китайской художественной прозы сяошо, долгое время находившейся вне сферы внимания традиционной китайской науки о литературе, анализу одной из наиболее демокра-

тических, популярных в народе областей китайской литературы. Работа К. И. Гольгиной как бы устраняет это досадное белое пятно, которое оставалось очень мало исследованным и в наше время — как в Китае, так и на Западе.

Значение этой работы обусловлено еще и тем, что она является своего рода недостающим звеном, смыкающим между собой исследования более поздней танской новеллы (работы О. Л. Фишман, И. И. Соколова, К. И. Гольгина) и предыдущей, древней прозы философско-мифологического характера (Б. Л. Рифтин и др.).

Следующая работа К. И. Гольгиной — «Новелла средневекового Китая. Истоки сюжетов и их эволюция» (1980) посвящена изучению средневековой новеллы VII—XIV вв. — важнейшего аспекта истории литературы Китая. Именно в этих жанрах воплотились ранние этапы литературного процесса — складывание элементов будущей прозы и формирование на этой базе фабульного повествования. Выбор темы, ее значимость для изучения литературного процесса не вызывает сомнения уже потому, что проблема возникновения беллетристического повествования еще не была предметом исследования ни в советской, ни в зарубежной синологии. Кроме того, изучение истоков беллетристической прозы в Китае и закономерностей ее формирования важно для понимания сходных явлений и в других странах Дальневосточного региона.

Поставленную задачу (исследование генезиса и формирования новеллистической прозы) К. И. Гольгина решает на обширном материале, привлекая в том числе малоизвестные и неизвестные, впервые вводимые в научный обиход тексты (среди последних — редкий ксилограф XVI в. из собрания Гарвардского университета, содержащий ряд новел XIII—XIV вв., отсутствующих в других сборниках).

*(Окончание в следующем номере)*

В первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции зарубежная публицистика уделяла много внимания как самому этому событию, так и проблемам создания нового общественного строя в России. Большинство буржуазных авторов, естественно, подчеркивало свое негативное отношение к социализму вообще и к первому в мире социалистическому государству в частности. С другой стороны, появилась целая плеяда литераторов, симпатизировавших Советской России, которые в своих произведениях, вслед за американским журналистом Джоном Ридом и его известной книгой «Десять дней, которые потрясли мир», изданной в 1918 г., заинтересованно и непредвзято повествовали о начале строительства нового общества в огромной стране. Среди этих авторов можно назвать чешского публициста Б. Шмерала, его соотечественника писателя И. Ольбрахта, французского литератора П. Вайяна-Кутюрье, а также Ю. Фучека, Г. Уэллса, Р. Тагора, А. Р. Вильямса, У. Гуда, М. Ф. Прайса и др. В начале 20-х годов серия зарубежной публицистики о Советской России была продолжена в Китае литератором-марксистом Цюй Цюбо, находившимся в то время в Москве в качестве корреспондента газеты «Чэньбао», писавшим очерки и корреспонденции о нашей стране, а впоследствии опубликовавшим две книги: «Путевые заметки о новой России» и «Воспоминания о Красной столице».

В 30-х годах все возрастающий интерес к СССР в Китае выразился в создании следующего ряда произведений о стране социализма, написанных прогрессивными китайскими литераторами нового поколения. Среди этих работ надо упомянуть «Впечатления о Москве» Ху Юйчжи, «Записки о виденном и слышанном в СССР» Линь Кэдо, «С Северо-Востока в Советский Союз» Гэ Гунчжэня, заметки и статьи Ван Хунсюня, Ли Фуцина, Лю Цзэжуна, Сун Шутана и др. Первое место в этом ряду, без сомнения, принадлежит книге Цзоу Таофэня «Воспоминания скитальца».

Выдающийся публицист, талантливый журналист и издатель, популярный общественный деятель Цзоу Таофэнь (1895—1944) известен как сторонник прогресса, демократии и борец за национальное освобождение Китая. Его активное участие в общественной жизни страны, как и его произведения, сыграли заметную роль в революционно-патриотическом воспитании китайского народа.

Тематический диапазон его выступлений в печати чрезвычайно широк: от полемических статей, художественных репортажей и материалов, разоблачающих фашизм, до заметок, посвященных китайской медицине, национальной борьбе «ушу», дыхательной гимнастике «тайцзицюань» и истории возникновения авиации. Кроме этих работ и очерков о Советском Союзе, в творческом наследии Цзоу Таофэня — статьи о борьбе китайского народа против японской агрессии, «Избранные переводы» из работ основоположников марксизма-ленинизма, книги «О советской демократии», «Пережитое», «Воспоминания оставшегося в живых», «Горький — классик революционной литературы», путевые заметки о поездке по странам Западной Европы и США и многие другие произведения. Особое место в этом наследии занимают статьи о важности сохранения и укрепления китайско-советской дружбы<sup>1</sup>.

Накануне победы народной революции и в первое десятилетие после образования КНР в Китае вышел ряд работ, рассказывающих о жизни и творчестве Цзоу Таофэня, биографические книги Ян Мина и Му Синя, сборники воспоминаний о китайском публицисте и др.<sup>2</sup>, в 1948 г. на Северо-Востоке страны было создано издательство его имени, в Пекине в октябре того же года открыта библиотека имени Цзоу Таофэня, а в 1957 г. опубликовано трехтомное собрание сочинений, в которое вошли произведения, написанные за многие годы журналистской деятельности. Наконец, в 1958 г. в Шанхае, где Цзоу Таофэнь провел большую часть своей жизни, была восстановлена его Дом-квартира и открыт Мемориальный музей.

После окончания «культурной революции», во время которой заслуги Цзоу Таофэня в патриотическом движении замалчивались, китайская общественность вновь занялась изучением его жизни и творчества, причем интерес к этим вопросам продолжает возрастать. В последнее время в КНР ежегодно публикуются многочисленные статьи, воспоминания, специальные монографии и другие материалы, посвященные Цзоу Таофэню, которого китайские авторы ставят в один ряд с лучшими представителями прогрессивной интеллигенции страны. Вновь обратился к истории жизни китайского публициста Му Синь: в июне 1985 г. пекинское издательство «Жэньминь чубаньшэ» выпустило его книгу о жизненном пути Цзоу Таофэня. Широко отмечалось в КНР сорокалетие со дня его смерти: большинство крупнейших периодических изданий опубликовало на своих страницах материалы о тех или иных аспектах его деятельности, а шанхайское издательство «Сюелинь чубаньшэ» подготовило «Систематизированный погодиный каталог»

<sup>1</sup> См.: С. Р. Белоусов. Цзоу Таофэнь — поборник китайско-советской дружбы. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1.

<sup>2</sup> См.: Ян Мин. Скитания Таофэня. Пекин, 1951; Му Синь. Цзоу Таофэнь. Пекин, 1958; Учитесь у Таофэня. Харбин, 1948; Путь Таофэня. Пекин, 1958.

его произведений и переводов с предисловием, написанным одним из известнейших в прошлом демократических деятелей Китая, а в последнее время — заместителем председателя ПК ВСНП Ху Юйчжи.

Углубленная и разноплановая научно-исследовательская работа ведется в Мемориальном музее и Доме-квартире Цзоу Таофэня, расположенных в квартале Ваньфан на улице Чунцин-наньлу в Шанхае. Во время научной командировки в КНР мне удалось побывать в этом двухэтажном доме с мансардой, где Цзоу прожил около 7 лет (с 1930 по 1936 г.), побеседовать с сотрудниками музея и его директором — дочерью Цзоу Таофэня — Цзоу Цзяли. Экспонаты музея рассказывают о жизненном пути китайского публициста в хронологическом порядке: школьные годы и первая статья (еще рукописная), учеба в университете, начало журналистской работы и общественной деятельности, поездка по странам Западной Европы, США и Советскому Союзу, участие в антияпонском движении, сближение с коммунистами, репрессии гоминьдановских властей, болезнь и смерть. Здесь же — личные вещи, документы, черновики, фотография и т. п. В Доме-квартире наибольший интерес вызывает, конечно, рабочий кабинет — небольшая скромная комната, всю обстановку которой составляют письменный стол и два книжных шкафа. Среди книг немало посвященных развитию журналистики в различных странах, биографии известных писателей и политических деятелей (Т. Мор, Т. Драйзер и А. П. Чехов, Дж. Вашингтон, Ф. Лассаль, Г. В. Плеханов и др.), англоязычные брошюры антифашистского содержания, а рядом — работы по истории социалистического движения, книги и материалы, рассказывающие об Октябрьской революции и Советской России. В беседе с Цзоу Цзяли выяснилось, что в ознаменование 90-летия со дня рождения Цзоу Таофэня издательство «Сюелинь чубаньшэ» готовится в ближайшее время выпустить солидный сборник «Памяти Таофэня», в который вошли статьи и воспоминания (в общей сложности более 100) таких крупнейших деятелей Китая, как Чжу Дэ, Сун Цинлин, Чэнь И, Мао Дунь, Шэнь Цзюньжу, Го Можо, Ху Юйчжи, Ся Янь, Чжэн Чжэньдо и др. Цзоу Цзяли рассказывала и о том, как много, напряженно и интересно приходится работать в связи со сбором и систематизированием редких материалов, касающихся патриотической деятельности Цзоу Таофэня в Гонконге, в условиях преследования со стороны реакционных властей (сначала гоминьдановских, а позже японских), а также связанных с его общественной-политической деятельностью в советских опорных районах сопротивления японской агрессии (на Севере страны), куда Цзоу нелегально переехал в октябре 1942 г., и, главное, в связи с выяснением малоизвестных подробностей эмигрантского периода его жизни, прежде всего со временем пребывания в СССР.

\* \* \*

Как общественный деятель, публицист и издатель Цзоу Таофэнь активно участвовал в национально-освободительной борьбе китайского народа против японской агрессии. Он редактировал и издавал несколько газет и журналов, им было написано огромное число статей, в которых автор, разоблачавший националистическую и антинародную направленность гоминьдановской политики, предстает как мастер патриотической пропаганды. «Читая его журналы, — писала «Гуанмин жибао», — молодежь воспринимала новую идеологию, проникалась горячим патриотизмом и решимостью к борьбе против империализма и феодализма».

Из возглавлявшихся Цзоу Таофэнем изданий прежде всего надо упомянуть шанхайский еженедельник «Шэнхо» (выпуск которого возобновлен сегодня в КНР и который превратился сейчас в наиболее популярное издание шанхайской молодежи). Цзоу Таофэнь руководил им в общей сложности 15 лет (с 1926 г.), и тираж его вырос за это время с 2800 до 200 тыс. (1) экз., что не имело прецедентов в истории журнального дела в Китае. Резонанс публицистических выступлений Цзоу Таофэня был огромным. Му Синь пишет в предисловии к своей книге о нем: «Среди китайских писателей и публицистов было немного таких, чьи произведения находили столь широкую читательскую аудиторию и имели такое значение для своего времени, как произведения Цзоу Таофэня»<sup>3</sup>.

В эти годы Цзоу активно выступает и как общественный деятель. В начале 1933 г. его избирают в исполком Лиги защиты демократических прав, созданной по инициативе Цай Юаньлэя и Сун Цинлин. (В руководство этой организации входил и Лу Синь.) Основные цели ее — оказание помощи политическим заключенным, борьба против не-

<sup>3</sup> Му Синь. Указ. соч., с. 2. Во время поездки по Китаю мне удалось встретиться и побеседовать с теми китайскими деятелями, которые лично знали Цзоу Таофэня, вместе с ним или под его руководством участвовали в патриотическом движении, охватившем Китай в годы японской агрессии. Среди них — зам. председателя сычуаньского комитета Демократической лиги Китая Чжао Имни, зам. гл. редактора газеты «Чунцин чжэнсебао» Яо Цзянпин, проректор сычуаньского Института изучения социализма Чжоу Шоучжан и др. В ходе бесед все они говорили о том, какое большое значение имели для них — тогда совсем еще молодых людей — контакты с Цзоу Таофэнем, публицистический талант, организаторские способности и сама судьба которого являли собой пример патриотической самоотверженности и политической принципиальности.

законных арестов и репрессий против патриотов. Лига выступала также за свободу слова и собраний.

Прогрессивный характер публицистической деятельности Цзоу Таофэня, его активное участие в работе Лиги защиты демократических прав в условиях гоминьдановского террора не прошли безнаказанно. Имя его попало в «черный список», и после того, как в июне 1933 г. на улице Шанхая был убит секретарь Лиги Ян Синфо, а в декабре закрыт еженедельник «Шэнхо», Цзоу Таофэнь вынужден был эмигрировать.

В 1933—1934 гг. Цзоу Таофэнь побывал во многих странах Западной Европы — Англии, Ирландии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Голландии и в США, — об этом подробно рассказывают экспонаты Мемориального музея Цзоу Таофэня в Шанхае. После посещения Германии и Италии китайский публицист выступил как непримиримый противник фашизма, убедившись, что этот тоталитарный режим порождает страх и взаимное недоверие в обществе, ведет к свертыванию образования и ликвидации всех элементарных свобод в стране, «кроме свободы фашистской пропаганды». Цзоу Таофэнь раскрыл псевдодемократическую сущность английской системы парламентаризма, показав, что консервативная и лейбористская партии придерживаются, по существу, одних и тех же политических установок, а программы их различаются, по сути, лишь внешними формулировками.

Цзоу Таофэнь обращал внимание прежде всего на классовые антагонизмы, социальную несправедливость и разобщенность в капиталистическом обществе, и симпатии его неизменно оказывались на стороне представителей социальных низов и трудящихся масс. После посещения Ирландии, народ которой формально получил независимость, а фактически оставался в экономической и политической зависимости от Англии, китайский публицист писал: «Мы, родившиеся в Китае, где хозяйничает империализм, невольно проникаемся искренними чувствами солидарности и сострадания к ирландскому народу»<sup>4</sup>. Книга воспоминаний Цзоу Таофэня, посвященная поездке в «цитадель капитализма» США, интересна тем, что правдиво повествует о росте движения социального протеста трудящихся Америки. Автор с большим сочувствием показал активизацию рабочего, негритянского и молодежного движения в стране.

В июле 1934 г. Цзоу Таофэнь приехал в СССР, где прожил два месяца. В Москве он прослушал курс лекций в Летнем институте при МГУ, побывал в Ленинграде и в Крыму, собрал значительный материал и написал более 60 очерков о нашей стране, которые печатались на страницах еженедельника «Шэнхо», а через год вышли отдельной книгой, озаглавленной «Воспоминания скитальца» (в сборник вошли также путевые заметки о посещении стран Западной Европы и США). Этот цикл очерков по своему идейному содержанию и литературной форме можно без преувеличения назвать прекрасным произведением в жанре художественного репортажа, а третья его часть, в которой автор рассказал об СССР, строящем социализм под руководством коммунистической партии, явилась, по выражению Ван Мина, «одой социализму». Цзоу Таофэнь фактически продолжил традиции тех китайских литераторов 20-х годов, которые в своих книгах и статьях «правдиво рассказали в Китае об Октябрьской революции, о В. И. Ленине, о положении в СССР, повели борьбу с клеветой на советский народ»<sup>5</sup>.

В очерке «Впервые в Ленинграде» Цзоу Таофэнь так сформулировал цель своей поездки в Советский Союз: «...Я чувствую настоятельную необходимость познакомиться с социалистическим строительством в материальной и духовной сферах»<sup>6</sup>. Его записки свидетельствуют, как глубоко удалось автору проникнуть в сущность социалистического строя, показать его неоспоримые преимущества по сравнению с миром капитала. Каждый очерк посвящен какой-либо конкретной проблеме, а в целом Цзоу Таофэню удалось создать широкую панораму советской действительности начала 30-х годов. Он сумел заметить самое важное, найти общие закономерности за отдельными явлениями жизни нашей страны и сделал на основе этого правильные выводы об увиденном им в Советском Союзе новом, социалистическом обществе.

Цикл путевых заметок об СССР открывается очерком «Москва с птичьего полета», о котором Му Синь говорил, что это «не просто журналистская статья, а гимн, воспевающий социализм»<sup>7</sup>. Цзоу Таофэнь писал свои заметки о Москве через 12 лет после Цюй Цюбо, видевшего величие этого города в революционном энтузиазме, бьющем в нем через край<sup>8</sup>. Во времена Цюй Цюбо столица жила еще на полувоенном положении, поскольку на окраинах страны продолжалась гражданская война, в самом городе было трудно с продовольствием, не хватало электричества и топлива. Цзоу Таофэнь увидел уже совсем иную Москву, которую он назвал «стрелкой компаса напряженного строительства социализма», правильно осмыслив историческую предпосылку всестороннего развития города, заключающуюся в победе социалистической революции. Некогда бывшая городом особняков и церквей, «старая Москва навсегда ушла в прошлое, — писал китайский публицист. — Ей на смену пришла новая Москва — город тру-

<sup>4</sup> Цзоу Таофэнь. Избранные письма скитальца. Б. м., 1948, с. 24.

<sup>5</sup> О. Б. Рахманин. Дружба советского и китайского народов имеет свою историю и традиции. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, с. 17.

<sup>6</sup> Цзоу Таофэнь. Собр. соч., т. 2. Пекин, 1957, с. 249.

<sup>7</sup> Му Синь. Указ. соч., с. 119.

<sup>8</sup> См.: Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 68.

дящихся, "центральная лаборатория" строительства нового социалистического общества»<sup>9</sup>.

Особое внимание Цзоу Таофэня привлекает проблема создания и функционирования общественных организаций в СССР, в частности профсоюзов. Он сумел понять саму природу и специфику этой организации при социализме, подчеркивал, что, помимо защиты интересов рабочих и служащих, профсоюзы в СССР выполняют и другую важную задачу — повышение трудовой активности и производительности труда, что подразумевает «привлечение всех трудящихся к делу управления государственной экономикой, к непосредственному руководству производственным процессом, что невозможно при капитализме и стало реальным только в СССР»<sup>10</sup>.

Цикл очерков об экономической жизни Советского государства логически делится на две части: первая посвящена созданию промышленного потенциала, вторая — вопросам сельскохозяйственного строительства. Объясняя читателям суть системы управления экономикой в СССР, при которой «сами рабочие участвуют в деятельности органов управления промышленностью снизу доверху», Цзоу Таофэнь акцентировал внимание на вопросах планирования экономических процессов и организации социалистического соревнования, что позволяет «покончить с хаосом, характерным для экономики капитализма, создать единую экономическую систему, ликвидировать опасность возникновения кризисов»<sup>11</sup>. Для очерков Цзоу Таофэня о Советском Союзе вообще характерно сопоставление систем социализма и капитализма: каждая проблема, с одной стороны, рассматривается с точки зрения показа всего нового, что присуще первому в мире социалистическому государству, а с другой — анализу преимуществ социалистического строя перед капиталистическим. В таком сопоставлении, вернее, противопоставлении Цзоу Таофэнь оценивает и положение в сельском хозяйстве СССР, отмечая положительные результаты коллективного ведения хозяйства.

Цюй Цюбо считал, что «если хочешь как следует разобраться в общественной жизни какой-либо страны, ни в коем случае не следует основываться лишь на нескольких законах и декретах». Следуя этому принципу своего известного предшественника, Цзоу Таофэнь стремился совмещать теоретическую учебу с накоплением практического опыта, конкретизируя полученные книжные знания в непосредственных наблюдениях за явлениями советской действительности. Он обследует один из московских районов, посещает рабочую семью, бывает на крупнейших заводах, таких, например, как «Фрезер» и «Динамо» в Москве; в редакции газеты «Правда» знакомится с организацией газетного и печатного дела в Советском Союзе, обращает особое внимание на практику многотиражных изданий и подчеркивает, что только в СССР «широкие массы... в полной мере пользуются правом свободы слова, поскольку органы печати находятся в руках самих трудящихся и выражают их общие интересы». В Музее охраны материнства китайский журналист познакомился не только с основными направлениями и принципами воспитания нового поколения, но и с историей освобождения женщины в СССР. «В других странах, — отмечает Цзоу Таофэнь, — мы тоже часто слышали разговоры об освобождении женщины, но это были только разговоры; в действительности там не было сделано ничего принципиального в этом направлении. В Советском Союзе положение совершенно иное, так как здесь освобождение женщины осуществлено уже на практике»<sup>12</sup>. Затрагивая проблемы социального страхования, Цзоу Таофэнь подчеркивает, что СССР — единственное государство, где медицинское обслуживание осуществляется бесплатно, в то время как трудящиеся других стран «не смеют даже и мечтать об этом».

В середине августа 1934 г. Летний институт при МГУ был закрыт, и Цзоу Таофэнь с группой американских студентов отправился на юг Советского Союза. Сам публицист так объяснял причину выбора именно этого маршрута: «Мы видели, как напряженно трудятся советские люди, надо посмотреть, и как они отдыхают»<sup>13</sup>. В течение двухнедельного путешествия Цзоу Таофэнь побывал в Харькове, Киеве и на Днепродзерже, в Крыму, который он назвал «всемирной здравницей», посетил Севастополь, Одессу, Ялту и 30 августа возвратился в Москву, где прожил еще более полумесяца. Резюмируя свои впечатления от поездки, китайский журналист писал: «...говорят, что если вы приехали в СССР на короткий срок, достаточно осмотреть Москву, чтобы составить для себя общее представление о жизни государства, новом обществе и его людях. Однако поездка на юг Советского Союза убедила меня в том, что вся страна живет в едином ритме со столицей»<sup>14</sup>.

Последний период своего пребывания в СССР Цзоу Таофэнь целиком посвятил изучению культурного строительства в стране. Статьи, касающиеся этой волновавшей его как издателя и публициста проблемы, свидетельствуют о глубоком интересе и уважении Цзоу Таофэня к русской и советской культуре.

Надо сказать, что и до посещения СССР Цзоу Таофэнь внимательно следил за тем, что происходило в Советской России, в частности за развитием литературного процесса.

<sup>9</sup> Цзоу Таофэнь. Собр. соч., т. 2, с. 254.

<sup>10</sup> Там же, с. 325.

<sup>11</sup> Там же, с. 323.

<sup>12</sup> Цзоу Таофэнь. Избранные письма скитальца, с. 98.

<sup>13</sup> Цит. по: Му Синь. Указ. соч., с. 119.

<sup>14</sup> Цзоу Таофэнь. Собр. соч., т. 2, с. 266.

Известный китайский литератор Мао Дунь в 1934 г. отмечал, что «Октябрьская революция уже научила китайскую молодежь узнавать свои задачи и свою роль. Великий, богатый урожай на литературной ниве Советского Союза дал ей направление в литературной работе». Поэтому представляется закономерным интерес Цзоу Таофэня к жизни и творчеству А. М. Горького — основоположника новой пролетарской литературы в СССР. Этот интерес нашел свое конкретное выражение в создании биографии Горького, в которой впервые в Китае систематически и подробно были освещены факты жизни советского писателя, ряд аспектов его творчества. Эта книга занимает особое место в литературном наследии Цзоу Таофэня, и не случайно истории ее создания посвящен целый стенд в шанхайском музее.

Китайский публицист начал работу над биографией Горького в конце 1932 г., а в июле 1933 г. ее первоначальный вариант был опубликован в шанхайском издательстве «Шэнхо шудянь» под названием «Горький — классик революционной литературы». Книга сразу же завоевала значительную аудиторию и «была с энтузиазмом встречена широкими кругами читателей, в особенности — молодежью»<sup>15</sup>. Она пользовалась столь большим спросом, что уже через три месяца появилось второе ее издание, а спустя год — третье, что нельзя не признать из ряда вон выходящим событием в условиях гоминьдановской цензуры. Всего с 1933 по 1947 г. книга Цзоу Таофэня о Горьком выдержала восемь (!) изданий. Отмечая популярность этого произведения и его большое революционизирующее значение для Китая 30-х годов, Му Синь писал: «Как и многие интеллигенты, мои современники, в молодые годы я испытал влияние Цзоу Таофэня. Редактируемые им издания, и особенно книга о Горьком, имели огромную воодушевляющую силу и помогли вступить на путь революции»<sup>16</sup>.

Работа Цзоу Таофэня получила одобрение таких корифеев современной китайской литературы, как Лу Синь и Цюй Цюбо. Первый не только высоко оценил издание биографии Горького, но и оказал автору практическую помощь в подготовке ее к печати, в частности подобрал к ней иллюстрации из своего личного архива. Несмотря на отдельные недостатки, работа Цзоу Таофэня, явившаяся первой наиболее подробной биографией А. М. Горького в Китае, сыграла заметную роль в ознакомлении китайского читателя того времени с жизнью и творчеством великого советского писателя, способствовала развитию культурных связей и взаимопроникновению литератур двух стран.

Находясь в Москве, Цзоу Таофэнь написал Горькому письмо, в котором рассказывал о своем творчестве, о пропаганде идей социализма в Китае, о большой популярности Горького у китайских читателей, о еженедельнике «Шэнхо», задачей которого называл «пропаганду социализма и поддержку советского движения в Китае», подчеркивал, что посещение Советского Союза представляет для него огромный интерес. Упомянув об изданной им биографии Горького, китайский публицист пишет, что «молодое революционное поколение горит желанием подробнее познакомиться с Вашей жизнью и творчеством». В заключение Цзоу Таофэнь выражал надежду на возможность личного знакомства с советским писателем<sup>17</sup>. Ему, однако, не удалось встретиться с Горьким, так как тот вопреки ожиданиям еще не вернулся в Москву ко времени отъезда китайского журналиста из СССР, о чем последний с сожалением вспоминал спустя два года. Позже, биографическую книгу Цзоу Таофэня передал Горькому китайский поэт Эми Сяо (Сяо Сань).

Возвращаясь к оценке очерков Цзоу Таофэня, посвященных культурному строительству в СССР, следует отметить, что автора волновали различные стороны этой проблемы, в частности развитие театрального искусства и кинематографии. Как раз в это время, в начале и середине 30-х годов, развиваются и укрепляются культурные связи между СССР и Китаем в области театра и кино. В 1930 г. на китайской сцене впервые была поставлена пьеса А. П. Чехова «Дядя Ваня», а в 1936 г. осуществлена инсценировка романа Л. Н. Толстого «Воскресение». В июне 1933 г. в Москве состоялась Международная олимпиада революционных театров, на которой Китай представлял Оуян Юйцзянь. Наконец, в 1935 г. было создано Общество культурных связей Китая и СССР, в правление которого вошли многие известные деятели культуры; по инициативе этой организации в том же году на гастроли в Москву приехал выдающийся китайский актер Мэй Ланьфан. Что касается кинопостановок, то еще в 1928 г. на советский экран вышел документальный фильм Я. Блпюха «Шанхайский документ», который «впервые обстоятельно ознакомил советских зрителей с жизнью и революционной борьбой китайских трудящихся, потрясающими социальными контрастами полукOLONиального города»<sup>18</sup>. В свою очередь советские кинофильмы также начинают проникать в Китай. В годы антияпонской войны, несмотря на запрещения гоминьдановских властей, в Китае демонстрировались такие фильмы, как «Счастливая юность», «Мы из Кронштадта», «СССР сегодня», «Летчики» и др. Людям, которых «в течение многих лет

<sup>15</sup> 葛 巴 奥 云 安 妮. Цзоу Таофэнь и Горький. — В кн.: Путь Таофэня, с. 273.

<sup>16</sup> Там же, с. 245.

<sup>17</sup> В Доме-квартире Цзоу Таофэня в Шанхае экспонируется копия этого письма, а подлинник хранится в Доме-музее Горького в Москве. Полный текст письма Цзоу Таофэня Горькому см.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960.

<sup>18</sup> Очерки истории советского кино, т. I. М., 1958, с. 212.

пичкали антисоветской клеветой, кинокартины открывали глаза; они были поражены грандиозными успехами советского народа в социалистическом строительстве...»<sup>19</sup>.

В такой ситуации появление цикла очерков Цзоу Таофэня о советской культуре было чрезвычайно своевременным, поскольку также помогало китайским читателям реально осознать сущность культурного строительства в социалистическом государстве и объективно оценить его успехи. В очерке «Театр и кино в СССР» автор отметил значительные перемены в развитии советского театра, «которые отражают огромные изменения, происходящие в политической и экономической жизни страны», например новый социальный состав зрительской аудитории, превращение театра в «искусство для народа», быстрое увеличение числа театральных коллективов и активное распространение детского театрального искусства<sup>20</sup>. Касаясь вопросов развития советского кино, китайский публицист выделяет некоторые его отличительные черты, обусловленные, в частности, целью советских постановок, которая заключается «в отражении на экране побед, одержанных народом в революционной борьбе и строительстве нового общества». «Смысл кинофильмов, создаваемых в СССР, — пишет Цзоу Таофэнь, — не в показе „героя“ или „звезды“. Идейное содержание их фильмов заключается в том, чтобы дать понять и почувствовать зрителю — в истории человечества наступила новая эра!»<sup>21</sup> Огромное впечатление на китайского журналиста произвел фильм «Три песни о Ленине». В статье с одноименным названием он рассказывает об этой документальной ленте — кинопамятнике вождю Октябрьской революции, созданном советским режиссером Дзигой Вертовым; Цзоу Таофэнь подчеркивает, что нигде ему еще не приходилось видеть фильма, сделанного на таком высоком уровне профессионального мастерства.

В. И. Ленину Цзоу Таофэнь посвящает немало страниц в своих записях. В первый же день своего пребывания в Москве он побывал на Красной площади, посетил Кремль и Мавзолей Ленина, «исторические вехи, напоминающие о славном прошлом и героическом настоящем этого города». В очерке «Мавзолей Ленина» Цзоу Таофэнь пишет, что «вождь Октября умер, но он продолжает жить в сердцах тех, кому дороги идеалы свободы и справедливости. Его тридцатилетняя политическая деятельность — это история самоотверженной борьбы за счастье народа»<sup>22</sup>. В статье «Два музея» китайский публицист останавливается на проблемах развития революционного движения в России и упоминает в этом контексте работу Ленина «Большевики должны взять власть», которая, по его словам, «имела огромное значение для правильного решения вопроса о руководстве пролетарской революцией». Накануне отъезда в Лондон Цзоу Таофэнь провел три дня в Ленинграде, где ему удалось побывать в кабинете В. И. Ленина в Смольном — «простой комнате, которая была центром и сердцем тех „десяти дней, которые потрясли мир“».

Тема культурного строительства в книге очерков Цзоу Таофэня тесно связана с проблемой создания новой системы обучения в Советском Союзе как одной из частей курса ВКП(б) на проведение революции в области культуры. Этот вопрос также волновал его как журналиста из Китая — страны, где огромное большинство населения было неграмотным. Цзоу Таофэнь выделяет некоторые главные особенности системы образования в СССР, прежде всего массовость и общедоступность, бесплатный характер и тому подобное. Основной вывод, сделанный на основе своих наблюдений, китайский литератор сформулировал так: «Система образования в Советском Союзе непосредственно связана с общим планом построения социалистического общества... Главная цель обучения и воспитания молодежи — вырастить полезных членов общества, активно участвующих в деле социалистического строительства»<sup>23</sup>.

В статье «Общее впечатление от поездки в СССР» Цзоу Таофэнь подводит итог всему виденному им в Советском Союзе, обобщает политический опыт, приобретенный в стране социализма. Однако, отмечая грандиозные успехи советских людей в деле строительства нового общества, он не приукрашивает картину. Цзоу Таофэнь видел трудности и честно писал о существующих недостатках, понимая, что они «достались в наследство от старого строя».

Велико было значение очерков Цзоу Таофэня о Советском Союзе, которые в гоминьдановском Китае считались коммунистической пропагандой. Они оказали известное влияние на формирование революционных сил китайского народа, на активизацию его национально-освободительной борьбы. Каждая строчка, посвященная пребыванию в СССР, проникнута чувством глубокой симпатии к стране и ее людям. То есть китайский публицист не был беспристрастным наблюдателем; он ставил перед собой вполне определенную задачу: не только осознать для себя теорию и практику социалистического строительства, но и рельефно показать преимущества нового общественного строя, с тем чтобы сделать возможным и реальным для Китая развитие по пути социализма. «Жизнь в Советском Союзе прекрасна, — писал Цзоу Таофэнь. — Отчего она не может быть такой же и у нас, в Китае?»

<sup>19</sup> М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 267.

<sup>20</sup> См.: Цзоу Таофэнь. Собр. соч., т. 2, с. 457—459.

<sup>21</sup> Там же, с. 457.

<sup>22</sup> Цзоу Таофэнь. Собр. соч., т. 2, с. 362.

<sup>23</sup> Там же, с. 333.

В сентябре 1934 г. Цзоу Таофэнь уезжает из СССР в Англию. Здесь, в библиотеке Британского музея в Лондоне, он занялся серьезным изучением биографий классиков марксизма-ленинизма и основополагающих произведений марксистской литературы, перевел и законспектировал некоторые из них. Составленная им на основе этих записей книга «Избранных переводов» состоит из трех основных разделов — о К. Марксе, Ф. Энгельсе и В. И. Ленине. В ней содержатся, в частности, переводы «Послесловия ко второму изданию „Капитала“» и «Предисловия к „Критике политической экономии“» К. Маркса, предисловия Энгельса к книге «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» и др. Раздел о В. И. Ленине составлен на основе книги члена ЦК английской компартии Р. П. Датта «Жизнь и учение В. И. Ленина». Интересны те примечания и комментарии, которые дает Цзоу Таофэнь к переводам. Они со всей очевидностью свидетельствуют о его возросшем интересе к теории научного социализма вообще и возможности ее применения в Китае в частности.

Таким образом, посещение СССР не только помогло Цзоу Таофэню найти ответ на важнейший (и так волновавший китайскую интеллигенцию) вопрос о перспективе развития Китая, но и определило характер его дальнейшей публицистической и общественной деятельности, стремление к пропаганде марксистской теории, социалистического образа жизни и опыта СССР. Возглавлявшееся им издательство «Шэнхо» начало регулярно выпускать произведения основоположников марксизма-ленинизма и работы по истории марксистской мысли. Один из стендов Дома-квартиры в Шанхае подробно рассказывает об этих изданиях, среди которых — «Тезисы о Фейербахе», «Гражданская война во Франции» и фрагменты «Капитала» К. Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельса, «Государство и революция» В. И. Ленина и др. Другим конкретным направлением этой деятельности стала активная и систематическая популяризация правдивых материалов о Советском Союзе, принадлежавших прогрессивным китайским авторам того времени. В частности, Цзоу Таофэнь отредактировал и опубликовал книгу очерков «С Северо-Востока в Советский Союз», написанную его единомышленником, известнейшим китайским журналистом Гэ Гунчжэнем, работавшим с 1933 по 1935 г. в Москве в качестве корреспондента газеты «Дагун бао».

Гэ Гунчжэнь (1890—1935) был заметной фигурой в китайских журналистских кругах. Достаточно сказать, что его перу принадлежит крупная работа «История китайской журналистики», явившаяся первым подробным исследованием по проблеме за всю историю страны. На большом фактическом материале автором дан ретроспективный анализ периодической печати в Китае от момента зарождения и до «движения 4 мая» 1919 г., ее оценка и перспективы развития в новую эпоху. Книга эта неоднократно переиздавалась (пятое издание вышло в 1955 г.) и в силу малоизученности проблемы продолжает сохранять актуальность и в наши дни, о чем свидетельствует и сегодняшняя китайская печать<sup>24</sup>.

Гэ Гунчжэнь был первым в истории Китая официальным зарубежным корреспондентом, аккредитованным в европейских столицах. Он посетил в этом качестве многие западноевропейские государства, Японию и США, освещал ход различных международных форумов, интересуясь внутривнутриполитической обстановкой в этих странах и ситуации в области журналистики. Интерес к теории и практике социализма обусловил стремление китайского журналиста посетить СССР. После того как в декабре 1932 г. были восстановлены двусторонние отношения между СССР и Китаем, Гэ Гунчжэнь вместе с дипломатической делегацией своей страны выехал в Москву, где провел около 3 лет.

Как корреспондент «Дагун бао», Гэ Гунчжэнь жил и работал в основном в Москве, «политическом центре мирового социалистического движения», писал о В. И. Ленине, «творце практического социализма». Но он и немало ездил по Советскому Союзу, бывал во многих городах и на крупнейших стройках Украины, Закавказья, Урала и Сибири. На основе полученных впечатлений он написал множество репортажей, в которых рассказал о ходе выполнения второго пятилетнего плана, отразил положение в деле коллективизации сельского хозяйства, индустриализации промышленности и всестороннего развития культуры, акцентируя внимание на проблемах журналистики. Его корреспонденции печатались на страницах газеты «Дагун бао» и других печатных органов, таких, как «Шицзе чжиши», «Говэнь чжоубао» и «Шэнхо».

Известный китайский литератор Гэ Баоцюань вспоминал: «В марте 1935 г. я впервые приехал в Москву, и Гэ Гунчжэнь сказал мне: «Китай и Советский Союз во многом похожи... Мы должны наблюдать за нынешним строительством в СССР, учиться у них и перенимать опыт этого строительства. Сегодняшний день этой страны дает нам представление о перспективе развития Китая в недалеком будущем»<sup>25</sup>. Гэ Гунчжэнь встречался в Москве с Цзоу Таофэнем, который впоследствии высоко оценил журналистику». Пекин, 1955, с. 6.

<sup>24</sup> См.: «Гуанмин жибао», 15.III.1982. В конце 1985 г. общественность КНР отмечала 95-летие со дня рождения Гэ Гунчжэня. В Пекине было проведено торжественное заседание, посвященное этому событию и организованное Министерством культуры КНР, Федерацией журналистов Китая и Китайским обществом издателейских работников. Репортаж о нем транслировался по Центральному телевидению КНР.

<sup>25</sup> Гэ Баоцюань. Предисловие к книге Гэ Гунчжэня «История китайской журналистики». Пекин, 1955, с. 6.

листскую деятельность Гэ Гунчжэня, направленную на укрепление дружбы и доверия между китайским и советским народами.

После смерти Гэ Гунчжэня Цзоу Таофэнь собрал все его многочисленные репортажи и заметки о Советском Союзе (их оказалось более сотни), отредактировал и опубликовал. Первое издание книги «С Северо-Востока в Советский Союз» вышло через месяц после смерти автора, в ноябре 1935 г., в издательстве «Шэнхо». Сборник статей был встречен с большим интересом, о чем свидетельствует тот факт, что он был переиздан четыре раза в течение года.

Помимо очерков об СССР, Цзоу Таофэнь как издатель продолжал пропагандировать русскую и советскую литературу в Китае. Издательство «Шэнхо» выпустило в свет немало произведений наших крупнейших писателей, в частности «Мертвые души» Н. В. Гоголя в переводе Лу Синя, а также переводы некоторых произведений А. С. Пушкина, А. П. Чехова, А. А. Фадеева и др. Сегодня эти издания экспонируются в Мемориальном музее Цзоу Таофэня. Кроме того, китайский литератор еще не раз возвращается к личности и творчеству А. М. Горького; в статье, посвященной его памяти, Цзоу Таофэнь оценивает последний период жизни и творчества Горького, называет его «подлинно народным писателем».

Эволюция в мышлении Цзоу Таофэня привела его не только к пониманию важности популяризации советской литературы и произведений китайских авторов, правдиво повествующих о положении в СССР, но и определила его стремление к пропаганде опыта Советского Союза в области политической организации общества. В мае 1939 г. Цзоу Таофэнь закончил перевод и редактирование работы «О советской демократии», вышедшей в свет в июле того же года и «познакомившей китайского читателя с демократическим духом, пронизывающим все стороны жизни народа в СССР»<sup>26</sup>.

О Цзоу Таофэне писали такие известные литераторы и общественные деятели Китая, как Мао Дунь, Чжэн Чжэньдо, Ся Янь, Ба Цзинь, Тао Синчжи, Сяо Сань и др. Все они в своих заметках и воспоминаниях обращают внимание на то, что посещение Советского Союза убедило Цзоу Таофэня в необходимости развития отношений дружбы и сотрудничества с СССР. Цзоу Таофэнь стал одним из тех литераторов, которые разоблачали антисоветские инсинуации гоминьдановской пропаганды и открывали глаза тем, кто оказывался ее жертвой. Его публицистические выступления имели большое значение для правильного понимания китайским народом важности сохранения и укрепления китайско-советской дружбы в условиях, когда гоминьдановское правительство инспирировало антисоветские выпады реакционной китайской прессы, стараясь дискредитировать СССР в глазах Китая. Цзоу Таофэнь вновь и вновь обращался к народу своей страны, объяснял, кто является его подлинными друзьями и соратниками, подчеркивал, что Китаю необходимо в первую очередь установить дружественные отношения с Советским Союзом, «страной, которая не вынашивает агрессивных планов в отношении других государств», решительнее всех борется с фашизмом и «расценивает победу Китая в антияпонской войне и как свою собственную победу»<sup>27</sup>.

В начале 1986 г. в Пекине была открыта выставка, организованная факультетом журналистики Народного университета Китая совместно с редакцией «Бэйцзин жибао» и посвященная истории китайской периодической печати. Одно из центральных мест на ней было отведено стенду Цзоу Таофэня, различным аспектам его многогранной журналистской, издательской и общественной деятельности. В представленном здесь номере газеты «Гуанмин жибао» говорится: «Всю свою жизнь Цзоу Таофэнь стремился к правде со всей силой своей боевой натуры». Действительно, именно искреннее желание найти единственно правильный ответ на вопрос о перспективе развития Китая и всего человечества помогло Цзоу Таофэню, представителю демократического крыла китайской буржуазной интеллигенции, преодолеть ограниченность своего класса и прийти к пониманию марксизма. С этой точки зрения поездка китайского публициста в СССР послужила поворотным моментом в развитии его мировоззрения. Знакомясь с историей революционного движения и социалистическим строительством в Советском Союзе, Цзоу Таофэнь находил принципиальные ответы на основные вопросы борьбы китайского народа за независимость и демократию. Его цикл очерков о нашей стране, воссоздающий правдивый образ социалистического государства и его народа, популяризация марксистской теории и творчества А. М. Горького, пропаганда опыта Октябрьской революции — все это позволяет без преувеличения назвать Цзоу Таофэня глашатаем тех подлинно прогрессивных революционных сил Китая, которые видели свою главную задачу в борьбе с реакцией, за демократию и национальное освобождение, за дружбу с СССР.

Шанхай — Пекин — Москва, 1986 г.

С. Р. БЕЛОУСОВ

<sup>26</sup> Ч ж а н Ч ж у н ш и. Выдающийся представитель китайской нации. — В кн.: Путь Таофэня, с. 49.

<sup>27</sup> Цзоу Таофэнь. Собр. соч., т. 1, с. 193, 293—294.

## ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

## Перестройка структуры управления предприятиями в Китае

Уже в течение восьми лет в Китайской Народной Республике проводится экономическая реформа. Она охватила все основные отрасли экономики страны. Главным содержанием экономической реформы в городах, как отмечает «Жэньминь жибао» (6.V.1986), является «укрепление, освоение, пополнение и совершенствование». Под «совершенствованием» в Китае подразумевают не только техническое перевооружение народного хозяйства, но и улучшение системы управления, расширение самостоятельности предприятий.

Одним из важных направлений реформы системы управления предприятиями китайское руководство, судя по публикациям печати КНР, рассматривает повышение их самостоятельности, освобождение от мелочной опеки сверху и оптимизацию самой структуры непосредственного управления предприятиями путем внедрения «системы ответственности директоров». С этой целью предусматривается перераспределение ответственности за состояние дел между парткомами и директорами предприятий. В ходе этой реформы, как пишет «Гунжэнь жибао» (7.VI.1986), секретари парткомов должны осознать необходимость предоставления всех прав по руководству производственной деятельностью директорам предприятий, понять, что парткомы должны заниматься не административной работой, а исполнять функции контроля и обеспечения. В настоящее время, пишет газета, система личной ответственности директоров в опытном порядке действует более чем на 20 тыс. предприятий. Практика показала, делает вывод газета, что система «позволяет обеспечить твердое руководство производством и эффективное управление деятельностью предприятий в целом в условиях углубляющегося производственного разделения труда и специализации, повышения технических и технологических требований, усложнения кооперативных связей и других особенностей».

Печать КНР, китайские руководители различных рангов расценивают внедрение системы ответственности директоров как «инструмент комплексного проведения реформы внутри предприятий». Осуществляемая в настоящее время реформа системы управления, пишет «Гунжэнь жибао» (7.VI.1986), находится на переломном этапе, на этапе «замены старой структуры новой». При этом старая структура «еще выполняет свою роль, а новая пока не совершенна». Хозяйственная перестройка — динамичный и сложный процесс, в ходе разрывания которого идет поиск новых, более рациональных структур, и в настоящее время, отмечает газета, предприятия, являющиеся «первичной клеточкой социально-экономического организма», оказались в фокусе перестройки.

«Гунжэнь жибао» приводит высказывания директоров о трудностях выполнения административных функций в условиях, когда в ходе перестройки управления юридическая основа не совершенна. Эти трудности, указывает китайская печать, объяснимы и естественны. Многие годы в стране действовала система «коллективного руководства со стороны парткомов». Переход к системе ответственности директоров, указывается в комментарии «Гунжэнь жибао» (11.VI.1986), представляет собой грандиозное, крупномасштабное преобразование, которое касается не только урегулирования в распределении власти и ответственности между вышестоящими инстанциями и предприятиями, но и предусматривает совершенствование управления и руководства в рамках предприятий. Это длительный и сложный процесс и его нельзя ускорить только директивными методами, отмечает в китайской печати. Многие директора предприятий заявляют, говорится в комментарии газеты «Гунжэнь жибао» (11.VI.1986), что из 30 с лишним положений документов Госсовета КНР, касающихся перестройки управления предприятиями и предоставления им большей самостоятельности, по-настоящему проводится в жизнь не более 7—8 положений. Вышестоящие инстанции, поясняет газета, «отпускают власть, как отпускают бумажного змея, оставляя нить в своих руках». Многие старые взгляды на управление «имеют глубокие корни непосредственно на предприятиях и еще оказывают влияние». В этих условиях, констатирует газета, чтобы претворить в жизнь систему ответственности директоров, «прежде всего необходимо осуществить глубокие преобразования во взглядах и идеях».

В центральной печати КНР в последнее время публикуется много материалов, обобщающих опыт внедрения системы ответственности директоров и приносимые этим положительные результаты. Так, в комментарии «Жэньминь жибао» (5.V.1986) под броским заголовком «Назад пути нет! Только вперед, внедряя систему ответственности директоров!» рассматривается обстановка на ряде пекинских предприятий после начала эксперимента. Эта система в настоящее время действует на 155 пекинских промышленных предприятиях общенародной собственности. Они составляют треть всех промышленных предприятий города и дают свыше 60 % валовой промышленной продукции и налоговых отчислений. Предприятия, участвующие в эксперименте, показывают более высокую экономическую эффективность в сравнении с другими предприятиями. Так, в 1985 г., как отмечает «Жэньминь жибао», валовая стоимость промышленной

продукции всех пекинских предприятий — участников эксперимента возросла в сравнении с предыдущим годом на 15 %, а налоговые отчисления — на 9,4 %, что значительно выше среднего роста соответственно на 4,6 и 2,61 % на других предприятиях. С каждым годом, пишет «Жэньминь жибао», полностью поддерживая эксперимент, растет вклад предприятий — участников эксперимента в экономику государства, растут также доходы рабочих и служащих, что отвечает и интересам государства, и интересам предприятий, и интересам рабочих и служащих.

Предварительные итоги проведения эксперимента, пишет обозреватель «Жэньминь жибао», показывают, что «эта система усиливает жизнеспособность предприятий, повышает их технический уровень и экономическую эффективность». Внедрение системы, по оценке китайских экономистов, позволяет осуществить «комплексную внутреннюю реформу на предприятиях». В текущем году намечается расширить масштабы эксперимента, распространить его еще на 100 предприятий, в результате чего в Пекине, как пишет «Жэньминь жибао», «этой системой будет охвачено более половины предприятий общенародной собственности».

Итоги внедрения системы ответственности директоров, судя по публикациям в китайской печати, подводятся и в других крупных городах. Городской комитет Чжэнчжоу, пишет «Гунжэнь жибао» (12.VI.1986), провел семинар директоров предприятий и секретарей парткомов, на котором изучались проблемы, возникающие в ходе внедрения системы, и исследовались пути их решения. За последние два года, указывает газета, более чем на 90 предприятиях города была реорганизована система управления. Это способствовало оживлению производства, повышению экономической эффективности деятельности предприятий.

В последнее время китайские центральные газеты довольно часто стали помещать информацию о положительном опыте внедрения системы ответственности директоров на отдельных предприятиях. В качестве примера можно привести информацию в «Гунжэнь жибао» (10.VI.1986) об «успехах Второго завода по производству радиокомпонентов в городе Тяньцзинь». За прошлый год, после перехода на систему ответственности директоров, прибыль завода увеличилась на 60 % по сравнению с предыдущим годом, в 2 раза возросло поступление валюты от экспорта. Во второй декаде мая текущего года завод получил три премии за лучшие изделия в отрасли. Во многом, говорится в комментарии газеты, это было достигнуто в результате укрепления руководства предприятием и главным образом в связи с тем, что «решения стали приниматься оперативно и быстро проводиться в жизнь». Ранее же многие ценные предложения просто терялись в ходе длительных обсуждений. Газета приводит пример, когда директор предприятия во время командировки с целью изучения рынка всего за несколько дней подписал ряд выгодных соглашений о кооперировании с местными предприятиями в производстве 2 млн. переменных конденсаторов. Ранее, отмечает газета, на это потребовалось бы много месяцев. В следующем номере, 11 июня, «Гунжэнь жибао» публикует обширный репортаж и комментарий об опыте внедрения указанной системы на цементном заводе в городе Бэнси провинции Ляонин.

В перспективе намечается продолжать расширение рамок ответственности директоров, искать и опробовать новые сферы, в которых можно более эффективно использовать права директоров. Так, на 29 пекинских предприятиях — участниках эксперимента, пишет «Жэньминь жибао» (5.V.1986), в опытном порядке были проведены мероприятия по увязке заработной платы с экономической эффективностью. На большинстве этих предприятий введена система плавающей зарплаты, что, как пишет газета, «в значительной мере стимулировало производственную активность рабочих и служащих».

Система личной ответственности директоров в первую очередь затрагивает и меняет существовавшую практику подбора и расстановки кадров. Ранее подбор кадров был полностью прерогативой парткомов предприятий и вышестоящих организаций. Сейчас за парткомами оставлены лишь контрольные функции. Директора большинства участвующих в эксперименте предприятий, как пишет «Жэньминь жибао», придерживаются следующего порядка при назначении или увольнении управленческих кадров среднего звена: директор намечает кандидатуру и сообщает заместителю директора по кадрам для проверки на ее соответствие должности. Вместе с тем директор предприятия запрашивает мнение парткома по кандидатуре и проводит обсуждение кандидатуры на рабочем совещании, на которое приглашаются ответственные лица от партийных, административных и профсоюзных организаций. На завершающем этапе издается приказ директора предприятия о назначении. При таком порядке подбора кадров, указывает «Жэньминь жибао», на подавляющем большинстве предприятий — участников эксперимента руководителями среднего звена назначены активные, знающие дело, ответственные, морально устойчивые люди, которые компетентно и, как правило, успешно выполняют свои обязанности на предприятии.

«Гунжэнь жибао» (10.VI.1986) сообщает, что на Втором заводе по производству радиокомпонентов заместители директора и начальники ведущих отделов были подобраны директором и назначены приказом сроком на один год. «Раньше, — говорит директор этого завода, — кандидаты на эти должности отбирались и назначались вышестоящими органами. Мы были вынуждены принимать даже тех, кто не соответствовал должности».

Наиболее сложной проблемой при внедрении системы ответственности директоров, судя по публикациям в китайской печати, является перераспределение власти между секретарями парткомов и директорами, установление новых взаимоотношений между парткомами и административными органами. В публикациях китайской печати большое внимание уделяется пропаганде опыта тех секретарей парткомов, которые поддерживают преобразования, меняют свои взгляды. Характерным в этом плане является вынесенная на первую полосу в газете «Гунжэнь жибао» (11.VI.1986) информация под заголовком «Секретарь парткома всемерно поддерживает внедрение системы ответственности директоров» об опыте внедрения системы на цементном заводе в городе Бэнси провинции Ляонин. В прошлом, пишет газета, «не было такого мелкого дела, в которое не вмешивался бы секретарь парткома. Теперь он занимается в первую очередь идейно-политической работой, обеспечивает контроль за деятельностью администрации». Многим, указывает газета, были непонятны действия секретаря, который добровольно отказался от административной власти. Газета со своей стороны оценивает позицию секретаря парткома как соответствующую общей линии руководства партии, как положительный пример для других секретарей. В информации рассказывается о работе парткома по осуществлению мер дирекции, направленных на повышение трудовой дисциплины, помощи парткома администрации в решении ряда производственных задач.

Складывается впечатление, что на местах реформа системы управления предприятиями проходит с большими трудностями, чем в Пекине, где на предприятиях — участниках эксперимента, как пишет «Жэньминь жибао» (5.V.1986), секретари парткомов «с энтузиазмом проводят необходимую работу и искренне поддерживают директоров». Парткомы берут на себя главным образом организационно-пропагандистскую деятельность. Важно, чтобы «партийная работа, — указывает «Жэньминь жибао», — пропитывала весь процесс хозяйственной деятельности, но партийные работники при этом не должны заниматься конкретной хозяйственной деятельностью». В ключевых производственных вопросах, подчеркивает газета, парткомы должны брать на себя организационную инициативу для обеспечения выполнения хозяйственных задач.

«Жэньминь жибао» приводит пример «правильной деятельности» парткома пекинского завода медицинской аппаратуры. Директор завода для того, чтобы ускорить темпы расширения производства, решил передать на другие предприятия изготовление ряда простых деталей и нормалей. Часть рабочих и служащих не понимала важности и выгоды такого решения. В этих условиях, пишет газета, партком провел работу по разъяснению преимуществ, а следовательно, и необходимости разделения производства, кооперирования с другими предприятиями. Упор был сделан на авторитет ветеранов и кадровых технических и управленческих работников. В результате решение директора было воплощено в жизнь и принесло значительные выгоды, пишет газета.

Изменение характера взаимоотношений парткомов с директорами, особенно в проведении кадровой политики, является главным моментом при введении системы личной ответственности директоров. Как пишет «Жэньминь жибао», отношения между партийными и административными органами строятся по новой форме, обеспечивающей хозяйственникам решающую роль в управлении производством.

Вместе с тем многие административно-хозяйственные решения, особенно по важным стратегическим вопросам, на предприятиях — участниках эксперимента, пишет «Жэньминь жибао», принимаются отнюдь не только одним директором. В подготовке большинства решений активно участвуют соответствующие специалисты, партийные, профсоюзные и общественные органы. Так, на Пекинском заводе автомобильных двигателей, приводит пример «Жэньминь жибао», разработана и принята «научная, рациональная система принятия решений». Директор излагает возникшую проблему и намечает цели. Заместители директора создают функциональные группы для изучения и проработки проблемы в своих производственных подразделениях. В этих группах вырабатываются возможные варианты решения и составляются необходимые технико-экономические выкладки. Партийные, административные и профсоюзные организации проводят свой анализ по проекту, дают оценки, осуществляют запросы. Завершается процесс принятия решения производственным совещанием под председательством директора, на котором коллегиально принимается окончательное решение. Ясно, пишет «Жэньминь жибао», что при таком способе принятия решения сохраняется система ответственности директоров, но нет оснований для беспокойства по поводу того, что директор будет принимать важные решения единолично.

В целом, судя по публикациям в китайской печати, заявлениям руководителей КНР, можно видеть, что внедрение системы ответственности директоров уже выходит из стадии эксперимента и становится важным направлением реформы системы управления. Так, Премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян, выступая 15 марта 1986 г. на постоянном совещании Госсовета по результатам проведенного Госсоветом Первого Всекитайского рабочего совещания по проведению структурной хозяйственной реформы в городах, в частности, как пишет «Жэньминь жибао», призвал «по-настоящему проводить в жизнь систему производственной ответственности, еще больше развивать инициативу кадровых работников, рабочих и служащих».

## ОБЗОРЫ. СООБЩЕНИЯ

## Государство и религиозные организации в Китае

*П. М. КОЖИН,  
кандидат исторических наук*

Политика, определяющая отношение к религии и религиозным организациям со стороны КПК и руководства КНР, формируется на протяжении всей истории КНР. Соответствующая деятельность четко распределяется на три основных организационно-функциональных уровня. Это, во-первых, деятельность государственных, прежде всего — законодательных органов, ЦК КПК, руководства Единого фронта. Во-вторых, это работа официально признанных религиозных ассоциаций, учреждений и организаций, осуществляющих непосредственное руководство определенными сферами религиозно-культурной деятельности. В-третьих, жизнь самих религиозных общин разных конфессий. Первые два из вышеуказанных уровней получают подробное освещение в научной печати и публицистике, тогда как третий может быть описан преимущественно по косвенным и трудно проверяемым данным<sup>1</sup>.

Во временной конституции КНР 1949 г. все проблемы были сведены к отношению народной власти и религий национальных меньшинств. Статья 53 гласила: «Все национальные меньшинства пользуются свободой в развитии своих языков и диалектов, в сохранении или совершенствовании своих обычаев, традиций и религиозных установлений».

В конституции 1954 г. отношение к религии сформулировано следующим образом (статья 88): «Граждане КНР пользуются свободой религиозных верований». Таким образом, с одной стороны, свобода вероисповедания распространялась на всех граждан страны, но, с другой — формулировка данной статьи носила абстрактный характер.

В статье 28 конституции 1975 г. речь шла о комплексе демократических свобод (выступлений, переписки, собраний, организаций, процессий, забастовок и т. д.), включая положение «о свободе исповедовать религию и свободе не исповедовать религию, а пропагандировать атеизм».

В конституции 1978 г. это положение выделено в статью 46, что указывало на повышенное внимание к религиозным вопросам. В период действия именно этой конституции начинается возрождение деятельности патристических религиозных организаций, активизация контактов с религиозными кругами за рубежом и общения между религиозными объединениями внутри страны.

Ко времени действия этой конституции относится также введение уголовного кодекса КНР, где имеются статьи, прямо связанные с религиозной проблематикой. Статья 99 предусматривала наказание за «использование феодальных предрассудков, сектантских организаций для осуществления контрреволюционной деятельности», а статья 147 гласила, что подлежат наказанию «государственные должностные лица, незаконно лишающие граждан свободы вероисповедания и нарушающие нравы и обычаи национальных меньшинств». Статья 165 сообщала, что также подвергаются наказанию «колдуны, знахари, которые, пользуясь предрассудками, распространяют вздорные слухи, вымогают имущество».

Наконец, в статье 36 конституции 1982 г. говорится: «Граждане КНР вольны исповедовать религию. Никаким государственным учреждениям, общественным организациям и отдельным лицам не дозволяется принуждать граждан исповедовать религию или не исповедовать религию. Не дозволяется дискриминация исповедующих религию граждан и не исповедующих религию граждан. Государство охраняет нормальную религиозную деятельность. Никому не дозволяется использовать религию для осуществления деятельности по подрыву общественного порядка, для причинения ущерба телесному здоровью граждан, для препятствования системе государственного образования. Религиозные братства и религиозные силы не должны подвергаться воздействию зарубежных сил». Эта статья показывает, что отношение

<sup>1</sup> In: Religions and Societies Asia and the Middle East. Ed. by C. Caldarola. Berlin, New York, Amsterdam, 1982, p. 551—577; H. Waldenfels. Religion in China. Eindrücke von einer Chinareise. — "Stimmen der Zeit", 1983, T. 2, S. 95—109; G. Evers. Die christliche Kirche der Volksrepublik China. — "Herder Korrespondenz. Monatshefte für Gesellschaft und Religion", 1984, Juli, Jg. 38, S. 325—329; F. Kürschner. Mit Christus für das Neue China. — "Junge Kirche" (Bremen), 1982, Jg. 43; H. 6, S. 297—299; L. Ladanu. Últimas novedades sobre la Iglesia en China. — "Criterio" (Buenos Aires), 1982, v. 27, p. 232—234; J. Charbonnier. Catholiques de Chine en Communión de fei. — "Information Catholiques Internationales", N 578/15, september 1982. p. 3—9, 46.

к религии существенно пересмотрено за период, прошедший со времени утверждения предыдущей конституции, возросло и количество публикаций по вопросам религии. Выступления прессы касались следующих тем: 1) соотношение понятий «религия», «религиозные предрассудки» и «пережитки» («религиями» авторы публикаций считали крупные религиозные системы, получившие отражение в соответствующих официальных документах и воплощенные в ассоциациях всекитайского или регионального значения с их органами управления); 2) случаи насилия над личностью при выборе ею определенной жизненной позиции или общих установок, касающихся свободы совести; 3) факты нанесения ущерба здоровью граждан (например, в шаманской практике, а также случаи, предусмотренные статьями 99, 145, 17 УК КНР 1979 г.); 4) соотношение религиозных ритуалов и этнокультурных обычаев (пресса предостерегала от их смешения); 5) осуждение деятельности ряда католических организаций, не желающих признавать авторитета «патриотической католической церкви» и признающих за римской курией право на «вмешательство во внутренние дела страны». Была проведена также исследовательская работа, отразившаяся в ряде специальных публикаций<sup>2</sup>.

В то же время ЦК КПК разрабатывал принципиальный подход «к оценке роли религии в социалистической стране».

Заведующий Отделом Единого фронта ЦК КПК Ян Цзинжэнь указывал в середине 1983 г., что Ху Яобан утвердил документ, касающийся этих проблем. Идеологические установки ЦК КПК по поводу религиозной деятельности при социализме были закреплены статьей 36 конституции 1982 г. Их развернутый комментарий был дан в передовой статье «Руководящие принципы нашей партии в вопросе о религии при социализме»<sup>3</sup>. Орган ЦК КПК прежде всего указал, что некоторые религиозные учения тысячелетиями существовали в Китае, китайский буддизм — свыше двух тысяч лет, даосизм — более 1700 лет, ислам — свыше 1300 лет, тогда как католицизм и протестантизм появились главным образом после «опиумных войн».

В современном китайском народе, отмечает «Хунци», особенно среди ханьского населения, количество верующих невелико. Однако у более чем десятка этнических меньшинств некоторые виды религии охватывают значительную часть населения.

В Китае феодальной, затем полуфеодальной, полукOLONиальной эпох все религии находились под контролем правящих классов. Позже под контролем иностранных колониалистских и империалистических сил оказались католическая и протестантская церкви.

После провозглашения КНР, указывает «Хунци», ситуация в области религиозной жизни в принципе изменилась. Уничтожение общественных отношений, связанных с эксплуатацией человека человеком, превращает противоречия, обусловленные религией, в противоречия в самом трудовом народе, то есть лишают эти противоречия антагонистического характера. Однако религиозные вопросы не теряют своего значения в области достижения внутреннего духовного единства общества, в социалистическом его переустройстве.

Религия, продолжает далее «Хунци», принадлежит к числу явлений, неизбежных в определенные эпохи общественного развития, является продуктом классового общества, используется господствующими классами как «инструмент духовного порабощения масс».

При социалистическом строе «классовые основы для существования религии в основном устраняются. Но обычаи не могут быть полностью искоренены в краткий срок. Для их сохранения есть и внутренние причины в современном общественно-экономическом развитии. Отсюда и внимание партии к вопросам религиозной жизни, ибо нереалистично думать, что религия быстро отомрет после начала социализма и его последующего развития в хозяйстве и культуре. Мнение же, что религиозные идеи и деятельность можно подавить силой, еще дальше от марксистских положений, касающихся религии. Оно полностью неверно и чрезвычайно опасно», заявляет «Хунци».

Далее в статье правильный курс КПК по отношению к религии противопоставляется «левым» ошибкам в этой области, совершенным в период «великой культурной революции» Линь Бяо и контрреволюционной группой Цзян Цин, «полностью разрушившей всю работу партии в области религии». Это противопоставление можно представить в виде следующей таблицы (см. с. 143).

На новом историческом этапе, по словам «Хунци», одной из важнейших обязанностей КПК является дальнейшее решительное проведение политики свободы вероисповедания, укрепление и расширение патриотических и политических связей религиозных групп, их воспитание в духе патриотизма и социализма, побуждение их позитивных элементов к борьбе за построение нового, мощного социалистического государства, за объединение Тайваня с КНР, за укрепление всеобщего мира и т. д.

Далее в передовой «Хунци» отмечается, что партии в этом деле по-прежнему противостоят препятствия и трудности — последствия «левого» курса — и что их прео-

<sup>2</sup> См.: Ню Синьфан. Души и феодальные предрассудки. Шинцзянжуан, 1981; Словарь религии. Шанхай, 1982, (на кит. яз.) и др.

<sup>3</sup> «Хунци», 16.VI.1982, № 12, с. 3—8.

Таблица 1

Успехи партийной работы в области религиозной жизни после провозглашения КНР	Разрушительная деятельность в период «культурной революции»	Деятельность по устранению ошибок (после 1976 г.)
<p>1. «Мы устранили действовавшие в церкви силы империализма и утвердили правильное направление независимости и самостоятельности (распространение, управление и содержание за собственный счет), так что католическая и протестантская церкви превратились из инструмента злоупотреблений империализма в независимое и самостоятельное движение китайских верующих».</p> <p>2. «Мы устранили привилегии религиозного феодализма и его подавляющую эксплуататорскую систему, а также разоблачали реакционные и отрицательные элементы, которые маскировались религией, так что буддизм, даосизм и ислам были освобождены от господства и эксплуатации реакционными классами».</p> <p>3. «Мы осуществили свободу религиозной веры. Так что массы приверженцев религии не только испытывали вместе со всем народом преобразующее политическое и хозяйственное освобождение, но и начали также радоваться праву религиозной свободы».</p> <p>4. «Мы также стремились завоевывать, объединять и воспитывать верующих и создали большую патристически настроенную группу среди приверженцев религиозной веры».</p> <p>5. «Мы помогли им в осуществлении интернациональных связей и придавали этим связям позитивную, положительную форму».</p>	<p>«Применение ими насилия против религии вело к тому, что некоторые контрреволюционные и отрицательные элементы обращались против революции антиконституционным образом под предлогом защиты религиозных «прав»».</p> <p>«Путем причисления определенных обычаев этнических меньшинств к религиозным предрассудкам и их насильственного запрета они разрушали национальное единство».</p> <p>«Они зашли так далеко, что насильственно запретили верующим выполнение обычных религиозных обрядов, а места культов разрушили или закрыли».</p> <p>«Они («банда четырех». — П. К.) разрушили патристические религиозные, признающие социализм организации и группировки положительных элементов».</p> <p>«Патристических верующих и религиозно настроенные массы они расценивали как «объекты диктатуры» и самым грубым образом проводили над религиозными кругами неправые и фальшивые судебные процессы».</p>	<p>См. пункт 5.</p> <p>«В целях продолжения и осуществления религиозной политики мы вновь открыли храмы, мечети, церкви и культовые места».</p> <p>«Опять возродили активность патристических организаций и, объединив, склонили их на свою сторону, проводя воспитание масс в религиозных кругах».</p> <p>«Исправили несправедливые решения и возобновили вновь международные дружественные религиозные связи, выступая в то же время против разрушительного воздействия враждебных зарубежных религиозных сил».</p>

доление зависит от сознательного отношения к религиозным вопросам каждого партийного работника. Конституцией установлена религиозная свобода, ее защита — это дело партии. «Уважать и охранять религиозную свободу — это долгосрочная политика нашей партии. Это политика, которая должна осуществляться до тех пор, пока религия в конце концов не отомрет естественным образом».

Однако не следует забывать, отмечается в передовой, что религиозная свобода связана для каждого гражданина с личным выбором, что подразумевает и целый ряд условий, определяющих отношения религиозных организаций и государства: 1) принцип разделения религии и государства; 2) ни при каких условиях религия не может вмешиваться в политику государства, в правовую деятельность, школьное просвещение или всеобщее образование; 3) ни при каких обстоятельствах не могут быть возрождены привилегии «религиозного феодализма», системы религиозного порабощения; 4) религия тем более не может использоваться для того, чтобы осуществлять противодействие руководству партии или социалистической системе, нарушать национальное единство или вести под религиозным прикрытием пропаганду, которая направлена против марксизма-ленинизма или «идей Мао Цзэдуна». Партия должна больше внимания обращать на подбор кадров и обучение религиозных работников и особенно серьезно относиться к их патриотическому настрою.

В КНР имеются восемь патриотических религиозных организаций: китайское буддийское общество, китайское даосское общество, китайское исламское общество, китайское католическое общество, китайская католическая административная комиссия, китайская католическая коллегия епископов, китайское протестантское движение за три самообеспечения и христианский совет.

«Задачей каждого из этих религиозных патриотических объединений является строгое соблюдение интересов партии и правительства при осуществлении свободы религиозной веры, непрерывное содействие широким массам верующих и исповедующих религию в высшей патриотической и социалистической сознательности, обеспечение верующим предоставленных конституцией прав, организация широких народных масс, принадлежащих к религиозным организациям, для проведения нормальной религиозной работы... Все патриотические религиозные организации должны принимать руководство со стороны партии и правительства. Кадры должны добросовестно осуществлять переговоры и совместную работу с представителями религиозных организаций, оказывать им содействие в осуществлении их собственных задач и не вмешиваться в их компетенцию. Только таким образом может быть достигнуто правильное функционирование религиозных объединений, и они смогут активно вести свою нужную работу в пределах конституции и законности, стать действительно полноценными религиозными организациями и осуществлять связующие функции, которые сделают возможным для партии и правительства склонить массы верующих на свою сторону, объединить их и воспитать».

В стране существует необходимость, продолжает «Хунци», предоставлять верующим места для проведения религиозных действий и осуществления нормальной религиозной жизни. «А религиозная деятельность, которая там осуществляется, а именно — прославление Будды, чтение сур, возжигание курительных свечей, богослужения, молитвы, чтения Писания, проповеди, мессы, крещения, посвящения монахов, проведение религиозных празднеств, домашних религиозных обрядов и т. д. — все это должно осуществляться религиозными организациями и самими верующими и находиться под охраной законов. Никто не может вмешиваться в эти вопросы. Все богослужебные места находятся под управлением государственного бюро по религиозным культам. Религиозные объединения и их сотрудники находятся под его управлением. Несомненно, что никакие религиозные действия не должны нарушать общественный порядок и производственную деятельность. Никто не должен вести в культовых местах атеистическую пропаганду, затевать с религиозными массами обсуждения по вопросам веры или атеизма. Но и религиозным организациям и их верующим также не следует проповедывать вне культовых мест, проводить вербовку верующих, распространять религиозные трактаты и писания, не утвержденные официально. Известные храмы, мечети и церкви являются не только культовыми местами, но они также имеют важное историко-культурное значение и должны быть охраняемы в полном смысле этого слова. И строения, и их окрестности должны находиться в хорошем состоянии. Вокруг них должна соблюдаться тишина, так как они служат местом исторических экскурсий».

Недопустимо использование религиозных организаций для прикрытия антиправительственной политической деятельности. Это карается законом, так же как и распространение феодальных пережиточных представлений, деятельность реакционных сект, шаманов, прорицателей. Все формы обмана народа и нанесения людям материального ущерба с помощью использования предрассудков караются властями. В случае повторного нарушения законов люди, понесшие уже однажды соответствующее наказание, должны быть осуждены вновь».

Среди религиозных организаций КНР, связанных с зарубежными кругами, следует различать два направления, указывает «Хунци». В первое входят те организации, которые имеют «большое значение для укрепления политического влияния Китая», и те, которые функционируют в соответствии с планами зарубежных реакционных сил, направленных на приобретение влияния в религиозных кругах Китая, для чего, в част-

ности, ведется обсуждение вопросов о подпольной церкви, «церкви катакомб» в КНР, миссионерстве и пр.

Работа с верующими является существенной частью работы с массами, и в ней необходимо твердо опираться на принципиальные марксистско-ленинские теоретические положения. В частности, необходимо вести научную критику идеализма, уделять возможно больше внимания атеистическому воспитанию народа, особенно молодежи. Не следует забывать, что принадлежность к партии исключает для граждан право исповедовать какую-либо религию. Правда, в этом плане необходимо считаться с условиями жизни национальных меньшинств, где основная масса населения может быть причастна либо к исламу, либо к ламаизму. Тогда проблема отношения к религии членов партии, происходящих из данной национальности, должна рассматриваться особо. Однако среди ханьского населения буддизм, даосизм, католицизм, протестантизм не имеют связи с национальной принадлежностью.

В общем, проблемы религиозной жизни, как указывает передовая «Хунци», тесно связаны с общественной жизнью и должны находиться под постоянным пристальным контролем партии.

\* \* \*

Собственно массовых религиозных организаций, объединяющих религиозные общины, а через их посредство массы верующих, имеется всего четыре: буддийская, даосская, «католическое общество» и протестантское движение трех самообеспеченных. Остальные из перечисленных в «Хунци» организаций представляют собой различные руководящие органы христианских обществ. При этом необходимо учитывать, что в исследовании деятельности религиозных организаций имеется значительный пробел, относящийся к периоду с 1966 г. и до конца 70-х годов, когда религиозная деятельность могла осуществляться в КНР только нелегально<sup>4</sup>. Официально разрешенные руководством формы религиозной деятельности ограничивались (и то лишь начиная с 70-х годов) проведением религиозных обрядов по случаю международных встреч с представителями стран, где религия имеет заметный политический вес<sup>5</sup>.

Все рассматриваемые организации являются, по официальной терминологии, патристическими объединениями. Их функции определяются следующим образом. Во-первых, они суть инстанции, проводящие среди верующих указания партии и правительства. Во-вторых, занимая промежуточное положение между массой верующих и непосредственным руководством религиозных групп и общин, с одной стороны, и государственными (Управление по религиозным делам Госсовета), а также партийными органами (Отдел Единого фронта) по делам религии — с другой, они создают возможность практического осуществления принципа невмешательства партийных и государственных органов во внутренние вопросы религиозной жизни. В-третьих, они представляют интересы религиозных общин и гарантируют лояльную деятельность соответствующих конфессий перед государственными и партийными органами. В-четвертых, они служат связующим звеном между китайскими патристическими религиозными организациями и международными форумами как тех же конфессий, так и общерелигиозными, представляют китайские религиозные общины на международной арене.

В 1983 г. в журнале «Чжунго цзянькуан» (Пекин) было дано краткое описание положения дел у всех религий, распространенных сегодня в КНР, с указанием времени и исторических условий возникновения их институтов, а также с оценкой современного положения соответствующих религиозных патристических обществ. В настоящее время в центральной китайской прессе резко сократилось количество публикаций по религиозным вопросам. Это может быть объяснено размежеванием внутренней сферы религиозной жизни с теми ее проявлениями, которые могут иметь международное значение. Характерна устойчивая последовательность в перечислении религиозных организаций.

Буддийское общество создано в 1953 г., активно действует с конца 1980 г. после проведения IV конференции. Президентом общества избран Чжао Пучу — поэт, ученый, специалист по истории и теории буддизма. В буддийском обществе объединены все толки буддизма, представленные в КНР, включая ламаизм и махаяну, наиболее массовые направления буддийского учения в Китае. В декабре 1980 г. возобновилась деятельность буддийской академии в храме Фаюанься (Пекин), в нее было принято 40 студентов. Осенью 1982 г. при монастыре Цзися близ Нанкина поступили в одногодичную школу около 200 учащихся в возрасте от 18 до 40 лет.

В марте 1985 г. в Пекине открылась двухгодичная школа для буддийских монахинь. В сентябре в Шанхае состоялся после двухлетнего обучения выпуск окончив-

<sup>4</sup> In: A. S. S. Vik. Religion, Religious Institutions and Religious Possibilities in China. — «China Notes» (New York), 1979, v. XVII, N 2, p. 63.

<sup>5</sup> In: R. C. Bush. Religion in Communist China. Nashville, 1970; W. Eichhorn. Religionen in China. Stuttgart, Berlin u. a., 1973, S. 385—400.

ших местную буддийскую школу. Из 22 студентов 12 человек направлены в главные храмы Шанхая, остальные продолжают обучение в буддийской академии. В июне 1982 г. был создан фонд помощи как база распространения буддийской культуры и образования в Китае. Основанием фонда стали 10 тыс. юаней, переданных в фонд общества его почетным президентом, и 15 тыс. юаней, полученных в дар от японского буддийского общества.

В период проведения 2-й сессии IV конференции, в начале декабря 1983 г., состоялось юбилейное заседание, посвященное 30-летию буддийского общества в КНР. Председатель общества сделал доклад, в котором перед китайскими буддистами были поставлены задачи, связанные с новой фазой развития буддизма в КНР. Говорилось, что буддизм должен отстаивать интересы социалистического общества, ибо только КНР предоставила китайским буддистам полное равноправие, что буддисты должны содействовать центральным и местным органам в осуществлении религиозных свобод, трудиться на благо страны, само же буддийское общество призвано осуществлять функции моста между правительством и верующими, что всяческие уклонения от указаний партии наносят буддизму вред<sup>6</sup>.

Работа по реставрации буддийских святынь Тибета ставится теперь в прямую связь с религиозной жизнью народных масс. В начале июня 1984 г. в Лхасе на празднество юбилея Будды собралось свыше 10 тыс. лам и буддийских служителей. К настоящему времени открыты вновь 45 буддийских монастырей. Главный монастырь в Лхасе получает в год десятки тысяч юаней пожертвований<sup>7</sup>. Целый ряд сообщений был посвящен вопросу о возвращении в КНР далай-ламы<sup>8</sup>. Делегация китайских буддистов была представлена на XIV всемирной конференции последователей буддизма в Шри Ланке в августе 1984 г.<sup>9</sup> В октябре 1985 г. КНР посетила делегация руководства буддийской ассоциации Сингапура. В феврале 1985 г. принято решение о переиздании в течение ближайших десяти лет 220 томов буддийского канона.

Исламское общество создано в 1953 г., после IV конференции (апрель 1980); его возглавил Чжан Цзе (почетный председатель Шихеди Бурхан). В 1979 г. делегация из 16 китайских мусульман посетила Мекку, и с тех пор туда ежегодно прибывают группы до 20 человек. В институте исламской теологии обучаются 40 студентов, он основан в 1955 г., но с 1966 по 1982 г. занятия не проводились. В марте 1982 г. 10 китайских студентов были отправлены для обучения в каирскую высшую исламскую школу. Вновь опубликован китайский перевод Корана (с параллельными арабским и китайским текстами), организовано издание мусульманских классиков. В автономной области китайских мусульман Нинся в 1983 г. окончили полугодовую подготовку 34 молодых мусульманских священнослужителя. Около 2 тыс. имамов здесь — весьма преклонного возраста, поэтому возникла необходимость в подготовке новых. В сентябре 1985 г. в Нинся образован институт исламской теологии, в который принято для пятилетнего обучения 20 студентов.

В связи с подготовкой в 1984 г. международной исламской конференции в Карачи (Пакистан) руководство общества опубликовало материалы, подтверждающие свободу вероисповедания в КНР. По данным президента общества Хаджи Мохаммеда Али Чжан Цзе, ислам исповедуют 10 национальностей из 55, имеющих в КНР, что составляет 14 млн. человек (только в Синьцзяне проживает 7 млн. мусульман). Действуют 20 тыс. мечетей. С улучшением средств сообщения резко возросло число пилигримов, отправляющихся в Мекку. В 1984 г. их было около 1000 человек<sup>10</sup>, почти втрое больше, чем в 1983 г. За период существования КНР, по этим же данным, в Мекке побывало больше китайских паломников, чем за всю предшествующую историю мусульманской общины в Китае. Пресса сообщает о массовых религиозных обрядах китайских мусульман и о положительном отношении к ним со стороны властей. 1 июля 1984 г. более 150 тыс. мусульман Пекина приняли участие в празднестве, завершающем рамазан. Был устроен торжественный прием во Дворце культуры наций, где присутствовал Сайфуддин, заместитель председателя Постоянного Комитета ВСНП.

В Синьцзяне опубликован первый перевод Корана на уйгурский язык, он выполнен в 1983 г. Синьцзянской академией общественных наук.

Даосское патриотическое общество основано в 1957 г., возобновило работу в 1980 г., на первых порах активность его была незначительна. 3—10 декабря 1984 г. в Пекине проходили торжественные заседания общества, на которых было отмечено пятидесятилетие его первооснования, обсуждались вопросы патриотической работы даосов<sup>11</sup>. В настоящее время действуют почти 100 даосских монастырей. В храме Байюнь (Пекин) организованы занятия по подготовке даосских жрецов. За два года там прошли обучение 60 учащихся. Храм Байюнь — главная всекитайская святыня даосской секты «цюаньчжэнь» («охрана истины»), которая является также одной из ведущих даосских организаций на Тайване, однако ее исторические центры, есте-

<sup>6</sup> См.: «Жэньминь жибао», 7, 8.XII.1983.

<sup>7</sup> In: «Ta Kung Pao», 28.VI.1981.

<sup>8</sup> In: «China Aktuell», Juni, 1984, S. 310; September, 1984, S. 489.

<sup>9</sup> In: «Buddhists for Peace», 1985, v. 7, N 1, p. 52.

<sup>10</sup> In: «China Aktuell», Mai, 1983, S. 276; Mai, 1984, S. 250; Juli, 1984, S. 273.

<sup>11</sup> См.: «Жэньминь жибао», 11.XII.1984; «China Aktuell», Dezember, 1984, S. 712, 713.

ственно, размещены на материке, и их активизация весьма знаменательна. Храм Байюнь, расположенный в юго-западной части Пекина, отреставрирован и открыт для посетителей — туристов и верующих, там вновь выставлены для обозрения статуи Лао-цзы и других даосских святых. Завершена первая фаза реставрации монастыря на горе Маошань (Цзянсу). Это еще один из четырех главных даосских центров. Представленное здесь направление разрабатывает, как принято считать, «формы взаимодействия человека с силами добра, возможности продления человеческой жизни», и оно также широко представлено на Тайване. Реставрация этого грандиозного комплекса преследует несколько целей: усиление влияния даосского патриотического общества на народные массы, создание нового туристического маршрута, демонстрирующего традиционную культуру Китая и образ жизни даосов, привлечение внимания «хуацяо» к исконным религиозным даосским центрам. Местные власти оказали существенную помощь. Многие священники здесь имеют специальное образование, двое обучаются в Пекине. Монастырь принимает до тысячи верующих и посетителей в день<sup>12</sup>. В основном для распространения за рубежом снят фильм о храме Сюэньмяо (Сучжоу), посвященный даосским обрядам. В нем участвуют 19 старших жрецов (фильм идет 205 минут), хранителей исторических традиций даосизма. Фильм представляет интерес не только для приверженцев даосизма, но, по мнению специалистов, является значительным этнографическим и историко-культурным документом. Немалая часть работы даосского патриотического общества ориентирована на зарубежные круги, интересующиеся даосизмом, и на иностранных туристов, посещающих КНР с познавательными целями.

Конфуцианство не имеет своей религиозной организации. Его изучением занимается Институт истории мировых религий Академии общественных наук КНР. В апреле 1983 г. проходил симпозиум по конфуцианству в Цюйфу, на родине Конфуция, собравший 180 участников<sup>13</sup>. Опубликован материал о современных потомках Конфуция.

Христианские общества и организации представлены в КНР несколькими формами. Патриотические организации католиков — это китайское католическое общество, китайская административная комиссия, китайская коллегия епископов. Аналогичных протестантских организаций две: «китайское протестантское движение за три самообеспечения» и христианский совет.

Из числа католических организаций лишь китайское патриотическое католическое общество имеет массовый характер, оно возрождено в 1980 г. С сентября 1983 г. в Пекине начал работать теологический католический семинар в составе 60 человек (руководитель — епископ Ду Шихуа). Студенты были отобраны из числа 200 соискателей, направленных на конкурс от католических обществ и церквей. Здесь изучается католическая теология, история церкви, этика, верования, ритуалы и т. д. Срок обучения — 6 лет. Предполагается обновить преподавание, так как признано, что в прежних миссионерских учебниках, переведенных с латыни, было много «ошибочных положений». Было объявлено, что семинар пользуется поддержкой как религиозных, так и правительственных кругов. Еще два семинара начали работу в Шанхае и Шэньяне, а с октября 1984 г. — в Сиани.

Западные обозреватели неоднократно подчеркивали сложности во взаимоотношениях католиков КНР с Ватиканом. Папа в своем выступлении 15 мая 1983 г., посвященном памяти двух итальянских миссионеров, погибших в феврале 1930 г. в Гуандуне, указывал, что диалог с китайской церковью еще может состояться<sup>14</sup>. Однако китайская патриотическая католическая церковь по-прежнему не признает административно-политической, организационной и духовно-доктринальной власти Ватикана.

В октябре 1982 г. делегация китайского христианского совета, возглавляемая англиканским епископом Дин Гуансюнем, посетила церкви Англии, Швеции, Финляндии, ФРГ. По этому поводу даже такой критически настроенный обозреватель, как Брунгильда Штайгер (ФРГ), заявляла: «Тот факт, что для китайских протестантов становятся возможны иностранные, даже экуменические контакты, является дальнейшим показателем успешности сделанных в предыдущие годы шагов по реабилитации церкви в Китае»<sup>15</sup>. Однако последующие события показали, что вопрос значительно сложнее.

Отношение в КНР к китайскому христианству определяется главным образом беспокоейством по поводу возможного вмешательства во внутренние дела страны через посредство международных христианских институтов. Отсюда, в частности, и различное отношение властей к организациям протестантских церквей, объединенных с 1951 г. в так называемое «движение за три самостоятельности» («самоуправление, самообеспечение, самопропаганда»), и к организациям римско-католической церкви<sup>16</sup>.

<sup>12</sup> In: «Ta Kung Pao», 26.IV.1984.

<sup>13</sup> In: «China Rekonstrukts», 1983, N 8, p. 31.

<sup>14</sup> In: «China Aktuell», Mai, 1983, S. 267; September, 1983, S. 546.

<sup>15</sup> «China Aktuell», Oktober, 1982, S. 565.

<sup>16</sup> Приношу глубокую благодарность Л. М. Гудошникову за любезно предоставленный материал об отношениях КНР с Ватиканом (A. Halim arski. Stosunki ChRL — Walykan w latach 1979—1982. — «Sprawy miedzynarodowe». Warszawa, 1983, N 10, s. 39—53).

Руководители протестантских организаций Китая с 1979 г. регулярно привлекаются к работе по налаживанию культурных связей с соответствующими зарубежными кругами. В декабре 1983 г. состоялся визит в КНР архиепископа Кентерберийского К. Рэнси, который после этого визита дал интервью гонконгскому еженедельнику «Дагунбао», в котором выразил надежду на дальнейшее развитие свободы религии в КНР.

Положение католической церкви оказалось много сложнее<sup>17</sup>. Руководство страны стремилось оторвать католическую общину КНР от папской власти, сделать ее самоуправляющейся, как и протестантское движение. Еще в феврале 1951 г. совещание епископов Ватикана постановило, что самостоятельная китайская католическая церковь — это раскольническая организация. Такого мнения придерживался и папа Пий XII. Однако в дальнейшем эта жесткая позиция была смягчена и неоднократно предпринимались попытки к урегулированию отношений.

В 1958 г., через год после создания китайского патриотического общества католиков, были назначены более 20 не утвержденных Ватиканом епископов (к настоящему времени их количество достигло 50). Фактически еще с 50-х годов католическая церковь в КНР разделилась на патриотическую церковь и «церковь катакомб», «церковь молчания», деятельность которой, особенно иезуитов, объявлена вне закона. В марте 1983 г. группа иезуитов была обвинена в сотрудничестве с заграничными представителями, нелегальной деятельности, попытках угрожать суверенитету и спокойствию государства. Характерно, что по поводу всех этих лиц нет указаний на то, где и какие священные обязанности они исполняли. В этой связи следует, видимо, учесть замечание патера Ладислава Ладани о том, что в настоящее время не может быть и речи о единой монолитной «церкви катакомб», есть лишь отдельные автономные организации такого рода, единой иерархии этой «церкви» не существует<sup>18</sup>. Член ордена иезуитов Ганс Вальденфельс, посетивший КНР в 1982 г., выразил намерение установить контакты Ватикана с католиками в КНР. Он напомнил о том, что подобные идеи были высказаны папой Иоанном-Павлом II в связи с 400-летним юбилеем со времени прибытия в Китай первого миссионера-иезуита Маттео Риччи, «которому удалось создать мост между церковью и китайской культурой». Вызывающе вел себя после визита в КНР (февраль — март 1980 г.) архиепископ Марселя кардинал Роджер Эчегерей. Он утверждал, что патриотическая католическая организация «идет на поводу у властей», имеет мало приверженцев и ее значение ограничено, тогда как «церковь катакомб» очень сильна. Он настаивал на соединении обеих церквей. Как полагают, попыткой внутреннего урегулирования отношений среди китайских католиков и поиска «новых форм» контактов с папским престолом явился случай с епископом-иезуитом Домиником Тан Имином. В ноябре 1980 г. он по рекомендации врачей выехал для лечения в Гонконг и там заявил о своей верности папскому престолу, а затем появился в Ватикане, где папа утвердил его архиепископом Кантона (1981). Его рукоположение папой было, естественно, признано в Пекине незаконным и квалифицировано как вмешательство во внутренние дела Китая.

В соответствии с установками ЦК КПК и правительства КНР всякие незаконные действия, связанные с вмешательством во внутренние дела страны иностранных держав, в том числе и действия, осуществляющиеся под видом религиозных, подлежат осуждению, и виновные в них лица должны быть подвергнуты уголовному наказанию. Патриотическая католическая община в КНР, ее административная комиссия и коллегия епископов при поддержке властей взяла на себя в лице своих руководящих органов функции по подготовке и посвящению в епископский сан новых церковных иерархов. Такая деятельность осуществляется в КНР с 1958 г. 27 января 1985 г. в главном шанхайском соборе Сюйцзяхуэй были посвящены два новых епископа (Ли Сидэ и Цзинь Лусянь).

Одним из постоянных пунктов, через которые осуществляется связь с западной христианской церковью, пока служит Гонконг. После соглашения о будущем этой английской колонии на празднование 35-й годовщины основания КНР был приглашен в числе 200 гостей генеральный викарий Гонконгской епархии. В сентябре 1984 г. во время пребывания в Пекине гонконгской делегации было официально объявлено, что и после 1997 г. свобода религиозной веры там будет сохранена. В 1984 г. впервые после «культурной революции» китайское руководство проявило интерес к памяти католических деятелей прошлого. В западном предместье Пекина на христианском кладбище, сильно разрушенном в период «культурной революции», восстановлены и реставрированы могилы трех ранних христианских миссионеров: Маттео Риччи, Адама Шалл фон Бэлл и Фердинанда Фербиста. В то же время в Ватикане наметилась более жесткая линия в отношении китайских патриотических католиков. 28 февраля 1984 г. папа Иоанн-Павел II принял 7 католических епископов с Тайваня вместе с группой проживающих в Риме китайцев и в обращенной к ним речи высказался против «патриотической католической церкви» КНР, заявив, что католики Тайваня являются церковной общиной, призванной осуществлять «связи» с католиками «материка», то есть КНР.

<sup>17</sup> In: P. Y. K. Tcha o, A. Lazzarotto. «Cattolicesimo»; P. Y. K. Tcha o. «Cristianesimo». — «La Cina contemporanea» (Roma), 1979, p. 124—127; 274—288.

<sup>18</sup> In: L. Lada ny. La Iglesia en China. — «Criterio», 1982, N 1881.

Патриотическая протестантская церковь. 5 августа 1984 г. во Дворце культуры национальностей в Пекине проходило празднование тридцатилетнего юбилея движения за «три самостоятельности» (их еще переводят как «самообеспечение, самообучение, самораспространение»), то есть за полную автономию китайской христианской церкви во всех вопросах ее внутренней жизни, за независимость ее от внешних источников доходов, политических доктрин и от навязанной извне паствы. Движение зародилось и развивалось в рамках протестантской церкви КНР<sup>19</sup>. Эта идея стала осуществляться также и патриотической католической церковью в КНР. Председатель китайского христианского совета Дин Гуансунь на конференции в Пекине (1984) заявил, что христианская вера в КНР полностью свободна, что к данному времени вновь открыто 1600 церквей (к февралю 1985 г. их насчитывалось около 2 тыс.), христианство прочно утвердилось на китайской почве, всего в стране насчитывается 3 млн. христиан-протестантов, которые активно участвуют в социалистическом строительстве, а их религиозность не является объектом кампании борьбы с «духовным загрязнением». В стране действует 7 теологических семинарий христиан-протестантов.

Большинство обозревателей и исследователей проблем христианской церкви в КНР подчеркивают желание руководства КНР включать христианские патриотические организации в систему запланированных международных контактов.

За период с 1979 по 1982 г. в КНР разработана достаточно четкая система законодательных и административных норм, регламентирующая взаимоотношения верующих разных конфессий с государственными органами и общественно-политическими организациями. Основа общего подхода руководства страны к верующим определяется оценкой участия их в общественном труде и в формировании новых социальных отношений, в укреплении социально-экономической базы страны. Соблюдением лояльности в отношении государства верующие обеспечивают свое конституционное право на свободу вероисповедания, а неверующие — свое право на атеистическую пропаганду. В то же время в условиях отделения церкви от государства общество в целом и его основные институты получают ряд дополнительных воспитательных возможностей в отношении представителей религиозных кругов, ибо обучение священнослужителей всех конфессий ведется в патриотическом духе. Кроме того, упрощается возможность налаживания международных контактов с дружественными организациями верующих. Достигается также участие верующих в поддержании и восстановлении тех национальных памятников культуры, которые одновременно являются и святынями отдельных религиозных конфессий и общин.

На протяжении 80-х годов эти положения и воплощаются в жизнь с учетом особенностей современного этапа социалистического строительства в КНР.

<sup>19</sup> См.: «Жэньминь жибао», 6.VIII.1984.

# НАРОДЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ

## О восточной физической культуре

[Некоторые аспекты мировоззрения  
и практики]

Л. В. ЩЕЛКИНА,  
А. Г. ЩЕЛКИН,  
доктор философских наук

Обращение к теории и практике физической культуры, сложившейся в эпоху древности и средневековья в таких странах, как Индия, Китай и Япония, заманчиво сегодня по ряду причин. Выделим хотя бы две. Для ориенталиста, например, здесь имеется благодатная почва почувствовать, как целая система традиционной восточной идеологии воплощалась в руководствах по дыхательной и двигательной гимнастике, в рецептах по достижению долголетия и даже «бессмертия» и т. д. В то же время и для современного физкультурного движения, которое до известной степени переживает «кризис идентификации» и ищет себя в современном мире, растущий интерес к феномену восточной физической культуры носит, очевидно, далеко не академический характер.

В самом деле в сегодняшних условиях все типичнее становится широкая «культурологическая» постановка вопроса о сущности и предназначении физической культуры. «Физическая культура в широком смысле есть здоровый образ жизни; это интересный и разнообразный труд; это ежедневный полноценный отдых; это обилие солнца, воздуха, воды и чистоты, сильное, развитое тело»<sup>1</sup>.

В контексте подобной ориентации крайне важна принципиальная оценка достижений восточной физической культуры. В соответствующей западной литературе можно наблюдать две крайности. В одном случае опыт древневосточного физического воспитания не в меру мистифицируется и подается в не критическом и апологетическом виде. В другом варианте, напротив, западноевропейский спорт рассматривается как якобы единственно эффективный путь развития физической культуры. Очевидно, однако, что все богатство восточного наследия (не лишнее, конечно, своей внутренней противоречивости и исторической ограниченности) не может уместиться в узких рамках подобной интерпретации. Необходима тщательная и объективная разработка данной темы с позиций марксистской методологии. Цель данного обзора — определить сквозные параметры восточной физической культуры и выделить ту совокупность философско-мировоззренческих аксиом, на базе и в рамках которых этот феномен функционировал.

Уже при первом знакомстве с системой физической культуры на Востоке поражает, насколько она органично вписывается в общую картину духовной жизни этого региона. Не в этом ли обстоятельстве (вмонтированности в господствующую здесь систему ценностей) надо искать причину выживания и сохранения всего восточного института физического воспитания? В рецептах восточных мудрецов относительно физической жизни человека ясно просматриваются основные принципы господствующих мировоззрений — даосизма, буддизма, конфуцианства, дзен-буддизма. Основной арсенал идей, составивших содержание этих течений, обеспечил по-своему и общепризнанный «универсализм» восточной физической культуры. В частности, имеется в виду тот факт, что объектом физического воспитания оказывалась не только соматическая, но и психическая жизнь адепта (личности). В качестве соответствующих иллюстраций можно привести примеры различных видов телесной гимнастики в Древнем Китае и Индии, с одной стороны, и уникальный психотренинг в дзен-буддизме — с другой.

Думается, что в этой «мировоззренческой заангажированности» (по размерам и глубине несравнимой с аналогичной культурной детерминацией западного спорта) как раз и лежит одно из фундаментальных отличий истории физической культуры на Востоке от соответствующей практики на Западе. Отдельные же периоды насильственно насаждаемого пренебрежения к физической стороне бытия, как это, например, можно наблюдать в разные десятилетия династии Цин (III в. до н. э. — VII в. н. э.) или Мин (XIV—XVII вв. н. э.) в Китае, лишь подтверждают это правило и своим контрастом оттеняют общую картину<sup>2</sup>.

Как это ни парадоксально, восточная физическая культура, столь открытая влиянию господствующих религиозно-философских представлений, сумела (в отличие от христианской Европы) довольно глубоко и самобытно понять внутренние закономерности функционирования человеческого организма и на этой основе построить различные системы рекомендаций по стимулированию жизнедеятельности как отдельных

<sup>1</sup> Мысли о здоровье. М., 1978, с. 15.

<sup>2</sup> См.: Л. Куи. Всесоборная история физической культуры и спорта. М., 1982, с. 133.

систем и органов, так и человеческого организма в целом. Это обстоятельство можно прежде всего объяснить тем, что восточная идеология только потому и могла иметь на систему физического воспитания столь заметное влияние, что сама в свою очередь испытывала подобное влияние со стороны древневосточных представлений о «физике» человеческого тела. Самый «космос» человеческого организма (микрокосм) бессознательно оставался во многом моделью для понимания природных явлений, того понимания, которое легло в основу натурфилософских культов «Земли» в Китае и «Космоса» в Индии.

Выявляя систему принципов, на которых, как на фундаменте, стоит все здание восточной физической культуры, трудно не обратить внимание на один принципиальный факт. Внутреннюю и исходную специфику именно восточной практики физической культуры составляет полное отсутствие духа соревновательности, столь характерного прежде всего для древнегреческой агонистики<sup>3</sup>, а в дальнейшем и для всей англосаксонской практики спорта. Телесные упражнения на Востоке имеют целью не сравнение физических способностей и сопутствующее ему восприятие сторонними зрителями, а, напротив, они совершаются исключительно в индивидуальной форме и с целью, далеко отличной от мотива «быть первым». Восточная гимнастика функционирует в совершенно иной системе ценностей.

Здесь, однако, надо сделать одно замечание. Суждение о том, что несостязательность суть отличительная особенность китайской или индийской физической культуры, не означает, что на Востоке вовсе не практиковались «конкурентные» физические игры. Напротив, известен обширный список народных игр и соревнований, которые во многом структурно изоморфны образцам физкультурной практики в других цивилизациях. Достаточно сказать, что древняя и средневековая Индия знала: марафонские гонки, кулачные бои, поднимание камней, стрельбу из лука, гонки на колесницах, фехтование на мечах, игры, сходные с современным крикетом и хоккеем на траве, бой на булавах, метание копий, конное поло, фехтование на конях, «бейтакс» (соревнование в приседании) и пр.<sup>4</sup> Традиционные виды спорта Японии, остающиеся популярными до сих пор, — это дзюдо, кэндо (японское фехтование), кюдо (стрельба из лука), сумо (японская борьба). Среди «реликтовых» можно назвать кемари (род футбола), ябусамо (стрельба из лука верхом на коне), дакю (род конного поло)<sup>5</sup>. Столь же богата различными видами соревнований история китайского спорта (состязания на колесницах, стрельба из лука, метание копья, рукопашная схватка без оружия, «чжукэ» — китайский футбол, конное поло, перетягивание каната и т. д.)<sup>6</sup>.

В отношении всех этих соревновательных видов спортивной деятельности необходимо сказать, однако, что не они составляют специфику именно восточного типа физической культуры. Восточным в них остается только, так сказать, этнографический орнамент. Соревновательно-игровой компонент в них всего-навсего воспроизводит неизменный компонент человеческого существования, где бы оно ни протекало, — *Homo Ludens*, Человек Играющий<sup>7</sup>. Вместе с тем нельзя не отметить, что если на Западе агонистика пошла по интенсивному пути выявления абсолютного победителя, то на Востоке сама соревновательность имела совершенно иной смысл. Понятия абсолютного победителя не существовало. Так, в китайской «часукэ» (в ней при желании можно увидеть элементы футбола, волейбола и баскетбола одновременно) матчи проводились по такой системе, при которой победившие и потерпевшие поражение после игры уступали место другим парам. Игры продолжались до тех пор, пока не сыграют все команды<sup>8</sup>. Наградой победителям были улыбки и цветы, побежденных остроумно высмеивали. Особенно строгим было судейство за нарушение техники игры. Примерно в том же духе проходили соревнования по борьбе, кулачному бою, поднятию тяжестей, перетягиванию каната, танцам и соревнованиям на воде<sup>9</sup>.

Представляется интересным проследить уже отмеченную органическую связь древневосточной теории и практики физической культуры с традиционной религиозно-философской идеологией Китая, Индии и Японии на материале одной из центральных проблем всякой цивилизации — проблемы здорового тела (здоровья).

Хорошо известно, что с точки зрения типично восточных представлений здоровье суть бесспорное благо, и достижение здоровья рассматривалось в качестве если не

<sup>3</sup> От греч. *agonia* — борьба, противоборство.

<sup>4</sup> См.: А. Р. Якубов. Физическое воспитание и спорт в Республике Индия. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1977; Инкбал Каур Клер. К вопросу о системе физического воспитания студентов высших учебных заведений Индии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968.

<sup>5</sup> In: H. Gansun. Physical Education in China. Shanghai, 1926.

<sup>6</sup> См.: Л. Ку н. Указ. соч., с. 50—54, 125—129.

<sup>7</sup> In: I. Huizinga. *Homo Ludens*. Haarlem, 1938.

<sup>8</sup> См.: Л. Ку н. Указ. соч., с. 52.

<sup>9</sup> См. там же.

конечной, то, во всяком случае, некоей промежуточной цели. Если в христианстве необходимым (хотя и недостаточным) условием духовного единения с богом было игнорирование и забвение плоти, то в индийской йоге, например, хотя тело тоже считается препятствием для достижения высших ступеней «духовной эволюции» (нирваны), отношение к телу диаметрально противоположное. Плоть «преодолевается» не умерщвлением, не слепым и фанатичным ее игнорированием, а, напротив, считается, что тело «умолкает» и перестает быть препятствием, когда оно получает условия для своего нормального функционирования и тем самым не отвлекает его владельца от духовно-религиозного продвижения. Не чувствовать своего тела, быть как рыба в воде — это привилегия хозяина здорового, а не больного тела. В одном из писем к своим адептам Е. Рерих писала об исковых последствиях здорового организма с этой точки зрения: «Когда тело не препятствует, дух особенно насыщается значительной субстанцией тонкого мира...»<sup>10</sup> Жизнь тела органически вписана в мировой космический порядок. Этот порядок имеет все признаки стабильности и самоподдержания. Здоровье тела — это живое свидетельство порядка на высших этажах вселенской иерархии. Истинное человеческое знание обладает достоинством адекватного отражения и понимания этой «аксиомы». Невежество же субъекта (носителя тела) может привести к тому, что человеческий организм как бы выбивается из колеи и тем самым «проявляется», из непроявленного состояния становится явным, зримым, «феноменальным». Невежество в этой интерпретации становится синонимом ориентации на ложные чувства и физические потребности. В результате тело, как выброшенная на песок рыба, заявляет о себе своими проблемами. Духовное «я» оказывается отодвинутым на задний план. Возвращение к природной данности через успокоение (нирвану) сознания (читты) и материальных побуждений (гун) — таков путь мудрого служения телу, а вместе с этим и достижения высшей трансцендентной цели — освобождения (мокши), то есть «пробывания «я» в своей собственной сущности»<sup>11</sup>. Здоровое тело выступает здесь как необходимая промежуточная цель (средство) к целям высшего порядка.

Физическая йога (асана и пранаяма), следовательно, может и должна быть оценена с двух позиций. Во-первых, с точки зрения того, что она как средство физической культуры включена в религиозно-мистические цели (слияние с трансцендентным «я» — Брахмой). При оценке этого момента надо различать средство как таковое и ту функцию (роль), которую оно исполняет. Музыка может быть средством и светского наслаждения, и религиозного ритуала. Во-вторых, йоговское физическое воспитание должно быть оценено с точки зрения его собственных критериев — природной, естественной данности и ориентации на биологическую норму. Известно, например, что сами авторитеты и сторонники хатха-йоги делают акцент именно на этой стороне йоговской физической культуры в противоположность «атлетической» односторонности западноевропейского спорта. «Нужно подчеркнуть тот факт, — пишет Ш. Йогендра, основатель и президент Института йог в Индии, — что, согласно йоге, целью здоровья не является животное побуждение к физической силе, выпуклым мускулам и здоровой внешности. В то же время это и не агрессивная физическая годность к рискованным предприятиям и победе. К чему действительно стремится йоговское физическое воспитание, так это к физической здоровости — чистому, лучезарному здоровью, приводящему к иммунитету против болезней и способствующему долголетию»<sup>12</sup>. В этой, сразу скажем, не без доли рекламности поданной характеристике следует различать те исходные установки, которые только и могут быть объектом непредвзятой оценки. Основной же пафос «суровой» хатха-йоги концентрируется вокруг идеи «физиологической нормы», достижение которой от человека цивилизации, то есть находящегося в плену собственного сознания и желаний, действительно требует героических усилий.

Таким образом, физическая культура индийских йогов сформировалась как целостный блок. Этот блок внешне ориентирован религиозно-мистическими ценностями. Но это не просто блок, но блок-средство. Он вынимаем. Очищенный от ритуально-религиозной символики, он вполне обретает вид светской физической культуры. Подтверждением возможности этой метаморфозы может служить практика введения йоги в систему национальной физической культуры современной Индии, а также использование хатха-йоги в индийской армии и полиции<sup>13</sup>.

Если древнеиндийская хатха-йога имела по своему замыслу значение промежуточного средства, что заметно усложняет ее современное рациональное восприятие и реконструкцию, то более практически ориентированная китайская двигательная и дыхательная гимнастика несла цель в самой себе. Здоровье было ее конечной целью, или самоцелью. «В отличие от йогов китайские медики, начиная с древних времен,

<sup>10</sup> Письма Елены Рерих. 1929—1938 гг., т. I. Riga, 1940. (Письмо от 14.VI.1934.).

<sup>11</sup> С. Радхакришнан. Индийская философия, т. II. М., 1957, с. 321. «Как и в других индуистских системах мысли, в йоге причиной всех желаний является незнание истинной природы вещей... Когда индивид достигает знания, всякие ложные представления исчезают. «Я» очищается и не затрагивается состоянием читты. Гуны возвращаются к спокойствию, и «я» пребывает в своей собственной сущности» (там же).

<sup>12</sup> S. Y o g e n d r a. Yogi Teaching. Bombay, 1958, p. 17.

<sup>13</sup> См.: Инкбал Каур Клер. Указ. соч., с. 5.

не признавали статичных поз-асан, не стремились превратить человеческое тело в орудие религиозно-мистических ритуалов. В гимнастике нередко находили конфуцианские средства борьбы с недугами<sup>14</sup>. Исключение, пожалуй, составляла конфуцианская постановка вопроса. Для нее характерно рассматривать проблему здоровья (впрочем, как и многие другие ценности) с позиций нравственных и государственных обязанностей. Сохраняя свое здоровье, человек якобы не просто поддерживает гармонию трехчленного единства «небо — земля — человек», гармонию природы (что характерно для даосской идеологии), но прежде всего он выполняет свой долг перед другими людьми. «[Совершенномудрый] сохраняет свое здоровье, чтобы быть способным принести пользу людям, но не потому, что боится человеческих недугов»<sup>15</sup>. Совершенно очевидно, однако, что даже в конфуцианском варианте физическая культура традиционного Китая гораздо свободнее от религиозных задач, чем физические разделы восьмиступенчатой индийской йоги.

Другую важнейшую способность древнекитайской физической культуры в широком смысле слова составляет ее органическая совместимость с системой общемировоззренческих (натурфилософских) представлений. И наоборот, философия древних китайцев легко переводилась на практический язык методов воздействия на тело. Безусловно, это делало данный тип физической культуры глубоко укоренившейся и неотъемлемой частью общей культуры всей древнекитайской цивилизации, а следовательно, прочным и распространенным феноменом массового сознания.

Каковы же те базовые принципы, в поле тяготения которых формировалась и функционировала эта физическая культура?

Прежде всего это принцип изоморфизма сил и ритмов, действующих в человеке и природе. Китайцы действительно считали, что человеческое тело — лишь звено в жизни природы, и в этом качестве оно подчиняется законам природы, ее периодам расцвета и увядания, жаре солнца и холоду облаков. В соответствии с этим в китайской народной медицине все важнейшие органы тела «закреплялись» за тем или иным временем года, сами болезни классифицировались по сезонам. В некоторых случаях это подобие принимало даже все признаки полного гомоморфизма. «В традиционной классификации лекарственных средств [...] принималось во внимание и столь же традиционное деление человеческого тела на 3 части-пояса. Соответственно этому все то, что венчает растение и находится в его верхней части, употребляется при болезнях груди, шеи, головы. [...] Стебли и вообще средняя часть растений применялась для лечения болезней желудка. Корням было предназначено излечивать болезни нижней части тела... Ветви растений (деревьев и кустарников) — при болезнях конечностей, кора — при болезнях мышц и кожи, сердцевина — при заболеваниях внутренних органов»<sup>16</sup>. Если не считать, однако, крайних и упрощенных следствий из этого изоморфизма, на которых строилась практика физического воздействия на тело (в частности, медицина), то можно сказать, что данный принцип — ориентир на пути достижения здоровья.

К указанному изоморфизму тесно примыкает и такая характеристика взглядов древних китайцев на человека, как циклизм. Жизнь человеческого тела измерялась не годами, а фазами, периодами, циклами. Так, для китайской традиции типично представление в форме 8-летних, для тибетской — 12-летних циклов. При этом последний год таких циклов считался как бы годом рождения. Например, по канонам тибетской медицины людям предписывалось строго беречь себя в период своего творческого апогея — 37 и 49 лет (с учетом года внутриутробной жизни)<sup>17</sup>. Циклическое мышление господствовало во всем: лекарства делились на утренние и вечерние, на осенние, весенние, зимние и летние. Дыхательная и двигательная гимнастики тоже рекомендовались по этому принципу: на солнце и при луне (гелео- и селенотерапия), комплексы утренних и вечерних упражнений, в зависимости от времени года и т. д. Очевидно, что указанный принцип циклизма вполне адекватно отражал тот фундаментальный факт, что все функциональные системы внутри человеческого организма, равно как и сам организм, подчинены закону ритма и сориентированы на такие внешние критерии, как смена дня и ночи, время года, солнечная активность, энергетика космоса и т. д.

Экологичность древнекитайской физической культуры носила глубокий характер. Природа с ее универсальными закономерностями рассматривалась не только как внешняя, но и как внутренняя среда человеческого организма. Одинаковые силы и противоречия пронизывают Небо (tien), Землю (di) и Человека (ren). Знаменитый китайский философ Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.) в своей книге «Дао дэ цзин» учил, что движущее начало всего мира выступает в форме космической энергии ци (сравните с йогической праной). Сгущаясь, ци образует мир плотных тел (грубые ци — цу), разряжаясь — мир тонких субстанций (тончайшие ци — цзин). В человеке цу обра-

<sup>14</sup> М. Ш о ф м а н. «Секреты» восточной медицины. М., 1963, с. 20.

<sup>15</sup> Древнекитайская философия. М., 1973, т. 2, с. 87.

<sup>16</sup> Н. П. Алексеевко. Очерки о китайской народной медицине. Киев, 1959, с. 117—118.

<sup>17</sup> In: H. Wallnöfer, A. Rottenschel. Chinese Folk Medicine. New York, 1965, p. 93—94; Л. Л. Хундоп, Л. Л. Хундова, Э. Г. Базароц. Слово о тибетской медицине. Улан-Удэ, 1979, с. 71.

зует тело, цзин — сознание. Тончайшие ци имеют для тела значение управляющего начала, они носитель, если можно так выразиться, программирующей информации. От циркулирования в крови тончайших ци зависит физическое и ментальное здоровье организма. Таким образом, можно отметить, что концепция жизненной силы ци в системе древнекитайских представлений отражала тот совокупный регулирующий эффект, который в европейской науке считается функцией кровообращения, эндокринной и нервной систем человека.

В понимании того, как тончайшие ци регулируют внутреннее состояние организма, древние китайцы, верные принципу изоморфизма человека и природы, продемонстрировали образцы диалектического мышления. Дело в том, что ци, куда бы она ни проникла, распадается и существует, собственно, в форме двух противоположных начал: инь и ян. Ян (yang) суть мужское, активное начало, генерирующее энергию и производящее свет, теплоту и наполненность. Инь (yin) — женская субстанция, которая обозначает пассивность и связанные с ней темноту, холод и пустоту. В человеческом организме между инь и ян существует «разделение труда»: ян как активное начало стоит на страже тела от внешних инфильтраций (с этой целью за ян якобы закреплена функция управления «вместилищами», или полыми органами дыхательной, пищеварительной и мочеполовой систем); инь как начало пассивное охраняет стабильность функционирования пяти внутренних органов (печень, сердце, селезенка, легкие и почки)<sup>18</sup>.

Каждая из двух сил имеет собственную «географию» движения внутри человеческого организма. «Сила инь начинается от нижней губы, проходит спереди вдоль тела вниз и заканчивается промежностью. Ян начинается от верхней губы, идет вверх через затылок, спускается вниз вдоль спины, заканчивается копчиком»<sup>19</sup>.

Легко видеть, что при подобной раскладке функций наибольшую ценность для благополучия человеческого организма будет иметь баланс инь и ян, то есть ситуация, когда ни одна из сил не имеет доминирования над другой, что в совокупности означало бы наиболее благоприятные условия для циркуляции жизненной энергии ци. Болезнь же есть следствие преобладания одного из начал, в то время как здоровье суть их гармоничное и дополняющее единство.

Равновесие инь и ян — самый важный постулат всей метафизики китайской культуры. Это идеальное состояние обозначалось знаменитым Дао, которому в словаре европейской философии соответствуют категории «закон», «мера», «золотая середина», «сущность» и пр. Равновесие противоречивых начал означает, что вещь находится в своей собственной сущности, или, как сказал бы Гегель, равна своему понятию. Именно в таком случае вещь следует закону Дао и представляет собой положительную ценность. Вместе с тем достижение этого состояния для каждого конкретного тела само по себе еще не гарантировано. Если в статистически огромном организме природы (космоса) следование естественному Дао (поддержание в равновесии инь и ян) осуществляется само собой, то в человеческом поведении, в человеческом организме нарушение этого «категорического императива» — частое явление. Вот несколько иллюстраций из древнекитайской философии, «Дао затемняется (человеческой) односторонностью»<sup>20</sup>. «Существо, полное сил, стареет — это называется нарушением Дао. Кто Дао не соблюдает, тот погибает раньше времени»<sup>21</sup>. «По своей природе человек может жить очень долго. Но когда его соблазняют вещи, он не достигает своего долголетия»<sup>22</sup>. И наоборот: «У всех тех, кто следует Дао, крепкое тело, пронизательный ум, чуткие органы чувств. Их мысль действует без усталости, и они приспосабливаются ко всем вещам без ограничений»<sup>23</sup>. «Если человек сможет следовать этим путем, то даже будучи глупым, он непременно станет умным, будучи слабым, непременно превратится в сильного»<sup>24</sup>.

Таким образом, основной критерий — это внутренняя, естественная природная норма и данность. Именно возможностями этого унаследованного капитала и должен руководствоваться человек. «Естественное находится внутри, человеческое снаружи. [...] Не следует уничтожать естественное человеческим; не следует уничтожать [естественной] судьбы [искусственно созданными] намерениями...»<sup>25</sup> «То, что делает человека совершенномудрым, есть его природа (син). То, что заставляет человека изменять своей природе, есть чувства (цин)»<sup>26</sup>. «Когда цела природа [человека], тогда его душа становится спокойной, глаза — зоркими, уши — чуткими, нос — острым, язык — чувствительным, а 360 суставов будут функционировать исправно. Такой человек без слов заслуживает доверия... Он называется человеком, сохранив-

<sup>18</sup> R. Crozier *Traditional Medical in Modern China*. Harv. Univ. Press. (Cambr), 1968, p. 14—28.

<sup>19</sup> Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1984, с. 236.

<sup>20</sup> Древнекитайская философия, т. 1, с. 254.

<sup>21</sup> Там же, с. 134.

<sup>22</sup> Там же, т. 2, с. 285.

<sup>23</sup> Там же, т. 1, с. 280.

<sup>24</sup> Из истории традиционной китайской идеологии, с. 18.

<sup>25</sup> Древнекитайская философия, т. 1, с. 274, 279.

<sup>26</sup> Из истории традиционной китайской идеологии, с. 24.

шим свое дэ в целостности»<sup>27</sup>. Возможен ли физически и психологически для человека этот путь следования своему естественному Дао, своей естественной природе (дэ)? Со всей убежденностью древнекитайская мудрость отвечает на этот вопрос положительно.

Действительно, весь этический и экологический пафос даосской культуры состоял в убеждении, что, несмотря на опутывающее человека невежество и искушения, люди могут идти путем «естественного Дао». Могучим средством, которое позволяло бы человеку удержаться на этом «срединном» пути, по мнению древнекитайских мудрецов, является физическая культура, которая понималась ими не только как система искусственных упражнений, но и не в последнюю очередь как правильный, естественный образ жизни. Именно с последним обстоятельством китайские медики связывали благоприятные условия для циркуляции жизненной силы — тончайших ци в крови — и соответствующего общего желательного результата. «Если человек сможет вести правильный образ жизни и быть спокойным, то он будет иметь прекрасное физическое состояние, его глаза и уши станут чуткими, мышцы — гибкими, кости — крепкими»<sup>28</sup>.

Обращает на себя внимание тот факт, что в точном соответствии с принципом Дао в самом образе жизни ценилась прежде всего умеренность — и в работе, и в пище, и в отдыхе. Жизнь человека не должна страдать дефицитом физической активности, и в то же время труд не должен чрезмерно отягощать организм. Питание должно быть соразмерно возрасту, сезону, профессии и всегда умеренным<sup>29</sup>. Характерный пример гигиенических рекомендаций дает система воззрений великого медика Танской династии, прожившего более 100 лет, Сунь Сымяо. «Средства для поддержания крепости тела должны состоять в том, чтобы человек приучил себя к движению, к постоянным занятиям и даже к легкой усталости; впрочем, при этом Сунь Сымяо учил, что и наоборот — не надо очень уставать или делать то, чего нельзя сделать без особого усилия. [...] К другим гигиеническим правилам Сунь Сымяо относил следующее: не следует долго стоять, сидеть или лежать, долго смотреть на что-нибудь и долго слушать звуки; неиспользованием этого можно повредить внутренний воздух и кровь и сократить жизнь свою»<sup>30</sup>.

В этих и подобных им рекомендациях важно отметить одну деталь. Умеренность не есть просто дань уважения знаменитому китайскому этикету или конфуцианским правилам приличия (ли). Принцип «жить без излишеств» (любимый афоризм древнекитайского врача Чжу Даньси) давал ключ к воздействию на внутренние органы и системы человеческого организма. В основном именно на этом пути «через внешнее к внутреннему» развивалась древневосточная практика физического воздействия на тело (физическая культура и медицина). Через внешние «точки приложения» достигалась возможность управления балансом между силами инь и ян внутри человеческого организма<sup>31</sup>.

Особое значение в этом плане придавалось гимнастике. Древневосточная гимнастика — это феномен. Ее границы в отличие от древнегреческой гимнастики менее очерчены. Четкая ориентация на достижение естественности, здоровья, гармонии с природой делала необходимым включать в нее не только собственно двигательный элемент, но и дыхательные упражнения, самомассаж и даже психологическую тренировку. Вся эта система мер была направлена на компенсацию той из противоположных сил (инь или ян), которая в данный момент была на ущербе. К аналогичной методологии прибегала и древнекитайская медицина. Наиболее очевидно это наблюдается в акупунктурной терапии (чжэньцзютерапии). На каналах, по которым движутся инь и ян, традиционная китайская медицина насчитывает 365 критических точек. В случае если некоторые из них «заблокированы», возникает нарушение равновесия между инь и ян. Путем давления, укалывания или прижигания (мокса) можно достичь снятия этой блокировки и обеспечить нормальный ток для инь или ян. Того же эффекта якобы можно добиться, правда, скорее в профилактическом плане, от двигательной, дыхательной, массажной и волевой гимнастик. «Мудрый, — говорит одна из популярных китайских пословиц, — предотвращает болезни, а не лечит их».

Таким образом, путь к здоровью при помощи физической культуры лежал через соответствующую помощь либо силам инь, либо силам ян. Собственно идеальное состояние, или Дао, как чаще всего и определялось: один раз — инь, один раз — ян. Именно такой способ открывал возможности. Подобный подход вошел в самую ткань китайского мышления. «...Китайской культуре с древности и до сих пор присущ «священный оппортунизм» — считается важным выждать подходящее время для действия,

<sup>27</sup> Древнекитайская философия, т. 2, с. 286—287.

<sup>28</sup> Там же, с. 54.

<sup>29</sup> См.: И. П. Алексеевко. Указ. соч., с. 92; Л. Л. Хундов и др. Указ. соч., с. 55—56.

<sup>30</sup> П. Корниевский. Материалы для истории китайской медицины. Тифлис, 1878, с. 49.

<sup>31</sup> «Действие этих двух противоположных сил может регулироваться различными дыхательными, тонизирующими и успокаивающими физическими упражнениями и раздражением определенных участков поверхности тела» (Л. Ку н. Указ. соч., с. 52).

дождаться нужного сочетания гексаграмм, символизирующих инь и ян»<sup>32</sup>. Уже отмеченная выше ориентированность даосской гимнастики на время суток (одни упражнения — утром, другие — вечером) как раз и означала стратегию создания благоприятного сочетания инь и ян, либо последние имеют «свое» время (ян господствует и восприимчиво больше всего от полуночи до полудня, инь — соответственно от полудня до полуночи). В даосской практике была выработана система из 24 видов упражнений на каждые полмесяца. Весной, например, лучше всего было укреплять печень, летом — сердце, осенью — легкие, зимой — почки<sup>33</sup>.

\* \* \*

Обращаясь к анализу собственно гимнастической практики на Востоке, хотелось бы осмыслить два аспекта этого самобытного феномена. Во-первых, как и из какого источника шло его формирование, результатом чего стало во многом совершенно иное, чем на Западе, отношение к физической культуре? И, во-вторых, каким образом важнейшие философские принципы буддизма преломились и даже воплотились в восточной физической культуре, особенно в той ее части, которая касается психологии участников физического единоборства?

Самым древним источником, из которого берет свое начало гимнастика традиционного Китая, считается система телодвижений, известная под названием «у-шу» и возникшая более 3 тыс. лет назад. Именно на этом могучем дереве еще в древности, а затем и в средние века появились различные ветви национальных школ китайской гимнастики.

У-шу буквально означает «искусство боя». Его первоначальное назначение — помочь овладеть мастерскими навыками охоты. Со временем это содержание было утрачено и акцент сместился в другую плоскость. У-шу стали практиковать как средство овладения искусством боя с врагом. Именно в этот период у-шу обогатилось огромным арсеналом телодвижений, из которого в дальнейшем как раз и оказался возможным столь широкий выбор других направлений. В эволюции у-шу один момент был особенно значительным. В средние века (начиная с X в. н. э.) у-шу стало четко разделяться на две ветви. Первое направление продолжало линию совершенствования техники единоборства. Основу его составила цюаньшу (искусство кулачного боя). Популярность и авторитет цюаньшу были настолько велики, что у него легко нашлись последователи: в Японии — джиу-джитсу и каратэ, в Корее — тан-су и пр. Второе направление все дальше отклонялось от целей единоборства, оно скорее представляло собой сценическую имитацию этой борьбы. Сценический стиль этого направления получил название мяньцюань и вполне стал напоминать художественную гимнастику. Мяньцюань характеризуется медленными, пластичными движениями с малозаметными переходами от одного движения к другому<sup>34</sup>.

В гигиеническом плане это второе направление у-шу оказалось наиболее перспективным. Если в первом направлении — цюаньшу — преобладают элементы защиты и нападения (рывки, толчки, прыжки, резкие выпады), то во втором — мяньцюань — имеется большой набор телодвижений, развивающих ритмичность дыхания, гибкость суставов, пластичность и упругость мышц, что в совокупности превосходно действует на состояние внутренних органов тела. Если элементы у-шу, имитирующие боевые действия, способствуют быстрой координации движений и в целом несут скорее прикладной характер, то гимнастическое у-шу скорее рассчитано на людей среднего и пожилого возраста, и его оздоровительный эффект не только очевиден, но и доказан столетиями практики мяньцюань. Характерно отметить, что этот гимнастический (сценический) стиль у-шу до сих пор активно используется китайскими актерами, танцорами, цирковыми артистами, а также представителями народной медицины. Транскрипция движений в сценической разновидности у-шу несложна, поэтому легко запоминается (в отличие, скажем, от сложной символики индийских танцев) и допускает в меру индивидуальные импровизации. Например, упражняющийся (выступающий) имитирует движения обезьяны, старается передать ловкость и вертлявость этого животного. Подражают тигру, пьанице и т. п. В некоторых случаях воспроизводят известные рукопашные бои, описанные в китайской классической литературе или в устных преданиях<sup>35</sup>. В отличие от цюаньшу, воссоздающего боевые действия в темпе, близком к реальному поединку, мяньцюань с его оригинальным сочетанием упражнений по развитию гибкости и выносливости с элементами хореографии и драматического действия несет в себе функцию не только физического, но и художественного воспитания.

<sup>32</sup> Из истории традиционной китайской идеологии, с. 67. Даосская гексаграмма изображала правильный шестиугольник, три стороны которого символизировали возможные сочетания из двух инь и одного ян, а три другие стороны — из двух ян и одного инь.

<sup>33</sup> См.: Из истории традиционной китайской идеологии, с. 248.

<sup>34</sup> См.: Физическая культура и спорт в Китайской Народной Республике. М., 1959, с. 17.

<sup>35</sup> См. там же.

С того момента как только из у-шу начала выделяться двигательная гимнастика в форме самостоятельного направления, последняя стала практиковаться как некое единое, совокупное «действие», включающее, как уже говорилось, дыхательные упражнения, массаж, прессопунктуру, упражнения на расслабление, а также технику концентрации внимания. Это направление китайской гимнастики, равно как (с полным правом можно сказать) и медицины, сформировалось рано: около VI в. до н. э. — и получило название дао инь (иногда обозначается до-ин). Отдельные упражнения в дао инь (нажатие пальцами на глазное яблоко, высовывание языка — в йоге это элемент позы «льва», разминание суставов и т. д.) показали, что ценность их состоит не только во внешнем эффекте, но и во внутреннем. Оказывается, что таким путем удается осуществить прессопунктуру тех точек, которые непосредственно не поддаются механическому воздействию (например, точки, находящиеся за глазным яблоком, за корнем языка и т. д.). В связи с акцентом на возможность стимулирования и лечения внутренних органов через внешне воздействие в системе дао инь возникло самостоятельное направление — нэйгун (работа, направленная вовнутрь). Все ценное же из многовековой практики до-ин в дальнейшем было канонизировано в систему под названием гун-фу (работа). Именно таким, как сообщают хроники, был титул книги, написанной в 2698 г. до н. э., «в которой впервые были систематизированы квалифицированные описания, распространенные среди народа различных упражнений лечебной гимнастики, болеутоляющего массажа, ритуальных танцев, исцеляющих от болезней, бесплодия, а также боевых танцев»<sup>36</sup>.

В дальнейшем развитие лечебной и профилактической гимнастики шло под знаком этой ставшей во многом легендарной системы гун-фу. Новый момент состоял в том, что в последующем авторы стремились сделать, используя национальную культурную символику, сами эти упражнения и технически, и мнемотехнически простыми и близкими широким массам (сравните афоризм Платона: «Гимнастика должна быть простой»). В этом смысле наибольшим авторитетом у китайцев и по сей день пользуется комплекс упражнений би цзинь чжи (игра пяти зверей и птиц), авторство которой принадлежит знаменитому хирургу Хуа То (112—212 гг. н. э.). В основе этой системы лежал все тот же принцип умеренной физической активности как лечебного и гигиенического средства. «Для человека, — говорил Хуа То, — обязательно нужно движение, но не слишком утомительное [...] Моя система называется «игрой пяти зверей». С ее помощью можно предохранить себя от болезней и укрепить силу. Если ею заниматься по-настоящему, тело не должно знать забот»<sup>37</sup>. Упражнения строились по методу подражания телодвижениям обезьяны, оленя, медведя, тигра и аиста. По этой системе, включающей в себя плавные движения с умеренным нарастанием темпа и объема упражнений, занимаются в современном Китае даже 80-летние старики<sup>38</sup>.

Развитие физической культуры в средневековом Китае дало несколько примеров различных систем гимнастических упражнений, некоторые из которых впоследствии приобрели статус национальных физкультурных комплексов. Так, например, в эпоху династии Сун известный китайский полководец Юэ Фэй (1102—1142 гг. н. э.) избрал «Восемь прекрасных ежедневных упражнений», сочетавших в себе элементы физического и художественного образования<sup>39</sup>. В этот же период династии Сун (X—XIII вв. н. э.) написано много даосских трактатов, неперенной составной частью которых были предписания по двигательной и дыхательной гимнастике. Достаточно назвать только некоторые: труд «Син мин гуй чжи» («Законы природы и судьбы»), принадлежащий Инь Чжэньжэню; «Чжун Ли ба дуань цзинь фа» («Блестящий метод бессмертного Чжун Ли, состоящий из восьми упражнений») или приписываемый Гао Ляню «Цзунь шэн ба цзянь» («Восемь разделов, сообразованных с жизнью») <sup>40</sup>. Характерной особенностью большинства даосских физкультурных предписаний остается их безусловная простота, тематическая связность с историей, культурой и идеологией традиционного Китая, что в совокупности делало этот тип восточной гимнастики универсальным феноменом, доступным (психологически и материально) всем слоям общества.

Все указанные упражнения сопровождалась специальной техникой дыхания. В Китае она получила название «ци-гун». В этой дыхательной гимнастике выделялось три способа: 1) спокойное дыхание; 2) глубокое дыхание, которое характеризуется одинаковым временем вдоха и выдоха при отсутствии паузы между ними; 3) «со встречным дыханием» — когда при вдохе грудная клетка поднимается, а живот втягивается<sup>41</sup>. В Древнем Китае очень рано поняли и оценили роль дыхательных процессов в под-

<sup>36</sup> Л. Кун. Указ. соч., с. 50.

<sup>37</sup> Цит. по: М. Шофман. Указ. соч., с. 20.

<sup>38</sup> См.: В. А. Галкин. В Китае (Из записок врача). М., 1968, с. 15. Вот образец одного из этих упражнений, как оно описывается у даосских наставников. «Обезьяна»: «остановить дыхание, принять позу обезьяны, взбирающейся на дерево. Нога поднята. Вращение на пятке другой ноги, удерживая воздух в брюшной полости, до тех пор пока не выступит пот» (Из истории традиционной китайской идеологии, с. 247).

<sup>39</sup> In: H. Gansun. Physical Education in China, p. 40.

<sup>40</sup> Примеры упражнений, описанных в этих трактатах, приводятся Э. Стуловой в книге «Из истории традиционной китайской идеологии» на с. 246—247.

<sup>41</sup> См.: Цзинь синь чжун. Китайская народная медицина. М., 1958, с. 5.

держании жизнедеятельности всего организма. Дыхательные упражнения стали мощным пнеумотерапевтическим средством китайской народной медицины.

Дыхательная гимнастика — это богатое украшение всей древневосточной физической культуры, органически вплетенное в ее философскую и материальную ткань. В самом деле, ее нельзя понять вне контекста древневосточной системы ценностей. Дыхание рассматривалось не просто с чисто физиологических позиций, а гораздо «метафизичнее», подчас одухотворенно-поэтичнее. Дыхание суть внедрение в человека космической энергии (ци — в Китае, прана — в Индии), олицетворявшей силы мирового духа. Словарь индоевропейских языков тоже донес до нас эту мифологию: «дыхание» и «дух» — слова однокоренные. В традиции Востока лежит самобытная система отсчета человеческой жизни — не по годам, а по количеству вдохов (имеется в виду качественных), сделанных человеком. Огромный животворящий эффект правильного дыхания признают сегодня не только с чисто физиологической (энергетической) точки зрения, но — что еще более важно для функционирования организма в целом — и в плане психологическом. «В настоящее время все исследователи признают, что ценным фактором пнеумотерапии является тренировка воли, цель которой — ускорить приобретение покоя корой головного мозга, с тем чтобы она постоянно находилась в состоянии защитного торможения. Это в свою очередь благоприятствует постепенному восстановлению истощенных клеток коры головного мозга, что ускоряет восстановление контроля за функциями внутренних органов, а следовательно, и регулировку этих функций»<sup>42</sup>. Для сравнения можно отметить, что обычно человек в среднем делает в минуту 16—20 вдохов, а человек, занимающийся дыхательной гимнастикой, — 3—6 и даже 1—2 вдоха в минуту и чувствует себя хорошо<sup>43</sup>.

И наконец, в прямой связи с разговором о специфике восточной физической культуры возникает вопрос о связи важнейших принципов буддистской ментальности с техникой подготовки к таким видам боя, как фехтование на мечах, борьба, кулачный бой. В самом деле, хотя указанные виды соревновательной деятельности структурно (прежде всего по цели — «выйти победителем», а отчасти и по приемам, диктуемым самой логикой борьбы) не отличаются от греческого принципа агонистики, тем не менее и здесь мы наблюдаем существенные культурологические различия. Они касаются этической стороны дела. На Востоке высоко ценилась не голая сила сама по себе, а сила, управляемая человечностью, гуманностью (кит. — жэнь). Другой аспект отличия состоит в особом подходе к эстетике и прагматике боя. Побеждает не интенсивная прямолинейность и откровенное силовое давление, а скорее умение защищаться, использовать ошибки противника, жить внутренней логикой поединка. По преданию, один из основателей «мягкого» стиля боевого у-шу даосский монах Чжан Саньфэн создал тайцзи цюань, наблюдая поединок змеи и журавля. «Журавль атаковал змею, но она каждый раз увертывалась. Наблюдая это, Чжан понял, что увидел воплощенную в жизни даосскую идею одоления, достижения победы путем уступок»<sup>44</sup>. И самый, пожалуй, существенный момент — это то, что можно назвать психологическим освоением искусства поединка, психотренингом участников боя. Именно здесь многие исследователи видят знаменательную особенность соревновательной физической культуры на Востоке.

Как уже отмечалось, самый древний китайский физический комплекс у-шу эволюционировал в двух главных направлениях: одно осталось верным своему военно-прикладному призванию, другое получило лечебно-гигиеническую ориентацию (двигательная и дыхательная гимнастика). Первое направление в свою очередь разделилось на два стиля: синь и тайцзи.

Синь сохранил традиции одного из «отцов-основателей» боевого у-шу индийского монаха-миссионера Боддхидхармы и практиковался в цитадели дзэн-буддизма — Шаолинском монастыре. Этот стиль характеризуется интенсивно-агрессивной манерой ведения боя. К XVII в. система включала уже более 150 движений по нанесению ударов руками и ногами для воздействия на болевые точки противника. Наиболее плодотворным, однако, оказался второй стиль, в котором культивировалась прежде всего координация движений и дыхания, упругость движений, своевременность молниеносных реакций, одним словом, оптимальное расходование энергии, ведущее к достижению цели. Признанием авторитетности школы тайцзи можно считать появление множества национальных подражаний данному направлению в других странах Дальнего Востока, особенно в Японии (кэмпо, каратэ, айкидо и др.), равно как и повальное увлечение этой техникой сегодня на Западе.

Не вызывает сомнения, что техника единоборства в тайцзи и аналогичных ей системах в существенной степени определяется такими психологическими установками, в которых нашли свое отражение многие даосские и буддистские принципы. Об этой «идеологической» стороне восточного «спорта» пишет Н. Абаев: «В отличие, скажем, от английского бокса, который, насколько нам известно, не имеет сколько-нибудь развитой философской или психологической основы, в Китае (и в других странах Дальнего Востока) овладение военно-прикладным искусством было, как правило, сопряжено с [...] освоением определенных религиозно-философских и этических принципов,

<sup>42</sup> Ма Дэюн. Дыхательная гимнастика на службе здоровья. Алма-Ата, 1966, с. 5.

<sup>43</sup> См. там же, с. 6.

<sup>44</sup> Из истории традиционной китайской идеологии, с. 269.

а в идеале требовало полной перестройки обыденных («нормальных») психологических структур...»<sup>45</sup>. В данном случае речь идет о том, что в экстремальных условиях поединка, например фехтования на мечах, успех или неудача зависит от умения участников «отказаться от себя» и полностью отдаться логике боя. Старые мастера дзэна глубоко понимали эту сторону дела. Реакция может быть молниеносной, если она будет не рефлексивной, а реактивной, автоматической. Условием этой молниеносности как раз и было полное отключение от чувств — гнева, страха, злорадства и пр. И не только чувств. Должна быть остановлена всякая ментальность. В японском дзэне эта трансформация сознания называется «остановка разума». Сознание фехтовальщика только тогда может стать его настоящим оружием, когда оно не будет «мешать», когда оно сможет отражать не собственное состояние субъекта (его волнения или рациональные расчеты, как удачнее нанести удар), а ситуацию в целом, то есть сразу все компоненты поединка. Только в этом случае в сознании участника боя его противник предстанет не в том виде, как он является ему субъективно, а во всей своей «такости», то есть объективно. Субъективно боец борется не с противником, а с самим собой, то есть с ложным образом противника. Отсюда и частая причина поражений.

Д. Судзуки, много сделавший для популяризации этой стороны дзэновского искусства, характеризует высший автоматизм и бессознательность искусных мастеров поединка следующим образом. «Человек должен превратиться в марионетку, которой управляет рука бессознательного. Бессознательное должно взять верх над сознательным. С позиций метафизики это философия шуньяты (пустоты). Техника фехтования основана на ее психологии, которая является конкретным применением метафизики»<sup>46</sup>.

Очевидно, что «умаление» сознательности, о которой идет речь в китайском чань или японском дзэн-буддизме, не означает абсолютного отрицания рационального начала в практике поединка. Задача состояла в другом: уметь управлять сознательностью; когда нужно привлекать силу сознательных, а когда и бессознательных решений. Несомненно, что в организации общей стратегии единоборства должны доминировать осознанные действия, а в мгновенно-тактических ситуациях главная роль принадлежит автоматическим и спонтанным реакциям, свободным, конечно, от всякой преднамеренности и рациональности<sup>47</sup>. Именно такой же положительный момент — в умении вовремя привлечь и вовремя «отказаться» (то есть полностью контролировать) сознательное («рефлексирующее») начало — можно найти в высших формах йоговского аутотренинга.

\* \* \*

Судьба восточного наследия в области физической культуры в современном мире складывается неоднозначно. Многие элементы этой культуры безвозвратно утеряны, другие сохранились в форме устойчивой традиции, третьи сегодня по-археологически аккуратно реконструируются. Также по-разному неодинаково само отношение к возможности использования древневосточного опыта в практике современной физической культуры и медицины. Проблема состоит в том, что, хотя ряд методов физического воздействия на тело доказал свою эффективность и вошел в рабочий арсенал врачей и специалистов по спорту, вместе с тем многие стороны восточной физической культуры на Западе непропорционально искажены и рекламно преувеличены. Все еще сильно тенденция увидеть в этом восточном феномене «идеологическое чудо» в форме альтернативного (техническому и вообще западному) образа жизни. Для марксистского подхода в оценке философско-мировоззренческих аспектов физической культуры Востока характерен взвешенный, диалектический подход: положительное отношение к ее экологической части и отрицательное — к религиозно-идеологической. Многие слои этого живого «архитектурного памятника» ждут своих исследователей и специалистов из самых различных областей знаний.

г. Ленинград

<sup>45</sup> Н. В. Абаев. Чань (дзэн)-буддизм и у-шу. — «Народы Азии и Африки», 1981, № 3, с. 63.

<sup>46</sup> D. Suzuki. Zen Buddhism. New York, 1956, p. 157.

<sup>47</sup> Сравните оценку дзэн-буддистского психотренинга у Н. Абаева: «...перестройка восприятия в сторону его беспонятности позволяла повысить продуктивность приема и переработки невербальной информации, что особенно важно в экстремальных жизненных ситуациях (например, в условиях рукопашного боя)...» (Н. Абаев. Указ. соч., с. 74).

## КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

### Политика США в Китае и советская дипломатия

А. М. Ледовский. Китайская политика США и советская дипломатия, 1942—1954. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985, 287 с. — Рез. на англ. яз.

Рецензируемая книга является продолжением разработки весьма актуальной и во многом новой темы в советской историографии, освещению которой автор посвятил и предыдущую свою работу<sup>1</sup>. Это была, по существу, первая советская публикация такого рода на тему о борьбе советской дипломатии против империалистической политики США в отношении Китая в послевоенные годы.

В новой работе А. М. Ледовский поставил задачу, учитывая материалы, появившиеся в последние годы, проанализировать в сопоставлении политику СССР и США на одном из важнейших отрезков новейшей истории Китая — в период второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия, так как со стороны американской историографии этот период подвергается особенно грубой фальсификации. Заслуживает внимания подход автора к решению этой задачи — проблемы рассматриваются не в контексте двусторонних отношений, что характерно для большинства работ других авторов, а в рамках треугольника СССР — США — Китай. Именно в этом ключе анализируются важнейшие внешнеполитические мероприятия, документы и материалы того времени, причем основное внимание автор сконцентрировал на более глубоком раскрытии тех аспектов китайской проблематики, которые не были освещены ранее или нуждаются в дополнительном рассмотрении.

В этой связи представляют интерес впервые введенные в научный оборот А. М. Ледовским материалы Архива внешней политики СССР. Автор широко использует документы госдепартамента и конгресса США, многочисленные материалы, опубликованные в Соединенных Штатах, Китае и других странах. Весьма полезными оказались личные наблюдения автора, вынесенные из его пребывания в рассматриваемый период на дипломатиче-

ской работе в Китае и США, участие во многих международных мероприятиях.

Исследованные автором документы позволяют проследить коренные различия, характеризующие место и роль СССР и США в судьбе Китая, их позицию по отношению к японской агрессии против Китая, к борьбе китайского народа против гоминьдановского режима, за победу народно-демократической революции, за социализм.

Совершенно несостоятельными являются попытки американской буржуазной историографии, официальных кругов США, органов их пропаганды представить дело так, что в своих отношениях с Китаем Соединенные Штаты якобы всегда руководствовались и руководствуются идеалами дружбы и заботы о благе китайского народа. Факты свидетельствуют о другом: все усилия Вашингтона были и остаются направленными на то, чтобы сделать Китай своим младшим партнером в деле осуществления агрессивной политики США на Дальнем Востоке, а экономику Китая подчинить интересам американских монополий.

Анализ, проведенный А. М. Ледовским, вполне очевидно свидетельствует о том, что политика Соединенных Штатов в отношении Китая с точки зрения ее стратегических интересов была и остается неизменной. Для достижения своих целей США шли на любые средства и использовали любые трудности, с которыми приходилось сталкиваться китайскому народу. Особенно наглядно это проявилось в годы японской агрессии против Китая. Вплоть до нападения японцев на Перл-Харбор США были главными поставщиками оружия, авиационной и другой техники, а также важнейших видов стратегического сырья для милитаристской Японии. В то же время Вашингтон отказывал в предоставлении какой бы то ни было помощи жертве агрессии. В частности, США не соглашались продавать Китаю оружие даже за наличный расчет, отклоняли его просьбы о предоставлении займов, кредитов и т. п.

Во время Каирской конференции (1943) руководители США и Англии решительно отказались послать свои вооруженные силы для изгнания японцев из Китая и даже не выполнили принятое ими ранее решение на проведение локальных операций в Бирме с целью открытия через ее территорию дороги, ведущей в Китай. Как показали последующие события, Соединенные Штаты также не выполнили обязательств, вытекавших из Каирской декларации, в том числе относительно возвращения Китаю Тайваня, выплаты Японией репараций, участия Китая в оккупации Японии после ее капитуляции и т. д.

Под предлогом борьбы с японскими оккупантами и спекулируя на трудностях, испытываемых Китаем, Вашингтон добивался передачи под американское Верховное командование всех китайских вооруженных сил, предоставления Соединенным Штатам неограниченного права использования китайских материальных и людских ресурсов с тем, чтобы установить свое полное господство в Китае и занять в кон-

<sup>1</sup> См.: А. М. Ледовский. СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979.

це войны доминирующее положение на Дальнем Востоке. После того как указанные притязания американцев были отвергнуты, они вплоть до конца войны не предпринимали боевых операций, за исключением весьма ограниченного (в основном в разведывательных целях) использования авиации, базировавшейся на китайской территории. Командование США, впрочем как и Англии, в наступлении на японцев обходило Китай стороной.

Враждебность политики США по отношению к Китаю резко проявилась после образования КНР. Соединенные Штаты прибегли к открытой конфронтации, угрозам, шантажу, экономической блокаде, грубому давлению на другие страны с целью воспрепятствовать признанию КНР, добиться ее изоляции на международной арене. США блокировали восстановление законных прав КНР в ООН, воспрепятствовали освобождению Тайваня, навязали многим странам политику «двух Китаев». Начав агрессию в Корее, Соединенные Штаты официально объявили об установлении военного контроля над Тайванем, ввели в китайские территориальные воды свой 7-й флот, предприняли попытки нападения на различные китайские объекты, стремились распространить агрессию с корейской на китайскую территорию, угрожали прибегнуть к атомному оружию и т. п.

Таковы основные черты, характеризующие политический курс США в отношении Китая как в годы гоминьдановского режима, так и после образования КНР. И хотя в конце шестидесятых — начале семидесятых годов Соединенные Штаты начали переход от резкой конфронтации с КНР на путь сближения, империалистический характер и основные цели их политики остались неизменными.

Прямой противоположностью империалистической политики США стала политика Советского Союза, опирающаяся на принципы, разработанные В. И. Лениным. КПСС и Советское правительство оказывали китайскому народу постоянную поддержку и всестороннюю помощь на всех этапах его длительной и тяжелой борьбы.

С первых дней японского вторжения в 1931 г. Советский Союз был единственным в мире государством, решительно осудившим японских агрессоров и призвавших обуздать их коллективными усилиями всех стран, заинтересованных в сохранении мира на Дальнем Востоке. СССР предоставил огромную по тем временам разностороннюю помощь борющемуся Китаю, включая кредиты, поставки оружия, самолетов, посылку летчиков-добровольцев, военных советников и т. д. Интернационалистическая политика Советского Союза содействовала росту национально-патриотических сил в Китае, их борьбе против сторонников капитуляции и сговора с Японией.

В годы второй мировой войны и в послевоенный период подход СССР к решению китайской проблемы также резко контрастировал с позицией Соединенных

Штатов. Так, в отличие от негативной позиции, занятой США и Англией на Каирской конференции в вопросе оказания прямой военной помощи Китаю, Советский Союз на состоявшейся почти одновременно конференции в Тегеране выразил согласие вступить после разгрома гитлеровцев в войну с Японией. На Крымской конференции СССР подтвердил эту готовность заключением Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку.

Одним из ярких проявлений политики добрососедства явилось подписание 14 августа 1945 г. Договора о союзе и дружбе, а также ряда советско-китайских соглашений. По признанию прогрессивной китайской общественности, это был самый справедливый договор за всю историю Китая. Он гарантировал изгнание японских оккупантов, открывал широкие возможности для послевоенного сотрудничества, обеспечивал безопасность Китая от новой внешней агрессии.

Вступление Советского Союза в войну против Японии не только ускорило освобождение китайского народа от японского колониального порабощения, но и сорвало опасные планы сговора, к которому стремились в конце войны американцы, японцы и гоминьдановцы.

После освобождения Маньчжурии от японских оккупантов СССР пришлось вступить в напряженную и сложную борьбу против вмешательства США во внутренние дела Китая, за вывод американских войск, удаление из Китая японцев, за запрещение их использования в гражданской войне, за демократизацию внутриполитической жизни страны. Этим целям отвечала принятая по настоянию Советского Союза специальная декларация Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии (декабрь 1945 г.), а также решение Московского совещания министров иностранных дел (1947), двусторонние встречи и переговоры советских руководителей с руководителями США и Китая, выступления СССР в ООН и многие другие внешнеполитические акции, служившие огромной поддержкой для китайского народа в его борьбе против американской интервенции.

На завершающем этапе гражданской войны Советский Союз помог КПК и народно-демократическим силам сорвать планы готовившегося прямого и более широкого американского военного вмешательства. По признанию самих американцев, советско-китайский договор и присутствие советских вооруженных сил в районе Порт-Артура послужили для США серьезным предостережением.

Огромное значение приобрели задачи интернационалистической поддержки и помощи китайскому народу со стороны Советского Союза после образования КНР. В ответ на шантаж и прямые угрозы со стороны США СССР первым поспешил на помощь Народному Китаю, заключив с КНР 14 февраля 1950 г. Договор о дружбе и сотрудничестве. Наша страна предоставила Китаю льготные кредиты,

направила тысячи специалистов, помогла развертыванию индустриализации страны, способствовала срыву экономической и политической блокады, гарантировала безопасность КНР.

Проанализированные автором документы подтверждают проявление подлинного интернационализма в отношениях Советского Союза с Китаем. Используя широкие связи со странами мира, свой международный авторитет, СССР, его дипломатия сделали все возможное для укрепления международных позиций КНР, повели решительную борьбу за восстановление ее прав в ООН, за изгнание из этой международной организации представителей Тайваня, против политики «двух Китаев».

В годы агрессии, развязанной США в Корею, Советский Союз, наряду с решительной поддержкой КНДР, оказал всю необходимую помощь Китайской Народной Республике, прикрыв ее от ударов американской авиации, удержал Вашингтон от перенесения войны на китайскую территорию и от нанесения по КНР ядерных ударов.

СССР и его дипломатия сыграли ведущую роль в борьбе за прекращение войны в Корею и Индокитае, обеспечили созыв Женевской конференции. Советский Союз добился участия КНР в этой конференции наравне с другими великими державами. Сотрудничество между СССР,

КНР, КНДР и ДРВ помешало попыткам США сорвать Женевское совещание. Роль СССР в борьбе за мирное урегулирование в Корею и Индокитае была высоко оценена правительствами и народами Китая, КНДР, Вьетнама, всеми миролюбивыми государствами.

После Женевского совещания Советское правительство продолжало прилагать усилия, содействовавшие обеспечению мирных условий для строительства нового Китая. СССР давал решительный отпор любым провокациям США в отношении КНР, их попыткам создания напряженности в районе Тайваньского пролива, Кореянского полуострова, предотвратил осуществление американо-чанкайшистских планов «возвращения на континент».

Работа А. М. Ледовского, продемонстрировав в динамике неустанную и эффективную борьбу советской дипломатии против империалистической политики США в отношении Китая, стала достойным ответом тем, кто пытается фальсифицировать исторические реалии развития современного мира. Несомненно, она сыграет полезную роль как в деле пропаганды ленинской внешней политики СССР на одном из ее важнейших направлений, так и в защите ее от всякого рода фальсификаций.

*В. В. АРУНОВ*

## Новая книга о выдающемся путешественнике

А. И. Тарасова. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Отв. ред. В. С. Мясников. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы. 1985, 344 с., ил.

Владимир Клавдиевич Арсеньев принадлежит к славной плеяде русских ученых-путешественников — Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая, П. П. Семенова-Тян-Шанского. В результате 30-летнего (1900—1930) географического, этнографического и археологического исследования Приморского края В. К. Арсеньев оставил ценнейшее документальное и литературное наследие. При его жизни было опубликовано 20 книг и брошюр и более 60 статей и корреспонденций (с. 5). Его научно-художественные книги: «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В дебрях Уссурийского края» и другие — свидетельствуют, что В. К. Арсеньев был не только выдающимся путешественником, но и талантливым писателем. А. М. Горький, дав высокую оценку книгам В. К. Арсеньева, характеризовал их как синтез науки и литературы. В письме к автору

М. Горький отмечал: «Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера».

После смерти Арсеньева вышли два собрания его сочинений — двух- и шеститомник. Общий список публикаций произведений выдающегося ученого насчитывает более 120 названий. Книги В. К. Арсеньева завоевали широкую популярность в нашей стране и за рубежом. Книга «По Уссурийскому краю» с 1934 по 1983 г. издавалась 17 раз; «Дерсу Узала» с 1934 по 1984 г. — 70 раз; «В дебрях Уссурийского края» с 1934 по 1983 г. — 20 раз и т. д. (с. 5—6). Жизни и деятельности В. К. Арсеньева посвящено большое количество очерков, статей и воспоминаний, пять книг<sup>1</sup>, три кандидатские диссертации<sup>2</sup>. Продолженным и существенным до-

<sup>1</sup> См.: Н. Е. Кабанов. Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872—1930. М., 1947; Н. Рогова. В. К. Арсеньев. Критико-биографический очерк. Хабаровск, 1947; М. К. Азадовский. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. — В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957. и др.

<sup>2</sup> См.: В. К. Путолова. В. К. Арсеньев и его литературная деятельность. Л., 1954; А. И. Тарасова (Васнина). В. К. Арсеньев — исследователь этнографии народов Дальнего Востока (Историко-географический и этнолингвистический аспект). М., 1975; И. С. Кузьмичев. Писатель В. К. Арсеньев. Л., 1978.

полнением этого списка стала монография А. И. Тарасовой. Автор много лет собирала, обрабатывала и изучала документальные материалы о В. К. Арсеньеве. Личный архивный фонд Арсеньева был впервые обработан ею в 1972 г. и ныне хранится в Архиве Географического общества СССР в Ленинграде. Исключительное знание документальных и литературных источников дало возможность А. И. Тарасовой создать солидную работу о В. К. Арсеньеве.

Монография состоит из четырех основных частей. В первой дается обстоятельный историографический обзор литературы об Арсеньеве. Со знанием дела, на основании документальных источников автор подвергает обоснованной критике ошибки и заблуждения некоторых авторов.

Во второй части рассказывается о документальном наследии В. К. Арсеньева, причем автор монографии отмечает, что в годы интервенции исчезли многие ценные материалы личного архива В. К. Арсеньева. А. И. Тарасова дает подробную характеристику сохранившихся документальных материалов Владимира Клавдиевича.

Большой интерес представляет третья часть монографии, посвященная экспедициям, которыми руководил В. К. Арсеньев. А. И. Тарасова дает их подробное описание, рассказывает об участниках, результатах и значении этих экспедиций. Маршрутами путешествий В. К. Арсеньева были хребет Сихотэ-Алинь, побережье Японского моря, озера в нижнем и среднем течении Амура, а также озеро Ханка и вся речная сеть Приморья. Он обследовал Камчатку, часть Сахалина, Гижигинский район на Охотском побережье, Командорские острова.

Заключительная часть монографии посвящена этнографической, научно-педагогической и общественной деятельности В. К. Арсеньева.

Почти все работы Арсеньева связаны с этнографией (с. 259). Он был стихийным материалистом и диалектиком, отмечает А. И. Тарасова, хотя на него в известной мере повлияли мировоззренческие концепции дореволюционной буржуазной этнографии, это обстоятельство не умаляет общего научного значения его исследований (с. 288). В. К. Арсеньев впервые дал научное и художественное описание жизни и быта орочей, удэгейцев, нанайцев, русского старожильского населения Дальнего Востока.

В. К. Арсеньев принимал активное участие в работе Географического общества, был директором Хабаровского краеведческого музея (1910—1919 и 1924—1925), заведовал этнографическим отделом Владивостокского музея (1921—1924). По инициативе норвежского путешественника Ф. Хансена, этнографов Л. Н. Штернберга, Б. Ф. Адлера и С. М. Широкогова, Хабаровский музей превратился тогда в один из лучших музеев Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Арсеньев был одним из организаторов и лекторов народных университетов в Хабаровске и Владивостоке, профессором Педагогического института им. Ушинского и доцентом Дальневосточного университета во Владивостоке, где читал курсы лекций по истории первобытной культуры, археологии, антропологии и этнографии. Он был автором первого советского вузовского курса «Теория и практика путешествий по Восточной Сибири» и одного из первых вузовских курсов этнографии Дальнего Востока. Во время японской оккупации Приморья В. К. Арсеньев консультировал Технический комитет Военного Совета по размещению партизанских баз в Уссурийской тайге (с. 279). Накануне вступления Народно-революционной армии во Владивосток в 1922 г. белогвардейцы уговаривали его покинуть Россию, на что он решительно ответил: «Я — русский. Работал и работаю для своего народа. Незачем мне ехать за границу» (с. 275). В. К. Арсеньев остался верным сыном своего народа и Родины.

Как прекрасный знаток края, Арсеньев был консультантом ряда центральных и краевых организаций. В 1922 г. он участвовал в организации I съезда по изучению Уссурийского края, в 1925 г. — участвовал в торжествах по случаю 200-летия Академии наук СССР в Ленинграде и Москве, работал в этнографической секции Тихоокеанского комитета АН СССР. В. К. Арсеньев принимал также активное участие в работе Комитета содействия народам Севера при Далькрайисполкоме, занимался вопросами переустройства жизни и быта таежных народностей.

А. И. Тарасова характеризует В. К. Арсеньева как выдающегося гражданина, гуманиста, демократа-интернационалиста. В. К. Арсеньев с уважением и любовью относился к народностям Дальнего Востока. С нанайцем Дерсу Узала (с. 22) В. К. Арсеньев впервые встретился в августе 1906 г. Встреча с Дерсу Узала, ставшим для экспедиций В. К. Арсеньева надежным проводником по уссурийской тайге, положила начало длительным деловым и удивительно теплым дружеским отношениям между этими людьми совершенно различной социальной среды. Так же Арсеньев относился и к участнику его экспедиций китайцу Чжан Бао (с. 124).

Автор рецензируемой книги подчеркивает, что В. К. Арсеньеву принадлежит одна из первых попыток наметить периодизацию истории Уссурийского края» (с. 256) и, добавив от себя, поднять вопрос об аборигенах региона, об этногенезе этих народностей, об истории освоения русскими Дальнего Востока. По мнению В. К. Арсеньева, и в далеком прошлом Дальний Восток не был пустынным районом Азии. Подчеркивая аборигенное происхождение народностей Уссурийского края, в частности удэгейцев и родственных им народностей, автор монографии выделяет утверждение В. К. Арсеньева о том, что в крае жило многочисленное местное население, имевшее уже в сред-

ние века свою государственность и самобытную культуру. В XIII—XVII вв. вследствие нашествия монголов, опустошительных набегов маньчжуров, эпидемий и других причин край стал приходить в упадок. В XVII в. русские землепроходцы В. Поярков, Е. Хабаров, О. Степанов и другие застали здесь лишь немногочисленные местные племена, не входившие ни в одно из государственных объединений. В результате завершения формирования русско-китайской границы на Дальнем Востоке осваивавшийся русскими более двух столетий край окончательно вошел в состав России в 1860 г. А. И. Тарасова справедливо подчеркивает, что «этот исторический момент имел огромное прогрессивное значение для всей дальнейшей судьбы местных народностей и самого края» (с. 257).

В связи с проблемой периодизации истории Уссурийского края уместно отметить первое этнографическое исследование В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае», изданное в 1914 г. Значение этой работы состоит прежде всего в том, что В. К. Арсеньев пришел к обоснованному выводу: коренными жителями края были орочи, нанайцы и другие народности. До официального присоединения Приамурья к России в Уссурийском крае встречались, и то редко, лишь одиночные китайцы-отходники, с 20—30-х годов XIX в. приходившие сюда на промысел женьшеня и пушного зверя, а с наступлением холодов возвращавшиеся в Китай (с. 260).

Автор рецензируемой книги подчеркивает одно из важных направлений в экспедиционной работе В. К. Арсеньева — тщательное выяснение названий географических объектов, в результате чего он пришел к важному заключению, что «дальневосточная топонимика имеет местный

тунгусо-маньчжурский характер, что замена некоторых аборигенных географических названий китайскими происходила в позднейшее время, начиная со второй половины XIX в., когда в крае начали появляться китайские отходники» (с. 131). В. К. Арсеньев установил, что на картах Приморской области, основанных на съемках 1857 г., нет ни одного китайского названия.

Заслуживают внимания и содержательные приложения к монографии А. И. Тарасовой.

... То, о чем мечтал Арсеньев, свершилось — народности Дальнего Востока приобщились к социалистическому образу жизни. Там, где Арсеньев проходил пешком со своим другом Дерсу Узала, ныне проходит Байкало-Амурская магистраль. В честь В. К. Арсеньева назван город Арсеньев, и при въезде в него, на сопке Уальной, стоит памятник В. К. Арсеньеву, а на гранитной скале высечен рельефный портрет Дерсу Узала.

Рецензируемая монография является качественно новым, значительным и серьезным шагом вперед в изучении жизни и деятельности В. К. Арсеньева, в ней впервые вводится в научный оборот обширный документальный материал об Арсеньеве. Заслуживают внимания и содержательные приложения к монографии А. И. Тарасовой. Работа А. И. Тарасовой получила самую высокую оценку на состоявшемся в октябре 1985 г. в Хабаровске Общем собрании Приамурского (Хабаровского) филиала Географического общества СССР.

**Е. Ф. КОВАЛЕВ,**

*доктор исторических наук, профессор*

**А. П. ШУРЫГИН,**

*доктор исторических наук, профессор*

## Япония и страны АТР

Masahide Shibusawa. Japan and the Asian Pacific Region: Profile of Change. L., 1984, 196 p. (Масахидэ Сибусава. Япония и Азиатско-тихоокеанский регион: профиль перемен. Лондон, 1984, 196 с.).

В последнее время в политических и научных кругах Японии происходит заметное переосмысление роли этой страны в Азиатско-тихоокеанском регионе и значения этого района во внешнеполитической деятельности Японии. К числу исследований данной проблемы относятся и рецензируемая работа.

Ее автор, видный японский политолог Масахидэ Сибусава, занимал ряд важных постов, в том числе был членом трехсторонней комиссии, исполнительным директором семинара Восток — Запад. В своей книге он рассматривает широкий круг

проблем, возникших в АТР со времени окончания II мировой войны, а также основные особенности внешней политики послевоенной Японии.

Большое значение в формировании послевоенного японского внешнеполитического курса М. Сибусава отводит влиянию США. Автор прослеживает основные этапы истории японо-американских отношений на протяжении последних четырех десятилетий. При этом он отмечает, что главной особенностью этих отношений была и остается зависимость Японии от своего старшего партнера. Правда, японский ученый считает, что в определенные периоды (в начале 60-х и в начале 70-х годов) Япония во внешней политике отходила от курса Вашингтона (с. 22—23, 92). Однако, по-видимому, и тогда речь шла лишь о некоторой корректировке японского внешнеполитического курса с целью избежать гибельной для Японии привязки к наиболее опасным военно-политическим авантюрам США (таким, например, как война во Вьетнаме), а также о стремлении Токио обеспечить интересы японского капитала.

Говоря о японо-американских отношениях на современном этапе, автор утверждает, что они стали для Японии настолько важными, что ослабление ее сотрудничества с Соединенными Штатами может повлечь самые нежелательные для Японии последствия, в том числе падение курса иены, резкое ослабление экономической стабильности и политической безопасности (с. 162). Поэтому, по мнению М. Сибусавы, Япония и впредь будет стремиться к укреплению японо-американских отношений. При этом, однако, японский исследователь выражает озабоченность подходом США к американо-японским отношениям, который заключается, по его словам, в том, что, «когда Япония мала и слаба, США добры и щедры, а когда Япония становится большой и сильной, в США раздражаются и прибегают к жестким действиям» (с. 163). Автор выражает также недовольство тем, что Япония вынуждена вследствие подобной своей зависимости принимать все требования Вашингтона, хотя в них часто «не учитывается особенность развития японской послевоенной экономической структуры», порой же они носят не экономический характер, а «кажутся похожими на наказание Японии за упорный труд и технологическое превосходство» (с. 163—164). Таким образом, М. Сибусава отмечает две тенденции в японо-американских отношениях. С одной стороны, Япония намерена и впредь придерживаться курса на тесное сотрудничество с США; с другой — ее все больше не устраивает положение зависимого младшего партнера. Заявивший сильные экономические позиции, японский капитал выступает в последнее время с претензией на завоевание ведущих позиций и в глобальной политике. С этим связаны участвовавшие среди японских правящих кругов призывы к «приведению политического влияния Японии в соответствие с ее экономической мощью».

В качестве первоочередной задачи на пути достижения этой цели правящие круги Японии рассматривают расширение политического и экономического влияния в странах Тихоокеанского бассейна. Анализу отношений Японии с этими странами А. Сибусава отводит в своей книге наиболее видное место. В этом анализе японский политолог демонстрирует узко-националистический, буржуазно-классовый подход к рассматриваемым проблемам. Видя в развитии отношений стран АТР с другими странами мира препятствие к усилению влияния Японии в регионе, М. Сибусава пытается всемерно принизить значение этих отношений. Наибольшие опасения у японского политолога вызывает рост авторитета у государств региона политики СССР и других стран социализма. Стремясь воспрепятствовать этому процессу, автор повторяет избитые сентенции о пресловутой «советской и вьетнамской угрозе», заявляет о неприемлемости социализма как модели экономического развития (с. 6), восхваляет антикоммуни-

стический курс ряда стран региона, усматривая в нем «стремление к независимости» (с. 39). Стремясь изолировать развивающиеся страны АТР от других стран «третьего мира», японский автор порочит Движение неприсоединения, «сошедшее, — по его словам, — в лучшем случае, до уровня идеализма, а в худшем — до орудия коммунистических сил». В качестве альтернативы идеям Движения неприсоединения автор превозносит регионализм АСЕАН (с. 5). Нежелательно для японских правящих кругов и усиление в регионе позиций американского партнера-конкурента, поэтому политика США в Азии также подверглась критике японского автора. Он отметил, в частности, ряд отрицательных сторон тесной привязанности развивающихся стран к агрессивной политике США (с. 33—34).

В то же время исследователь пытается доказать «несомненную» выгоду для развивающихся государств АТР тесного сотрудничества с Японией, а также близость ее целей с интересами этих государств (с. 46, 148—156). Особая роль в этой связи отводится пропагандированию планов создания «тихоокеанского сообщества». Играя на стремлении малых государств региона к сотрудничеству с целью решения внутренних проблем, ссылаясь на развитие внутри АТР межгосударственных торгово-экономических отношений, японские правящие круги стремятся использовать предполагаемую структуру в своих целях, прежде всего — для усиления экономического и политического влияния Японии на развивающиеся страны АТР.

В молодых государствах видят угрозу подобной перспектив. Уже сейчас, как вынужден признать М. Сибусава, «зависимость от японского капитала является одной из принципиальных особенностей экономики региона» (с. 148). А ведь активное проникновение японского капитала в страны АТР началось сравнительно недавно, по мнению автора, этот процесс стал набирать силу со второй половины 60-х годов (с. 41—46). Но уже к началу 70-х годов в молодых государствах АТР поднялась волна протеста против угрозы японского экономического господства. В 1972—1974 гг. по всей ЮВА прокатились демонстрации, кампании бойкота японских товаров (с. 73—78), которые М. Сибусава назвал «шоком» для правящих кругов Японии, вынудившим их пойти на уступки требованиям народов стран региона. Тем не менее до сих пор в отношениях Японии со странами АТР существуют серьезные проблемы, среди которых — отказ Японии увеличить импорт из развивающихся стран региона, нежелание японских монополистов пойти на заключение соглашений о стабилизации цен на экспортные товары молодых государств, угроза роста японского милитаризма (с. 149, 150—151, 175).

Неудивительно поэтому, что даже далеко продвинувшиеся по пути развития капиталистических отношений страны АСЕАН отнеслись к японской идее созда-

ния «тихоокеанского сообщества» с большой настроенностью. В этой связи М. Сибусава делает не слишком оптимистичный прогноз относительно будущего планируемой организации: «Очевидно, что огромная культурная и политическая разнородность стран Тихоокеанского бассейна не позволит им образовать тесно спаянную экономическую группу, подобную ЕЭС. Только одна проблема членства, включающая трудноразрешимый вопрос о китайско-тайваньском представительстве, будет едва ли преодолима» (с. 148). Тем не менее Япония, по мнению автора, «останется детерминирующим фактором в развитии региональной экономики в 80-е годы и в последующий период. Опора на японский капитал с целью усиленного развития, в особенности в области обработки сырья и осуществления крупномасштабных индустриальных проектов, будет расти» (с. 156).

Большой интерес в Японии вызывает возможность усиления экспансии японского капитала в КНР. С нескрываемым удовлетворением М. Сибусава пишет об усилении японо-китайских связей (с. 157). Особые надежды возлагаются японским политологом на происходящий, по его мнению, отход китайского руководства от принципов социализма (с. 6, 109).

М. Сибусава считает, что дальнейший прогресс в этом направлении может произойти в результате присоединения к КНР Гонконга с его рыночной экономикой. Дестабилизирующие для КНР последствия такого шага могут быть весьма существенны (с. 128). Весьма оптимистично смотрит японский политолог и на перспективу сближения КНР с Японией и другими странами «свободного мира» в военно-политической области. М. Сибусава напоминает, например, о положительном отношении руководства КНР к планам усиления военной мощи Японии, укреплении ее военного союза с США. Как о реальной возможности М. Сибусава пишет о выступлении КНР на стороне Запада в случае возникновения в Европе военного конфликта между двумя противостоящими группировками (с. 134—135).

Что касается позиции М. Сибусавы в отношении проблем безопасности Японии, то следует отметить ее крайнюю противоречивость. С одной стороны, японский политолог считает, что ввиду чрезвычайной уязвимости Японии ведение военных действий для страны не имеет смысла, поэтому главные усилия должны направляться не на укрепление военной мощи, а на борьбу «за мир и стабильность, сохранение системы свободной торговли и обеспечение доступа к жизненно важным природным ресурсам» (с. 165—167). С другой, М. Сибусава говорит о необходимо-

сти устранения «односторонности» в распределении военных обязанностей США и Японии в АТР, то есть ратует за усиление роли японских вооруженных сил (с. 169—170).

Столь же непоследователен М. Сибусава и в своих рассуждениях о существовании угрозы для Японии со стороны СССР. С одной стороны, он повторяет безосновательные доводы о наличии «советской угрозы» странам Азии (с. 134, 169). С другой, он заявляет, что «СССР не является главной угрозой для Японии», что «Япония не разделяет американскую точку зрения о неизбежности агрессии СССР в Южной и Юго-Восточной Азии» (с. 166), что Вооруженные Силы СССР, дислоцированные в Восточной Сибири, предназначены не для вторжения в Азию, а для ее нейтрализации в случае мировой войны (с. 135).

Причина такой противоречивости, думается, в том, что автор, учитывая настроения широких слоев населения, выступающих против усиления в стране милитаризма, следует в целом платформе нынешнего правительственного кабинета Японии, рассматривающего усиление военной мощи как средство для «повышения роли Японии в глобальном масштабе» (с. 170). Стремясь принизить значение японского антивоенного движения, М. Сибусава называет его «уловкой» оппозиции в борьбе против правящей Либерально-демократической партии. Однако автор вынужден признать, что политика ЛДП, направленная на усиление японской военной мощи, может привести к возврату предвоенной милитаристской авторитарной формы государственного правления (с. 93—94). Как о факторе, серьезно ослабляющем позиции антивоенных сил, М. Сибусава говорит о поддержке военных планов правящих кругов Японии руководством КНР (с. 95). В то же время в книге японского политолога говорится о существовании серьезных опасений по поводу милитаризации Японии среди развивающихся стран АТР, в том числе у государств АСЕАН (с. 175).

Анализируя рецензируемую работу, следует отметить, что, несмотря на тенденциозность в оценке целого ряда явлений, книга М. Сибусавы будет интересна исследователям, занимающимся проблемами Японии и азиатско-тихоокеанского региона. Из этой монографии можно составить представление об основных тенденциях современной внешнеполитической стратегии Японии. Книга представляет дополнительный интерес, поскольку позиция автора близка позиции официального Токио.

О. Л. ОСТРОУХОВ

## Сеул в путях неоколониализма

А. А. Прошин, А. А. Тимонин. Неоколониализм США и Южная Корея. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы. 1985, 190 с.

Образование стран социализма в Европе и Азии, подъем национально-освободительного движения, начавшийся процесс распада системы колониализма в результате разгрома во второй мировой войне гитлеровского фашизма и японского милитаризма вынудили империализм искать новые пути закабаления народов, выразившиеся в неоколониалистской политике. При этом ставилась задача, с одной стороны, сохранить и упрочить в освободившихся странах власть своих монополий, а с другой — блокировать социализм, навязать «третью модель» политического и экономического развития, противопоставить ее социализму.

Особое внимание США как главного проводника неоколониалистской политики было обращено на Корейский полуостров, где Вашингтон пытался и пытается сделать Южную Корею «витриной свободного мира», создать один из форпостов «отбрасывания коммунизма» в Азии. Именно здесь империализм предпринял закончившуюся полным провалом первую попытку силой оружия изменить соотношение сил в мире, развязав с далеко идущими планами агрессию против Корейской Народно-Демократической Республики в 1950—1953 гг.

В нынешней сложной международной обстановке значимость для империализма Южной Кореи еще более возрастает. Юг Корейского полуострова остался одним из последних американских опорных пунктов на Азиатском континенте и превращается, по замыслам пентагоновских стратегов, во «фронтонную зону обороны» США.

Исследованию процесса закабаления Южной Кореи и подчинения сеульского режима империалистическим интересам посвящена рецензируемая монография. В работе А. А. Прошина и А. А. Тимонина на широком документальном материале исследуется механизм взаимосвязи между внутренним экономическим, политическим и социальным развитием Южной Кореи и политикой Соединенных Штатов. «В течение всего периода существования Южной Кореи, — пишут авторы, — главной целью неоколониализма является сохранение» ее в политической и экономической орбите капитализма (с. 3).

Под давлением и при непосредственном участии американских монополий в Южной Корее была создана экспорториентированная экономика, целиком и полностью базирующаяся на привлечении иностранного капитала. «Благоприятное» для иностранных, и прежде всего американских, монополий законодательство предоставляет право беспошлинного ввоза машин и оборудования для

строительства предприятий и на неограниченное получение доходов. А доходы немалые. Средний уровень заработной платы южнокорейских рабочих в начале 80-х годов составлял только 13 % зарплаты американского рабочего<sup>1</sup>. В течение пяти лет иностранные фирмы, действующие в Южной Корее, полностью освобождаются от уплаты налогов. Принятый в 1972 г. «закон о гарантиях погашения займов» предусматривает ответственность сеульской администрации за платежеспособность частных иностранных фирм. Правительство Южной Кореи гарантирует неприкосновенность частной собственности иностранных предпринимателей.

Авторы аргументированно разоблачают попытки буржуазных ученых представить «южнокорейскую модель экспортной экономики» в качестве образца для развивающихся стран и доказывают ее несостоятельность как полностью подчиненной неоколониалистским интересам транснациональных монополий. США и Япония, предоставив Сеулу подавляющую часть капитала, связали его огромным и все возрастающим долгом. По состоянию на конец 1984 г. внешняя задолженность Южной Кореи составляла 43,1 млрд. долл. В 1985 г. только по процентам на займы она выплатила 6 млрд. долл.

Монополии США и Японии, используя относительно дешевую местную рабочую силу, переместили на Юг Кореи трудоемкие и экологически вредные отрасли промышленности, глубоко проникли в южнокорейскую экономику, что само по себе является формой неоколониалистской эксплуатации (с. 43—45). Они создали там незавершенные производства, замыкающиеся на предприятиях в других странах, активно влияют на внешнеэкономические связи Южной Кореи.

Вместе с тем, подчеркивают авторы, «благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, сохранявшаяся до 1973 г., позволила Южной Корее создать промышленный потенциал, давший возможность перейти к формированию некоторых отраслей тяжелой индустрии» (с. 158), усилению концентрации капитала, образованию крупнокапиталистического сектора.

Характерными чертами южнокорейского крупного капитала является тесный союз с иностранными монополиями и распространение экономических и политических интересов за пределы Южной Кореи, что связано с тем, что рост крупнокапиталистического уклада опирался прежде всего на экспортное производство и внешнюю торговлю.

Противоречивый и сложный процесс социально-экономического развития Южной Кореи отразился на идеологии и политике режима, ставших концентрированным выражением экономических воззрений сеульской правящей верхушки.

Большой интерес представляет глава монографии, в которой рассматривается малоисследованная в советском кореведении идеологическая платформа режима Пэк

<sup>1</sup> См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 2, с. 105.

Чжон Хи. Каждому этапу экономического развития Южной Кореи соответствовала определенная политико-экономическая доктрина, выполнявшая специфическую социальную функцию.

В книге разоблачаются теории «модернизации», «административной демократии», «коренизированной демократии», которые были призваны идеологически подкрепить социально-экономическую политику режима Пак Чжон Хи. Идеологи империализма не случайно увязывали теорию «модернизации» с концепцией «индустриализации», которая, как отмечают буржуазные экономисты, могла быть осуществлена при условии «сильного политического руководства». Как утверждали апологеты сеульского режима, только «руководство сверху способно навести в стране порядок и энергично осуществить процесс индустриализации» (с. 99). Таким образом уже в первые годы после прихода к власти Пак Чжон Хи (1961) были приняты попытки обосновать необходимость «сильной личности» для наведения «порядка».

Следующим этапом на пути формирования политико-идеологических основ режима стала реализация на практике доктрины «административной демократии». Эта теория отражала «стремление южнокорейского руководства создать такую политическую систему, которая, допуская некоторые элементы буржуазной демократии, предоставляла бы возможность дальнейшей трансформации режима вправо» (с. 101).

Такая трансформация произошла в начале 70-х годов. Неурядицы в экономике Юга, отсутствие элементарных буржуазно-демократических свобод усилили кризис режима личной власти. Оппозиция Пак Чжон Хи нарастала, что особенно проявилось в ходе выборов в Национальное собрание в 1972 г., когда правящая Демократическая республиканская партия (ДРП) лишилась абсолютного большинства в парламенте. Нарастающий кризис власти южнокорейский режим, тесно связанный с международными империалистическими силами, разрешил путем «хирургической операции».

В октябре 1972 г. Пак Чжон Хи объявил «чрезвычайное положение», разогнал парламент, распустил партии, кроме правящей, запретил всякую политическую деятельность, установил строгую цензуру над средствами массовой информации. В Южной Корее была введена так называемая «Конституция октябрьского возрождения» (Юснн). Новая конституция расширила права президента, урезав одновременно прерогативы Национального собрания. Президент по конституции обладал неограниченными полномочиями, в том числе правом роспуска парламента, назначения  $\frac{1}{3}$  депутатов. Избрание президента осуществлялось путем косвенного голосования — так называемой Национальной конференцией по объединению (НКО), в которую были включены сторонники Пак Чжон Хи.

В 1973—1975 гг. внутривнутриполитическая ситуация на Юге еще больше обострилась. Режим пошел на то, чтобы ввести новые драконовские законы, запрещавшие любую

критику администрации и президента, а также «Конституции октябрьского возрождения». Видные деятели оппозиции — бывший президент Юн Бо Сун и Ким Тэ Чжун, соперник Пак Чжон Хи на президентских выборах в 1970 г., были отданы под суд и приговорены к различным годам тюремного заключения.

В октябре 1977 г. новые антиправительственные выступления были подавлены. Правящий режим был вынужден маневрировать, искать дополнительные средства идеологического обоснования своего существования. Так, была пущена в оборот концепция «корейской демократии». Отвергая «европейскую демократию» как не отвечающую историческим условиям существования южнокорейского общества, идеологи режима всячески восхваляли авторитаризм, который, по их мнению, может наилучшим образом противостоять коммунизму (с. 143). Такой подход основывается на использовании традиций корейского национализма, характерных для развития феодального корейского государства. Идея «национальной самобытности», национального субъективизма (чучхесон) наряду с субъективно-идеалистическим направлением американской политологии оказали непосредственное воздействие на формирование идеологических концепций режима Пак Чжон Хи (с. 131—135).

Положение в Южной Корее развивалось, однако, не по составленным схемам. Кризис власти, экономический спад, конфликт внутри общества обрекли на гибель диктатора и его режим (1979).

Приход на смену Пак Чжон Хи Чон Ду Хвана мало что изменил на Юге Корейского полуострова. Более того, режим Чона унаследовал многое из идеологического багажа своего предшественника. В рецензируемой работе в этой связи отмечается, что, «повторяя идеологические лозунги Пак Чжон Хи, Чон Ду Хван постоянно подчеркивает необходимость установления «коренизированной демократии», внедрения в сознание широких слоев населения чувства „национальной самобытности“» (с. 165). Правящая верхушка включила в арсенал идеологических средств социальную демагогию и активно использует ее с целью расширения базы режима. Нельзя не согласиться с выводом авторов о том, что «сходство официальной идеологии и методов политического господства режимов Чон Ду Хвана и Пак Чжон Хи в значительной степени объясняется преемственностью основных тенденций и направлений социально-экономического развития Южной Кореи до и после 1979 г.» (с. 167).

Произведенное с участием Соединенных Штатов «обновление» политического фасада Южной Кореи не повлияло на ее положение. Юг по-прежнему находится в полной зависимости от США. Вместе с тем мы наблюдаем попытки Соединенных Штатов втянуть сеульский режим в спон агрессивные планы в Азии, создать здесь новую военно-политическую структуру, основу которой составляет тройственный милитаристский альянс Вашингтон — Токно — Сеул.

Думается, что выводы, к которым приходят авторы монографии, выходят за рамки только Южной Кореи и могут быть отнесены к целой группе развивающихся стран капиталистической ориентации, во многом повторяющих в своем развитии пройденный ею путь. Это обстоятельство, несомненно, повышает научную и практическую ценность исследования, адресованного широко кругу читателей, интересующихся совре-

менными проблемами социально-политического и экономического развития государств «третьего мира».

**В. И. АНДРЕЕВ,**

*кандидат экономических наук*

**В. И. ОСИПОВ,**

*кандидат юридических наук*

## Крах полпотовского «эксперимента»

Д. В. Мосяков. Кампучия. Особенности революционного процесса и полпотовский «эксперимент». М., «Наука», Главная редакция восточной литературы. 1986, 166 с. — Рез. на англ. яз.

В рецензируемой монографии освещаются основные этапы революционного процесса в Кампучии с начала организованной вооруженной борьбы против французского колониализма в 1946 г. до конца 70-х годов, когда был свергнут антинародный полпотовский режим. Следует отметить сложность и новизну решаемой автором задачи, а также научную и практическую значимость работы Д. В. Мосякова: данное исследование посвящено зарождению и последующему развитию социальных, идейных и политических корней такого феномена, как полпотовский «эксперимент», поставившего народ Кампучии на грань национальной катастрофы. Подобное комплексное изучение проблем, связанных с историей революционного движения в Кампучии, предпринято впервые.

Кампучия в обозреваемый период являлась слабо развитой страной со значительными пережитками феодализма, незрелыми социально-экономическими отношениями. В кампучийской буржуазии в тот момент довольно отчетливо выделились три группы: компрадорская (представленная почти целиком буржуазией китайского происхождения, игравшей роль посредника между иностранным капиталом и местной властью); «бюрократическая», которую составляли кхмеры — чиновники госаппарата; национальная, к которой относились собственники кустарных и мелких промышленных предприятий сферы обслуживания (с. 11).

Рабочие составляли лишь незначительную долю населения Кампучии, существенная их часть приходилась на крестьян-отходников, участвовавших в промышленном производстве в свободное от сельскохозяйственных работ время. В рабочей среде преобладала традиционная крестьянская психология.

Особого внимания заслуживает крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения страны. В стране преобладало крестьянство традиционного типа, под-

вергавшееся, по существу, феодальной эксплуатации (налоговой, рентной и торговоростовщической). Так, по данным на 1963 г., крестьяне-бедняки с наделами менее 1 га составляли 30,7 %, причем в их распоряжении находилось лишь 5,2 % всего пахотного фонда. В прослойку парцелльного крестьянства входили и крестьяне с наделами в 1—2 га, расположенными в отдаленных и малопригодных для земледелия районах страны, где урожайность не превышает 0,7—0,8 т риса с га. Владельцы таких наделов не могли обеспечить своим семьям даже минимального прожиточного уровня и были вынуждены искать дополнительные источники доходов (в виде аренды земли или работы по найму). Разорение и расслоение крестьянства сопровождалось ростом общей задолженности деревни (с. 10).

Принудительная товарность крестьянских хозяйств, вызванная рентной или налоговой эксплуатацией, приводила к распространению среди крестьянства антирыночных настроений. Патриархальный образ жизни ограничивал кругозор крестьян деревней, они не знали жизни города, воспринимали его как коллективного эксплуататора, не представляли значения событий в мире вне деревни. «Чем более отсталой является страна, — писал В. И. Ленин, — тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»<sup>1</sup>.

Социальный и экономический кризис, связанный с разложением традиционного общества и обострившийся в связи с прямой агрессией США против Кампучии (1970—1975), возбуждал в традиционном крестьянстве настроения в пользу полного возврата к патриархальным порядкам, к идеям абсолютного равенства и имущества, создания системы социального страхования и поддержки, исключающей опасность разорения и т. д. Особенное распространение эгалитаристские воззрения получили среди пауперов, число которых в условиях американской агрессии резко возросло. Следует учитывать и то обстоятельство, что низкий уровень социально-экономического развития, неграмотность, незнание и непонимание жизни вне деревни вели к полной неспособности крестьянства адекватно выразить свои нужды.

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 168.

В этой связи вызывает интерес проведенный Д. В. Мосяковым анализ программы «кхмерского буддийского социализма», выдвинутой правящими кругами страны во главе с Н. Снануком. Как показывает автор, эта программа, в идеологическом отношении представлявшая собой довольно причудливое сочетание идей непролетарского социализма и этических норм буддизма, была направлена, с одной стороны, на поощрение развития национального капитала, с другой — на предотвращение процесса разорения традиционного крестьянства, с тем чтобы сохранить его в качестве социальной базы режима. Для достижения этой цели государство, не меняя по сути патриархальных отношений, существовавших в деревне, пыталось, в частности, направить избыточные рабочие руки, массу разорявшихся крестьян на освоение нетронутых или пустующих земель на северо-востоке и северо-западе страны (с. 16).

К концу 60-х годов идеи «кхмерского буддийского социализма» вступили в противоречие с изменившейся расстановкой социальных сил. Его программа уже не отражала интересов широких слоев городского населения, втянутых в капиталистические отношения. В деревне же, социальное развитие которой в гораздо большей степени характеризовалось застойностью, лозунги «кхмерского буддийского социализма» продолжали оставаться популярными. Именно поэтому после реакционного переворота Лон Нола (1970) многие из них были использованы национально-освободительными силами в борьбе против проамериканского лонноловского режима.

Прогрессивные силы во главе с Народно-революционной партией Кампучии (НРПК) в течение длительного времени вели борьбу за реализацию чаяний народных масс в трудных условиях. Защищая интересы широких слоев населения, они активно боролись за слом старого, феодально-бюрократического государственного аппарата, за проведение в жизнь прогрессивных социально-экономических реформ, против негативных сторон деятельности Н. Снанука — преследования прогрессивных сил, усиления его личной власти, роста коррупции и т. д. Кроме того, коммунисты выступали в поддержку проводившейся правительством Н. Снанука политики нейтралитета, носившей в целом антиимпериалистический характер и отвечавшей интересам кхмерского народа. Эта политика подвергалась постоянным нападениям со стороны империализма и правой реакции. В сложных условиях от кампучийских коммунистов требовалась выработка исключительно точной политической линии с учетом всех социально-классовых и конкретно-исторических обстоятельств внутри- и внешне-политической обстановки.

Против линии руководства НРПК выступили в конце 50-х годов такие деятели, как Ху Юн, Ху Ним, Кхнеу Самфан, Салотх Сал (Пол Пот), Иенг Сари, Сон Сен. Все они находились под сильным воздействием левацких, троцкистских (позже маонистских), националистических воззрений. Полпотовская группировка повела борьбу за захват

руководства НРПК. Выбрав в качестве опоры наиболее отсталые слои крестьянства, ориентируясь на них в политическом отношении, полпотовцы приспособливали свою программу к их уравнилельским, псевдосоциалистическим представлениям, к быстро нараставшему в результате усилившегося разорения экстремизму беднейшего крестьянства.

Большой интерес в этой связи представляет проведенный автором углубленный анализ концепций таких близких к Пол Поту теоретиков Кампучийской коммунистической партии (так стала называться партия под нажимом Пол Пота после 1963 г.), как Ху Юн, Ху Ним и Кхнеу Самфан. Эти концепции еще не освещались так широко и обстоятельно в научной литературе по Кампучии, впервые вскрыты автором. Хотя читатель легко обнаружит, что полпотовцы отнюдь не оригинальны, их воззрения — репродукция известных маонистских подходов.

У нас нет возможности подробно проанализировать установки идеологов «полпотовщины», приведем лишь наиболее характерные, репрезентативные их высказывания. Так, с точки зрения Ху Юна, крестьяне-бедняки (фактически он ведет речь о патриархальном, парцельном крестьянстве) — это самый революционный класс. Беднейшее крестьянство, по мнению Ху Юна, отличаются следующие черты:

«Этот класс не является угнетателем, ему присущи высокая мораль и нравственность. Представителям его чужды привычки к плохим и антигуманным действиям, ко лжи.

Этот класс имеет собственный опыт в производственной деятельности, в сельскохозяйственном труде, в борьбе с природными условиями.

Этим классом движут только самые чистые и честные побуждения» (с. 54). Налицо идеализация беднейшего крестьянства, ненаучная, искаженная оценка его побудительных мотивов, роли и места в революционном процессе. Сходные мысли относительно беднейшего крестьянства выражались всеми идеологами из окружения Пол Пота.

Закрепив существование растущей в результате расслоения кхмерской деревни категории безземельного и беднейшего крестьянства, Ху Юн основными причинами этого процесса считал такие, как ростовщичество, несправедливое распределение доходов между городом и деревней, неспособность крестьян противостоять капризам погоды. Нетрудно заметить, что выводы Ху Юна в конечном счете выражают стихийно выявившиеся взгляды патриархального крестьянства — отрицание товарности, которой противопоставляется натуральное хозяйство, антиурбанистские настроения («город эксплуатирует и разоряет кхмерскую деревню»). Фактически Ху Юн проповедовал поворот в общественном развитии вспять, к «золотому веку» патриархального идеала всеобщего равенства (с. 60).

Магистральный путь строительства социализма в Кампучии Ху Юн видел в создании и широком распространении крестьянских кооперативов, «где нет классовых различий, привилегированных слоев, где

никто не имеет личных выгод и все движимы общим интересом» (с. 63). В этом перечне принципов кооперативного движения особенно явно видна приверженность Ху Юна идеалам традиционного общинного крестьянства. В целом уравнилельские представления кхмерского крестьянства являлись сердцевинной всей кооперативной программы Ху Юна.

Точка зрения Ху Нима по основным проблемам внутреннего развития страны в общем совпадала со взглядами Ху Юна. Но он в большей степени, чем последний, стоял за то, чтобы осуществлять преобразования кампучийского общества с опорой на собственные силы, поскольку якобы именно такой путь быстро выводит отсталые страны на уровень передовых. Этот тезис означал не что иное, как идею изоляции страны, автаркии. Ху Ним предлагал отказаться от любых видов зарубежной помощи, максимально сократить объем внешней торговли, ибо через торговлю «империалисты проникают в страну, закабаляя ее» (с. 71). Д. В. Мосяков показывает, что тезис Ху Нима о возможности строительства социализма только в условиях полной изоляции заключал в себе и более глубокий смысл. Речь шла о стремлении Ху Нима и его сторонников, отгородившись от остального мира, создать в Кампучии «идеологический вакуум» и заполнить его исключительно собственными идеологическими установками. Этот замысел был впоследствии реализован полпотовцами (с. 73).

Кхиу Самфан рассматривал строительство социализма как все более полное обобществление имущества крестьян и их труда. При этом вся страна виделась ему сообществом кооперативов (именно такой попыткой сделать ее, придя к власти, полпотовцы) (с. 76).

Представители полпотовской группировки постепенно подготавливали захват руководства сначала в ККП, а затем и в созданном в 1970 г. Национальном едином фронте Кампучии (НЕФК). Параллельно в группировке «Кхмае крохом» (или «красные кхмеры», как ее называли на Западе) сложились и весьма остро столкнулись два крыла: «умеренных» во главе с Ху Юном и «крайних» во главе с Пол Потом. Надо сказать, что эта тема до сих пор подробно не затрагивалась в литературе. Д. В. Мосяков фактически первым исследует ее. При всем принципиальном сходстве установок, выдвинутых группировками «умеренных» и «крайних», в их позициях явно проступали различия. Так, Пол Пот и его группа считали аграрную программу Ху Юна половинчатой, не завершающей полностью процесс обобществления. Полпотовцы выражали согласие с тезисом Ху Юна об эксплуатации городом деревни, но в отличие от него выступали за полное уничтожение городов. Если Ху Юн лишь противопоставлял натуральную (или, как он выражался, «природную») экономику экономике товарной, то Пол Пот стремился и на практике утвердить абсолютное господство натурального хозяйства. Ху Юн не отвергал денежной системы,

полпотовцы полностью отрицали необходимость ее существования (с. 101—102).

К 17 апреля 1975 г. в Кампучии сложилась ситуация, позволившая полпотовцам захватить всю полноту власти в стране. В результате они получили возможность претворить в жизнь задуманный «эксперимент»: построить новое общество, не считаясь с объективными закономерностями. Он реализовался через ликвидацию городов и их жителей, разрушение экономических структур, упразднение денег, торговли, средств транспорта, естественных форм общения людей, путем утверждения общества военизированного типа, состоящего из изолированных сельскохозяйственных коммун, где все, одинаково одетые и живущие в одинаковых домах, много трудятся и мало потребляют, где полностью отсутствует личная собственность. В основу всей социально-экономической политики полпотовцев был положен доведенный до абсурда идеал уравнилельности (с. 107—108).

Принципиально важной представляется мысль автора о стремлении полпотовцев использовать в своей практике, несмотря на кажущийся полный разрыв с кхмерским традиционализмом, некоторые элементы традиционной кхмерской идеологии. В первую очередь это касалось организации и функционирования государственной власти, превращенной в поистине деспотическую силу. Ее отличие от традиционного кхмерского представления о государственной власти состояло лишь в том, что в «царистском» сознании крестьянских масс идея высшего обожаемого существа подменялась идеей «народа» и Анпки (организации) как полных распорядителей жизни отдельно взятого человека (с. 101—102).

В условиях полпотовской Кампучии это вылилось в попытку утвердить господство правящей элиты в лице группировки Пол Пота, которая целиком и полностью решала бы судьбы кампучийского народа. Последнему же отводилась роль лишь «материала» по претворению в жизнь полпотовского «эксперимента». Вследствие этого полпотовцы при реализации своего «эксперимента» стремились фактически законсервировать политическую и общую неразвитость крестьянства с тем, чтобы паразитировать на ней. Это выразилось и в стремлении Пол Пота полностью изолировать Кампучию от внешнего мира, прервать ее связи с другими странами (за исключением Китая). Одновременно полпотовцы повели линию на крайнее обострение отношений со всеми соседями, особенно с СРВ.

Социально-экономическая программа Пол Пота, выдвинутая в конечном счете в политику геноцида, вызвала решительное сопротивление кампучийского народа. В результате выступления широких народных масс, руководимых подлинно революционными силами, антинародный режим рухнул, а пресловутый полпотовский «эксперимент» закончился закономерным крахом.

Ю. М. РЯКИН

## Энциклопедия средневековой Японии

А. А. Искендеров. Тоётоми Хидэёси. М. «Наука», Главная редакция восточной литературы 1984, 447 с., ил.

**XVI** век в истории Японии ознаменован переходом от периода феодальной раздробленности к формированию централизованного государства. Это была бурная эпоха. Она постоянно привлекает внимание не только историков, но и деятелей культуры. Не случайно Акира Куросава свой последний фильм, навеянный мотивами шекспировского «Короля Лира» и сделанный именно на материале этой эпохи, назвал «Ран» — «Хаос». Для того чтобы хаос преобразовался в систему единого государства, нужны были сила и воля, искусство политика и дипломата, воплощенные в одном лице. Такой исторической личностью явился выдающийся полководец и реформатор Тоётоми Хидэёси.

Историки по-разному пытались раскрыть личность Тоётоми Хидэёси. Японская историография возвела его в ранг национального героя. Вышедшая в 1888 г. популярная книга Уолтера Денинга «Жизнь Тоётоми Хидэёси» приукрашивала имя объединителя Японии множеством легенд<sup>1</sup>. Были переведены и изданы письма Хидэёси<sup>2</sup>; американская исследовательница М. Е. Берри попыталась проанализировать социальные последствия проведенных им преобразований<sup>3</sup>. Но только известному советскому историку А. А. Искендерову удалось создать комплексный труд, в котором биография Тоётоми Хидэёси, являясь стержнем книги, органически связана с историей экономики, политики и культуры средневековой Японии.

Обнажая перед читателем вертикальный и горизонтальный срезы социальной структуры феодальной Японии, А. А. Искендеров убедительно показывает, что главной исторической потребностью японского общества в этот период было создание единого государственного и хозяйственного механизма, который обеспечил бы дальнейшее развитие страны. Первым ус-

ловием достижения этой цели был мир. Но путь к миру лежал через полосу войн за подчинение влиятельных и могущественных феодальных домов единой власти. В роли первого объединителя Японии выступил Ода Нобунага.

Именно он, Ода Нобунага, твердо и последовательно повел борьбу против феодальной раздробленности, наметил политические, идеологические и экономические меры, которые должны были дополнить его военные усилия в деле построения государственности. Но он пал жертвой мелкого дворцового заговора. Его жизнь и планы оборвала, казалось бы, чуждая случайность, однако на деле она была обусловлена закономерностями и логикой борьбы. Характеризуя исторический этап развития японского общества второй половины XVI в., А. А. Искендеров отмечает, что «страна вступала в полосу острой внутриполитической борьбы, которая приняла форму опустошительных феодальных войн, заговоров, тайных убийств, жестоких и кровавых расправ с противниками» (с. 25).

Как бы то ни было, Ода Нобунага указал путь, на который вступил его ближайший ученик и сподвижник Хидэёси. На этом пути он один должен был победить многих, причем большинство из них были сильнее его. Поэтому война лежала в основе его политического мышления. Японские историки пытаются иногда интерпретировать роль феодальных войн таким образом, что они якобы ускоряли прогресс развития производительных сил и являлись фактором роста экономического потенциала страны. Позиция советского автора в этом вопросе принципиально важна: в книге на обширном материале доказано, что усовершенствование средств ведения войны, принятие на вооружение огнестрельного оружия, импорт боевой техники из Китая и Европы, производство холодного оружия для вывоза в Китай — все это имело отрицательные последствия, не укрепляя, а, наоборот, разрушая производительные силы общества, стимулируя лишь их одностороннее развитие (с. 40).

Как полководец и политик, Хидэёси выступал на исторической сцене относительно недолго. До 1582 г. он в течение почти четверти века служил в войсках Ода Нобунага, отдавая ему свой военный талант и пользуясь его расположением и доверием. Последующие 16 лет были периодом правления самого Хидэёси. Но и из этих 16 лет лишь первое десятилетие он шел к вершине славы и могущества, достиг их и благодаря им запечатлен в истории в качестве одного из творцов мировой политики.

Монография А. А. Искендера — это книга-размышление, книга, не только и не столько воспроизводящая для нас картины далекого прошлого истории чуждой и немного загадочной страны, сколько заставляющая читателя самого задуматься над проблемами, стоявшими перед Хидэёси, а затем на протяжении многих лет му-

<sup>1</sup> In: W. Denning. The Life of Toyotomi Hideyoshi. Tokyo. Nakubun-Sha, 1888; в 1904 г. эта книга была переиздана в Издательстве методистской церкви в Токио; в 1930 г. она вышла в свет в Кобе с предисловием, примечаниями и документами, подготовленными дочерью автора, М. Е. Денинг; с этого издания она была перепечатана издательством AMS Press Inc. в Нью-Йорке в 1971 г.

<sup>2</sup> In: 101 Letters of Hideyoshi. Transl. and ed. by A. Boscaro. Tokyo, 1975.

<sup>3</sup> In: M. E. Berry. Hideyoshi. Cambridge — Mass., 1982.

жившими историков. Это удается автору за счет использования им всего богатейшего арсенала исследования, которым располагает современная историческая наука.

Во всем многообразии рассмотрен правящий класс. Императорский двор, крупные феодалы, новые дайме, считавшие свои владения «государствами в государстве», самураи — все они предстают перед нами живыми персонажами, благодаря тому что А. А. Искендеров не только раскрывает их социальное положение и функции, но и на конкретных примерах показывает их реальную жизнь. С документальной точностью, например, рисуется быт феодального дома Асакура из провинции Этидзэн, так как автор воспроизводит кодекс, составленный основателем этой фамилии и регламентировавший все стороны жизни в его владениях (с. 43). Специальная глава знакомит читателя с самурайством, причем знакомит всесторонне: как воспитывался самурай и каким мечом он пользовался, каковы были правила его поведения и на какие доходы он жил и содержал семью.

Экономика феодальной Японии отличалась высоким уровнем организации производства. В рассматриваемый период японские крестьяне выращивали до 100 сортов риса, 12 сортов пшеницы, ячменя, проса, 14 сортов бобовых. В стране существовала и высоко развитая добывающая и обрабатывающая промышленность. Япония в XVI в. играла значительную роль в международной торговле. Португальцы ежегодно вывозили из Японии серебра на полмиллиона крусадо, а в минский Китай лишь за первую половину XVI в. было отправлено 100 тыс. японских мечей.

Не только социально-политические условия и экономические отношения характеризуют жизнь общества. Отличительная черта книги — широта ее исследовательского диапазона, придающая ей энциклопедичность. Литература и искусство, архитектура и религиозные обычаи — все исследовано в книге А. А. Искендерова четко и точно на основании источников, причем как источников японского происхождения, так и повествований португальских миссионеров, когда речь идет о первых европейцах в Японии. Этому сюжету посвящена отдельная очень важная для понимания всех событий глава.

После того как читатель обогащен всеми этими знаниями, он подготовлен к тому, чтобы проследить перипетии политической и военной борьбы, которую вел Хидэеси. И здесь открывается другая интересная особенность авторского повествования: подобно тому как в кино чередуются общие и крупные планы, позволяющие видеть и весь лес в целом, и в случае необходимости каждое дерево, так и в политической биографии Хидэеси А. А. Искендеров анализирует общие проблемы: решение внутривластных задач, подготовку и осуществление походов, реформы государственной системы, перемежая их скрупулезно выписанными от-

дельными деталями — биографиями тех или иных персонажей, батальными сценами, описаниями садов и чайных церемоний, диалогами исторических деятелей и отрывками из их эпистолярного наследия. Порой автор смело переходит на беслетристический стиль: «Итак, выслушав напутственные слова Маусунта Кахэй, Хидэеси распрощался с ним и направился в родную провинцию Овари. На душе у Хидэеси было грустно и радостно. Грустно оттого, что навсегда расставался с милым и добрым человеком, который приютил его и многому научил...» (с. 83). Эта авторская манера постоянно стимулирует читательский интерес к материалам исследования.

Придя к власти, Хидэеси приступил к решению нескольких проблем. Первой из них была задача консолидации собственной власти. С этой целью он предпринял перераспределение феодальных владений, чтобы ослабить влияние удельных князей, а также ликвидацию многих феодальных замков — сосредоточение власти и военной силы. Был введен принцип: «В одной провинции — один замок». Одновременно было произведено упорядочение государственного механизма, бюрократической системы, денежных отношений, налогов.

Важнейшей частью реформ Хидэеси было «разоружение» крестьянства. «Крестьянам различных провинций. — говорилось в указе от 8 июля 1588 г., — строжайше запрещается иметь длинные мечи, короткие мечи, луки, мушкетные или какие-либо иные виды оружия... Вонзину этот указ будет основанием безопасности для страны и счастья для всего народа»<sup>4</sup>. Хидэеси сравнивал себя с легендарным китайским правителем Яо, который умиротворил свое царство и перековал мечи на сельскохозяйственные орудия. Японские крестьяне призывались направить их энергию на земледелие и выращивание шелкович.

Одной из центральных тем книги А. А. Искендерова является внешнеполитическая деятельность Хидэеси, в которой четко прослеживаются два направления: европейское и китайское. Представители европейских держав — католические миссионеры (главным образом португальцы) — действовали в Японии напористо и умело. Они смогли завоевать прочные позиции, влияли на политическую и экономическую жизнь страны, под лозунгом приобщения японского народа к христианской цивилизации закладывали основы колониального порабощения. Не избежал их влияния и Хидэеси. Но, как справедливо отмечается в книге, он сумел увидеть опасность, которую несли проповедники христианства, и вовремя принял меры по пресечению их широкой деятельности (с. 204—215). При этом Хидэеси боролся не против европейцев или европейской культурной традиции, а против тех, кто разрушал традиции его собственного народа, уничтожал синтоистские храмы, пытался ввести ра-

<sup>4</sup> М. Е. Веггу. *Op. cit.*, p. 102—103.

боторговлю, используя японцев как живой товар.

Что касается отношений с Китаем, то Хидэёси не был слишком оригинален, когда после укрепления своих позиций внутри страны начал готовиться к походу на Китай с целью его захвата. Как показывает история многих сопредельных с Китаем государств, их правители, если располагали достаточной силой, пытались подчинить «Срединное государство», используя его материальные и людские ресурсы для дальнейших захватов. О походе на Китай мечтал еще Ода Нобунага (с. 97). Хидэёси планировал захват Кореи, Китая и дальнейший поход на Индию.

В японской и западной историографии существует множество объяснений мотивов, которыми руководствовался Хидэёси, организуя вторжение на континент. Разумеется, приходится отклонить как несостоятельную версию о том, что японский полководец не представлял себе реально географических размеров Китая, отношений империи Мин с Кореей. В распоряжении Хидэёси были обширные сведения о Китае, собранные в результате посольских связей с ним, полученные от европейских миссионеров, а также от японских пиратов (вако), которые прекрасно ориентировались в водах у китайского побережья. Любопытно, что Хидэёси долгое время регулярно пользовался верою, на котором была нарисована карта Японии, Кореи и Китая с точными координатами рек Янцзы и Хуанхэ<sup>5</sup>. Такого типа карты на веерах были распространены и в Китае, две из них хранятся в Хаммелевской коллекции Отдела географии и картографии Библиотеки конгресса США.

А. А. Искендеров указывает комплекс причин, приведших Хидэёси к принятию решения о походе на Корею и Китай: поиски выхода из внутривнутриполитических затруднений, стремление к решению экономических проблем, наконец, личные амбиции и даже возрастной маразм. Трудно не согласиться с мнением, высказанным в книге, что «развязанная им военная экспансия на Азиатский материк не только была самой большой и тяжелой его личной ошибкой, но и нанесла тяжелейший удар по репутации и престижу страны, которую соседние народы стали воспринимать не иначе как захватчика и агрессора» (с. 307).

Корейская война была политическим просчетом Хидэёси, поэтому японская армия понесла поражение. Одним из достоинств книги следует признать раскрытие автором именно политических аспектов корейской кампании Хидэёси. К таким аспектам должно быть отнесено и превращение корейским народом отпора японской экспансии во всенародную борьбу сопротивления, выдвинувшую на сцену истории таких патриотов-героев, как Ли Сунсин. Большой интерес представляет и дипломатическая история корейской войны. Позиции сторон в ходе переговоров о мире наглядно показывают сходство дипломатических школ Китая и Японии. Например, выдвижение японской стороной притязаний на южные провинции Кореи было замаскировано под видом уступки ею северных провинций. В то же время Хидэёси стоял и на традиционных для отношений Китая с периферийными государствами позициях: он просил в жены китайскую принцессу, хотел, чтобы минский двор фактически пожаловал ему инвеституру. Окончание бесславной войны, длившейся 6 лет, совпало с кончиной самого ее главного организатора — Тоётоми Хидэёси.

Но в этой истории примечательна одна деталь. В 1592—1593 гг. маньчжурский хан Нурхаци, бывший на 23 года моложе Хидэёси, предлагал свои услуги минскому двору, для того чтобы очистить Корею от японских войск. Его рвение было отмечено, и в 1595 г. Пекин пожаловал Нурхаци звание «лунху цзянцзюнь» — «полководец, подобный дракону и тигру». Как показали дальнейшие события, маньчжуры, руководимые Нурхаци, сами вскоре начали экспансию и против Кореи, и против Китая. План Хидэёси был реализован потомками Нурхаци.

В заключение А. А. Искендеров подчеркивает, что «только объективный анализ деятельности Тоётоми Хидэёси во всей совокупности как прогрессивных, так и реакционных ее сторон позволит воссоздать правдивый образ этой незаурядной исторической личности, воспроизвести живую картину той далекой эпохи» (с. 389). На наш взгляд, именно такой анализ и проделан автором, которому удалось научно и в то же время увлекательно поведать и о личности Хидэёси, и о его эпохе, во всей полноте показать их взаимное влияние.

**В. С. МЯСНИКОВ,**  
доктор исторических наук

<sup>5</sup> In: 101 Letters of Hideyoshi, p. 44—45.

## Общественность Филиппин против военных баз США

United States Military Bases in the Philippines: Issues and Scenarios. Proceedings of the Symposium hold on August 14, 1985. Sponsored by International Studies Institute of the Philippines and U. P. Manila college of Arts and Sciences. Edited by Lolita W. Mc Donough. 1986, 145 p.

Агрессивная политика администрации Р. Рейгана встречает растущее сопротивление общественности многих государств Азии, в том числе Филиппин. Общественно-политические круги, деятели науки и культуры, представители церкви этой страны пересматривают свои взгляды на проблемы безопасности не только Филиппин, но и Азии, мира в целом, осознают необходимость борьбы против милитаристской политики Вашингтона. Характерен в этой связи рецензируемый сборник, в который вошли материалы симпозиума, состоявшегося 14 августа 1985 г. в Маниле. Инициаторами и организаторами симпозиума явились Институт международных исследований Филиппин и Манильский колледж гуманитарных и естественных наук при Филиппинском университете. Участниками состоявшихся на симпозиуме дискуссий, а затем и авторами данного сборника стали авторитетные на Филиппинах и в регионе ученые и общественно-политические деятели: бывший руководитель отделения социологических исследований Манильского колледжа гуманитарных и естественных наук Р. Симбулан, профессор права Филиппинского университета и директор Института международных исследований М. Магалонна, член парламента Х. Адаза, юрист Х. Диокио, член парламента и министр А. Пинентел и др.

Сборник представляет собой исследование некоторых аспектов азиатской политики США, прежде всего по отношению к Филиппинам. Авторами дан краткий, но емкий обзор событий, приведших к фактической оккупации Соединенными Штатами островов Филиппинского архипелага, упорчению американского господства на Филиппинах, анализируются послевоенный и современный этапы филиппино-американских отношений.

Так, М. Магалонна освещает правовые аспекты создания на территории Филиппин американских военных баз. Он подчеркивает, что вопрос о создании военных баз США на территории Филиппин был решен па год раньше, чем провозглашена их независимость (1946). Переговоры проходили не на Филиппинах, а в Соединенных Штатах, причем так назы-

ваемая Совместная резолюция № 93 была подписана тогдашним «правительством в изгнании», которое, как хорошо известно, находилось на содержании администрации Трумэна и являлось марионеткой Вашингтона. Это был, отмечает М. Магалонна, конкретный пример американской дипломатии шантажа (с. 57—58). Х. Диокио идет дальше, утверждая, что соглашение о базах было с самого начала незаконным, поскольку ни один указ филиппинского конгресса в законодательном порядке не закреплял его, не был представлен на рассмотрение и одобрение филиппинского народа. Стало быть, делает вывод филиппинский юрист, это соглашение принято без согласия народа Филиппин (с. 118—120).

Раскрывая суть политики Вашингтона в Азии, авторы подчеркивают, что США, стремясь обеспечить свои «жизненные интересы» в ЮВА, полностью игнорируют суверенитет и национальное достоинство, право на самостоятельность и свободу целых стран и народов. Р. Симбулан в этой связи уместно делает ссылку на книгу бывшего помощника госсекретаря США Р. Хилсмана, в которой последний цинично подводит итоги «основных уроков» американской агрессии против Филиппин в начале века. Филиппинский ученый с горечью констатирует, что в результате этих «уроков» население Филиппин уменьшилось на шестую часть. Иными словами, заключает Р. Симбулан, «подготовку к Вьетнаму» американцы заблаговременно прошли на Филиппинах (с. 3).

Особое внимание уделено составителями сборника вопросу создания и сохранения на территории Филиппин крупнейших американских военных баз: Субик-Бей и Кларк-Филд. Эти базы, подчеркивают авторы, представляют собой чрезвычайно важные американские военные структуры в западной части Тихого океана, являющиеся частью глобальной стратегической системы Пентагона и предназначенные прежде всего для осуществления «стратегии первого удара» (с. 3, 7, 8, 11). Представители филиппинской общественности ясно понимают, что союз с США представляет прямую угрозу национальным интересам страны, а дальнейшие попытки Вашингтона удержать Филиппины в сфере своего влияния чреваты для последних катастрофическими последствиями.

Так, Р. Симбулан, говоря об американской внешнеполитической стратегии, указывает, что для США регион ЮВА — это прежде всего богатейший резервуар сырья, в том числе стратегического (каучук, хром, титан, марганец, платина и др.), являющегося залогом стабильности американской экономики. Раз так, рассуждает далее автор, то любые перемены или даже потенции перемен в регионе (а они рассматриваются в Вашингтоне не иначе, как инспирированные Москвой) расцениваются в Соединенных Штатах как направленные против их «жизненных интересов» (с. 10). Последние же, по логике

американских стратегов, следует защищать путем сохранения так называемого «военного баланса», развития сети американских военных баз, использования вооруженными силами США аэродромов, гаваней, портовых сооружений стран региона в качестве перевалочной базы для сил «быстрого развертывания» и т.п. Все это совершается под фальшивым предлогом «советской угрозы», направлено в конечном счете против любых проявлений национально-освободительного движения в регионе и служит интервенционистским целям США (с. 90—92).

Сознавая опасность, которую несет филиппинскому народу наличие на территории страны американских военных баз, особенно складываемого там ядерного оружия, анализируя возможные варианты воздействия этих объектов в качестве наземных элементов «стратегической оборонной инициативы» Р. Рейгана, Р. Симбулан приходит к единственно верному выводу: в случае возникновения глобального конфликта Филиппины станут ядерным заложником Вашингтона (с. 17, 69).

Как подчеркивает Р. Симбулан (он цитирует секретный документ одного из американских агентств, занимающихся исследованием проблем безопасности), США не намерены и в дальнейшем отказываться от экономической, политической и военной гегемонии в регионе (с. 25—38, 40, 41). Более того, они сделают все, чтобы сохранить на Филиппинах «демократический» (то есть лояльный Вашингтону) режим и, конечно, свои базы (с. 19). Как заявил помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии П. Вулфовиц, Соединенные Штаты полны решимости не допустить, чтобы «повстанцы» могли угрожать американским военным объектам на Филиппинах. Р. Симбулан справедливо расценивает эту позицию как план американской интервенции против Филиппин (с. 20).

Профессор М. Магалонна приводит убедительные документальные свидетельства того, что американские военные базы на Филиппинах, а также и весь Филиппинский архипелаг предназначены Пентагоном для использования в первую очередь против СССР с целью уничтожения объектов как на азиатской, так и европейской части Советского Союза. При этом, подчеркивает М. Магалонна, Вашингтоном не допускается и мысли, что филиппинский народ будет каким-либо образом поставлен в известность относительно этих планов. Свой вывод автор иллюстрирует высказыванием американского посла У. Салливана, который заявил, что «проблемы, связанные с ядерным оружием, не могут быть предметом обсуж-

дения с представителями Филиппин» (с. 66).

Не раз подчеркивая, что наличие на территории Филиппин американских баз со значительным количеством ядерного оружия стратегического и тактического назначения уже само по себе опасно, М. Магалонна убедительно показывает, что эта опасность имеет постоянную тенденцию к росту ввиду бесконтрольности действий американского военного персонала и многочисленных случаев нарушения им дисциплинарного устава. В силу этого филиппинский ученый делает вывод, что единственный выход для государств, освободившихся от колониального господства, лежит на путях независимого экономического и политического развития, в утверждении своего суверенитета и территориальной целостности, на путях политики нерасчленения (с. 108—109).

Выводы, к которым приходят участники дискуссии — люди разной политической ориентации, вполне однозначны: военно-политическое давление Вашингтона, его имперская политика диктата и подкупа превратили Филиппины в военно-стратегический полигон США (с. 111). Статьи 6 и 7 так называемого Соглашения о базах не оставляют ни малейшей тени сомнения в отношении правильности данного вывода. Участники дискуссии Х. Адаза, Р. Симбулан, А. Пинментел аргументированно вскрыли лживость утверждений, связывающих наличие американских баз на территории Филиппин с защитой последних от «внешней угрозы» (с. 110, 127, 128, 130).

В заключение участники сборника подводят читателя к мысли о том, что американские базы на территории Филиппин — это прямая угроза филиппинскому народу, подлинная независимость, свобода и суверенитет не совместимы с кабальными военно-политическими союзами и соглашениями. Военно-политическая, экономическая «американизация» филиппинского общества представляет собой форму неоколониализма.

Рецензируемый сборник представляет собой полезное издание, в котором документально и потому особенно доказательно показана огромная опасность, которую несет американский империализм развивающимся странам. Конкретный и разнообразный материал, убедительная аргументация авторов являются его несомненными достоинствами. Представляется, что он верно отражает настроения филиппинской общественности, глубоко обеспокоенной агрессивными действиями Вашингтона.

Ю. Г. ЖАРКИХ

## Панорама японского искусства

Н. А. Виноградова. Искусство Японии: Альбом. М., «Изобразительное искусство», 1985, 50 + 170 с.

В последнее время в нашей стране вышел в свет ряд изданий, посвященных японской культуре\*, что свидетельствует не просто о возросшем научном и читательском интересе к этому вопросу, но и о потребностях духовного развития нашего общества в целом. Как известно, история изучения японской культуры в СССР насчитывает не одно десятилетие, а прекрасные переводы классической и современной японской литературы начали издаваться еще в 20-е годы. Но именно эпоха НТР выдвинула в качестве важнейшей научной проблемы изучение фундаментальных принципов эволюции японской культуры, ее мировоззренческих основ, этнопсихического склада нации. Необходимой составной частью этих исследований является углубленное и конкретное изучение изобразительного искусства, где с наибольшей полнотой раскрываются отношения человека и окружающего мира, общие представления о прекрасном и их эволюция на протяжении длительного исторического пути.

Поэтому особенно своевременным и важным представляется выход в свет в издательстве «Изобразительное искусство» (серия «Искусство стран и народов мира») альбома «Искусство Японии». Составила его и написала вступительную статью Н. А. Виноградова, известный исследователь китайского и японского искусства, автор многих книг, в том числе вышедшей в том же издательстве несколько лет назад «Скульптура Японии III—XIV вв».

Книга-альбом, посвященная японскому искусству, появилась у нас впервые, а по охвату материала — с древности до XIX в. — это всего лишь третья работа после глав в соответствующих томах Всеобщей истории искусства (М., 1956—1965) и кратко изложения в Малой истории искусства (М., 1979). Уже одно это должно привлечь внимание к новому изданию как специалистов, так и многочисленных «просто читателей», интересующихся культурой Японии. Круг и тех и других за последние годы сильно вырос.

Жанр книги-альбома предполагает, что

существенную, если не главную, роль должны играть иллюстрации, открывающие перед читателем-зрителем всю панораму многовекового развития искусства во всех его видах и жанрах. Здесь, как и во вступительной статье, проявляется эрудиция автора, понимание смысла общей эволюции японского искусства и ее важнейших этапов. Выстроенная в альбоме последовательность иллюстраций уже сама по себе есть определенная авторская концепция развития художественного сознания японского народа, ибо сам выбор тех или иных произведений ставит совершенно определенные акценты. Пускай не только шедевров как вершин творческих возможностей народа, но и рядовых памятников позволяет осознать, на какой почве формировалась художественная культура каждой эпохи. Такой альбом необходимо рассматривать медленно и вдумчиво, и тогда замысел автора раскрывается во всей полноте, так как ограниченный по объему текст вступительной статьи может наметить лишь главный смысл художественного процесса в его историческом поступательном движении. Иллюстрации (их в альбоме более двухсот) и пояснения ко многим из них (около ста) должны конкретизировать общие положения, раскрыть этапы изменения художественных форм во всех видах творчества. Можно сразу же сказать, что Н. А. Виноградова эту трудную задачу решает достойно и убедительно. В каждой эпохе она отбирает наиболее характерные и художественно значительные произведения архитектуры, скульптуры, живописи и декоративно-прикладного искусства.

Для самого раннего этапа — это ритуальная керамика дзёмон, воплощавшая для древнего человека все основные представления о мироздании: для первых веков нашей эры — скульптура ханыва и как выражение главной архитектурной идеи добуддийской Японии святилище в Исэ, названное знаменитым современным архитектором К. Тангэ прототипом всего японского зодчества. Пространственные концепции раннего средневековья раскрываются на примере храмового ансамбля Хорюдзи начала VII в. — самого древнего из сохранившихся на земном шаре памятников деревянного зодчества. Грандиозный храм Тодайдзи (VIII в.) стал олицетворением не столько распростиравшегося на Японских островах буддизма, сколько воплощением идей раннефеодальной государственности, равно как и скульптура того же времени, переживавшая эпоху высокого расцвета. Так же четко и ясно, на конкретных примерах раскрывается каждый из основных периодов развития японского искусства, вплоть до середины XIX столетия.

Но в отборе памятников для такой характеристики автором альбома учитывается и еще один важный аспект: в совокупности они должны дать по возможности полное представление об эволюции каждого вида искусства на протяжении всей его истории — от древности до нового вре-

\* Человек и мир в японской культуре. М., 1985; Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985; В. Прохориков. Икебана или Вселенная, запечатленная в цветке. М., 1985; Н. С. Николаева. Художественная культура Японии XVI столетия. М., 1986.

мени. И внимательный читатель-зритель замечает, что строгие формы святилища в Исэ прослеживаются не только в сокровищнице Сёсонн (VIII в.), но и в облике императорского дворца следующего столетия (сохранился в реконструкции XVIII в.), а затем в преображенном виде в конструкции дзэнских храмов эпохи развитого средневековья и чайных павильонов XVI в., вплоть до знаменитого дворца Кацура (XVII столетие). В альбоме представлены почти все основные типы японской архитектуры как религиозной, так и светской, выявлены их роль и удельный вес в каждый из периодов. Особо выделено такое самобытное явление японской художественной культуры, как сады, игравшие важнейшую роль в общей пространственной концепции японского средневекового зодчества (как один из незначительных просчетов составителя альбома можно отметить иллюстрацию № 103, показывающую знаменитый сад камней Рёандзи «с птичьего полета», что не только не помогает уяснению смысла этого выдающегося памятника, но скорее разрушает свойственную ему поэтическую таинственность).

Тот же подход автора-составителя можно почувствовать и в отношении скульптуры, примеры которой в альбоме особенно тщательно отобраны и сопоставлены. Для человека, восприятие которого сформировалось на образцах античной пластики или шедеврах эпохи Возрождения, восточная скульптура, в том числе японская, более трудна для освоения, чем живопись или графика. Лишь отчасти ориентированная на антропоморфный идеал, она имеет сложный символический смысл, в значительной мере абстрагированный, не подкрепленный конкретными пластическими формами. Открыть путь к пониманию и осознанию этого искусства довольно трудно, как нелегко увидеть в религиозно-догматическом общечеловеческую значительность и ценность. Приводя в альбоме виды храмовых интерьеров, помогая понять расположение статуй, их взаимосвязь или показывая крупные детали, позволяющие ощутить за отрешенностью и канонической скованностью фигур гармонию и одухотворенную красоту ликов, Н. А. Виноградова старается показать разнообразие произведений скульптуры, постепенное изменение самого ее языка, технических приемов обработки поверхности. В своих описаниях статуй она не столько подчеркивает особенности иконографии и религиозной символики, характерной для буддийского искусства вообще, сколько раскрывает в них те свойства, которые давали бы возможность их эстетического восприятия современным человеком. Н. А. Виноградова заставляет видеть в них прежде всего высокие художественные образы, олицетворение идеала своего времени, в котором открываются особые грани красоты и возвышенной духовности.

Надо особо отметить, что книга-альбом, как и другие работы этого автора, несмотря на трудность анализируемого

материала, лишена той профессиональной эзотеричности, которая часто свойственна текстам востоковедов, ориентирующихся на эрудицию коллег и потому остающихся «закрытыми» для неспециалистов. Н. А. Виноградова старается раскрыть в японском искусстве его гуманистическую, общечеловеческую природу, свойственную творчеству любого народа. Рассматривая произведения древнего и средневекового искусства, по самому типу образности далекие для современного восприятия, она открывает возможность их эмоционального переживания, которое и становится первым шагом к постижению их смысла.

Для человека, впервые знакомящегося с японским средневековым искусством, будет открытием такой жанр скульптуры, как портрет, с его острой характерностью, вниманием к неповторимым особенностям облика человека, но вместе с тем сохранением черт канонической пластики. Автор альбома находит очень точные и яркие слова для описания особенностей скульптурного портрета в период его наивысшего расцвета в XII—XIII вв.

Несколько менее полно представлена в альбоме история японской живописи, насчитывающая более тысячи лет. По сравнению со скульптурой и архитектурой ей уделено более скромное место (всего 27 таблиц и 6 иллюстраций в тексте). Хотя во вступительной статье упоминаются такие выдающиеся произведения, как свитки «Легенды горы Сиги» XII в., они, как и целый ряд других картин на свитках, в иллюстрации, к сожалению, не попали. Более полно представлена живопись XV столетия в лице таких ее представителей, как Дзёсэцу, Сюбун и Сэсю. Этим художникам больше места уделено и в тексте. Менее повезло мастерам декоративной живописи XVI—XVIII вв., а произведения Корина Огата помещены в альбоме ранее работ его предшественника Сотацу Таварая, хотя в статье последний справедливо характеризуется наряду с Коэцу Хоннами как родоначальник всего направления. Лишь одна работа (№ 147, Бусон Еса «Осенние радости») дает представление о школе Нанга, продолжавшей в период позднего средневековья традицию живописи тушью. Для анализа поэтического строя цветной гравюры XVIII—XIX вв. Н. А. Виноградова находит очень тонкие определения, раскрывает ее место в общей эволюции изобразительного искусства Японии.

Справедливо отмечая большую роль декоративно-прикладных искусств в общей системе японской художественной культуры, автор выбирает наиболее яркие образцы керамики и фарфора, изделий из лака и металла, характерные для каждого исторического периода. В пояснениях к таблицам содержатся необходимые сведения о технике их изготовления и приемах обработки различных материалов.

Несмотря на относительную краткость вступительной статьи, обусловленную самим типом издания, она не только дает вполне определенное представление о ха-

рактуре художественного процесса и эволюции искусства в древней и средневековой Японии, но и о неповторимом обаянии выдающихся произведений, созданных на разных этапах его истории. По характеру изложения текст альбома доступен самому широкому читателю, что не исключает его ценности для специалистов. Как явствует из многочисленных изданий по истории, этнографии, литературе Японии, их авторы, за немногим исключением, лишь в самых общих чертах представляют себе развитие изобразительного искусства и архитектуры, являющихся органичной частью духовной культуры Японии. В работах даже известных наших ученых редко встретишь профессиональный анализ произведений живописи или скульптуры. До последнего времени не делалось попыток типологического сопоставления литературы или театра с изобразительным творчеством. В то же время наша наука подошла к проблеме расшифровки «генетического кода» японской культуры, что заметно и в коллективных трудах и в монографических исследованиях последних лет. Решить эту проблему невозможно без анализа исторического опыта изобразительных искусств и архитектуры, открывающих, помимо всего прочего, фундаментальные, свойственные японской нации представления о пространстве, пластике, цвете, что недоступно другим видам твор-

чества по самой их природе. В свою очередь эти фундаментальные представления как важнейший компонент этнопсихического склада нации не могут не учитываться в таких, казалось бы, далеких от искусства сферах деятельности, как экономика и политика.

Некоторые недочеты в разделе иллюстраций альбома «Искусство Японии» уже были отмечены. Не все представляется бесспорным и во вступительной статье. Например, кажется недостаточно выявленным то обстоятельство, что в периоды Асука и Нара общерегиональный канон в искусстве преобладал над этнически самобытными чертами (это стало характерно для следующей эпохи IX—XII вв.). Не совсем ясно из текста, в силу каких особенностей общественного развития появилась необходимость в настенных росписях замков-дворцов конца XVI—начала XVII века. Можно было бы указать на некоторые мелкие неточности и разночтения в тексте пояснений к таблицам. Это, однако, не может повлиять на общую высокую оценку нового труда, посвященного искусству Японии, с выходом которого можно поздравить не только автора, но и всех интересующихся японской культурой.

*Н. С. НИКОЛАЕВА,*  
кандидат искусствоведения

С 24 по 26 июня в Москве состоялась научная конференция «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока», организованная Институтом востоковедения АН СССР и Ленинградским отделением Института востоковедения и Восточным факультетом ЛГУ. Выпущенные к конференции материалы содержали тезисы семидесяти девяти докладов, посвященных различным аспектам развития дальневосточных литератур. Конференцию, на которой представители научных учреждений и вузов Москвы, Ленинграда, Владивостока, Новосибирска, Таллина, Луцка, Элисты, Улан-Удэ, Киева заслушали и обсудили более тридцати сообщений, открыл член-корреспондент АН СССР В. М. Солнцев. Интерес участников конференции сосредоточился на древности и проблемах современной литературы. Оживленный обмен мнениями вызвали доклады, посвященные древним памятникам, их ритуально-религиозной, обрядовой основе, фольклору.

Ю. Л. Кроль (ЛО ИВАН) в докладе «О влиянии древнекитайского спора на ханьскую литературу» охарактеризовал категорию «бянь» (философский спор, дискуссию политиков и дипломатов, судебную тяжбу), его структуру, композиционные приемы введения в литературное произведение, указав на значительность этого явления культуры доханьского Китая, позволяющего говорить о существовании в нем ораторского искусства. Против выдвинутой трактовки термина «бянь» возражала Т. П. Григорьева, аргументируя это монологическим характером древнекитайской культуры, обусловленной парадигмой верх — низ, учитель — ученик.

Различные точки зрения были высказаны по докладу Л. И. Головачевой (Владивосток) «К текстологическому анализу 38-го чжана „Даодэцзина“», в котором на основе применения метода структурного анализа В. И. Спирина были предложены реконструкция текста и его схематизация с оптимальной реализацией параллелизмов, пересмотрены границы фрагментов и порядок фраз в них, дана нетрадиционная трактовка «дэ» как гармоничной жизни общества при слитости и отсутствии предела между добром и злом. Выступившие в прениях Ю. Л. Кроль, И. С. Лисевич и др. указали на произвольность интуитивного членения текста, спорность перевода ряда терминов, трактовки памятника как изначально этического, лишенного мистики.

Интерес вызвал доклад М. И. Никитиной (ЛО ИВАН) «Легенда о горе Амсан» в связи с мифом о Женщине-Солнце, в котором она познакомила слушателей с результатами реконструкции одного из звеньев мифологического цикла о Женщине-Солнце — мифом о браке близнецов.

«Синьцзянской версии эпоса «Джангар», введенной в научный оборот китайскими фольклористами в начале 80-х годов, был посвящен доклад В. З. Церенова. Открывающиеся возможности широких сопоставлений и типологического изучения трех этнотерриториальных версий эпоса (калмыцкой, монгольской и ойратской) помогут, по словам докладчика, решению проблем генезиса, поэтики, стадийного развития Джангариады.

Л. М. Ермакова (Москва) в докладе о «Мелодико-интонационном аспекте традиционной японской поэзии» остановилась на традициях обрядовой музыкальности, повлиевших на мелодико-интонационный строй танка (сирабэ). Доклад И. В. Кульганек (ЛО ИВАН) «Некоторые поэтические приемы в монгольской литературной традиции» был посвящен воплощению в средневековой литературе, сакральной поэзии и песенном фольклоре Монголии поэтических приемов (эршиг, орон, усэг магадлахуй — определенные гласные звуки, место и буквы), заимствованных из трактата индийского филолога VII в. Дандина. М. Е. Кравцова (ЛО ИВАН) выступила с докладом «Даосскомистическая лирика в поэзии Лючао (III—VI вв.)», выделив особую тематическую группу «ю сян» («путешествие к бессмертным»). Тема доклада Е. Штейнера (Москва) была «Совместность в японской поэзии и формальные ее проявления в поэзии рэнга», О. В. Зининой — «Парарелигиозные истоки «детских песенок» («тун яо»). Судьбе искусства книги, экологии культуры посвятила свое выступление Е. В. Завадская: «Японская книга типа «эхон» (XVIII в.).»

Сообщения молодых исследователей содержали характеристики малоизученных памятников средневековой литературы Японии, Кореи, Тибета. Л. А. Булах (Москва) рассказала о повести «Удубо-моноготари» и ее роли в развитии японской сюжетной прозы IX—XII вв., С. Хойслер (ГДР) — о двух вариантах и по существу двух различных типах коллективного жизнеописания в корейском памятнике XV в. «Юксин Джон» («Жизнеописание шестерых вассалов»), Е. Д. Огневой — о преемственности традиций передачи тайных эзотерических доктрин на примере сочинения Таранатхи «Обладающие семью откровениями» (XVI в.).

Для конференции был характерен выход на уровень культурологических проблем, многоаспектность охвата культурной традиции. С интересом были заслушаны сооб-

щения А. П. Фесюна о многогранной деятельности Кобо Дайси (Кукая), основателя школы эзотерического буддизма в Японии, изобретателя японской азбуки; Ю. Л. Кузеля (Москва) о генезисе и своеобразной природе спектакля кукольного театра дзёрури; А. А. Тюленевой (Москва) о постепенном образовании устойчивых литературно-поэтических образов-символов и их воплощении в декоративном искусстве Японии (на примере художественных лаков). Неожиданный ракурс проблемы психологии творчества был найден А. Н. Мещеряковым (Москва), рассказавшим о разных методах работы японского и европейского литератора над рукописью, черновиком.

Новые идейно-художественные задачи литературы, связанные с изменениями сложного и подвижного контекста культуры, психологии и умонастроений современного человека неизменно были в центре внимания участников конференции. Серьезным подходом к изучению творческих направлений XX в. (экзистенциализма, авангардизма, модернизма) в литературах Японии и Китая отличались сообщения А. Л. Луцкого (Москва) «Идеи экзистенциализма в творчестве Сиины Риндзо (1911—1973)», А. А. Долина (Москва) «Японские авангардисты», Т. В. Каримова (Москва) «Элементы модернизма в современной китайской литературе».

Интенсивная, сложная литературная жизнь сегодняшнего Китая, направление творческих поисков ведущих писателей, эволюция творческого метода были подробно освещены в выступлении В. Ф. Сорокина (Москва). На традиционных элементах современной китайской прозы остановился в своем сообщении Б. Л. Рифтин (Москва), проиллюстрировав на конкретном материале повторяемость образов, сюжетных ходов и моделей, восходящих к фольклору и классической прозе. Попытки обрисовать в общих чертах картину культуры КНР, наметить основные вехи ее развития в последнее десятилетие содержали сообщения Е. А. Цыбиной и А. А. Селезнева.

С анализом творчества отдельных литераторов выступили: В. А. Гришина (Москва), посвятившая свое сообщение реформатору танка Исикава Такубоку и его последователям; Е. Р. Зубцова (Москва), рассказавшая о становлении нового героя в творчестве видного вьетнамского писателя То Хаоя; З. Ю. Абдрахманова, познакомившая с малоизвестной исторической драмой Лао Шэ «Священный кулак» («Шэньцюань»).

Ряд сообщений был посвящен актуальной проблеме литературных связей Востока и Запада, рецепции и творческому переосмыслению европейской классики на Востоке. С новым фактом из истории русско-японских литературных связей — переводом рассказа Тургенева «Бирюк» известным писателем Такутоми Рока — познакомила в своем выступлении Л. Л. Громковская (Москва). Концепцию многоступенчатости восприятия Тургенева в Японии, поэтапности, постепенности вхождения японского читателя в идейно-эстетический мир русского писателя выдвинула Е. Е. Малинина (Новосибирск). Корейской адаптации драм и лирики Ф. Шиллера, органичному сплаву стечественных мотивов патриотической, национально-освободительной борьбы с шиллеровскими сюжетами в творчестве корейских писателей посвятила свое сообщение В. И. Иванова (Москва).

Выступившие в заключение В. Ф. Сорокин и Л. Е. Черкасский, указав на некоторые недостатки — лакуны в освещении классики, недостаточно высокий уровень постановки проблем современной литературы, в целом положительно оценили итоги конференции, особо отметили успехи японистики, приток в нее молодых сил.

**В. С. АДЖИМАМУДОВА,**  
кандидат филологических наук

## Конференция по проблемам китайского языка

**23—25** апреля в Москве в Институте Востоковедения АН СССР состоялась III Всесоюзная конференция по проблемам китайского языка\*, в работе которой приняли участие китаеведы-лингвисты научных учреждений и вузов Москвы, Киева, Ленинграда, Владивостока и Новосибирска. Изучение китайского языка в нашей стране имеет длительную историческую традицию и в советское время связано с именами ученых-лингвистов Е. Д. Поливанова, А. А. Драгунова, И. М. Ошанина, внесших большой вклад в изучение грамматики и лексикологии китайского языка, Г. П. Сердюченко, одного из организаторов изучения языков народов Китая. В настоящее время советские ученые продолжают успешно исследовать основные проблемы китайского языка.

Конференцию открыл вступительным словом член-корреспондент АН СССР В. М. Солнцев, кратко охарактеризовавший основные направления и цели конференции.

Значительное внимание участники конференции уделили общетеоретическим вопросам китайского языка. Н. Н. Коротков, старейший советский ученый, в своем докладе указал, в частности, на сосуществование в китайском языке современных и старокитайских норм, что обогащает его выразительные средства. В докладе Н. В. Солнцевой и В. М. Солнцева было сформулировано понятие «частеречного синтаксиса» для выделения классов слов (частей речи) и их синтактико-грамматических свойств. Конкретным вопросам морфологии и синтаксиса были посвящены доклады Е. И. Шутовой, А. М. Карапетянца, С. П. Ефимовой, Тань Аошуан и др., в которых рассматривались различные стороны грамматической структуры китайского языка. Вопросы лексикологии и лексикографии нашли отражение в докладах Б. И. Горелова, А. А. Хаматовой, Б. Ю. Городецкого, Т. И. Кузнецовой и др. На конференции были затронуты также вопросы фонетики и фонологии в выступлениях А. А. Алексахина, А. А. Монастырского и др. В докладе Н. К. Румянцева затрагивались вопросы формализации китайского языка для машинного перевода; о различных аспектах исторического развития китайского языка говорилось в докладах И. С. Гуревич и Ю. Л. Благонравовой. Кроме названных тем и направлений, в выступлениях участников конференции нашли отражение некоторые аспекты китайского иероглифического письма, практики разговорной речи, сопротивления языковых категорий китайского и русского языков и др. Конференция еще раз продемонстрировала плодотворность объединенных усилий ученых в решении многообразных лингвистических — теоретических и практических — проблем китайского языкознания.

*Е. ПУЗИЦКИЙ,*  
кандидат филологических наук

\* III конференция по китайскому языкознанию. Сборник тезисов. М., 1986.

## НА XXX Европейской конференции китаеведения

Очередная XXX Конференция китаеведения проходила в Турине (Италия) с 1 по 6 сентября 1986 г. В ней приняло участие около 120 человек, то есть примерно столько же, сколько в прошлой конференции в западногерманском университетском городке Тюбингене в 1984 г. Среди участников конференции преобладали ученые принимающей страны. Далее по числу участников следовали ФРГ, Франция, Великобритания, скандинавские страны. Европейские социалистические страны были представлены делегатами или наблюдателями из ГДР, Венгрии, Болгарии, Чехословакии и Югославии. В конференции приняла участие делегация (из трех человек) Академии общественных наук Китая. Советская делегация была представлена членом-корреспондентом АН СССР В. М. Солнцевым (глава делегации), доктором исторических наук В. С. Мясниковым, доктором юридических наук Л. М. Гудошниковым, доктором филологических наук В. Ф. Сорокиным, кандидатом экономических наук С. С. Разовым.

В ходе конференции были проведены два пленарных и 8 секционных заседаний, на которых было заслушано около 40 докладов по различным проблемам китаеведения. На двух заседаниях конференции председательствовали члены советской делегации профессора В. Ф. Сорокин и Л. М. Гудошников.

Советской делегацией были представлены четыре доклада. На первом пленарном заседании был заслушан доклад В. Ф. Сорокина, который в течение ряда лет является вице-президентом ЕАК. Тема доклада «К вопросу о месте юаньской драмы в истории мировой драматургии». В докладе путем сопоставления ряда образцов западноевропейского, китайского и японского театров XIII—XVII вв. показано, что юаньские драмы цзацзюй сочетают в себе черты как европейской средневековой, так и ренессансной и даже более поздней драматургии и не имеют прямых аналогов в других театрах этой эпохи.

Остальные доклады советских участников конференции были заслушаны на секционных заседаниях. Доклад В. М. Солнцева «Моносиллабизмы и полисиллабизмы в современном китайском языке», посвященный сложнейшей языковой проблеме, вызвал большой интерес со стороны участников секционного заседания, на котором рассматривались лингвистические доклады.

С большим вниманием участниками конференции был заслушан доклад В. С. Мясникова «Первые китайские россиеведы периода Цин», поднимающий тему, которая впервые стала предметом специальных исследований. Интерес участников конференции привлек и доклад Л. М. Гудошникова «Из истории создания современной правовой системы КНР», в котором проводилось сопоставление одного из действующих кодексов КНР с его проектом 50-х годов, практически неизвестным западным исследователям китайского права.

Участники конференции почтили минутой молчания память видных советских китаеведов М. И. Сладковского и В. А. Кривцова.

Делегация Академии общественных наук Китая представила два доклада, заслушанных в конце конференции. В докладе Чжан Чжэнькуня «Китайско-японские отношения в новейший период» в довольно острой форме была освещена история японской агрессии в Китае в 1900—1945 гг. В ходе возникшей полемики некоторые делегаты пытались затушевать экспансионистский характер японской политики. Ряд западных делегатов китайского происхождения высказался за то, чтобы предать забвению прошлые негативные моменты в отношениях двух стран ради развития нынешних отношений между ними. Другой китайский делегат Чжоу Сяолян сделал сообщение «О положении дел в области упорядочения и переиздания древних книг» (под «древними книгами» подразумевалась литература, изданная до революции 1911 г.). Доклад носил информационный характер и был призван подчеркнуть большое внимание, которое уделяется этой работе в КНР. В конце сообщения докладчик отметил, что «наши коллеги на Тайване также предпринимают усилия в этой области», тем самым «внося вклад в дело усвоения и развития национальных культурных традиций». Одним из докладчиков конференции был ассистент Института новейшей истории в Тайбэе, проходящий докторантскую подготовку в Кембридже, Чжу Хунъюань. Он выступил на сугубо нейтральную тему о состоянии китаеведения в Великобритании.

Делегаты из европейских стран выступили на различных секциях. Профессор Э. Мюллер из ГДР сделала содержательный обзор китайской литературы самого последнего времени, выделив в ней несколько основных тематических направлений, стилистических течений и региональных школ. Она отметила, что, несмотря на про-

веденную кампанию борьбы против «духовного загрязнения», все чаще можно видеть признаки воздействия западных модернистских течений на китайских писателей, особенно молодых. Однако это влияние, по мнению докладчика, пока что затрагивает область формы, а не идеологии. Другой ученый из ГДР Р. Морнц изложил в докладе свой взгляд на происхождение философии в Китае, согласно которому первичные философские идеи возникли в результате наблюдений древних китайцев над окружающей их природой. Темой доклада еще одного ученого из ГДР Х. Петерса были заметки о послевоенном развитии Китая в 1945—1947 гг. Венгерским ученым О. Юхасом были высказаны представляющие общий интерес соображения по некоторым проблемам процесса реформ в Китае.

Доклады западных участников конференции носили большей частью фактологический характер и зачастую ограничивались исследованием сравнительно узких тем. Вместе с тем нельзя не признать, что они отражают определенные успехи в накоплении и анализе китаеведческих материалов и представляют известный вклад в развитие мирового китаеведения.

Из докладов западных ученых исторического профиля следует прежде всего отметить доклады ученых из Кембриджского университета профессора М. Лоуэ о последних археологических находках в Китае и С. Тэйлор о технологии производства железа в Древнем Китае. Итальянский исследователь Р. Фракассо представил анализ различных изданий основного источника по древней китайской географии «Жаньхайцин», сделав интересную попытку дать объяснения к иллюстрированному материалу в переизданиях текста в средние века и в Цинском Китае.

Несколько докладов были посвящены вопросам истории общественной мысли и науки. Шведский синолог Т. Луден выступил с докладом «Дан Чжэнь (1724—1777) и социальный динамизм конфуцианской мысли», в котором подчеркнул радикальный характер воззрений этого философа, резко выступавшего против «репрессивной» сущности ортодоксального неоконфуцианства, но в то же время не выходившего из круга представлений конфуцианской идеологии в целом. При этом был сделан вывод о том, что конфуцианство можно каким-то образом использовать в целях модернизации китайского общества. Р. Птак (ФРГ) в докладе «„Наньцзы“, или Почему небеса не покарала Конфуция» из разбора частного факта биографии этого мыслителя сделал вывод о том, что древние китайские историографы умышленно чернили женщин-правительниц, исходя из тезиса о мужском превосходстве.

Глава советской делегации В. М. Солнцева участвовал в обсуждении всех лингвистических докладов, дав им в целом позитивную оценку. Заслушанные на конференции лингвистические доклады по проблемам современного, средневекового и древнего китайского языка представляли значительный интерес, будучи основанными на новых исследовательских материалах.

По предварительной повестке конференции планировалось проведение двух специализированных заседаний по литературоведческой тематике — по классической драме периода Юань и по современной литературе Китая. Однако большинство ученых, заявивших о своем желании принять в них участие, по тем или иным причинам на конференцию не приехали. Было заслушано на эти темы три доклада. О двух из них — докладах В. Ф. Сорокина и Е. Мюллер уже говорилось выше. Третий доклад, сделанный профессором В. Идема (Нидерланды), был также посвящен юаньской драматургии — пьесе «Сирота Чжао». Анализируя различные дошедшие до нас версии этой пьесы и других произведений со сходными сюжетами, докладчик пришел к выводу, что после воцарения династии Мин придворные литераторы переделывали пьесы юаньских авторов с целью усиления конфуцианской идеологии. Вопросы истории литературы были затронуты также в докладе Кейко Коккум (японки, работающей в Швеции) на тему «Японские годы Лян Цичао». Говоря о духовной эволюции, которую претерпел этот известный китайский мыслитель и политический деятель, живший в Японии в 1898—1912 гг., докладчица особо отметила влияние, оказанное японскими писателями на формирование представлений Лян Цичао об утилитарном назначении литературы. Выступая по докладу, глава китайской делегации Чжан Чжэнькун счел нужным заметить, что, отмечая прогрессивные элементы воззрений Лян Цичао, докладчица должна была указать на его позднейший переход на реакционные позиции.

На состоявшемся в период конференции заседании правления ЕАК прежнего состава в ряды ассоциации были приняты 50 новых членов, в том числе от Советского Союза известные китаеведы, доктора наук М. Л. Титаренко и В. С. Мясников.

3 сентября состоялась Генеральная ассамблея ЕАК, на которой было избрано новое правление ассоциации в составе 24 человек, представляющих китаеведческие семнадцать стран: Президентом ЕАК был избран известный китаевед-лингвист из Швеции профессор Г. Малмквист, вице-президентами — профессора Л. Ланчотти (Италия) и Л. М. Гудошников (СССР). В состав правления вошли представители от социалистических стран Н. Ананиева (НРБ), Е. Мюллер (ГДР), Н. Сильна (ЧССР), М. Стефанска-Матушин (ПНР), О. Юхас (ВНР). В правлении представлены также китаеведы Бельгии, Великобритании, Нидерландов, ФРГ, Финляндии, Франции, Швейцарии.

Новым правлением было принято приглашение китаеведов ГДР провести XXXI конференцию ЕАК в 1988 г. в Веймаре. В сентябре — ноябре 1987 г. в ГДР состоится и очередное заседание правления.

Работа конференции в целом проходила в деловом, конструктивном духе. На заседаниях и в кулуарах много говорилось о желательности дальнейшего расширения сотрудничества между китаеведами стран Европы, об обмене результатами научных исследований.

*В. Ф. СОРОКИН,*

*доктор юридических наук*

*Л. М. ГУДОШНИКОВ,*

*кандидат филологических наук*

## Памяти маршала КНР Е Цзяньина

22 октября на 90-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался видный государственный, партийный и военный деятель, маршал КНР товарищ Е Цзяньин.

«В памяти всей партии, всей армии и народа всей страны навсегда сохранится Ваш важный исторический вклад в дело строительства партии и государства, — отмечалось в приветственном письме 4-го пленума ЦК КПК 12-го созыва товарищу Е Цзяньину в связи с его просьбой в сентябре 1985 г. о выходе из состава ЦК и Военного Совета ЦК КПК по случаю тяжелой болезни. Вы всегда будете для нас примером самоотверженности в борьбе за дело коммунизма в Китае, необычайной революционной отваги, которую Вы неизменно проявляли в критические моменты сложной революционной борьбы».

Революционные заслуги маршала Е Цзяньина хорошо знают и высоко ценят не только в Китае, но и в Советском Союзе.

Е Цзяньин родился в 1897 г. в провинции Гуандун. Получив военное образование в военном училище провинции Юньнань, он до конца своих дней связал жизнь с революционной армией Китая. В молодые годы будущий маршал принял активное участие в демократической революции, которой руководил Сунь Ятсен, вступил в партию Гоминьдан, участвовал в революционных походах армии Сунь Ятсена против китайских милитаристов.

В 1924 г. Е Цзяньин был направлен инструктором в Военно-политическую школу Хуанпу [Вампу]. Известно, что эта школа была создана по просьбе Сунь Ятсена, при активной помощи и участии Советского Союза. Здесь Е Цзяньин тесно сблизился с коммунистами и затем вступил в Коммунистическую партию Китая. Активно участвовал в Северном походе. В 1927 г. после контрреволюционного переворота Чан Кайши Е Цзяньин проделал важную работу в подготовке Наньчанского восстания, которое положило начало образованию Красной армии Китая. В конце 1927 г. он вместе с видным китайским революционером Чжан Тайлэем руководил восстанием в Гуанчжоу, полк Е Цзяньина первым начал восстание.

После поражения революции Е Цзяньин в 1928 г. выехал в Москву, где изучал военное дело в Университете им. Сунь Ятсена, побывал в Германии с целью изучения опыта военного строительства и организации обороны, а затем вновь вернулся в Москву продолжать учебу.

После возвращения в Китай в 1931 г. он был назначен начальником Главного штаба Реввоенсовета Центрального советского района. Председателем Реввоенсовета был Чжу Дэ, одним из заместителей — Пэн Дэхуай.

Во время революционной войны Е Цзяньин занимал пост начальника генерального штаба при Военном совете ЦК КПК и директора школы рабоче-крестьянской Красной армии Китая, участвовал в борьбе против «карательных походов» Чан Кайши.

Накануне войны сопротивления японским захватчикам Е Цзяньин в ранге начальника штаба Красной армии принял активное участие в мирном урегулировании Сяньского инцидента, ставшего исходным моментом нового этапа формирования единого национального фронта.

В период войны сопротивления он вел плодотворную работу по созданию единого фронта в районах гоминьдановского господства. Возвратившись в Яньань, принял участие в руководстве операциями против японских захватчиков.

На VII съезде КПК в 1945 г. Е Цзяньин был впервые избран в состав ЦК КПК. В 1946 г. в звании генерал-лейтенанта он представлял КПК в военном посредническом комитете в Пекине. После освобождения Пекина Е Цзяньин был назначен председателем Пекинского военно-контрольного комитета. С продвижением войск НОАК на юг он успешно командовал операциями по освобождению г. Гуанчжоу и острова Хайнань, а с октября 1949 г. занял пост председателя Гуанчжоуского военно-контрольного комитета, одновременно являясь секретарем парткома Гуанчжоу и председателем провинциального правительства Гуандуна. На этих должностях он находился до 1954 г. После образования КНР Е Цзяньин вел энергичную работу по созданию регулярной армии и ее модернизации. В сентябре 1955 г. Е Цзяньин был одним из десяти высших военначальников, кому было присвоено звание маршала КНР, и награжден орденом «Освобождение» 1-й степени.

В 1957 г. в составе делегации КНР он присутствовал на праздновании 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. С марта 1958 г. Е Цзяньин стал начальником и политкомиссаром военной академии. В 60-е годы он был председателем комитета по пересмотру и составлению уставов НОАК.

На XI Пленуме ЦК КПК 8-го созыва (август 1966 г.) маршал Е Цзяньин был введен в состав Политбюро ЦК КПК.

В трагические годы «культурной революции» Е Цзяньин выступал против ее эксцессов, подвергаясь нападкам хунвэйбинов, цзаофаней и «банды четырех».

С сентября 1971 г. он фактически руководил работой Военного Совета ЦК КПК и Министерства обороны КНР, а в январе 1975 г. на первой сессии ВСНП 4-го созыва официально был назначен министром обороны КНР.

После смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г. Е Цзяньин — один из инициаторов ареста и устранения «четверки» и ее активных сторонников. Затем он возглавил комиссию по расследованию их преступлений.

Е Цзяньин был членом ЦК КПК VII, VIII созывов, членом Политбюро ЦК IX созыва, членом Постоянного комитета Политбюро ЦК X, XI, XII созыва, председателем Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва (1978 г.).

Светлая память о маршале КНР Е Цзяньине, талантливом военачальнике, крупном общественном и политическом деятеле, друге советского народа, навсегда сохранится в нашей памяти.

# СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» ЗА 1986 ГОД

ГОРБАЧЕВ М. С. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина, № 4 (60)

## XXVII СЪЕЗД КПСС

КПСС об историческом призвании социализма, № 1 (57)

## ПЕРЕДОВАЯ

XXVII съезд КПСС и программа обеспечения всеобщей безопасности, № 3 (59)  
«Неоглобализм» — источник напряженности в Азии и во всем мире, № 4 (60)  
Стратегия мира и прогресса  
КОВАЛЕНКО И. И. Не конфронтация, а сотрудничество, № 2 (58)  
ТИХВИНСКИЙ С. Л. Изучение культуры Китая в России и в СССР, № 2 (58)

## ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

АЛЕКСАНДРОВ В. В., АРСЕНЬЕВ В. Н. СССР — Япония: тридцать лет спустя (К 30-летию восстановления советско-японских дипломатических отношений), № 4 (60).  
АРХИПОВ В. А. Историческая веха братского союза советского и монгольского народов, № 2 (58)  
БЕРЕЗНОЙ А. В. За фасадом «экспортного чуда», № 1 (57)  
БОГОМОЛОВ А. О. Эволюция идей тихоокеанского сотрудничества, № 4 (60)  
ВЕРБИЦКИЙ С. И. Япония в трехсторонней системе, № 1 (57)  
ГОНЧАРОВ С. Н. Зарубежные китайцы и программа «четырёх модернизаций» КНР, № 3 (59)  
ДЕМЧЕНКО М. В. Япония: движение за дружбу с Советским Союзом, № 1 (57)  
ЗАНЕГИН Б. Н. Американо-китайские отношения сегодня, № 4 (60)  
КИМ РОЙ. Тихоокеанское сообщество: миф или реальность? № 1 (57)  
КОВАЛЕНКО И. И. О комплексном подходе к проблеме азиатской безопасности, № 1 (57)  
КУЗНЕЦОВ А. П. СССР — КНР: торгово-экономические отношения, № 2 (58)  
МОСЯКОВ Д. В. Пути решения продовольственной проблемы в Кампучии, № 3 (59)  
МЯГКОВ Е. Б., ФЕДОРОВ Б. Г. Либерализация кредитной системы в Японии, № 3 (59)  
ПЕТРОВ Д. В. Военно-блоковая политика империализма в азиатско-тихоокеанском регионе, № 4 (60)  
ПОРТЯКОВ В. Я., СТЕПАНОВ С. В. Специальные экономические зоны Китая, № 1 (57)

СЕВАСТЬЯНОВ И. С., СМИРНОВ В. В. Некоторые вопросы создания материально-технической базы социализма в МНР, № 3 (59)

УКРАИНЦЕВ М. С. Важные визиты, № 2 (58)

ШИПОВ Ю. П. Японский вызов Соединенным Штатам, № 3 (59)

## Экономическая реформа в КНР

АВРЕМОВ В. Е. Изменения в системе планирования, № 3 (59)  
ВАН ЦЗИНЕ. О реформе в Китае, № 2 (58)  
МАНЕЖЕВ С. А. Использование иностранного капитала, № 3 (59)  
ОСТРОВСКИЙ А. В. Хозяйственная перестройка в городах Китая, № 4 (60)  
САРАФАНОВ И. И. Изменения в системе организации НИОКР в Китае, № 2 (58)  
СТЕПАНОВ С. В., ПОРТЯКОВ В. Я. Шестая пятилетка КНР: итоги и проблемы, № 2 (58)

## ИДЕОЛОГИЯ

ПЕРЕЛОМОВ Л. С. Критерии оценки личности в традиционной культуре Китая, № 2 (58)  
СВЕТЛОВ Г. Е. Сэйтё-но из: «истинное бытие» и шовинизм, № 2 (58)

## Критика буржуазной синологии

ЛАРИН А. Г. Синологи США об американо-китайских отношениях, № 1 (57)  
МАСЛОВ П. Ю. Будущее внешней политики КНР в оценках американских политологов, № 2 (58)

## ИСТОРИЯ

ГЛУНИН В. И., МЕЛИКСЕТОВ А. В. Коммунистической партии Китая — 65 лет, № 3 (59)  
КУКУШКИН К. В. К 30-летию VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, № 3 (59)  
ЛАТЫШЕВ И. А. Япония накануне и в годы второй мировой войны, № 1 (57)  
МАМАЕВА Н. Л. К вопросу о политической программе Сунь Ятсена, № 1 (57)

## Борцы за народное дело

АКАТОВА Т. Н. Су Чжаочжэн — выдающийся деятель китайского рабочего движения, № 2 (58)  
ГАЛЕНОВИЧ Ю. М. Выдающийся деятель КПК и КНР Линь Бошюй, № 3 (59)  
ЛЕЩЕНКО Н. Ф. Эйтаро Норо — марксист-революционер, № 1 (57)

- ЛИНЬ ЛИ. Воспоминания об отце, № 2 (58)  
 МИРОВИЦКАЯ Р. А. Сун Цинли — видный государственный и общественный деятель Китая, № 3 (59)  
 ПОЖИЛОВ И. Е. Полководец Чжу Дэ: ранний период деятельности, № 4 (60)  
 ТИХВИНСКИЙ С. Л. Сунь Ятсен — великий китайский революционер-демократ, друг Советского Союза, № 3 (59)

#### Из истории китайского революционного движения

- ЮРЬЕВ М. Ф. Великий поход Красной армии Китая (К 50-летию со времени завершения), № 4 (60)  
 МЯСНИКОВ В. С. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина, № 1 (57)

#### Из истории отечественного востоковедения

- МЯСНИКОВ В. С. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина, № 2 (58)

#### НАУКА И КУЛЬТУРА

- БУРОВ В. Г. Пропаганда марксистской философии в Китае в 30—40-х гг., № 4 (60)

#### ФИЛОСОФИЯ

- ФЕОКТИСТОВ В. Ф. К вопросу о методологии изучения китайской философии, № 3 (59)

#### ЛИТЕРАТУРА

- БА ЦЗИНЬ, ЦЗЯН КЭЦЗЯ. Вспоминая Лао Шэ, № 3 (59)  
 СОРОКИН В. Ф. Меняющаяся действительность в зеркале литературы, КНР, № 1 (57)  
 СОРОКИН В. Ф. Меняющаяся действительность в зеркале литературы КНР, № 2 (58)  
 ФЕДОРЕНКО Н. Т. Исследование и переводы китайской литературы в СССР, № 4 (60)  
 ФЕДОРЕНКО Н. Т. Труд ученого, талант поэта, № 1 (57)

#### ИСКУССТВО

- КУЗЬМЕНКО Л. И. Труд народа-мастера, № 2 (58)

#### Страницы научных и культурных связей

- БЕЛОУСОВ С. Р. Советская Россия глазами очевидца: очерки Цзоу Таофэня, № 4 (60)  
 БОРОДИН Б. А. Воззрения деятелей русской культуры на Китай, № 3 (59)  
 МАТЯЕВ В. Я., СЯЛОВ Г. С. Взаимный интерес, широкие перспективы, № 3 (59)  
 СТЕПАНОВ Е. П. К визиту в Советский Союз делегации Академии общественных наук Китая, № 3 (59)

#### ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

- БАСОВ Б. Н. «Жэньминь жибао» об экономических преобразованиях в Китае, № 2 (58)

- БАСОВ Б. Н. Перестройка структуры управления предприятиями в Китае, № 4 (60)  
 БАСОВ Б. Н. Развитие межотраслевых «горизонтальных» связей в КНР, № 3 (59)  
 ВАСИЛЬЕВ В. А. О чем пишет монгольский журнал «Вопросы востоковедения», № 2 (58)  
 ОЛЬШАНСКИЙ И. О. Китай о развивающихся странах, № 3 (59)

#### ПУБЛИКАЦИИ

- БЕНИГНО С. АКИНО. Путешествие по России, № 3 (59)  
 Страницы истории сотрудничества железнодорожников СССР и КНР, № 2 (58)  
 ХУ ШЭН. Из истории агрессии империалистических держав в Китае, № 1 (57)

#### ОБЗОРЫ. СПРАВКИ. СООБЩЕНИЯ

- АНДРЕЕВ В. И., ОСИПОВ В. И. Дружба и сотрудничество народов СССР и КНДР, № 3 (59)  
 ГОРЕНКО С. Н., КОЛОСКОВ Б. Т. Китай и ЮВА: по страницам сборника документов, № 1 (57)  
 ЕГОРОВ К. А. К итогам сессии ВСНП, № 3 (59)  
 КОЖИН П. М. Государство и религиозные организации в Китае, № 4 (60)  
 ПЕТРОВ О. В. Советский Союз — Вьетнам: братское сотрудничество, № 1 (57)  
 ФЕДОРОВ К. Ю. Центры по изучению Советского Союза в КНР, № 2 (58)  
 ШЛЫК Н. Л. Экономические связи СССР — КНДР, № 1 (57)  
 ЯКОВЛЕВА М. А. Торгово-экономическое сотрудничество стран АСЕАН, № 1 (57)

#### НАРОДЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ

- ЩЕЛКИНА Л. В., ЩЕЛКИН А. Г. О восточной физической культуре (Некоторые аспекты мировоззрения), № 4 (60)

#### КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- АНДРЕЕВ В. И., ОСИПОВ В. И. «Нодон синмун» о Советском Союзе, № 1 (57)  
 АНДРЕЕВ В. И., ОСИПОВ В. И. Сеул в путях неокolonализма, № 4 (60)  
 АРУНОВ В. В. Подвиг советских востоковедов, № 3 (59)  
 АРУНОВ В. В. Политика США в Китае и советская дипломатия, № 4 (60)  
 БАУМАН Л. Н. НТР и социальный прогресс Вьетнама, № 1 (57)  
 ГАЛИЧЕВ И. С. Очередной выпуск «Дипломатического вестника», № 3 (59)  
 ГЕРАСИМОВА М. П. Культура современной Японии сквозь призму «Гэндэйси», № 2 (58)  
 ЕГОРОВ К. А. Проблемы политического развития стран Востока, № 2 (58)  
 ЖАРКИХ Ю. Г. Общественность Филиппин против военных баз США, № 4 (60)  
 ИМАМОВ И. М. Исследование китайского права, № 2 (58)  
 КОВАЛЕВ Е. Ф., ШУРЫГИН А. П. Новая книга о выдающемся путешественнике, № 4 (60)  
 МАКАРОВ А. А. Коридоры власти в Японии, № 2 (58)  
 МАСЛОВ П. Ю. Современный революционный процесс в странах Индокитая, № 3 (59)

- МЯСНИКОВ В. С. Энциклопедия средневековой Японии, № 4 (60)  
НАУМОВ И. Н. Китайские ученые о некоторых вопросах полиэкономии, № 2 (58)  
НИКОЛАЕВА Н. С. Панорама японского искусства, № 4 (60)  
НОВГОРОДСКАЯ Н. Ю. Из истории международных отношений на Дальнем Востоке, № 1 (57)  
ОСТРОУХОВ О. Л. Япония и страны АТР, № 4 (60)  
РАДНАЕВ В. Э. Героический эпос монгольских народов: генезис и традиции, № 3 (59)  
РЯКИН Ю. М. Крах полпотовского «эксперимента», № 4 (60)  
СЕНИН Н. Г. Исследование о видном китайском философе, № 1 (57)  
УЛЫМЖИЕВ Д. Герои Халхин-Гола бессмертны, № 1 (57)

- ЦВЕТОВ П. Ю. Полезное издание о Кампучии, № 3 (59)  
ХОМИЧУК Ю. Ю. Труд бангладешского ученого, № 2 (58)

#### НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- БУГАЕВ Ю. Е. Международная конференция японоведов социалистических стран, № 3 (59)  
Конференция в Институте востоковедения АН СССР, № 4 (60)  
Конференция по проблемам китайского языка, № 4 (60)  
На XXX Европейской конференции китасведения, № 4 (60)

#### ЮБИЛЕЯ УЧЕНОГО

- 80-летие В. Н. Рогова, № 3 (59)  
75-летие В. И. Горелова, № 3 (59)

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, 1986, № 4, 200 с.  
Технический редактор *Сологубова Т.*

---

Сдано в набор 8.10.86. Подписано в печать 20.11.86. А14409 Формат 70×108<sup>1/16</sup>.  
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 16,8.  
Уч. изд. л. 20,30 Усл. кр.-отг. 17,4. Изд. № 41990. Тираж 11 035. Заказ 2804. Цена 70 коп.  
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного  
комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной  
торговли 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

---

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический  
комбинат В/О «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР  
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли  
142300, г. Чехов Московской области

- Добровинский Б. Н.** Японская экономика. 1970—1983 гг.: Анализ эффективности. — М.: Наука, 1986. — 207 с. — 1 р. 50 к. 2 750 экз.
- Моденов С. С.** Возрождение японского милитаризма — угроза миру в Азии. — М.: Междунар. отношения, 1986. — 93 с. — 25 к. 25 000 экз.
- Психологические аспекты буддизма.** Отв. ред. В. В. Мантатов. — Новосибирск: Наука, 1986. — 157 с. — 80 к. 49 350 экз.
- Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй: Роман.** Пер. с кит.; Подгот. текста Л. Сычева. — М.: Худож. лит., 1986. 75 000 экз. Т. 1. 447 с. 2 р. 20 к.; т. 2. 495 с. 2 р. 50 к.
- Кобелев Е. В., Солнцев Н. Н.** Кампучия: Восставшая из пепла. Фотоальбом. — М.: Планета, 1986. — 191 с., ил. — (Страны мира). — 9 р. 30 к. 5 000 экз.
- Монгольская Народная Республика: Справочник.** Отв. ред. Г. С. Матвеева. — М.: Наука, 1986. — 439 с. — 2 р. 12 700 экз.
- Хонг Ха, Хо Ши Мин** в Стране Советов. Пер. с вьет. — М.: Политиздат, 1986. — 208 с. — 90 к. 44 000 экз.
- Великий Д. Г.** ЦРУ против Индии: Заговор америк. империализма. — М.: Междунар. отношения, 1986. — 112 с. — (Империализм: события, факты, документы). — 20 к. 50 000 экз.
- Возвращенная драгоценность: Китайские повести XVII в.** Сост., пер. Д. Н. Воскресенского. — М.: Наука, 1986. — 272 с. — 1 р. 40 к. 60 000 экз.
- Рао К. К.** Миражи индийского кино: Повести. Пер. с телугу. — М.: Радуга, 1986. — 128 с. — 80 к. 50 000 экз.
- Дипломатический вестник: Год 1985.** Под ред. С. Л. Тихвинского. — М.: Междунар. отношения, 1986. — 318 с. — 3 р. 10 к. 8 000 экз.
- Родство: Стихи.** Пер. с монг.; Сост. Ц. Мунх, Г. Щуров. — Донецк: Донбасс, 1986. — 111 с. — 80 к. 2 000 экз.
- Федоренко Н. Т.** Цюй Юань: истоки и проблемы творчества. — М.: Наука, 1986. — 155 с. — 55 к. 10 000 экз.
- Звегинцева И. А.** Киноискусство Индии. — М.: Знание, 1986. — 48 с. — (Искусство). — 15 к. 60 015 экз.
- Приамурье — в рабочем строю: Хабаров. край в одиннадцатой пятилетке: События, коммент., фотолетопись.** Текст А. Сузурина, Ю. Яхнина. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. — 287 с., ил. — (Навстречу XXVII съезду КПСС). — 3 р. 70 к. 8 000 экз.
- Рену П.** Заведение: Повесть. Пер. с хинди. — М.: Известия, 1986. — 153 с. — 80 к. 50 000 экз.
- В краю белых лилий: Древнетамил. поэзия.** Пер. с древнетамил., сост. А. Ибрагимова. — М.: Худож. лит., 1986. — 366 с. — 1 р. 10 к. 25 000 экз.
- Моритани М.** Современная технология и экономическое развитие Японии. Сокр. пер. с англ. — М.: Экономика, 1986. — 264 с. — 1 р. 22 000 экз.
- Монгольские источники о Даян-хане.** Пер.; Введ., вступ. ст. Г. С. Гороховой. — М.: Наука, 1986. — 135 с. — 85 к. 2 650 экз.
- Чан Вьет.** Бархатная роза: Роман. Пер. с вьет. — М.: Воениздат, 1986. — 264 с. — 1 р. 70 к. 65 000 экз.
- Гончаров С. Н.** Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун. 1127 — 1142. — М.: Наука, 1986. — 291 с. — 2 р. 10 к. 5 000 экз.
- Дипломатический словарь: В 3-х т. — 4-е изд., перераб., доп.** Гл. ред. А. А. Громыко и др. — М.: Наука, 1986. Т. 3. С — Я. 751 с. 5 р. 100 000 экз.